

Казанский (Приволжский) федеральный университет
КАЗАНСКИЙ ВЕСТНИК МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ

2018, том 2, № 4 (7)

ISSN 2587-9669

Научный журнал

Издаётся с апреля 2017 года

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
учреждение высшего образования
«Казанский (Приволжский) федеральный
университет»
ФГАОУ ВО КФУ

Адрес редакции:

420008, Россия, г. Казань, ул. Мартына Межлаука,
д. 3, каб. 117.

Тел.: (843) 221-33-21.

Email: kvmukfu@mail.ru

Сайт: <https://journal3sites.wixsite.com/kvmukfu>

Свидетельство о регистрации печатного СМИ
(журнал) ПИ № ФС 77-70309, дата регистрации
10.07.2017, территория распространения
Российская Федерация, зарубежные страны.
Подписной индекс: на оформлении.
Все права на журнал принадлежат
ФГАОУ ВО «К(П)ФУ».

Почтовый адрес редакции научного журнала
«Казанский вестник молодых ученых»:
420008, Россия, г. Казань, ул. Мартына Межлаука,
д. 3, каб. 117.

Email: kvmukfu@mail.ru

Сайт: <https://journal3sites.wixsite.com/kvmukfu>

Подписано в печать 22.06.2018.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Формат 70x108 1/16. Усл. печ. л. 17,3. Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета

в типографии Издательства Казанского университета.

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37.

Тел.: (843) 233-73-59, 233-73-28.

Редакционно-издательская группа

Ответственный секретарь

Панченко О.Л., канд. социол. наук

Научный редактор

Фахрутдинова А.В., д-р пед. наук, профессор

Оператор сайта

Каримова Л.К., канд. ист. наук

Оразов Д.М.

Ответственный за выпуск

Витоль Е.В.

Главный редактор

Мухаметзянова Ф.Г., д-р пед. наук, профессор
(г. Казань, Россия)

Шеф-редактор

Хайрутдинов Р.Р., канд. ист. наук, доцент
(г. Казань, Россия)

Председатель редакционной коллегии

Фахрутдинов Р.Р., д-р ист. наук, профессор
(г. Казань, Россия)

Редакционная коллегия

Анспока Зента, д-р пед. наук, профессор
(г. Рига, Латвия)

Бушканец Л.Е., д-р филол. наук, профессор
(г. Казань, Россия)

Власова В.К., д-р пед. наук, профессор
(г. Казань, Россия)

Гибатуллин М.З., канд. эконом. наук
(г. Казань, Россия)

Иванова Т.И., д-р ист. наук, профессор
(г. Чебоксары, Россия)

Кондратьева И.Г., канд. пед. наук, доцент
(г. Казань, Россия)

Коржова Е.Ю., д-р психол. наук, профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Краснощеченко И.П., д-р психол. наук, профессор
(г. Калуга, Россия)

Мартьянов Д.Е., д-р ист. наук, профессор
(г. Казань, Россия)

Морозов А.В., д-р пед. наук, профессор
(г. Москва, Россия)

Нуриева А.Р., канд. экон. наук, доцент
(г. Казань, Россия)

Пазухина Н., д-р искусствоведения (г. Рига, Латвия)

Сабирова Д.Р., д-р пед. наук, профессор
(г. Казань, Россия)

Сафарян А.В., д-р ист. наук, профессор
(г. Ереван, Армения)

Тахтарова С.С., д-р пед. наук, профессор
(г. Казань, Россия)

Хисамова В.Н., д-р фил. наук, профессор
(г. Казань, Россия)

Чошанов М.А., д-р пед. наук, профессор
(г. Эль-Пасо, США)

Яруллина А.Ш., канд. пед. наук, доцент
(г. Елабуга, Россия)

Распространяется бесплатно

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Теоретические и практические вопросы современной лингвистики полисемантические фразеологизмы в эпосе

Бекджаев Т.Б. «Горкут ата» («КИТАБЫ ДАДЕМ ГОРКУТ»)	6
Воробьева И.А. АББРЕВИАЦИЯ КАК СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	10
Воробьева И.А., Шпигун Я.В. СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЕОРТОНИМОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	14
Гаврилова И.А. ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ЗАГОЛОВКАХ ЮРИДИЧЕСКИХ МЕДИАТЕКСТОВ	17
Залалутдинова А. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИКИ СИНОНИМИЧНЫХ ФЕ С ОНОМАСТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	21
Кириченко Ю.С. О ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ И СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ДИАЛЕКТИЗМОВ В ТЕКСТАХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ И. ГРИГОРЬЕВА «ОБИТЕЛЬ»)	27
Мельникова О.К. К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ТЕРМИНА «ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРС»	30
Ларькина А.А. ЭЛЛИПСИС СЛУЖЕБНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	34
Лутфуллина Г.Ф. АНАЛИЗ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ИНФОРМИРОВАНИЯ КАТЕГОРИИ КОСВЕННОЙ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ СМИ	39
Петрищева Е.И. ЗООМОРФНАЯ НОМИНАЦИЯ РОДСТВЕННИКОВ В СУБСТАНДАРТНОЙ ЛЕКСИКЕ	42
Сабитова В.Е. РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ	46
Сагитова Р., Федорова Д. АНГЛИЦИЗМЫ В РОССИЙСКОЙ РЕКЛАМЕ	49
Тахтарова С.С., Исхакова И.Д. ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЕ В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)	52
Хафизова А.А. ЛЕКСИКА СПЕЦАГЕНТОВ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	56
Чернова Я.С. ОТ ТЕКСТА К МЕТАФОРЕ В ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПОЛЯ РИКЕРА	60
Шитиков П.М. РОЛЬ КОРПУСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ИЗУЧЕНИИ МЕТАФОРЫ	64

Перевод в XXI веке: вызовы эпохи и перспективы развития

Новосёлова Е.В. ПЕРЕВОД ИСПАНСКИХ КОЛОНИАЛЬНЫХ ХРОНИК XVI-XVII ВВ.: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	68
Сдобников В.В. НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ	72
Алимов В.В. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ	80
Винникова М.Н., Корнилова Е.Д., Павицкая З.И. К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ЗАЙМСТВОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ В СФЕРЕ ТУРИЗМА И ГОСТЕПРИИМСТВА	83
Гукалова Н.В. РОЛЬ РИТОРИЧЕСКОГО ВОПРОСА В СОЗДАНИИ ТЕКСТОВОЙ ЭМОТИВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА В. ВУЛФ «НА МАЯК»)	86

Кирпичникова А.А., Тарасова В.В. ЯЗЫКОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНА ДЖУЛИАНА БАРНСА «ПРЕДЧУВСТВИЕ КОНЦА»	89
Корнева Е.В. ОНОМАТОПЫ В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	94
Линючкина Е.Г. КОНЦЕПТ ЛЮБВИ В СОНЕТАХ ДЖОНА КИТСА И ИХ ПЕРЕВОДАХ	98
Простотина О.В., Скачинская И.А. СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА МЕДИЦИНСКИХ ТЕКСТОВ С АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ	105
Шустова Э.В., Назмиева Э.И., Шевлякова А.В. ПЕРЕВОДЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖ. Р. Р. ТОЛКИЕНА НА РУССКИЙ ЯЗЫК В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	108

Актуальные вопросы когнитивной лингвистики

Абдуллина Л.Р., Агеева А.В. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ПРЕЗИДЕНТА ФРАНЦИИ В ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯХ К НОВОСТНОЙ СТАТЬЕ	110
Бажанова Е.А. О НЕКОТОРЫХ ГРАНЯХ ЭСТЕТИКИ В. НАБОКОВА	113
Жаркова У.А., Кузнецова Н.Ю. ОБЪЕКТИВАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ В НЕМЕЦКОЙ МЕДИАКУЛЬТУРЕ	116
Закирова Ю.М. ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ В ПРОСТРАНСТВЕ МЕНТАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ	120
Клюева А.Н. СРЕДСТВА ИНТЕНСИФИКАЦИИ ВИЗУАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ В РАССКАЗАХ ДЖОНА АПДАЙКА	126
Латыпова Ю.А. ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ВОЛЯ/НЕВОЛЯ» В РУССКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ	130
Смоленцева М.Е., Бодров О.В. ОБРАЗ АМЕРИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПИСАТЕЛЕЙ «ПОТЕРЯННОГО ПОКОЛЕНИЯ»: Д. ДОС ПАССОС, Э. ХЕМИНГУЭЙ, Ф. СКОТТ ФИЦДЖЕРАЛЬД	135
Тухватуллина И.А. ИЗУЧЕНИЕ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ МЕТОНИМИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	139

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Сопоставительное изучение языков

Ахметова Л.А. СПЕЦИФИКА ДЕРИВАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА НОМИНАЦИИ «ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ВВЕРХ» В НЕМЕЦКОМ, РУССКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ	142
Басыров Ш.Р. МЕТАФОРИЗАЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ	146
Белова Л.А., Скоробренко И.А. ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ОТРИЦАНИЯ НА ПАДЕЖНУЮ ФОРМУ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ	152
Булатова А.М., Бакирова А.Р. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЭМОЦИИ» НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО, АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ	155
Галина А.К. ЗООНИМЫ В БАШКИРСКИХ И КАЗАХСКИХ ПОСЛОВИЦАХ	159
Денисова Е.А. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ПАРЕМИЙ С ПРОХИБИТИВНОЙ СЕМАНТИКОЙ	161
Исмагилова Г.К. РУССКИЕ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РОМАНАХ Г. ИСХАКИ «НИЩЕНКА», «МУЛЛА БАБАЙ»	166

Козлова Ю.А., Николаева О.А. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ «ПУТЕШЕСТВИЕ/ TRAVEL» В РУССКО-АНГЛИЙСКОМ МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	169
Сахибуллина К.А., Губайдуллина Р.Н. ЭКВИВАЛЕНТЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ ОРНИТОНИМОМ В АНГЛИЙСКОМ, ТАТАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....	173
Сухова Е.Ф. АРАБО-ТЮРКСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ ВЛАДИМИРА ДАЛЯ, М. ФАСМЕРА И АКАДЕМИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА 1988 ГОДА	177
Шкилёв Р. Е. ЛАКУНАРНОСТЬ В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ПРАВА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ).....	183
Юсупова Л.Г., Кузьмина О.Д. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В АНГЛИЙСКИХ И НЕМЕЦКИХ ГАЗЕТНЫХ СТАТЬЯХ.....	186

Информация для авторов

Правила оформления текста в редакторе Microsoft Word	189
Информация о программах магистратуры института международных отношений, истории и востоковедения.....	197

Address to participants of the conference

«Understanding languages across transnational spaces and scales»

It is hardly possible to overstate the gravity and magnitude of ongoing changes in the global community. Living now in a multipolar world, we are witnessing a period of political, social, cultural and even linguistic turbulence, where, on the one hand, we are open for inevitable globalization, but, on the other, we want to sustain our identity and preserve our cultural code, including but not limited to the language we speak. Needless to say that this clash of mentalities, customs and traditions, might be frightening but should be welcomed as it facilitates mutual enrichment and progress as it allows to us to look at the world from a different perspective, and the more perspectives we have the better.

We do hope that this year conference program will contribute to a successful dissemination of valuable knowledge and precious experience that will be presented and shared by our distinguished participants, experts and guests throughout two days of our, if I may say so, hard, involving and rewarding work.

The aim of the conference «Understanding languages across transnational spaces and scales» is to create an inclusive platform for initiating, reporting, discussing and promoting high quality linguistic and language educational research that not only acknowledges its own context but also recognises wider. Our conference has a comprehensive approach to theory, methods, arguments, findings and research ethics.

*Head of Higher School of Foreign Languages and Translation Studies,
Institute of International Relations, History and Oriental Studies,
Kazan Federal University,
Doctor of Education
Diana Sabirova*

УДК 811.512.164

ПОЛИСЕМАНТИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ЭПОСЕ «ГОРКУТ АТА» («КИТАБЫ ДАДЕМ ГОРКУТ»)

Т.Б. Бекджаев

***Аннотация.** В изучении истории любого языка письменная литература является очень важным источником. Исследуя историческое развитие языка, можно судить о его нынешнем состоянии. Целью данной статьи, является выявление лингвистической особенности и своеобразия смысла фразеологизмов в эпосе «Горкут ата». Эпос «Горкут ата» является важным источником в изучении туркменского языка. Этот эпос широко распространён среди тюркских народов. Эпос «Горкут ата» на протяжении пятнадцати веков передавался из уст в уста и в конечном итоге был собран в одну книгу. Это позволяет сравнить фразеологизмы из эпоса с теми фразеологизмами, которые используются в туркменском языке наши дни, также определить время появления этих фразеологических единиц. Фразеологические единицы появляются на основе сравнения в жизни отдельно взятого народа. Они создаются на источниках живой разговорной речи, народного творчества, литературного языка. И широко используя для усиления влияния мысли, становятся крылатыми.*

Для проведения научных работ фразеологические единицы были выписаны и проанализированы из книги «Горкут ата», которая была издана на основе рукописей из Национального института рукописей Академии наук Туркменистана. Были проведены сравнительные работы этих фразеологизмов с теми, которые используются в туркменском языке на сегодняшний день. Кроме этого были выявлены характерные особенности фразеологизмов в данном эпосе.

В результате анализа фразеологизмов эпоса «Горкут ата» было доказано, что фразеологические единицы туркменского языка используются с древних времён. Также в эпосе «Горкут ата» были выявлены фразеологизмы, которые уже не используются в туркменском языке. Это доказывает, что также, как и лингвистические единицы, со временем фразеологизмы тоже могут быть архаизированы и выведены из языкового оборота. Можно с уверенностью утверждать, что введение в научный оборот фразеологизмов, встречающихся в эпосах «Горкут ата», «Гёроглы», ... пролёт свет рождения и историческое развития фразеологизмов.

***Ключевые слова:** эпос «Горкут ата», фразеологизмы, многозначность, переносный смысл, фразеологизмы синонимы, народное творчество, словарный состав, лексическая единица*

Одним из основных источников при изучении истории туркменского языка является письменная литература. В отличие от устных произведений народного творчества, письменная литература способна сохранять без изменений языковую особенность того периода, в котором она была создана. И с этой точки зрения сравнение языка как туркменской классической литературы, так и ранних письменных образцов произведений народного творчества с современным туркменским языком даёт возможность выявить явления, происходящие в развитии языка. Мы ясно это видим и при изучении языковых особенностей эпоса «Горкут ата», который уже 1500 лет передавался из уст в уста среди тюркских народов, а потом были созданы его письменные образцы. Из-за того, что языковые особенности эпоса «Горкут ата» представляют собой весьма значительный объём, здесь мы привлекаем внимание только к фразеологизмам, применённым в эпосе. При развёрнутом описании истории языка значение фразеологизмов весьма велико. Поскольку, возникнув в определённый период и обладая переносным значением, фразеологические единицы продолжают сохранять свою целостность. Основное своеобразие фразеологизмов характеризуется свойственной им национальной самобытностью. Фразеологические единицы возникают в определённые периоды истории в жизни отдельно взятого народа, нации на основе схожести. Появляясь на базе живой разговорной речи, народного творчества, источников литературного языка, и передаваясь устно, они широко применяются в речи для более впечатляющей передачи мысли. При рассмотрении фразеологизмов, встречающихся в эпосе «Горкут ата» [1], мы убеждаемся, что среди них встречаются многозначные фразеологизмы.

Проблема полисемии, то есть многозначности, в достаточной мере изучена на примере отдельно взятого слова. Однако своеобразие возникновения явления полисемии в фразеологизмах начало изучаться в последние годы. В сороковых годах двадцатого века профессор А.И. Ефимов в своей статье напоминает, что фразеологизмы, в основном, имеют одно значение, но некоторые фразеологизмы могут обладать несколькими значе-

ниями [2, с. 37]. Начиная с того времени возникновение многозначности в фразеологизмах привлекало к себе внимание учёных-языковедов. А.Э. Бинович, который сравнивая изучал фразеологию русского и немецкого языков, доказал посредством соответствующих примеров, что многозначность свойственна и фразеологизмам [3, с. 35].

Изучение многозначных фразеологизмов в тюркологии началось в последние годы. Многозначность фразеологизмов наиболее полно была изучена в докторской диссертации Ш. Рахматуллаева “Некоторые вопросы узбекской фразеологии”. В результате своих исследований Ш. Рахматуллаев отмечает, что мера распространения фразеологической полисемии связана с лексической полисемией [4].

Некоторые другие авторы также пытались исследовать свойства многозначности фразеологизмов на примере тюркских языков. Из них выдвинули определённые научные результаты по изучению многозначности фразеологии тюркских языков З.Г. Ураксин [5] по башкирскому языку, Н.Р. Рагимзаде [6] по азербайджанскому языку, Ж. Османова [7] по киргизскому языку, Г. Ачилова по туркменскому языку [8].

С усилением внимания к фразеологической многозначности в тюркологии, этот вопрос привлёк внимание лингвистов и в фразеологии туркменского языка. Однако, фразеологическая полисемия пока ещё не является объектом самостоятельного исследования. В работах по туркменской фразеологии [9 ;10] проявлен определённый интерес к вопросу многозначности. При изучении “Фразеологии романа “Судьба” Хыдыра Деряева” А.Аннамаммедов рассматривает многозначность фразеологизмов, встречающихся в романе. А книга А. Аннамаммедова “Фразеологическая полисемия и фразеологические антонимы в современном туркменском языке” является специализированной работой, посвящённой фразеологической многозначности [11].

Более развёрнутое внимание многозначности фразеологизмов в туркменском языке было уделено в диссертационной работе К. Амангельдиевой [12]. Причиной этого является то, что учёная поставила перед собой вопрос лексикографической стороны фразеологизмов, а полисемия является одной из основных особенностей, на которые необходимо обратить внимание. Большое внимание исследованию многозначных фразеологизмов было уделено в работе М. Абдырахмановой. Этому вопросу автор посвятила целую часть своей диссертационной работы [13].

В эпосе “Горкут ата” многозначные фразеологизмы, хотя и редко, но встречаются. Обратимся к примерам:

Bagryň ýanmak (печень горит) – Этот фразеологизм в туркменском языке имеет значения: 1. Горевать, печалиться. 2. Беспокоиться, тревожиться. В эпосе “Горкут ата” был использован его первый смысл: *Ýandy bagrym, köýdi içim.* (Моя печень горит, моё нутро горит.) [1, с. 52].

Ýola düşmek (наступить на дорогу) – Фразеологизм в туркменском языке означает: 1. Отправление куда-либо. 2. Начало какой-либо работы. 3. Отказ кого-либо от прежних плохих привычек и склонностей, и его вступление на новый путь. В эпосе “Горкут ата” этот многозначный фразеологизм встречается в своём первом смысле: *Ýola düşdi, üç gije-gündiz ýortdy.* (Выступил в путь, три дня и ночи шёл.) [1, с. 111].

Aklyly başyndan gitmek (рассудок ушёл из головы) – Фразеологизм встречается в туркменском языке и в таких видах как “akyluny ýitirmek” (потерять разум), “akyllyndan azaşmak” (заблудиться от разума). Этот фразеологизм имеет значения: 1. Терять сознание, лишаться чувств. 2. Погрузиться в плохие мысли, совершать глупости, помешаться. 3. Быть сумасшедшим, дойти до безумства, сойти с ума. Мы видим, что в эпосе он встречается в первом смысле: *Ah tartur, akylly başyndan gitdi.* (Издав стон, он лишился чувств.) [1, с. 47].

Фразеологизмы, применяющиеся в эпосе “Горкут ата”, можно разделить на две группы: фразеологизмы, активно применяемые в современном литературном туркменском языке, и не встречающиеся в современном туркменском литературном языке в таком же виде как и в эпосе.

Такие фразеологизмы в эпосе, как *dil düwüşmek* – сговориться, *gany gaýnamak* (кровь закипает), *şehit bolmak* (стать мучеником), *päli azmak* – аморальный, *bagry ýanmak* (печень горит), *göz degmek* – слазить, *at gazanmak* – стать заслуженным, *aýak çekmek* – остановиться, *göwünlük bermek* – утешать, *ýeňse bermek* – бежать, *gan aglamak* – горько плакать, *heläk bolmak* – умереть, *ýola düşmek* (наступать на дорогу), *rehim etmek* – пожалеть, *melul bolmak* – задремать, *geňeş etmek* – совещаться, *başyňy çagamak* – справляться самому, активно применяются в современном литературном туркменском языке.

Смысл, выражаемый фразеологизмами *howala etmek* – нападать, направиться, *ojagyny söndürmek* – уничтожить дом и семью, *dünýä ýüzüne gelmek* – родиться, *gan gagsamak* – пугаться, испытать гнёт, *öýkeni gabarmak* – взять себя в руки, быть готовым, *içine ot düşmek* – быть беспокойным, растерянным, *ýüregi oýnamak* – гневаться, сердиться, *ardyndan ýetmek* – догнать, *ýüklü goýmak* – быть беременной, *teslim bolmak* – быть подчинённым, зависимым, *ýüregi gormak* – гневаться, сердиться, хотя и выражается в современном литературном туркменском языке посредством других фразеологизмов, они не встречаются в литературном языке в вышеуказанном виде.

Следовательно, в словарном составе языка изменения, происходящие в отношении лексических единиц – слов, относятся и к фразеологизмам. Устаревание слов, то есть их превращение в архаизмы, свойственно и фразеологизмам. Изучение языковых особенностей старинных образцов нашей литературы будет содействовать выявлению фразеологизмов, применявшихся в определённые исторические периоды, их новому введению в оборот.

Литература

1. Китабы дадем Горкут. / сост.: А. Аширов. – Ашгабат: ТМГИ, 1999. – 246 с.
2. Ефимов А.И. Фразеологическое новаторство Салтыкова-Щедрина/ А.И. Ефимов // Журнал “Русский язык в школе”. – 1940. №1. – С. 34–38.
3. Бинович Л.Э. О многозначности идиом/ Л. Э. Бинович // Журнал “Иностранный язык в школе”. – 1952. – №5. – С.45-54.
4. Рахматуллаев Ш. Некоторые вопросы узбекской фразеологии: автореф. дис. докт. фил. наук/ Ш. Рахматуллаев. – Ташкент, 1966. – 106 с.
5. Ураксин З. Г. Фразеологическая синонимия в современном башкирском языке: автореф. дис. канд. фил. наук / З. Г. Ураксин. – Уфа, 1996. – 24 с.
6. Рагимзаде Н.Р. Идеоматические выражения в азербайджанском языке: автореф. дис. канд. фил. наук / Н.Р. Рагимзаде. – Баку, 1967. – 30 с.
7. Османова Ж. Идеомы в киргизском языке: автореф. дис. канд. фил. наук. / Ж. Османова. – Фрунзе, 1969. – 32 с.
8. Ачыллова Г. Хазирки заман туркмен дилинде дурнуклы соз дузумлери/ Г. Ачыллова. – Ашгабат: Ылым, 1977. – 185 с.
9. Бекжаев Т. Фразеологизмлерде копманылылык хадисасы./ Т. Бекжаев // Журнал “Бейик Галкыныш ейямынын батлы гадамлары.” – 2009. №2. –С. 407- 414.
10. Бекжаев Т. Дузуми профессиональ лексикалы фразеологизмлерде полисемия/ Т. Бекжаев. //Макалалар йыгындысы. – Ашгабат: Ылым, 1995. –С. 88-89 .
11. Аннамамедов А. Хазирки заман туркмен дилинде фразеологик полисемия ве фразеологик антонимлер / А. Аннамамедов. –Ашгабат: ТДУ, 1989. – 135 с.
12. Амангельдыева К. Принципы подачи фразеологических единиц в “Туркменско-русском словаре”: автореф. дис. канд. фил. наук / К. Амангельдыева. – Ашхабад, 1971. – 28 с.
13. Абдырахманова М. Устойчивые словосочетания с числительными в туркменском языке: дис. канд. фил. наук/ М. Абдырахманова. – Ашхабад, 1971. –153 с.

Сведения об авторе

Бекджаев Тагандурды Бекджаевич, Председатель центра «Язык и литература», старший преподаватель Туркменского государственного университета им. Магтымгулы, e-mail: uaron70@rambler.ru

POLYSEMANTIC PHRASEOLOGICAL UNITS IN “GORKUT ATA”
 (“KITABY DADEM GORKUT”) EPIC

T. Bekdzayev

Abstract. Literature is one of the most important sources for studying the history of any language. By studying the history of a language, it is possible to evaluate its present state. The objective of this article is to evaluate and study phraseological units of the epic poem “Gorkut ata” which plays a great role in studying the history of the Turkmen language and is of great importance for all the Turkic nations. This epic poem has been passed on from tongue to tongue for fifteen centuries and has turned into a classic literary work. The study of the phraseological units of this epic poem gives us the opportunity to compare them to modern phraseological units and to figure out whether they are being used currently or not.

During this research, the phraseological units were taken from the handwritten copy of the epic poem of “Gorkut ata” which is at the Institute of national manuscripts of the Academy of sciences of Turkmenistan. They were researched for their meaningfulness and synonymy. Besides that, many peculiarities of synonymic phraseological units had been reviewed in this research. This way, many phraseological units not having been used in modern Turkmen have been attributed to archaisms.

The authenticity and originality of many modern Turkmen phraseological units was proved through the study of this epic poem. It being a normal occurrence in a language, many of the phraseological units used in the epic are now considered archaisms. This way, it was proved that phraseological units can get old just like any other lexical entities.

Key words: Epic poem “Gorkut ata”, phraseological units, expressiveness, figurative sense, synonymic phraseological units, folklore, lexicon, lexical entity

Data about the author

Bekdzayev T., The chair of “Language and Literature” centre, Senior teacher the Turkmen language department, Magtymguly Turkmen state university, e-mail: yapon70@rambler.ru

УДК 811.111

АББРЕВИАЦИЯ КАК СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

И.А. Воробьева

Аннотация. Аббревиация как один из самых продуктивных способов словообразования играет важную роль в современном английском языке. В статье рассматривается аббревиация как лингвистическое явление. Рассмотрен процесс аббревиации как один из способов словообразования и его взаимодействие с другими словообразовательными способами. Описан процесс развития аббревиатурных моделей. Актуальность исследования определяется тем, что аббревиация, как способ словообразования позволяет сокращать речевой поток слов, делать лексические единицы более компактными.

Ключевые слова: процесс аббревиации, словообразование, аббревиатура, сокращённые слова, неологизм

Современное состояние языков характеризуется процессами глобализации, которые привели к появлению особого рода наименований объектов, концептов и понятий совместно с повышенными требованиями к речевой экономии, в результате чего возник огромный пласт сокращённой лексики. Интерес к специфике создания аббревиатурных номинаций в разных языках и к особенностям их употребления в различных типах и жанрах речи обусловлен тем, что аббревиация оказывается одним из словообразовательных способов, отвечающим прагматическим установкам современности.

Под термином «аббревиация» в современной отечественной лингвистике имеется в виду процесс, «способ создания номинаций для тех понятий и реалий, которые были первоначально обозначены описательно, с помощью атрибутивных словосочетаний», а «аббревиатура» – результат этого процесса [1, с. 107].

Аббревиация выдвигает немало проблем с точки зрения теории словообразования. До сих пор дискутируется вопрос о том, насколько правомерно считать аббревиацию одним из способов словообразования. Полного единства в этом вопросе не существует, однако большинство исследователей признаёт аббревиацию одним из способов словообразования, но при этом делаются существенные оговорки.

Для обозначения процесса образования новых словарных единиц с использованием приёма аббревиации в лингвистике часто применяют термин «словотворчество» (word-manufacturing). Как справедливо отмечает Д. И. Алексеев, «аббревиатурный способ словообразования — самый субъективный, самый искусственный среди всех способов, известных языку. С этим связаны многочисленные особенности аббревиации: пробы и ошибки при создании названий, вариативность и окказиональность, интенсивность диахронических изменений, подверженность регламентации, слабая национальная закреплённость и свободная проницаемость и т. д., и т. п.» [1, с. 72].

Уже сам факт тесного взаимодействия аббревиации с другими словообразовательными способами в достаточной мере свидетельствует о том, что она входит в словообразовательную систему. Существуют также различные точки зрения на место аббревиации в системе словообразовательных способов. Некоторые исследователи полагают, что аббревиацию следует рассматривать как разновидность словосложения (основосложения). Однако, на наш взгляд, правы те исследователи, которые считают аббревиацию особым, отдельным способом словообразования, с помощью которого создаются новые слова особой структуры.

Аббревиация активно взаимодействует с другими способами словообразования. В-первых, от аббревиатур могут образовываться новые слова с помощью традиционных способов словообразования:

а) словопроизводства: AWOL (absent without official leave) – AWOLism «самовольные отлучки»; RAF (Royal Air Force) – Rafer «военнослужащий английских военно-воздушных сил»; RAND (Research and Development Corporation) – RANDster «сотрудник корпорации РЭНД» и др.

Необходимо отметить, что возможны морфологически осложнённые случаи: UNESCO (United Nations Educational Scientific and Cultural Organization) – Unescan «относящийся к ЮНЕСКО»; AFCEA (Armed Forces Communications and Electronics Association) – AFCEANS «члены Ассоциации связи и электроники вооруженных сил и др.;

б) словосложения: STOL (short take-off and landing) + port – STOLport «аэродром для самолетов с коротким взлетом и посадкой»; USAF (United States Air Force) + man – USAFman «военнослужащий военно-воздушных сил США»; MATS (military Air Transport Service) + man – MATSman «военнослужащий военной авиационной транспортной службы» и др.;

в) конверсии: RAF (Royal Air Force) – to raff «подвергать атаке с воздуха»; PX (Post Exchange) – to PX «покупать что-либо в магазине военно-торговой службы»; BOAC (British Overseas Airways Corporation) – to boace «летать или перевозить на самолетах Британской заморской авиакомпании»; IFR (Instrument Flight Rules) – to fly IFR «летать по приборам» и др. [2, с. 155-156].

Во-вторых, аббревиация может сочетаться с другим способом словообразования. С помощью одновременного действия аббревиации и суффиксации образованы, например, слова: blackie (blacksmith - black-ie) – «кузнец», brickie (bricklayer>brick-fie) – «каменщик», postie (postman>po'st+ie) – «почтальон» и др. Аббревиация создаёт в этих случаях особые аббревиатурные морфемы (-black-, -brick-, -post-), лишь формально совпадающие с уже существовавшими в английском языке корневыми морфемами -black-, -brick-, -post-.

Взаимодействие аббревиации и словосложения привело к созданию в современном английском языке нового структурного типа частично сокращённых слов: M-day (mobilization day) – день начала мобилизации. Аббревиация в таких случаях не всегда сводится к замене первого компонента инициальной буквой: ср., например, H-bomb (hydrogen bomb), но H-bomber и H-test (не "hydrogen bomber" (водородный бомбардировщик) и не "hydrogen- test" (водородное испытание), а bomber armed with hydrogen bombs (бомбардировщик, вооружённый водородными бомбами) и test of thermonuclear weapons (испытание термоядерного оружия)).

В-третьих, аббревиация может участвовать в дальнейшем развитии других способов словообразования. Если традиционным способом образования суффикса является постепенное, эволюционное превращение корневой морфемы в деривационную, то, начиная с XIX столетия, всё чаще встречаются случаи, когда в роли суффикса выступает усечённая часть слова. Такое явление отметил Г. Марчанд, который отмечал, что особыми случаями словотворчества являются суффиксы -ol и -yl в химической терминологии. Суффикс -ol представляет собой последний элемент (alcohol или phenol), иногда он стоит вместо латинского ol(eum) – «масло», суффикс -yl представляет древнегреческое hyle – «вещество», «субстанция». Эта специально созданная (manufactured) морфема образует названия радикалов, например, carbonyl, salicyl, sulphuril и др. [3].

В настоящее время использование усечённых частей слов в качестве суффиксов широко распространено не только в специальной терминологии (ср. -onics от electronics в словах astronics, avionics, bionics, environics, nucleonics, thermionics и др.), но и в общепотребительной лексике (ср. -rama от panorama в словах cyclorama, cinerama, colorama, vistarama или -burger от hamburger в словах cheeseburger, deerburger, buffaloburger).

Необходимо отметить, что подобные образования, зачастую окказиональные, создаются в большом количестве в течение определённого промежутка времени по популярной в этот период модели; однако лишь небольшая часть из них входит в общее употребление и остаётся в языке.

В одной из работ, посвященных неологизмам в современном английском языке, отмечается тенденция выделения части некоторых слов и превращения их в отдельную словообразующую морфему, которая затем широко используется для создания новых

слов. Так, например, от слова *marathon* был отсечен элемент *-thon* и на него как бы перенесена часть значения слова *marathon*, а именно: понятие выносливости, длительности, сопротивляемости. Другими примерами использования данного приёма являются слова *talkathon*, *walkathon*, *meltathon*, *smearathon*, *readathon*, *speechathon*, *telethon*, *moviethon* и др. [4, с. 6].

Остановимся на вопросе о развитии аббревиатурных моделей. Следует признать, что в первый период своего массового появления в английском языке (в первые десятилетия XX века) инициальные аббревиатуры, часто возникавшие на базе графических сокращений, не обладали определённой структурой и были, так сказать, образованиями индивидуального строения. Во многих случаях, по-видимому, не существовало чёткой границы между графическими и лексическими сокращениями, что значительно затрудняло использование последних в качестве единиц коммуникации и в известной мере препятствовало становлению аббревиации как способа словообразования. Типичные аббревиатуры того времени, например *L.C.B* – *Liquor Control Board* «совет по контролю за спиртными напитками», *M.R.* – *Ministry of Reconstruction* «министерство реконструкции», *O.S.C* – *Overseas Settlement Committee* «комитет по делам заморских поселений» и др, обладали существенными недостатками: их произнесение не соответствовало нормам произнесения обычных слов, они не обладали какой-либо типичностью структуры, в их образовании не обнаруживалось системности, за исключением сохранения порядка следования начальных букв слов исходного словосочетания.

Таким образом, этот нарождавшийся тип слов наталкивался на внутреннее, интуитивное сопротивление носителей языка. Несомненно, что всё это оказало влияние на лингвистическое осмысление аббревиатур как фактов языка. Новые лексические образования начинают испытывать нивелирующее влияние системы языка. Сознательно вырабатываются правила составления сложных сокращенных образований из стандартных сокращенных компонентов, «блоков». Наиболее удачные инициальные аббревиатуры начинают использоваться как «образцы для подражания», что также способствует типизации аббревиатур. Важнейшее значение для развития аббревиации имело открытие и широкое использование принципа коррелятивной аббревиации, существовавшего бурному развитию акронимов – инициальных аббревиатур, имеющих фонетическую структуру обычных слов.

Необходимо отметить, что в акронимах по-особому стоит проблема производящей единицы. В словообразовании принято считать, что в качестве производящей единицы выступает некоторая реально существующая единица коммуникации (ср. имя существительное *teacher* образуется от основы глагола *to teach* путём прибавления суффикса *-er*). В акронимах же в качестве коррелята могут выступать и сочетания, не служащие сами единицами коммуникации, а являющиеся, так сказать, «мнимыми величинами». В акронимии центр тяжести перемещается на формулу производного, на структурно-семантическую модель, которая, впрочем, также является единицей языка, как и «строительный материал», из которого создается акроним [5, с. 164-168].

Таким образом, объективные факты языка показывают, что аббревиация, безусловно, входит в систему словообразовательных средств. А входя в систему словообразования, она, с одной стороны, не может не подвергаться действию устойчивых, сложившихся элементов этой системы, а с другой стороны, не может не оказывать на них своего влияния.

Литература

1. Алексеев Д. И. Сокращенные слова в русском языке / Д.И. Алексеев. – Саратов: СГУ, 1979. – 328 с.
2. Могилевский Р. И. Аббревиация как языковое явление: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Р.И. Могилевский. – Тбилиси, 1966. – 32 с.
3. Marchand H. The Categories and Types of Present-day English Word-Formation. A Synchronic-Diachronic Approach // *Alabama Linguistic and Philological Series*. Alabama: University of Alabama Press, 1966. Vol. 13. – 379 p.
4. Хахам Л.А. Основные типы новообразования в современном английском языке и способы их перевода на русский язык: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Л.А. Хахам – М., 1967. – 16 с.

5. Борисов В. В. Аббревиация и акронимия. Военные и научные технические сокращения в иностранных языках / В.В. Борисов. – М.: Военное изд-во МО СССР, 1972. – 320 с.

Сведения об авторе

Воробьева И.А., кандидат психологических наук, доцент Хабаровского государственного университета экономики и права, e-mail: VIA_76@mail.ru

ABBREVIATION AS MEANS OF WORD FORMATION IN MODERN ENGLISH LANGUAGE

I.A. Vorobeva

Abstract. Abbreviation as one the most productive ways of word formation plays a vital role in modern English language. The article studies abbreviation as a linguistic phenomenon. The process of abbreviation as one of the ways of word formation and its interaction with other word building methods is considered. The process of development of abbreviation models is described. This problem is important today because abbreviation as the way of word formation helps to reduce the speech flow of words, to make lexical units more compact.

Key words: abbreviation process, word formation, abbreviation, contracted words, neologism

Data about the author

Vorobeva I., PhD, Assistant professor, Khabarovsk State University of Economics and Law, e-mail: VIA_76@mail.ru

УДК 811.111

СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЕОРТОНИМОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

И.А. Воробьёва, Я.В. Шпигун

Аннотация. В статье рассмотрены структурные характеристики геортонимов английского языка. Были выявлены две группы геортонимов: геортонимы-слова и геортонимы-словосочетания. В свою очередь, геортонимы-словосочетания репрезентированы словосочетаниями 6 различных типов. Большая часть геортонимов образована от аппеллятивов, имён существительных, указывающих на видовой компонент. Наиболее часто используемый денотат, присутствующий в структуре как двухкомпонентных, так и многокомпонентных английских геортонимов – «day».

Ключевые слова: ономастика, имена собственные, геортонимы, структурный анализ, структурные характеристики

Последние десятилетия XX столетия отмечаются повышенным вниманием к наиболее значимым языковым средствам – именам собственным. Их природа вызывает большой интерес в теоретической лингвистике, хотя и неоднозначно понимается различными исследователями.

В течение последних десятилетий ономастика обогатилась исследованиями, посвященными изучению основных разрядов онимов и их состава [2; 3], были описаны процессы ономастической деривации, онимизации, трансонимизации и аппеллятивизации в русской ономастике [1], выявлена роль имён собственных в текстообразовании и коммуникации [4], сложилась ономастическая терминология. В работах В.И. Супруна представлена полевая модель комплексного описания ономастического пространства современного русского языка [7].

Современная культурная жизнь развитых стран характеризуется проведением большого количества различных шоу, презентаций, фестивалей, форумов и других подобных мероприятий. Важным фактором, влияющим на успех торжественных мероприятий, является имя, данное ему организаторами. Геортоним (от греч. праздник) – вид идеонима – собственное имя любого праздника, памятной даты, торжества, фестиваля [5, с. 48].

Целью исследования является выявление структурных особенностей геортонимов английского языка, что имеет важную теоретическую и практическую значимость, поскольку это позволяет перейти от изучения геортонимов как явления случайного к их систематизированному изучению, как закономерного явления.

Актуальность исследования определяется, во-первых, тем, что развитие ономастики требует дальнейшей разработки теоретических проблем, касающихся классификации имен собственных, их происхождения, выбора и особенности использования их в речи; во-вторых, актуальность данной работы обуславливается, с одной стороны, постоянным ростом числа мероприятий, нуждающихся в номинации, а с другой стороны, в современной лингвистике пока еще не нашли должного освещения вопросы разграничения смежных разрядов ономастической лексики, к числу которых относятся и геортонимы.

Материалом исследования послужили около 200 англоязычных геортонимов, полученных в результате сплошной выборки из текстов интернет-ресурса UNESCO.

Результаты исследования. В ходе практического исследования на основе приёма структурного анализа, описанного А.В. Суперанской [6, с. 193], геортонимы английского языка были разделены на две группы: геортонимы-слова и геортонимы-словосочетания. Было выявлено, что в свою очередь, геортонимы-словосочетания репрезентированы словосочетаниями различных типов:

1) имя существительное + имя существительное (28%)

Данная группа является наиболее многочисленной и представлена геортонимами, в которых опорное слово «Day», «Conference», следуемое за номинантом, вынесено

в постпозицию: Poetry Day (День поэзии), Tourism Day (День туризма), Migrants Day (День мигранта), International Conference (Международная конференция) и др.

2) атрибутивное словосочетание с именем числительным (23%)

Эта группа геортонимов была разделена на 2 подгруппы:

а) порядковое имя числительное + имя существительное: 28th meeting of the Bureau of the Intergovernmental Council for the Information for All Programme (28-е заседание Президиума Межправительственного совета программы «Информация для всех»), 11th Meeting of the Scientific Board of the International Basic Sciences Programme of UNESCO (11-е заседание Научного совета Международной программы ЮНЕСКО по фундаментальным наукам), Second Conference on the Protection of Cultural Heritage in the Middle East (Вторая конференция по охране культурного наследия на Ближнем Востоке) и др.

б) атрибутивное словосочетание, имеющее в своем составе год: Global Media and Information Literacy Week 2018 (Всемирная неделя медиа и информационной грамотности 2018 года), Award Ceremony of the UNESCO International Literacy Prizes 2018 (Церемония награждения лауреатов Международных премий в области грамотности 2018 года) и др.

3) геортонимы-словосочетания, в состав которых входят аббревиатуры (20%): Tourism and Information Technologies at UNESCO World Heritage sites (Туризм и информационные технологии в объектах Всемирного наследия ЮНЕСКО), Press conference on UK-funded MIL project results and achievements (Пресс-конференция о результатах и достижениях проекта «Миллениум», финансируемых Великобританией), IDAHOT – International Day Against Homophobia and Transphobia (Международный день борьбы с гомофобией, трансфобией и бифобией) и др.

Исследователи отмечают, что в основе создания компактных названий аббревиационного типа лежит прагматическая потребность рационализировать материальную оболочку путём редукции формы, вытекающая из необходимости заменить неудобную, громоздкую или многокомпонентную единицу компактным дублирующим наименованием.

4) имя прилагательное + имя существительное + имя существительное (12%)

В результате исследования было выявлено, что первый компонент данной группы представлен такими именами прилагательными как «International», «Human», «Religious». В качестве опорных слов используются имена существительные «day», «week», «year», «seminar»: Human Rights Day (День прав человека), English language Day (День английского языка), International Literacy Day (Международный день грамотности), International Jazz Day (Международный день джаза), Religious Leaders Seminar (Семинар религиозных лидеров) и др.

5) имя прилагательное + имя существительное + предлог + (имя прилагательное) + имя существительное (9 %)

Было выявлено, что в подобных геортонимах-словосочетаниях обычно используются предлоги «for», «on» «of». Передача атрибутивных словосочетаний, в которых предусмотрено значение цели, осуществляется в английском языке в виде конструкций с предлогом «for» или «on». В качестве первого компонента чаще всего используется имя прилагательное «International». Второй компонент обычно представлен именем существительным «Day», «Conference». В качестве имени существительного, которое занимает положение после предлога, выступают такие слова как «diversity», «education», «tolerance» и др.: International Day of Light (Международный день света), Global Day of Parents (Всемирный день родителей), International Day of Families (Международный день семей), International Day of Peace (Международный день мира), International Day for Biological Diversity (Международный день биологического разнообразия), International Day for Tolerance (Международный день терпимости), Round Table on Arabic Language and the New Technologies (Круглый стол по арабскому языку и новым технологиям), International Conference on Education (Международная конференция по образованию) и др.

б) имя существительное в притяжательном падеже + имя существительное (4 %).

Данный тип атрибутивных словосочетаний репрезентирован в английском языке посредством притяжательного падежа, который образуется с помощью знака апострофа и буквы s или просто знака апострофа. Второй способ применяется для существительных во множественном числе: Universal Children's Day (Всемирный день ребенка), World Teachers' Day (Всемирный день учителя), International Women's Day (Международный женский день) и др.

Геортонимы-слова представляют собой немногочисленную группу (4%) и обозначают национальные праздники: Nowruz (Навруз), Habitat (Хабитат) и др. Было выявлено, что основными способами словообразования, которые используются в процессе номинации геортонимов-слов в английском языке, являются суффиксальный, и сложение основ (чистое и в сочетании с суффиксацией):

1) Суффиксальный: Christmas – Christ + mass, Candlemas – Candle + mass; Michaelmas – Michael + mass; Childermas – Child + mass и др.

2) Сложение основ: Thanksgiving – thanks (n.) + giving; Whitsunday – white + Sunday; Pancake Day – pan (n.) + cake и др.

Таким образом, нами были изучены структурные классификации геортонимов английского языка, и определены следующие результаты: наиболее распространенными являются геортонимы-словосочетания, менее распространенные – геортонимы-слова, образованные в результате сложения основ или суффиксальным способом. Большая часть геортонимов образована от аппеллятивов, существительных, указывающих на видовой компонент. Наиболее часто используемый денотат, присутствующий в структуре как двухкомпонентных, так и многокомпонентных английских геортонимов – «day». Геортоним – это информационная ячейка в виде слова или словосочетания, которая содержит в себе связь названия с культурным и историческим значением события и существует для закрепления событий в памяти народа.

Литература

1. Горбаневский М.В. В мире имён и названий. / М.В. Горбаневский – М.: Знание, 1987. – 208 с.
2. Карпенко Ю.А. Общие вопросы ономастики. / Ю.А. Карпенко – Киев: УМКВО, 1988. – 103 с.
3. Крюкова И.В. Пограничные разряды ономастики в современном русском языке: автореф. дис. кандидата фил. наук: 10.02.01 / И. В. Крюкова. – Волгоград, 1993. – 21 с.
4. Михайлов В.Н. Лингвистический анализ ономастической лексики в русской речи / В.Н. Михайлов – Симферополь: Изд-во Симф.унив., 1986. – 280 с.
5. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. Перераб. и доп. / Н.В. Подольская – М.: Наука, 1988. – 187 с.
6. Суперанская А. В. Общая теория имени / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 366 с.
7. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. / В.И. Супрун – Волгоград: Перемена, 2000.

Сведения об авторах

Воробьева И.А., кандидат психологических наук, доцент Тихоокеанского государственного университета, e-mail: VIA_76@mail.ru; Шпигун Я., Студентка 4 курса направления «Лингвистика» Тихоокеанского государственного университета, e-mail: yana6v@mail.ru

STRUCTURAL CHARACTERISTICS GEORTONIMOV OF ENGLISH

I. A. Vorobeva, Y. V. Shpigun

Abstract. The article describes the structural characteristics of geortonyms in the English language. Two groups of geortonyms were identified: geortonyms-words and geortonyms word-combinations. Geortonyms word-combinations are represented by 6 different types of word-combinations. Most geortonyms are formed from appellatives, nouns pointing to the aspectual component. The most common denotation used in the structure of both two-component and multi-component English geortonyms is "day".

Keywords: onomastics, proper names, geortonyms, structural analysis, structural characteristics

Data about the authors

Vorobeva I., PhD, Assistant professor, Pacific National University, Khabarovsk, e-mail: VIA_76@mail.ru; Shpigun Ya., 4th year student, Linguistics, Pacific National University, Khabarovsk, e-mail: yana6v@mail.ru

УДК 811.161.1: 316.774

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ЗАГОЛОВКАХ ЮРИДИЧЕСКИХ МЕДИАТЕКСТОВ

И.А. Гаврилова

Аннотация. В статье на материале информационно-аналитического издания Фонда развития правовой культуры «Право каждого» анализируются особенности функционирования прецедентных феноменов в заголовках юридических медиатекстов. Выделены и проиллюстрированы основные концептуальные сферы-источники прецедентных единиц. Особое внимание автор уделяет прагматике использования трансформированных и нетрансформированных прецедентных феноменов. Сделан вывод о том, что интертекстуальность как специфическая стратегия построения заголовков в правовой периодике обеспечивает коммуникативно-прагматическую и психологическую открытость юридических медиатекстов для непрофессиональных адресатов.

Ключевые слова: прецедентные феномены, заголовок, юридический медиатекст, сферы-источники, прагматика, экспрессия

В настоящее время в медиалингвистике не угасает интерес к изучению прецедентности и цитатности. Это обусловлено активным функционированием прецедентных текстов в рамках различных типов коммуникаций, в том числе и в печатных СМИ, ориентированных на правовое просвещение граждан. Выявление закономерностей использования прецедентных феноменов для создания газетных заголовков представляется актуальным, поскольку «тексты массовой информации, или медиатексты, являются одной из самых распространенных форм современного бытования языка» [1, с. 7].

Давая определение понятию «медиатекст», Я.Н. Засурский называет его «новым коммуникационным продуктом», который может быть включён в разные медийные структуры вербального, визуального, звучащего, мультимедийного планов, а также в разные медийные обстоятельства: газеты, журналы, радио, телевидение и т.д. [2, с. 6]. Таким образом, традиционный текст значительно расширяет свои границы внутри массмедийного пространства, выходя за рамки вербального уровня и становясь «последовательностью знаков различных семиотических систем – языковых, графических, звуковых, визуальных, специфика сочетания которых обусловлена конкретным каналом массовой информации» [1, с. 154], что свидетельствует о мультимодальности медиатекста.

Под юридическими медиатекстами в данном исследовании понимаются тексты, образованные на стыке юридического дискурса и дискурса другого типа (публицистического, обиходно-бытового или художественного), отвечающие критериям концептуальной общности и опосредованные средствами массовой информации. Пересечение права и медиа, направленное на интегрирование буквы закона в повседневную действительность, порождает произведения с уникальной комбинацией языковых особенностей юридического, публицистического и художественного дискурсов.

Центральными коммуникативными программами юридических медиатекстов являются информационная (построение правовой картины мира), оценочная (понимание, осознание закона) и прагматическая (побуждение к законопослушному поведению). В реализации этих программ особая роль принадлежит заголовкам, находящимся в сильной позиции текста. И.С. Стам, описывая соотношение логического и эмоционального в газетном заголовке, подчеркивает: «В обыденном сознании читателя заголовки выступают как сигнал, вызывающий определенную реакцию, прежде всего: “читать или не читать”» [3, с. 25].

Одним из способов привлечения непрофессиональной аудитории к чтению статей на актуальные юридические темы, снятия когнитивных и терминологических преград к пониманию юридического дискурса является включение в заголовки правовых медиатекстов прецедентных феноменов, которые традиционно определяют как:

1) «хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества («имеющие сверхличностный характер»);

2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане;

3) обращение (апелляция), к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества» [4, с. 170].

Ограничив исследовательскую базу материалами информационно-аналитического издания Фонда развития правовой культуры Федеральной нотариальной палаты «Право каждого» [5], обозначим приоритетные сферы-источники прецедентных феноменов, которые могут быть использованы в заголовках юридических медиатекстов:

1) произведения художественной литературы, например,

«Быть или не быть нотариусу? Вот в чем вопрос» (Право каждого. 2014. № 6). Оригинал: To be, or not to be: that is the question / Быть или не быть, вот в чем вопрос – начало известного солилоквиа из пьесы «Гамлет» У. Шекспира, Акт III Сцена I;

2) мифы, например,

«Совершеннолетие “Фемиды”» (Право каждого. 2014. № 2). Оригинал: Фемида – в древнегреческой мифологии богиня правосудия; в пантеоне божеств титанида, дочь Урана и Геи; жена Зевса;

3) музыкальные произведения, например,

«“Это все, что останется после меня”»: непридуманные истории о том, зачем нужны завещания, а также о том, почему о будущем стоит подумать уже сегодня» (Право каждого. 2017. № 1). Оригинал: «Это все, что останется после меня» – одна из наиболее известных песен в творчестве ДДТ, написанная Ю. Шевчуком (1994 г.) и традиционно закрывающая концерты этой российской рок-группы;

4) кинофильмы и телепередачи, например,

«Рука без бриллиантов. Конституционный суд возьмется за чужое наследство» (Право каждого. 2013. № 5). Оригинал: «Бриллиантовая рука» – комедийный кинороман о жизни контрабандистов Л. Гайдая (1968 г.);

5) прямые цитаты (воспроизведенные фрагменты чужого текста с указанием автора и наличием графических маркеров: кавычек, курсива и т.д.), например,

«Роман Безвенко: “Информация о залогах движимого имущества стала открытой – смысл спорить пропадает”» (Право каждого. 2014. № 4);

6) афоризмы, крылатые выражения, например,

«Любое знание – это сила. Правовые знания – особенно!» (Право каждого. 2014. № 3). Оригинал: Знание – сила – девиз философии Ф. Бэкона;

7) пословицы, поговорки, например,

«Бесплатная приватизация жилья: кто не успел, тот ... выиграл?» (Право каждого. 2013. № 2). Оригинал: Кто не успел – тот опоздал! – поговорка, один из малых жанров фольклора;

8) фразеологизмы, например,

«Отпуск с “изюминкой”. Конституционный суд раздвинул границы правосудия» (Право каждого. 2012. № 6);

9) слоганы, лозунги, например,

«Жаркие. Зимние. Мои» (Право каждого. 2014. № 2). Оригинал: Жаркие. Зимние. Твои – Слоган XXII зимних Олимпийских игр в Сочи.

Структурно-языковой и функционально-прагматический анализы заголовков юридических медиатекстов выявили употребление как нетрансформированных, так и трансформированных прецедентных феноменов с определенным набором свойственных им функций.

Выносимые в заголовок в «чистом виде» безо всяких авторских преобразований прецедентные единицы выступают средством экспрессии и установления контакта через актуализацию так называемых «вечных образов» с неповторимым шлейфом устойчивых ассоциаций и личностных смыслов. «Само введение чужеродного элемента обладает особой прагматикой: интертекстуальный знак воспринимается как средство экспрессии с коннотацией новизны» [6, с. 15], например,

«“Хочу все знать”»: Как защитить свои персональные данные от неуместного любопытства граждан и организаций» (Право каждого. 2015. № 7). Оригинал: «Хочу всё знать» – советский ежемесячный детский научно-популярный киножурнал, рассказывающий о загадках вселенной и выдающихся открытиях. В основе обращения к прецедентному феномену лежит стремление автора к достижению суггестивного эффекта: эмоциональный посыл прецедентной единицы, открывающей заголовок, (любопытство, увлеченность, интерес, желание узнать) усиливает потенциально значимые для реципиента компоненты информации второго предложения: ознакомление и выработка правильной стратегии поведения при нарушениях Федерального закона «О персональных данных».

Использование прямых цитат со ссылками на компетентных специалистов в заголовках правовых медиатекстов обусловлено в первую очередь ценностно-ориентировочными и информационными целями, например,

«Татьяна Силина: Сильный нотариат – стабильное правовое поле страны» (Право каждого. 2015. № 7). Такой прецедентный феномен, акцентированный крупным шрифтом в заголовке и поддержанный авторитетом известного автора, определяет систему приоритетов, которые должны регулировать правовое и социальное поведение читателей издания как представителей национально-культурного сообщества.

Трансформированные прецедентные единицы в заголовках правовой периодики участвуют в формировании эмоционального воздействия газетного произведения: «Любое изменение структуры прецедентного текста прагматически маркировано» [6, с. 15]. К распространенным типам преобразований можно отнести замену (1) и добавление элементов (2), что совпадает с основными видами формальных операций над символами в трансформационной грамматике [7], например,

1) «Кто, если не профессионалы?» (Право каждого. 2013. № 1). Оригинал: «Кто, если не мы» – художественный фильм Валерия Приёмыхова (1998 г.), награжденный кинопремией Ника за лучшую сценарную работу и призом президентского совета на кинофестивале «Кинотавр» (1999 г.). Субституция компонентов прецедентной единицы в заголовке, являясь проявлением языковой игры и деавтоматизируя его восприятие, выполняет призывную и рекламную функции. Прагматическая установка заголовка – обязательное обращение к профессионалам для нотариального удостоверения сделок с недвижимостью.

2) «Платим за себя, за дом и «за того парня»?» (Право каждого. 2013. № 1). Оригинал: И живу я на земле доброй за себя и за того парня – строки из песни «За того парня» (музыка М.Г. Фрадкина, слова Р.И. Рождественского), получившей 1-ю премию на Международном фестивале песни в Сопоте в 1972 г. Введение новой компоненты в широко известное выражение «за себя и за того парня» не только привлекает внимание читателя к статье о законопослушных гражданах, которые установили приборы учета и платят за не зарегистрированных в квартирах без счетчика лиц, потребляющих коммунальные услуги, но и косвенно выражает общественное недовольство проблемой.

Как видно из приведенных примеров, апелляция к прецедентным феноменам в заголовках имеет масштабный и полифункциональный характер и является одной из составляющих неповторимого стиля газеты «Право каждого», по которой, как и по особенностям дизайна, постоянный читатель может легко ее узнать.

Интертекстуальность как специфическая стратегия построения заголовков в правовой периодике вызывает диалогическое взаимодействие общекультурного и юридического текстовых миров. Это обеспечивает коммуникативно-прагматическую и психологическую открытость специализированных медиатекстов, тематическими доминантами которых являются актуальные вопросы российского законодательства и пропаганда значимости правового самообразования.

Литература

1. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь): учеб. пособие. М.: Наука, 2008. 264 с.
2. Засурский Я.Н. Колонка редактора: медиатекст в контексте конвергенции // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2005. № 2. С. 6.
3. Стам И.С. Газетный заголовок: соотношение логического и эмоционального в свете социальной психологии (на материале советских центральных газет) // Вопросы стилистики: межвузов. науч. сб. Саратов, 1982. Вып. 18. С. 24–39.
4. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
5. Право каждого. URL: https://notariat.ru/ru-ru/publishing-center/newspaper_pravo_kagdogo/ (дата обращения: 01.05.2018).
6. Гаврилова И.А. Прагматический потенциал заголовков в правовой периодике // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы IX Международ. науч. конф., Челябинск, 18–20 апр. 2018 г.: в 2 т. Т. 2 / отв. ред. Л.А. Нефедова. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2018. С. 13–16.
7. Кибрик А.Е. Генеративная лингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 98–99.

Сведения об авторе

Гаврилова Ирина Александровна, кандидат филологических наук, доцент Уральского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», e-mail: agisga@yandex.ru

PRECEDENT PHENOMENA IN HEADLINES OF LEGAL MEDIATEXTS

I. Gavrilova

Abstract. The article analyzes the peculiarities of functioning of precedent phenomena in headlines of legal mediatexts on the material of the informational and analytical edition of the Fund for the development of legal culture “Pravo kazhdogo” (The Right of Everyone). The main conceptual spheres-sources of precedent units are identified and illustrated. The author pays special attention to the pragmatics of using transformed and untransformed precedent phenomena. The paper finishes with the conclusion that intertextuality as a specific strategy of headlines construction in legal periodicals provides communicative, pragmatic and psychological openness of legal mediatexts for nonprofessional addressees.

Keywords: precedent phenomena, headline, legal mediatext, spheres-sources, pragmatics, expression

Data about the author

Gavrilova I., PhD in Philology, Assistant Professor of the Uralian Branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education «The Russian State University of Justice», e-mail: agisga@yandex.ru

УДК 8

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИКИ СИНОНИМИЧНЫХ ФЕ С ОНОМАСТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

А. Залалутдинова

Аннотация. На сегодняшний день синонимические отношения фразеологических единиц с компонентом именем-собственным в сопоставительном аспекте изучены в недостаточной степени. Поэтому проблема, о которой идет речь, требует более тщательных исследований. Данная статья поможет рассмотреть специфику синонимии фразеологических единиц с компонентом-именем собственным в английском и русском языках. В публикации приведен тщательный и детальный анализ данной темы. Полученные результаты могут быть использованы при составлении одно- и двуязычных фразеологических словарей, учебно-методической литературы по общей и сопоставительной фразеологии, в курсах и спецкурсах по лингвокультурологии, страноведению и фразеологии.

Ключевые слова: Фразеология, фразеологические единицы, фразеологические единицы с компонентом именем собственным, фразеологический синоним, ономастика, ономастический компонент

Синонимия ФЕ английского языка с ономастическим компонентом

В современной лингвистике существует понятие «внутриуровневой» синонимии – фразеологические единицы с коррелирующими компонентами – именами собственными. Приведем примеры синонимии ФЕ английского языка с ономастическим компонентом. ФЕ будут сгруппированы по типам: сходномодельные, ономомодельные и однокомпонентные ФЕ (см. Табл.1, 2, 3 соответственно).

Таблица 1

ФЕ - синонимы с компонентом именем собственным в английском языке

ФЕ-синонимы	Перевод
GI Joe Tommy Atkins	любой британский, американский солдат
Every Tom Dick and Harry	«всякий, каждый, первый встречный»
Joe Blow Joe Doakes	типичный рядовой гражданин
Joe Citizen John Q. Public	типичный представитель общества
John Doe Jane Doe Richard Roe	неназываемое лицо в судебном процессе; безымянный рядовой гражданин;

Проанализируем приведенные сходномодельные ФЕ - синонимы, образованные по близким моделям. *Tommy Atkins* примечателен тем, что служил в британских войсках, поэтому так называют среднестатистического британского солдата. Его синоним *GI Joe* – используется больше в отношении американского солдата.

Следующая пара синонимов это – *Every Tom* и *Dick and Harry*. Этими именами в английском языке принято называть типичного, заурядного человека или же кого-либо, первого встречного. Например, «*Every Tom, Dick and Harry can go to the sea on weekend*». – «Любой может поехать к морю на выходные». Рядового человека, но уже без уточнения гражданства, принято называть *Joe Blow* или *Joe Doakes*, например, «*We don't make advertisement for Joe Doakes*». – «Мы никого не рекламируем».

ФЕ-синонимы *John Roe* или *Richard Roe* употребляются в отношении мужского пола и обозначают безымянного рядового гражданина, либо неназываемое лицо в судебном

процессе; ФЕ-синонимы *Jane Doe* или *Jane Roe* употребляются в отношении женского пола и имеют значение такое же, как и для вышеуказанных ФЕ.

Таблица 2

ФЕ - синонимы с компонентом именем собственным в английском языке

ФЕ-синонимы	Перевод
Santa Claus Saint Nicholas Father Christmas	Санта Клаус, Дед Мороз;
Rich as Croesus	– богат, как Крѐз (богатство последнего царя Лидии, вошло в поговорку).
As rich as Rockefeller	– состояние Рокфеллера – очень богатый.

В данной таблице представлены одномодельные ФЕ-синонимы, имеющие одинаковую структуру, в основе которой лежит типовая модель с одним типом связи между компонентами.

Рассмотрим ФЕ *Santa Claus*, *Saint Nicholas*, *Father Christmas* – Дед Мороз, Санта Клаус. ФЕ *Father Christmas* более употребима для европейских стран, в то время как выражение *Santa Claus* более популярно для США. ФЕ *Rich as Croesus* – богат, как Крѐз (богатство последнего царя Лидии вошло в поговорку), используется, в основном, в художественной литературе, а синоним *as rich as Rockefeller* – как состояние Рокфеллера, больше используется в публицистике.

Таблица 3

ФЕ - синонимы с компонентом именем собственным в английском языке

ФЕ-синонимы	Перевод
Queen Ann is dead Queen Elizabeth is dead	«открыл Америку»!
Sisyphian labor Sisyphian task	Сизифов труд – бесконечный, тяжѐлый и бесполезный труд;
(as) old as Methuselah (as) old as Adam	1) «Старо как мир, быльѐм поросло»; 2) «Очень старый, древний (как мир)» ввиду различного характера сочетаемости, препятствующего их взаимозаменяемости. [1, С.101]

ФЕ *Queen Ann is dead*, *Queen Elizabeth is dead*, что переводится на русский язык как «Открыл Америку» – это однокомпонентные ФЕ-синонимы с именем собственным, у которых на лексическом уровне и по способам связи совпадает один компонент. По такому же принципу можно охарактеризовать ФЕ-синонимы *Sisyphian labor*; *Sisyphian task* – Сизифов труд. Также в пример можно привести ФЕ *(as) old as Methuselah*, *(as) old as Adam* – старый как Мафусаил/Адам” (т.е. очень старый, древний). Также подчеркнем, что, если компаративная ФЕ *as old as Methuselah* употребляется по отношению к людям, то компаративная ФЕ *as old as Adam* используется для характеристики абстрактных понятий и конкретных вещей. Ср.:

The missionary returned to America looking *as old Methuselah*. – Миссионер вернулся в Америку, выглядя как старый Мафусаил. [9, С.723]

That custom is *as old as Adam*. – Этот обычай такой же старый, как Адам. [8, С.2]

For that your precious fluid is *older than Adam* yet strong as the morning dew. – Для этого ваша драгоценная жидкость старше, чем Адам, но сильна, как утренняя роса. [6, С.16].

Таким образом, мы описали фразеологические единицы английского языка с компонентом именем собственным посредством комплексного словарно – текстового

анализа ономастической фразеологии английского языка во всём её объёме, определили соотношение национального и интернационального в английской ономастической фразеологии. В ходе анализа ФЕ-синонимов с компонентом именем собственным в английском языке мы определили сферу и случаи употребления каждого синонима, их сходства и различия. Далее подробнее рассмотрим синонимию ФЕ русского языка с ономастическим компонентом.

Синонимия ФЕ русского языка с ономастическим компонентом

Фразеологизмы русского языка сочетают в себе культурные ценности нации. Прототипы фразеологизмов содержат русские имена собственные, например, показать Кузькину мать, драть как Сидорову козу. Имя собственное может быть действительно лишено лексического понятия, но его лексический фон оказывается обширным и качественно сложным [2, С.56].

Включение личного имени уже придаёт ФЕ прикрепленность к определённой языковой культуре. Об этом свидетельствует не только язык речений, но и включённые в них имена Иван, Фома, Еремей, воспринимающиеся сейчас как традиционно русские. Следовательно, можно сказать, что личное имя является знаком определённой культуры в ФЕ.

С точки зрения общей эмоциональной оценки фразеологизмы можно разделить на две группы: ФЕ с положительной и отрицательной оценкой. Рассмотрим ФЕ - синонимы с компонентом именем собственным в русском языке (см. Табл.4, 5, 6).

Таблица 4

ФЕ – синонимы с компонентом именем собственным в русском языке
с положительной оценкой

<i>ФЕ с именами собственными</i>	<i>Значение</i>
– Колумбово яйцо – элементарно, Ватсон – Ариаднина нить – разрубить Гордиев узел	– остроумное решение трудной задачи – найти легкое решение сложной задачи – помочь выйти из трудного положения – сразу устранить запутанность
– Аниибалова клятва – Прометеев огонь	– непоколебимая решимость не прекращать борьбу, бороться до последнего – неугасающее стремление к достижению высоких, благородных целей

Первая группа — синонимичные ФЕ с положительной оценкой. В толковании таких ФЕ обычно используются слова с мелиоративной оценкой. Например: в русском языке Колумбово яйцо — остроумное решение трудной задачи, это восхищение умного поступка. Кроме того положительная оценка может быть имплицитной, когда в семантике заложена похвала или одобрение какого-либо действия, поступка: Ариаднина нить значит «помогать выйти из трудного положения»; Гордиев узел разрубить значит сразу устранить запутанность, сложность в чём-либо. Эти ФЕ содержат имплицитную положительную оценку активного действия и его результата.

В фразеологизме Аниибалова клятва (непоколебимая решимость не прекращать борьбу, бороться до последнего) выражается похвала несокрушимой вере человека. Прометеев огонь обозначает неугасающее стремление к достижению высоких, благородных целей — это восхищение высокими качествами человека. ФЕ с положительной оценкой в русском языке источником происхождения имеют обычно мифологию и относятся к книжному стилю. [6, С.105]

Таблица 5

ФЕ – синонимы с компонентом именем собственным
в русском языке с отрицательной оценкой

<i>ФЕ с именами собственными</i>	<i>Значение</i>
- В людях Илья, а дома свинья - В людях Ананья, дома каналья	В людях Ангел — не жена, дома с мужем сатана
- <i>поцелуй Иуды,</i> - <i>иудино лобзание</i> - Ирод клянется, Иуда лобзает, да им веры неймут	- <i>подлое, лицемерное предательство, ложная демонстрация любви</i> - <i>о лести двуличного человека</i> - о людях, способных на предательство
- <i>крутиться, работать, как папа Карло</i> - <i>Сизофов труд</i>	- много работать, но мало зарабатывать - тяжелая, бесконечная и бесплодная работа

Вторая группа — синонимичные ФЕ с отрицательной оценкой. Такие ФЕ, как правило, содержат оттенки ироничности, пренебрежительности. Например: в русском языке, в людях Илья, а дома свинья или в людях Ананья, дома каналья – это оценка поведения человека, который ведет себя совершенно по-разному в зависимости от ситуации [5]. ФЕ *Поцелуй Иуды*, *иудино лобзание* обозначают крайнюю степень цинизма и безнравственности предателя. ФЕ *крутиться, работать, как папа Карло*, одно из значений которого – много работать, но мало зарабатывать и синонимичная ФЕ *Сизофов труд* – *обычно о Сизифовом труде говорят, когда речь идет о долгой, мучительной и малорезультативной работе также являются синонимичными ФЕ с компонентом именем-собственным с отрицательной оценкой* [6, С.110].

Таблица 6

ФЕ – синонимы с компонентом именем собственным в русском языке

<i>ФЕ с именами собственными</i>	<i>Значение</i>
- <i>Добрый Иван – и людям, и нам; худой Иван – ни людям, ни нам</i> - Макару поклон, а Макар на семь сторон	- бестолочь
- <i>показать Кузькину мать</i> - <i>драть как Сидорову козу</i>	- <i>угрожать, наказывать</i>
- <i>на бедного Макара все шишки валяются</i> - <i>на бедного Макара везде беда напала</i> - <i>беден как Иов</i> - <i>Иов многострадальный</i>	новые неприятности случаются с тем, кто находится в бедственном положении; о человеке, который безвинно страдает от разного рода бедствий.
- куда Макар телят не гонял - у Черта на куличиках	- очень далеко
- <i>Аредовы веки жить</i> - <i>Мафусаилов век жить</i>	- <i>очень долго жить</i>

Из таблицы 6 заметим, что ФЕ с именами собственными Иван, Макар сопутствует семантика бедности, невезения, глупости. Сравним ФЕ-синонимы: *Добрый Иван – и людям, и нам; худой Иван – ни людям, ни нам* и *Макару поклон, а Макар на семь сторон*, обе ФЕ употребляются в значении «бестолочь». ФЕ *на бедного Макара везде беда напала; на бедного Макара и шишки валяются* говорят о том, что новые неприятности случаются с тем, кто находится в бедственном положении [4, С.186].

Русские личные имена во ФЕ-синонимах могут использоваться в полной, краткой и уменьшительной форме, а также с суффиксами субъективной оценки, например, *показать Кузькину мать, драть как Сидорову козу; в людях Илья, а дома свинья, в людях Ананья, дома каналья* и т.д.

Источниками имен собственных в составе фразеологических единиц в русской фразеологии являются, во-первых, реальные люди; во-вторых, персонажи литературных произведений, Библии. Первая группа описывает настоящих людей, в качестве фразеологических компонентов используются имена реальных исторических личностей. Например, *Колумбово яйцо*, Колумб — мореплаватель, открывший Америку, *Аннибалова клятва* — включает имя карфагенского полководца Аннибала (или Ганнибала, 247-183 гг. до н.э.), который, по преданию, еще мальчиком поклялся быть всю жизнь непримиримым врагом Рима.

Вторая группа — это ФЕ-синонимы, содержащие компонент из библейских текстов, существующих в языках всех стран, история которых в той или иной мере связана с христианством. В русской фразеологии библионимы занимают особое место, так как история, культура и литература России тесно связана с Библией и поэтому многие русские фразеологизмы имеют источником библейские сюжеты. Например, *Ирод клянётся*, *Иуда лобзает, да им веры неймут*; *Иудино лобзание* — о людях, способных на предательство. [6, С.160]

Во фразеологическом фонде любого языка имеется определенное количество фразеологических единиц с компонентом-именем собственным. По подсчетам А.И.Молоткова, «несколько особняком в перечне прототипов фразеологических единиц стоят словосочетания с именем собственным, их немного (около 2% от общего состава фразеологических единиц)» [5].

Таким образом, в ходе анализа ФЕ-синонимов с компонентом именем собственным в русском языке мы определили сферу и случаи употребления каждого синонима, их сходства и различия. Отметим, что национально-культурная специфика фразеологии в русском языке в большей степени обусловлена фольклором страны. Продолжая изучать фразеологизмы в английском и русском языках, мы можем наблюдать, как в устойчивых словосочетаниях отражается отношение русского и английского народа к тем или иным явлениям. Мы также можем узнать, какие явления, черты характера и поступки имеют значимость для людей, представляют для них наибольшую ценность.

Выводы: сравнивая ФЕ-синонимы с компонентом именем собственным в английском и русском языках, мы пришли к выводу о сходствах и различиях таких ФЕ.

Сходства синонимичных ФЕ с компонентом именем собственным в английском и русском языках:

1. ФЕ-синонимы английского и русского языков с компонентом именем собственным могут быть сходномодельными, одномодельными и однокомпонентными.
2. ФЕ-синонимы английского и русского языков с компонентом именем собственным могут употребляется не только по отношению к людям, но и к абстрактным понятиям ситуациям.
3. ФЕ-синонимы, в состав которых входят библейские имена собственные, существуют в обоих языках, история которых в той или иной мере связана с христианством.

Различия синонимичных ФЕ с именами собственными в английском и русском языках:

1. ФЕ-синонимы русского языка с компонентом именем-собственным часто включают в себя имена собственные, которые имеют определённый сложившийся образ в сознании русского народа, например, Иван — глупость, Меланья — изобилие, большие приготовления, Макар — невезение и т.д.
2. Большинство английских фразеологизмов возникло на основе источников Библии, античной мифологии. Основой возникновения русских ФЕ с именем собственным являются определенные исторические факты, обычаи, реалии.
3. Английские идиомы бывает сложнее понять, т.к. в некоторых английских ФЕ с компонентом именем собственным слова, употребленные вместе, имеют значение, отличное от того, которое приведено в словаре для каждого конкретного слова. Например, в английском и русском языках встречаются одинаковые идиомы с именами собствен-

ными, например, *Achilles' heel* – *Ахиллесова пята*; *the brand of Cain* – *Каинова печать* и т.д. Многие из них легко переводятся на русский язык, другие нуждаются в объяснении. Также в английском языке встречаются идиомы и пословицы, которые при переводе на русский язык звучат по-другому, но их смысл остается тем же.

4. Синонимичные ФЕ с компонентом именем-собственным в английском и русском языках различаются экспрессивно-стилистическими свойствами и сферой употребления.

Литература

1. Артемова А.Ф. Английские имена собственные и пополнение словарного состава: иностр. яз. в шк. – М.: Просвещение, 2005. – 305 с.
2. Введенская Л.А. От названий к именам. –М.: Феникс, 2007. – 534 с.
3. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высшая школа, 2007. – 381 с.
4. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. – М.: Рус. яз., 2010. – 502 с.
5. Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка
6. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка
7. Collins Cobuild. Advanced Learner's English Dictionary, 2009, p.16
8. Wood F.I., 1969. – 261 p.
9. Ong Y.F., Yang Y. I., 1986. – 723 p.

Сведения об авторе

Залалутдинова Алия Рустемовна, студентка КФУ, e-mail: aliyusha.blond@mail.ru

A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE SEMANTICS OF SYNONYMOUS PHRASEOLOGICAL UNITS WITH AN ONOMASTIC COMPONENT IN ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

A. Zalalutdinova

Abstract. Nowadays the synonymous relationship of phraseological units with the component name-own in a comparative aspect is studied insufficiently, Therefore, there is a point to make deeper research. This article will help to consider the specifics of synonymy phraseological units with component-name own in English and Russian languages. The publication provides detailed analysis of the problem. The obtained results can be used in the preparation of single and bilingual phraseological dictionaries, educational and methodological literature on general and comparative phraseology, in courses and special courses on linguoculturology, country studies and phraseology.

Key words: Phraseology, phraseological units, phraseological units with the component name own, phraseological synonym, onomastics, onomastic component

Data about the author

Zalalutdinova Aliya Rustemovna (Chistopol, Russia), student of KFU, e-mail: aliyusha.blond@mail.ru

УДК 81-25

О ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ И СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ДИАЛЕКТИЗМОВ В ТЕКСТАХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ И. ГРИГОРЬЕВА «ОБИТЕЛЬ»)

Ю.С. Кириченко

***Аннотация.** В статье рассматриваются функциональные и семантические особенности диалектизмов, включенных в поэму И. Григорьева "Обитель", поскольку анализ идиотизмистия писателя включает в себя и учет диалектологического аспекта. Основная часть статьи посвящена изучению глаголов, функционирующих в тексте. Предпринимается попытка классифицировать и группировать выбранные лексемы. Делается вывод об установке автора на фольклорную традицию при написании поэмы.*

***Ключевые слова:** лингвокультурология, диалектология, диалект, говор, глагол*

Значение диалектологических исследований сегодня особенно возрастает, поскольку в развитии этой области обнаруживаются значительные «пробелы», в частности, это утверждение справедливо в отношении изучения языка художественных текстов второй половины XX века, который «включает в себя такие средства и способы выражения, оценка которых с точки зрения норм литературного языка явно недостаточна», в том числе и диалектные единицы [5].

Последнее утверждение значимо в контексте нашего исследования, в центре внимания которого – язык поэмы «Обитель» Игоря Григорьева (1923-1996). Игорь Григорьев – поэт, писатель-фронтовик, человек, для которого народная речь была той языковой «колыбелью», в которой созревала языковая личность будущего писателя и поэта [1].

Невозможно не заметить присутствия в тексте поэмы большого количества элементов псковской народной речи: *гусак* («*Людмила, выгонь гусака...*») – гусь; *певень* («*А по дворам дымы и певни...*») – петух; *жнитво́* («*Жнитво отмаяли едва...*») – жатва; *глухарка-кополуха* («*Видать, глухарка-кополуха...*») – самка глухаря, которая копаётся в земле; *захмычка* («*По совести, аль по захмычке...*») – замашка, привычка – и т.д. Эта намеренная стилизация, имитация речи земляков высвечивает в поэте подлинно народного автора, любящего свою малую родину.

Среди *глагольных лексических диалектизмов* значимыми оказываются тематические группы глаголов движения, эмоциональных состояний и некоторые др.

А) Группа диалектных и просторечных глаголов движения, функционирующих в тексте поэмы, включает 8 языковых единиц.

1. *Вихляться* («*Гора вихлялась на горе...*») – «1. Штататься, качаться из стороны в сторону (о непрочно укрепленном предмете). Олон., 1823. Арх., Новг. <...> Вят. <...> Пск., Смол. <...>» [4 (4), с. 305].

2. *Зафитилить* («*Зафитилил в низы по скату*») – «<...>. 2. Направиться, побежать. Мосеч как звизнет ему промежду глаз, да и зафитилил домой без оглядки. Уральск., 1964» [4 (11), с. 139].

3. *Опростать, -ывать* («*От долга совесть опростала...*», «*Когда последнее ведро / Мы опростали*») – «<...> 2. Освобождать помещение, место, квартиру и т. п., делать свободным, незанятым что-либо. <...> Костром. 1851. <...> Валд. Новг., Пск. <...>» [4 (23), с. 291].

4. *Плюхать* («*Ах! Плюхать в вашу отдаленку!*») – «<...> 6. Медленно ехать, идти; тащиться. Плюхали, плюхали до вас: насилу-то доплюхали. Кашин. Твер., 1897. Курск. || Ийти пешком. Уржум. Вят., 1882. <...>» [4 (27), с. 172].

5. *Покалиться* («*На печку влезу – покалюсь*») – авторское значение – «погреться», ср. иное словарное значение: «побранить, пожурить. Лапш. Казан., 1896» [4 (28), с. 398].

6. *Прииастать* («*А ты зачем прииастал, Мухи?*») – «прийти, приобрести. Сев-Двин., 1928» [4 (32), с. 65].

7. *Сигать* («*Сигала в небо мошкара...*») – «1. Быстрым, резким движением устремляться куда-л., бросаться прочь, наутек (от кого-л.). <...> Кашин. Твер., 1897. Пенз. <...> Калуж., Орл., Тамб., Даль» [4 (37), с. 277].

8. *Сникнуть* («*Фотинья, сникни, будет поздно!*») – «1. Исчезать, пропадать. 2. Тухнуть, гаснуть (об огне). Зап. Брян., 1957» [4 (39), с. 106].

Б) Глаголы чувственного, эмоционального, психического состояния, поведения и устойчивости представлены 9 единицами.

1. *Ерепениться* («*Зря ерепенишься, кума...*») – «1. Держаться заносчиво, важничать, зазнаваться, чваниться. Углич. Яросл., 1820. Яросл. Твер., Рубцов [с примеч. «больше говорят в укор»]. Олон. <...> Дон. Тамб., Курск., Пск. <...> 4. Сердиться, раздражаться, ругаться. Курск., 1848. <...> Тамб. Ворон., Ряз. <...> Пенз. Сарат., Симб., Самар., Дон., Тул., Калуж. «Ерепениться, петушиться – эти слова употребляют, когда говорят о сильном гневе». Моск., Хавский. Смол., Пск., Твер., Яросл.» [4 (8), с. 367].

2. *Жалковать* («*Жалкую только: стали редко / Мы привечать друг дружку с ней...*») – «<...> 2. Неперех. Печалиться, скорбеть, горевать, сокрушаться. 3. Сожалеть. Не купите, будете жалковать потом. Дон., 1900. Краснодар., Ворон., Курск., Орл., Тул. Ряз., Пенз. <...>» [4 (9), с. 65].

3. *Жахать* («*Не жахай сталью без оглядки...*») – «пугать, страшать. Южн., Зап. [?], Даль» [4 (9), с. 87].

4. *Засунонить* («*Тьфу! старую как подменили, // Возьми попробуй, засунонь...*») – метафорическое значение ‘успокоить’, ср.: «1. Засучить. 2. Сердиться, дуться. Осташк. Твер., Пск., 1855» [4 (11), с. 75].

5. *Полохаться* («*И все полохались вокруг...*») – «1. Пугаться, бояться. Слов. Акад. 1847. Я не боюсь да не полохаюсь. Петрозав. Олон., Рыбников. Олон., Пудож. КАССР, Онеж., Север., Ленингр., Сарат., Дон., Сиб. <...> || Приходить в смятение, волноваться. <...> Сев.-Зап., 1974» [4 (29), с. 129].

6. *Придурять* («*Привык, злосчастный, придурять...*») – «1. Прикидываться дурачком, придуриваться. Вост., Даль. Придурять. Шуйск., Влад., 1912 Придурять. Нижегород., 1850 2. Говорить чепуху, болтать. Шуйск., Влад., 1912» [4 (31), с. 197].

7. *Яриться* («*Не смог смолчать: / – Яришься зря*») – быть в гневе, в ярости, горячиться; «см. ярый» [2 (4), с. 621].

8. *Распановаться* (данная лексема отсутствует в СРНГ; «*Распановалась волчья сыть*») – бесчинствовать, о выходке, соединенной «с задором, чванством» [6, с. 40].

9. *Стенить* («*Людской обидой не стена...*») – «1. Хорошо, прочно держаться (о человеке, одежде, посуде). Вельск. Волог., 1883-1889. 2. Стоять на ногах твердо, крепко (о человеке)» [4 (41), с. 133].

В) В отдельную подгруппу могут быть выделены 3 неузуальных глагола со значением акта встречи, приветствия, обретения: *встренуть* («*Вот так мы встренули войну*») – «встретить. Обоян. Курск., 1856. Курск., Ворон., Орл., Тул., Брян., Тамб., Пенз., Рост., Кубан., Куйбыш. <...> Пск. <...>» [4 (5), с. 215]; *поручаться* («*Мы поручались аж до хруста*») – «поздороваться, пожимая друг другу руку Сольвыч., Волог., 1883-1889 Курск., Дон.» [4 (30), с. 107]; *обретать* («*За строки розог не обрящем...*») – находить, приобретать, от устар. *обрящить*: «Обрящить, шу, щись, сов., перех. и неперех. 1. Перех. Найти, приобрести, сыскать. Самар., Астрах., Даль. Где он себе такую жену обрящил! Пенз. Влад. <...>» [4 (22), с. 227].

Г) Диалектные и просторечные глаголы, связанные с сельским хозяйством, также входят в лексикон поэмы: *оратать* («*Пусть не оратаю с конем...*») – «1. Пахать. Слов. Акад. 1822. Волог., 1839-1842. <...> Арх. <...> Петерб., Ленингр. <...> Новг., Пск. Великолукск.» [4 (23), с. 329]; *сказнить* («*Я сад сказнил. И ты руби...*») – метафорическое значение ‘вырубить’, ср.: «<...> 4. Освободиться от чего-л. старого, ненужного, выкинуть что-л. Сейчас нет треножек, сказнили их, делают только примусы. Лит. ССР, 1960. Став сказнили старый, все равно негожий. Латв. ССР» [4 (37), с. 366].

Ю.С. Кириченко
О ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ И СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ
ДИАЛЕКТИЗМОВ В ТЕКСТАХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ И. ГРИГОРЬЕВА «ОБИТЕЛЬ»)

Д) Два диалектных (псковских в том числе) глагола условно обозначены нами как глаголы преодоления: *сбороть* («*Не **сборешь** враз, не зверь – верзила!*») – «побороть, одолеть, осилить кого-л. Лихоманка сборола его. Сиб., 1858. Пск., Калуж., Смол. Слов. Акад. 1962 [простореч.]» [4 (36), с. 183]; *сдолеть* («*И чую, да сказать не **сдолю**...*») – «1. Осилить, одолеть кого-, что-л.; пересилить, побороть кого-л. Лебед. Тамб., 1850. <...> Юрьев-Польск. Влад. Пск. <...> Справиться с кем-, чем-л. Лебед. Тамб., 1850. <...> 2. Быть в состоянии, иметь силы, смочь делать что-л. С неопр. формой глаг. Мужик не одолеет с-под крыла подняться. Лит. ССР, 1960. <...> Латв. ССР. <...> Невельск. Пск.» [4 (37), с. 79].

Е) К глаголам физического воздействия могут быть отнесены следующие: *пришпарить* («*Командует: – **Пришпарь** коня!*») – «<...> 3. Подогнать, подхлестнуть. Ну-ко пришпарь-ко лошады-ту. Нижнетури. Свердл, 1981» [4 (32), с. 70]; *наддать* («*Я – скоком – одолел откос: / **Наддашь**, спасаясь от порухи...*») – ‘прибавить скорость, применить усилие’, ср.: «дать прибавку, придачу. Слов. Акад. 1847. Я наддам десятку. Соликам. Перм., 1973» [4 (19), с. 227].

Ж) Кроме перечисленного, автор употребляет традиционную для просторечия форму известного религиозно-обрядового глагола: *окститься* («*И ты, Михеюшка, **окстись**!*») – «Креститься. Курск., 1930. Новг., Пск., Арх.» [4 (23), с. 180];

В целом, анализ территориально ограниченных лексем, функционирующих в поэме И. Григорьева «Обитель», позволяет сделать вывод, характеризующий язык автора и его индивидуальную картину мира: диалектная лексика и этнографизмы занимают особое место в языке поэмы И. Григорьева «Обитель». Это не просто языковые инкрустрации, служащие для передачи местного колорита и отдельных речевых характеристик персонажей, а целая система, обнаруживающая богатую внутреннюю структуру и репрезентирующая установку автора на традицию, что характеризует автора как подлинно народного и любящего свою землю человека [3].

Литература

1. Голубева А.Е. Лира его опалена порохом [Электронный ресурс] / А.Е. Голубева // Псковская правда. – 2015. – 5. – 25. – Эл. ресурс. Режим доступа: <http://pravdapskov.ru/rubric/6/12174> (дата обращения: 20.11.2017).
2. *Даль* – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В.И. Даль. – М.: «Русский язык» – «Медиа», 2003.
3. Кошарная С.А. Миф и язык / С.А. Кошарная. – Белгород: Из-во БГУ, 2002. – 287 с.
4. *СРНГ* – Словарь русских народных говоров. Т.1-47. – М.-Л.: Наука, 1965-2014.
5. Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях: (к постановке проблемы) / Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1977. – 167 с.
6. Штырков С.А. Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины) / С.А. Штырков. – СПб.: Наука, 2012. – 228 с.

Сведения об авторе

Кириченко Юлия Сергеевна, студент НИУ «БелГУ», e-mail: Kirichenko19921@mail.ru

FUNCTIONAL AND SEMANTIC PECULIARITIES OF DIALECT AND ETNOGRAFIZM IN FICTION (ON THE MATERIAL OF THE POEM I. GRIGORIEV "RESIDENT")

Yu. S. Kirichenko

Abstract. The article deals with the functional and semantic features of the dialects included in the poem by I. Grigoriev "Abode", since the writer's idiosyncrasy analysis includes the consideration of the dialectological aspect. The main part of the article is devoted to the study of verbs functioning in the text. An attempt is made to classify and group the selected lexemes. The conclusion about the orientation of the author on the folk tradition of writing a poem.

Keywords: linguoculturology, dialectology, dialect, dialect, dialect, verb

Data about the author

Kirichenko Yu. S., student of BSU, e-mail: Kirichenko19921@mail.ru

УДК 81'42

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ТЕРМИНА «ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРС»

О.К. Мельникова

Аннотация. Статья посвящена актуальному вопросу об определении термина Интернет-дискурс. Современная лингвистика изучает особенности языкового общения в глобальной сети. Интернет-дискурс является центральным понятием в данной инновационной области исследования, однако, пока не имеет однозначного толкования. В статье представлены разные подходы к трактовке термина в лингвистической литературе и проанализированы некоторые конституирующие признаки Интернет коммуникации, подтверждающие обоснованность выделения данного типа дискурса.

Ключевые слова: Интернет-дискурс, Интернет, термин, коммуникация, лингвистика, речь, контекст

Возникновение и стремительное развитие информационных технологий и интернета привели к изменениям в языковой среде. Интернет стал не только источником информации, но и доминирующим средством коммуникации, тесно связанным со всеми сферами жизни людей. Электронная революция повлекла за собой революцию языковую, которая, в свою очередь привела к появлению нового сетевого, электронного языка [1, с. 238]. Современная лингвистика изучает коммуникацию в интернете и особенности языкового общения в компьютерной сети. Инновационная область исследования обуславливает появление нового термина – Интернет-дискурс, который, однако, пока не имеет однозначной трактовки.

Для понимания термина Интернет-дискурс необходимо обратиться к двум ключевым понятиям, из которых данный термин складывается – дискурс и Интернет.

Понятие дискурс не является новым в науке, однако привлекает внимание различных исследователей, благодаря чему в современной научной парадигме возникают все новые его интерпретации. Термин дискурс, как известно, применяется в различных научных областях, в той или иной мере имеющих антропологическую направленность (философия, социология, психология, лингвистика). Считается, что именно популярность термина способствует тому, что до сих пор нет единой дефиниции, которая в полной мере отражала бы специфику понятия в разных дискурсивных исследованиях. Тем не менее, несмотря на все многообразие определений, в них явно прослеживается привязанность термина к его первоначальному значению, отразившемуся в его переводе - «беседа, разговор» [10].

В лингвистике большинство исследователей под дискурсом понимают «текст, погруженный в ситуацию общения» [7], [14]. Среди множества дефиниций термина можно выделить несколько самых широко известных и наиболее часто цитируемых. Согласно Т. А. ван Дейку, дискурс - это сложное единство языковой формы, значения и действия, которое соответствует понятию "коммуникативное событие" [14, с. 212].

Одним из самых популярных высказываний о дискурсе является образное определение Н.Д. Арутюновой: «дискурс – это речь, погруженная в жизнь» [8, с.30].

По мнению Дж.П. Джи (James Paul Gee) дискурс – это результат интеграции языка, действий, взаимодействий, способов мышления, веры, оценки, необходимых для реализации определенного вида социально узнаваемой идентичности [2, с. 21].

С нашей точки зрения, В.В. Красных сформулировала наиболее четкое и емкое определение дискурса, которое отражает современное понимание термина в лингвистике: «Дискурс есть вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами» [9, с.200].

В разных исследованиях дискурс представлен в оппозициях дискурс – речь, дискурс – текст, дискурс – диалог, дискурс – стиль.

Дискурс традиционно сравнивают с речью и языком, находя в понятии дискурса черты и того, и другого. Считается, что дискурс похож на речь тем, что проявляется в дей-

ствии, в процессе, и отличается от нее тем, что имеет системные признаки, присущие языку. Однако, язык, в отличие от дискурса, более абстрактен. Более того, дискурс отличается от языка и речи присутствием социокультурного контекста.

В современной лингвистической литературе до сих пор активно изучается оппозиция: текст – дискурс. Хотя всякий дискурс – это, по большому счету, текст, не всякий текст является дискурсом. Принципиальное отличие дискурса от текста заключается в его динамичности и интерактивном характере. Таким образом, дискурс – это одновременно и процесс языковой деятельности (коммуникация, контекст) и ее результат (текст).

Т.И. Бирина, анализируя и сравнивая понятия диалог и дискурс, приходит к выводу, что дискурс в социальном контексте – это «речь или текст, помещенный в ситуацию диалога, как бы возвращенный к жизни» [4, с.170]. Если же дискурс понимается в индивидуально-личностном плане, то он полярен диалогу, так как приводит к противопоставлению Я другим участникам коммуникации.

Н. И. Клушина говорит о несовпадении терминов функциональный стиль и дискурс поскольку стиль является объектом изучения в функциональной стилистике, а дискурс в его современном понимании изучается коммуникативной стилистикой. [8, с. 28].

Если подытожить, дискурс – это особая самостоятельная языковая форма, не тождественная речи, тексту, стилю, диалогу, однако включающая в себя отдельные их черты.

Перейдем к понятию Интернет. По определению А.В. Соколова «Интернет – это глобальная социально-коммуникационная компьютерная сеть, предназначенная для удовлетворения личностных и коммуникационных социальных потребностей за счет использования телекоммуникационных технологий» [12, с. 108]. Другими словами, Интернет – это коммуникативная площадка, в рамках которой происходит «вербализованная речемыслительная деятельность».

Совмещение двух понятий – дискурс и Интернет – подводит к очевидному выводу о том, что Интернет-дискурс – это особый вид коммуникации, осуществляемый посредством Интернета, который является каналом связи и обмена информацией между участниками общения.

Однако, выделение Интернет-дискурса, как отдельного типа дискурса признается не всеми исследователями. Так, В.В. Красных говорит о существовании «национального дискурса», например, русского, но считает некорректным выделение в его рамках различных типов дискурса вообще, и Интернет-дискурса в частности, поскольку они являются частными проявлениями национального дискурса: «Это не есть отдельные типы (виды) дискурса, но лишь некоторые «модификации» последнего, определенным образом «адаптированные» в соответствии с той сферой, в которой он функционирует» [9, с. 202].

Тем не менее, в целом лингвисты не только не отрицают существование Интернет-дискурса, но и проявляют огромный исследовательский интерес к изучению коммуникации в глобальной сети.

Интернет коммуникация носит опосредованный характер, т.к. осуществляется с помощью технических средств. В самом термине Интернет-дискурс уже заложена привязанность дискурса к интернету и к компьютеру. Иначе говоря, этот вид общения включает трех участников: пользователя, компьютер и Интернет.

Подчеркивая компьютерно-опосредованный характер Интернет-дискурса, Е.К. Русанов, вслед за Е. Н. Галичкиной, определяет его как «совокупность текстов, реализованных в искусственно созданном коммуникативном пространстве, предполагающем дистантное интерактивное общение виртуальных коммуникантов» [11, с.215].

Следует отметить, что термин Интернет-дискурс не является общепринятым. Так, в англоязычной лингвистической литературе встречаются такие его аналоги как: computer-mediated communication, Netspeak, chatspeak, web discourse, electronic communication и др.

Нет единодушия в этом вопросе и в российской лингвистике. Разные исследователи предлагают и обосновывают свои варианты термина, включая: компьютерный дискурс (П.Е. Кондрашов, А.В. Зеленюк), виртуальный дискурс (О.В. Лутовинова, А.А. Ушаков), сетевой дискурс (Н.Л. Моргунов), сетевой дискурс (Л.Г. Ковальская, А.М. Яковлева), электронный дискурс (М.К. Козырева, Т.А. Спирчагова), онлайн дискурс (И.А. Ушанова, Е.М. Мурашкова), электронная коммуникация (М.А. Ульянова).

Е.Г. Грибовод считает, что, несмотря на многообразие терминов, «в целом это тождественные понятия, которые представляют собой коммуникативные действия, связанные с обменом информацией и общением между людьми посредством компьютера, различных средств связи» [6, с. 118].

Нам представляется наиболее целесообразным применение термина Интернет-дискурс, поскольку понятие Интернет вмещает в себя все оттенки смыслов, представленные в других вариантах термина. Будучи одним из самых популярных средств коммуникации, именно Интернет оказывает огромное непосредственное воздействие на современный язык.

Еще одно определяющее свойство Интернет-дискурса – это необходимое взаимодействие пользователей Интернета в процессе коммуникации. Е.С. Юртаева делает вывод о том, что Интернет-дискурс – это речевая ситуация (текст), погруженная в ситуацию общения в пределах пространства всемирной паутины. [15, с.312]. А.Н. Гайфуллина понимает Интернет-дискурс как процесс создания текста «в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими факторами, целенаправленное социальное действие, включающее взаимодействие людей и механизмы их сознания – когнитивные процессы» [5, с.7].

По мнению Е.К. Русанова Интернет-дискурс – это многогранный вид общения, который в зависимости от разных факторов (ситуации, участников, пользователей, целей общения, и пр.) может включать в себя субдискурсы: бытовой, деловой, научный, рекламный и т. д.» [11].

А.А. Ушаков рассматривает Интернет-дискурс как особый новый тип речи, в рамках которого формируются и развиваются «самобытные коммуникативные жанры». При этом основной языковой чертой коммуникации в глобальной сети является синтез письменной и устной речи [13, с.170].

Эту же особенность подчеркивает Э. Кетчам, называя Интернет-дискурс «гибридом устного и письменного дискурсов» [3, с.36]. Эта конституирующая характеристика Интернет-дискурса сделала возможным появление и использование в дискурс-литературе такого понятия как «письменная разговорная речь» (А.В. Кузнецов), устно-письменная речь (К.В. Пунько), устно-письменная система коммуникации (О.В. Лутовинова) и др.

Таким образом, статус Интернет-дискурса, как отдельного типа дискурса и новой формы коммуникации, подтверждается его специфическими чертами, обусловленными средой его функционирования, новыми языковыми формами и доминирующей ролью Интернета в жизни современного общества.

Литература

1. Chrystal, D. Language and the Internet. - Cambridge University Press, 2004. – 272 p.
2. Gee J. P. An introduction to discourse analysis. Theory and practice. – Routledge, 2005. – 209 p.
3. Ketcham E. Internet Discourse: The application of discourse analysis to instant messaging communication: Honors Thesis / E. Ketcham. – Northeastern University, USA, 2011. - 39p. – URL: https://repository.library.northeastern.edu/downloads/neu:376918?datastream_id=content
4. Бирин Т.И. Диалог vs дискурс / Т.И. Бирин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2008. – №3. – С.162-170.
5. Гайфуллина А.Н. Гендерные особенности вербализации концепта «мужчина» в интернет-дискурсе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / А.Н. Гайфуллина. – Казань, 2010. – 24 с.
6. Грибовод Е.Г. Дискурс / Е.Г. Грибовод // Дискурс-Пи. – 2013. – Т. 10. – №3. – С.118-119.
7. Зеленюк А.В. Понятия «компьютерный дискурс», «интернет-дискурс», «виртуальный дискурс» / А.В. Зеленюк // Язык и культура. – 2014. – №12. – С.17-21.

8. Клушина Н. И. От стиля к дискурсу: новый поворот в лингвистике / Язык, коммуникация и социальная среда. – Вып. 9. – Воронеж, 2011. – С. 25-33
9. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
10. Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль. Под редакцией В. С. Стёпина, 2001. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/
11. Русанов Е.К. Интернет-дискурс в дискурсивной парадигме /Е.К. Русанов // Гуманитарные юридические исследования. – 2016. – №1. – С.214-217.
12. Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации: Учебное пособие / А.В. Соколов. – СПб. Изд-во Михайлова В. А., 2002. – 461 с.
13. Ушаков А.А. Интернет-дискурс как особый тип речи / А.А. Ушаков // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2010. – №4. – С.170-174.
14. Шарикова Л.А. Основы теории дискурса: словарный дискурс / Л.А. Шарикова // Альманах современной науки и образования. – 2008. – № 2-1. – С. 212-214.
15. Юртаева Е.С. Характеристики виртуальной языковой личности в коммуникативном пространстве Интернет-дискурса / Е.С. Юртаева // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. – 2016. – С.307-312.

Сведения об авторе

Мельникова Ольга Константиновна, старший преподаватель Казанского (Приволжского) федерального университета, e-mail: melnikova.olga@mail.ru

ON THE ISSUE OF DEFINING INTERNET DISCOURSE

O. Melnikova

Abstract. The article is devoted to the topical issue of defining Internet discourse. Modern linguistics studies the peculiarities of language communication in the global network. Internet discourse is the central concept in this innovative field of research; however, the term has not yet been unambiguously interpreted. The article presents different approaches to the interpretation of the term in the linguistic literature and analyzes some constitutive features of the Internet communication, confirming the validity of this type of discourse.

Key words: Internet discourse, Internet, term, communication, linguistics, speech, context

Data about the author

Melnikova O., senior lecturer, Kazan Federal University, e-mail: melnikova.olga@mail.ru

УДК 811.133.1(045)

ЭЛЛИПСИС СЛУЖЕБНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

А.А. Ларькина

***Аннотация.** В данном исследовании рассматриваются случаи опущения служебных частей речи во французском языке, в частности, предлогов и союзов, при этом анализируются причины эллипсиса данных строевых элементов. В статье предлагается гипотеза, что недостаточная семантическая наполненность служебных частей речи предопределяет возможности их выпадения в структуре предложения. Среди других причин выделяются закон языковой экономии и принцип аналогии.*

***Ключевые слова:** эллипсис, французский язык, служебные части речи, предлог, союз, компрессия, закон языковой экономии*

Одной из важных структурных особенностей разговорной речи является отсутствие строевых элементов предложения – предлогов, артиклей, союзов. В основе указанных явлений лежит стремление говорящих обойтись минимальным числом средств для осуществления коммуникации; таким образом, эллипсис строевых элементов представляет собой одно из частных проявлений сформулированного А. Мартине принципа языковой экономии [5, с. 532-533].

Как полагает Н.А. Ситнова, структуры с отсутствующими служебными элементами не принадлежат к эллиптическим в традиционном понимании, отличаясь от них, прежде всего, тем, что подвергающиеся выпадению элементы не являются членами предложения, а лишь входят в состав словосочетаний, представляющих тот или иной член предложения, в результате чего в большинстве случаев приходится анализировать подобные явления не на уровне предложения в целом, а лишь в пределах словосочетания.

Еще одно отличие рассматриваемых структур от обычных эллиптических заключается, по мнению автора, в том, что, хотя влияние контекста и ситуации при эллипсисе служебных слов, безусловно, имеет место, оно, как можно предположить, в большинстве случаев гораздо менее значительно, чем при эллипсисе главных членов предложения. Это объясняется относительно малой смысловой нагрузкой, которую несут предлоги, артикли, вспомогательные глаголы, и, вследствие этого, ослабленностью их связей с конкретной обстановкой речи [7, с. 112].

Нельзя не согласиться с тем, что подобные элементы имеют относительно малую смысловую нагрузку, поэтому влияние контекста в данном случае менее значительно, чем при эллипсисе главных членов предложения. Но автор приводит примеры в основном зевгматического опущения, при котором роль контекста действительно важна. В случае опущения служебных элементов мы имеем дело с сокращенными структурами, которые имеют полные корреляты в языке, и, следовательно, отвечают основному критерию эллиптичности [4, с. 69].

Проблема возникает при смешении терминов «эллиптические структуры» и «эллипсис». Мы предлагаем разграничивать эти понятия, относя к эллиптическим структурам предложения с опущенными знаменательными частями речи, а к эллипсису – опущение любого элемента (то есть эллипсис – более широкое понятие, чем эллиптическая структура). При таком понимании можно изучать выпадение любого компонента предложения, присутствующего в других, полных вариантах.

Как представляется, одной из причин опущения строевых элементов является высокая частотность их употребления. Благодаря их общеупотребительности и привычности в отдельных сочетаниях, служебные слова, даже будучи пропущенными в речи, неизбежно присутствуют в сознании говорящих.

Возможность опущения строевых элементов в разговорной речи объясняется также их недостаточной семантической наполненностью. Для реализации этой возможности недостаточно общих экстралингвистических условий их функционирования; необходи-

мы, по-видимому, факторы чисто языкового характера, то есть наличие определенных структур, в известной степени благоприятствующих выпадению малосодержательных служебных слов без ущерба для взаимопонимания участников коммуникации.

В данном исследовании мы ограничимся только изучением случаев выпадения предлогов и союзов во французском языке, поскольку эллипсис артикля представляет собой сложное многогранное явление и требует отдельного тщательного анализа.

Эллипсис предлогов

В разговорном языке, особенно в условиях быстрой, спонтанной речи, могут быть опущены практически все предлоги. На материале испанского языка М.В. Зеликов выделяет две разновидности опущений предлогов: в именных и глагольных сочетаниях [3, с. 276].

Во французском языке самыми типичными беспредложными конструкциями являются именные словосочетания N1+N2. Предлагая классификацию таких конструкций, Л.В. Александрова к первой группе относит словосочетания, где оба компонента связаны разнообразными отношениями подчинения, выражаемого элидированными предлогами. Говоря об эллипсисе этих предлогов, автор отмечает, что «эллиптические конструкции такого рода можно объяснить действием принципа экономии, дающего возможность легче достичь поставленной цели путем упразднения промежуточных звеньев» [1, с. 6].

Формальный признак – неизменяемость второго компонента – указывает на его частичную субстантивацию. N2 становится окказиональным субститутутом прилагательного. В некоторых случаях второй компонент, как и настоящее прилагательное, субстантивируется: *un petit tailleur de trois pièces – un petit tailleur trois pièces – un petit trois pièces – «костюм-тройка»*.

Также отмечается, что в первой группе компоненты могут быть связаны отношениями принадлежности (*le gouvernement Chirac* «правительство Ширака»), обстоятельственными характеристиками (*une conférence fin janvier* «конференция в конце января»), пространства (*une sortie sud* «южный выход»), причины (*un congé maladie* «больничный»). Они могут также выражать материал (*un tabouret métal* «металлический табурет»), форму (*un col châle* «шалевый воротник»), состав (*de la sauce soja* «соевый соус»), способ приготовления (*des pommes vapeur* «картофель, приготовленный на пару»). При этом указываются и ограничения: если между компонентами имеются «определятельно-притяжательные» отношения, то они употребляются всегда с предлогом *de*: *un pied de table* «ножка стола».

Ко второй группе относятся словосочетания, которые образуются не путем эллипсиса, а простого присоединения второго компонента к первому. Здесь N2 еще больше, чем в первой группе, подвергаются процессу адъективации и чаще представляют собой конкретные существительные: *une fermeture bois* «деревянная застежка» [1, с. 6].

Мы полагаем, что в данном случае также можно говорить об отсутствии предлога *de*, легко восстанавливаемого из контекста, если второе существительное выступает в адъективной функции.

Ср.: *Il était au service (de) publicité [publicitaire] mais il est parti avant ton arrivée.* [12, с. 122] – «Он был в отделе рекламы, но ушел перед твоим приходом».

Как показывает анализ практического материала, случаи эллипсиса предлога *de* во французском языке практически не ограничены. Более того, в современной рекламе, например, одежды в модных журналах, отсутствие этого предлога стало нормой, если речь идет о материале или покрое: «*maillot coton 2 pièces*» [10, с. 16] – «хлопковый купальник – двойка».

Также практически нормативным стало употребление словосочетаний с цветовыми обозначениями без предлога *de* и существительного *couleur*. Так, если в произведениях середины XX века преобладают полные варианты («*en effet, dans un dossier de*

couleur bleu ciel, correctement classe, il y avait la lettre de l'autorité americaine» [20, с. 52], то на современном этапе развития языка нормативной становится сокращенная конструкция. («Un long bras mince, terminé par des ongles rouge sang s'étira sur le dossier du canapé») [18, с. 20].

В некоторых случаях пропуск предлога *de* уже не ощущается (диахронический эллипсис), но существование других, параллельных словосочетаний позволяет говорить о некоей неполноте выражения в структурном плане (в содержательном плане иногда при этом происходят изменения).

Ср.: Lorsque monsieur Bonprince qui est resté très simple, vient manger à la maison, la soirée se passe à parler (de) camembert, matière grasse, écrémage [16, с. 173] - «Когда господин Бонпринс, который не зазнался, приходит на ужин к нам домой, вечер проходит в разговорах о сыре, жирности и обезжиривании».

Также эллипсису могут подвергаться предлоги *pour* (un fauteuil (pour) relaxe «кресло для отдыха»), *en* (une statue (en) marbre «статуя из мрамора»), *une malette (en) cuir* «кожаный чемодан»), *à* (un coloris (à) mode «модный цвет»), *une couture (à) main* «ручной пошив») [1, с. 5].

Другой случай эллипсиса – опущение части сложного предлога, образованного путем транспозиции существительного. Например, как отмечается в словаре Робер, со словом *côté* возможны полные варианты “de ce côté-ci; de ce côté-là, par ici, par là” и эллиптические в разговорном языке “côté finance, ça peut aller” [14, с. 225]. Ср., «côté fric, il est plutôt naïf» - «что касается бабок, он довольно наивен» [1, с. 10]. В подобных предлогах происходят семантические сдвиги, и существительное полностью теряет свое значение.

Напротив, простой предлог может нести дополнительную смысловую нагрузку. Изучая подобные словосочетания, С.Е. Никитина относит их к примерам семантического эллипсиса. «Назовем эллиптическим такое выражение, в которое можно ввести дополнительные слова, не меняющие информацию, воспринимаемую из выражения, и не дублирующие информацию, формально выраженную в нем.... Кроме грамматического эллипсиса, под это определение подходят случаи семантического эллипсиса. Например, мазь от веснушек = мазь, избавляющая от веснушек» [6, с. 140]. Нам представляется, что в данном примере имеет место лишь грамматический эллипсис (элементарный пропуск компонента), а сам предлог получает дополнительную смысловую нагрузку, другими словами, выполняет компрессивную функцию.

Во французском языке такую функцию часто выполняет предлог *à*. Так, словосочетание *fer à friser* эквивалентно *un fer qu'on emploie pour friser les cheveux*. В подобных словосочетаниях необходимо различать два вида синтаксической связи, как это сделано в работе З.И. Хованской:

1. Avez-vous une machine à écrire?
2. Il me reste deux pages à écrire.

Во втором высказывании, в отличие от первого, отношение, связывающее существительное и глагол, принимает непосредственное участие в формировании синтаксической структуры высказывания [8, с. 272]. В первом случае предлог входит в структуру существительного.

Мы полагаем, что предлог *à* также имеет компрессивную функцию в сочетаниях с инфинитивом, являющихся частью предложений с глаголом в форме условного наклонения без придаточного условия.

«A le voir, on dirait un désastre (si on le voyait)» - «Только глядя на него, думаешь о несчастьях».

Таким образом, отметим, что наиболее часто эллипсису подвергается предлог *de*, тогда как предлог *à* является наиболее устойчивым и выполняет компрессивную функцию.

Опущение предлога *à* возможно при указании на направление, поскольку иногда ближайший контекст обеспечивает правильное понимание всей фразы.

Ср.: Dix minutes plus tard, elle abandonnait le rez-de-chaussée des urgences et se rendit (à la) chambre 307 [15, с. 61] - «Через десять минут, она покинула 1 этаж скорой помощи и направилась в 307 палату».

В данном примере пропуск предлога характеризует также указание на адрес (согласно грамматическому правилу).

Случаи опущения предлога, обязательного в управлении того или иного глагола, рассматриваются как грамматическая ошибка, но в разговорной речи иногда допускаются [11, с. 11].

Il se souvenait (de) s'être promené ici avec Diane Serp [19, с. 56] – «Он помнил, как гулял здесь с Диан Серп».

Скорее всего, в данном примере эллипсис предлога стал возможен под влиянием аналогии с глаголом той же семантики *se rappeler*, являющимся прямопереходным. См. также пример нарушения глагольного управления:

Ça dépend (de) ce que tu appelles aimer. [13, с. 32] – «Это зависит от того, что ты называешь любить».

Таким образом, во французском языке могут опускаться различные предлоги. Чаще всего это происходит в именных синтагмах, при этом довольно устойчивым является предлог *à*. Реже отмечается эллипсис предлогов, входящих в глагольное управление, а также предлогов, несущих большую смысловую нагрузку. Наиболее частотными являются пропуски предлога *de*.

Эллипсис союзов

Во французском языке в предложении могут опускаться как простые, так и сложные союзы, при этом простые союзы гораздо реже подвергаются эллипсису. Бессоюзная связь, предполагающая эллипсис связки между предложениями, очень часто имеет место, как в сложноподчиненных, так и в сложносочиненных предложениях [3, с. 282].

Во французском языке могут употребляться бессоюзные предложения вместо сложносочиненных – *On les chercha, (mais) on ne les trouva pas* – «Их искали, но не нашли» [2, с. 751].

Тем не менее, опущение союза *que* не типично для французского языка, в отличие, например, от английского, в котором можно отметить окончательное исчезновение компонента как результат дальнейшего развития фактора компрессии. Ср.: *He said (that) it was great, но Il a dit que c'était bien*. Пропуск союза в подобных структурах современного французского языка возможен только в тех случаях, когда сохраняется грамматическая форма сослагательного наклонения, типичная для придаточных изъяснительных предложений, вводимых союзом *que* после глаголов пожелания или необходимости.

Ср.: *Il faut (que) je sorte des choses, sinon je n'arrêterai jamais de refaire un morceau* [10, с. 20] – «Нужно вытащить вещи, иначе я никогда не закончу переделывать этот кусок». Важно отметить, что данный пример взят из глянцевого журнала и является скорее исключением из правил. В других регистрах употребление подобного предложения невозможно.

В сложном союзе может опускаться лишь его часть, так как эллипсис всего союза может нарушить смысловое соотношение двух частей сложного предложения: *Descends (afin) que je t'embrasse* «Спустись, я тебя обниму».

Je ne suis pas votre vieux, et nous n'avons pas gardé les cochons ensemble (autant) que je sache [17, с. 110] – «Я не ваш дружок, и мы вместе свиней не пасли, насколько я знаю». Сокращенная форма стала настолько частотной, что также закрепились в словаре.

Мы можем говорить о более широком понятии экономии в случаях замены любого сложного союза на *que* при его употреблении более одного раза.

Je voudrais t'inviter, pourquoi ne m'as-tu pas laissée faire ? – Parce que ton salaire y serait passé, et (parce) que je suis encore ta mère [15, с. 282] – «Я бы хотела тебя пригласить, почему ты мне не дала этого сделать? – Потому что туда бы улетела вся твоя зарплата, и потому что я еще пока твоя мать».

– Tu sais pourquoi ça ne collera jamais entre nous ?

- Oui, je sais, j'ai répondu, parce que je ne suis pas libre et (parce) que toi, tu l'es trop [9, с. 92].

«- Ты знаешь, почему у нас никогда ничего не получится?»

- Да, я знаю, потому что я не свободен, а ты – слишком».

Таким образом, опущение союзов для французского языка не типично, и происходит только в тех случаях, когда ситуация общения или сама грамматическая форма помогают восполнить недостающий элемент.

В результате нашего исследования мы приходим к выводу, что служебные части речи во французском языке достаточно резистентны к их опущению в структуре предложения, но могут подвергаться эллипсису при недостаточной смысловой нагрузке или под влиянием закона лингвистической экономии в его частных проявлениях – зевгматическом пропуске или принципе аналогии.

Литература

1. Александрова Л.В. О классификации именных словосочетаний N1+N2 в современном французском языке// Иностранные языки: теория и методика преподавания.- Архангельск, ПГУ. – 2004. – С.5-11.
2. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Высшая школа, 2000. – 1220 с.
3. Зеликов М.В. Компрессия как фактор структуры и функционирования иберороманских языков: монография. – СПб., 2005. – 444 с.
4. Ларькина А.А. О лингвистических исследованиях эллипсиса во французском языке//Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – Вып. 29. – № 5 (143). – С. 67-72.
5. Мартине А. Основы общей лингвистики//Новое в лингвистике. – М.:Изд-во ин. лит-ры, 1963. Вып.3. – С. 366-566.
6. Никитина С.Е. О семантическом эллипсисе в предложных сочетаниях //Проблемы лингвистического анализа. – М., 1966. – С.140-146.
7. Ситнова Н. А. Эллипсис строевых элементов в разговорной речи// Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Вып.6. – Горький, 1975. – С.111 – 117.
8. Хованская З.И. Стилистика французского языка. – М.: Высшая школа, 1984. – 344 с.
9. Beigbeder F. 99 F. – Paris : Grasset, 2000. – 282 p.
10. Bien dans ma vie. – Août 2005. – № 39. – 70 p.
11. Blanche-Benveniste C. Quel est le rôle du français parlé dans les évolutions syntaxiques ??? L'information grammaticale. – 2002. – № 94. – P.11-17.
12. Gavalda A. Je voudrais que quelqu'un m'attende quelque part. – Dilettante, 1999. – 157 p.
13. Labro P. Manuelle. – Gallimard, 1999. – 228 p.
14. Le Robert. Dictionnaire d'aujourd'hui. – P., 1993. – 1536 p.
15. Levy M. Vous revoir. – Paris, R. Laffont, 2005. – 307 p.
16. Morel F. Les habits du dimanche. – Editions du rocher, 1999. – 162 p.
17. Nothomb A. Attentat. – Editions Albin Michel, 1997. – 153 p.
18. O'Connell C. L'homme qui mentait aux femmes. – Robert Laffont, 1996. – 316 p.
19. Rouart J.M. Le goût du malheur. – Gallimard, 1993. – 309 p.
20. Yourcenar M. Mémoires d'Hadrien. – Paris, Gallimard, 1958. – 365 p.

Сведения об авторе

Ларькина Анна Александровна, кандидат филологических наук, доцент Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, e-mail: a.larjkina@narfu.ru

ELLIPSIS OF FUNCTIONAL PARTS OF SPEECH IN THE FRENCH LANGUAGE

A.A. Larkina

Abstract. In this study, cases of omission of functional parts of speech in French, in particular, prepositions and conjunctions are examined, and the causes of the ellipsis of those structural elements are analyzed. The article suggests a hypothesis that the insufficient semantic meaning of functional parts of speech predetermines the possibility of their absence in the structure of the sentence. Among other reasons, the law of language economy and the principle of analogy are given.

Keywords: ellipsis, French language, functional parts of speech, preposition, conjunction, compression, language economy law

Data about the author

Larkina A., PhD, assistant professor, Northern (Arctic) federal university named after M.V. Lomonosov, e-mail: a.larjkina@narfu.ru

УДК 811.161

АНАЛИЗ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ИНФОРМИРОВАНИЯ КАТЕГОРИИ КОСВЕННОЙ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ СМИ

Г.Ф. Лутфуллина

Аннотация. В статье проведен анализ прагматической функции информирования категории косвенной эвиденциальности на примере материалов СМИ в русском языке. Категория пересказываемости как ядерная категория поля косвенной эвиденциальности предполагает указание источников информации. Программы новостей в сфере информационных технологий исключают возможность прямого, личного доступа к информации самих журналистов, чем объясняется необходимость эксплицитного или имплицитного указания источника информации.

Ключевые слова: прагматика, функция информирования, категория пересказываемости

Прагматические факторы функционирования функционально-семантических категорий представляют большой интерес для исследователей. Категория эвиденциальности предполагает указание способа получения информации и представляет собой функционально-семантическое поле с двумя ядрами – прямой и косвенной эвиденциальности.

«Прямая» эвиденциальность подразумевает непосредственное восприятие говорящим ситуации. Традиционно выделяют следующие каналы восприятия информации: 1) *визуальные* (говорящий зрительно наблюдал ситуацию), 2) *аудитивные* (слуховое восприятие ситуации говорящим) и прочие *сенсорные* источники информации. Косвенная эвиденциальность предполагает, что говорящий не воспринимал ситуацию, а сведения были получены другими способами. Пересказываемость (англ. *reported evidence, hearsay*) подразумевает, что говорящий не был свидетелем ситуации и знает о ней от третьих лиц. В языках выделяются разные виды пересказываемости: 1) получено сообщение от человека, свидетеля события (пересказ из вторых рук, англ. *secondhand*); 2) получено сообщение от человека, который не был свидетелем (пересказ из третьих рук, англ. *thirdhand*). Наряду с пересказываемостью отдельно рассматривают инференцию (англ. *inference*, от англ. *infer* «делать предположение, высказывать догадку»), при которой говорящий делает логический вывод на основе косвенных признаков: 1) на основе прямых вещественных (зримых) свидетельств; 2) на основе интуиции или общих знаний, мыслительной деятельности.

Статья ставит целью исследование прагматической функции информирования категории косвенной эвиденциальности на примере материалов СМИ в русском языке. Категория пересказываемости как ядерная категория поля косвенной эвиденциальности предполагает указание источников информации. Программы новостей в сфере информационных технологий исключают возможность прямого, личного доступа к информации самих журналистов, чем объясняется необходимость эксплицитного или имплицитного указания источника информации.

Интерес представляет именно способы подачи информации от третьих лиц. Объектом анализа стала программа «iNews – 3D-печать из жидкого металла; четвероногий робот-танцор» (16.03.18), канал Tatarstan24, 4.44 минут (<https://www.youtube.com/watch?v=DWCXMqLNO3E>). В рамках первой программы методом сплошной выборки было выявлено 9 примеров, которые можно разбить по следующим группам. Видео возможности заключаются в том, что нет необходимости приводить чью-то точку зрения или мнение, указывать источник информации – можно просто посмотреть отрывок интервью.

В рамках программы методом сплошной выборки были выявлены следующие примеры:

- (1) *Американские ученые* научились печатать из жидкого металла ...2:22;
- (2) *Ученые* добавили части никеля в новый сплав...3:23;

(3) Робота / который умеет танцевать / создали *специалисты высшей технической школы Цюриха* 4:09;

(4) *Разработка европейских инженеров* выглядит просто 4:13;

(5) *Пользователи в базе гифок* обнаружили надпись... 4:27;

Большой блок фактов сообщается без указания источника информации. Однако в сообщаемой информации четко указываются конкретные исполнители и изобретатели, таким образом можно предположить, что именно они и были источниками информации для средств СМИ [(1)] – [(5)]. В данном случае можно говорить об имплицуемой категории косвенной эвиденциальности.

(6) *Инстаграм сотрудничает с сервером Гики / Там происшествие объяснили* ошибкой в модерации 4:30.

Наличие источника информации может подразумеваться посредством указания конкретного места локализации сообщаемого факта. В данном случае источником информации могут быть представители региона, о котором информируют [(6)]. Роль средств СМИ заключается именно в информировании о фактах, свидетелями которых редко становятся сами журналисты. Специально выбор программ, посвященных техническим новинкам и научно-популярным фактам, и открытиям, предполагает наличие заинтересованности в информировании, в доведении до аудитории этих данных.

(7) *Установили / что использование инстаграм более широко распространено* 2:14.

(8) *Китай придумал новый метод / Они используют...* 2:28;

Пример представляет анонимный источник информации [(7)] и выражен безличным вводным предложением. Отдельный интерес вызывают высказывания с обобщенным анонимным источником, обозначенным абстрактным понятием *Китай* [(8)].

(9) *Администрация Инстаграм* сейчас выясняет / как файлы антироссийской направленности 4:24;

(10) *Специалисты университета штата Аризон* создали сплав... 3:13;

Последние примеры демонстрирует реализацию ядерной категории поля косвенной эвиденциальности – категории пересказываемости. Источники информации конкретны и эксплицитно выражены.

Таким образом, анализ примеров показал, что общая прагматическая функция информирования априори присуща информационным новостным программам СМИ, в данном случае анализировались примеры информирования о новинках в научной среде. Суть процесса доведения информации предполагает пересказ чужой информации – реализацию категории пересказываемости. В сфере информационных технологий редко сами журналисты являются фигурантами сообщаемых новостей, ведь они не связаны с данным видом деятельности. Градация степени конкретности источников информации выглядит следующим образом: 1) имплицирование наличия источника при сообщении научного факта с указанием его фигуранта; 2) анонимное информирование; 3) указание источника информации.

Литература

1. Лутфуллина Г.Ф. Прагматический потенциал категории пересказываемости как компонента поля косвенной эвиденциальности / Г.Ф. Лутфуллина // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2018. – Том 4. – № 1. – С. 40-48. DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-1-40-48.
2. Aikhenvald A.Y. Studies in evidentiality. Typological studies in language 54 / A. Y. Aikhenvald, R.M.W. Dixon. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2003. – 347 p.
3. Aikhenvald A.Y. Evidentiality / A. Aikhenvald. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 235 p.
4. Davis Ch., Potts Ch., M. Speas The Pragmatic Values of Evidential Sentences / Davis Ch., Potts Ch., M. Speas. – UMass Amherst Proceedings of SALT 17. Ithaca, NY: CLC Publications, 2017.

Сведения об авторе

Фирдависовна, Доктор филологических наук, профессор Казанского государственного энергетического университета, e-mail: gflutfulina@mail.ru

ANALYSES OF PRAGMATIC INFORMING FUNCTION OF INDIRECT EVIDENTIALITY
ON MEDIA MATERIALS EXAMPLE

G.F. Lutfullina

Abstract. The article analyzes the pragmatic informing function of indirect evidentiality on media materials example of in Russian language. The reportative category as a nuclear category of indirect evidentiality field presupposes the indication of information sources. News programs devoted to information technology exclude the possibility of journalists' direct, personal access to the information, which explains the need for an explicit or implicit indication of the information source.

Key words: pragmatics, information function, reportative category

Data about the author

Lutfullina G., Doctor of Philology, Professor of Kazan State Power Engineering University, e-mail: gflutfullina@mail.ru

УДК 81'276

ЗООМОРФНАЯ НОМИНАЦИЯ РОДСТВЕННИКОВ В СУБСТАНДАРТНОЙ ЛЕКСИКЕ

Е.И. Петрищева

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию функционирования, дифференциации и систематизации зооморфных номинаций родственников (ЗНР) в субстандартной лексике английского, немецкого, русского и украинского языков. Описываются тематические группы наиболее употребительных ЗНР. Установлена общность и специфика в области семантики зоолексем в сопоставляемых германских и славянских языках и зависимость их употребления от этнокультурных особенностей образного фонда сравниваемых лингвокультур.

Ключевые слова: зооморфизм, лингвокультура, метафора, сравнение, субстандартная лексика

Проблема взаимосвязи языка и культуры во многом связана с поиском универсального и специфического в восприятии действительности носителями различных лингвокультур. В последнее время заметно возрос интерес к изучению образных средств в субстандартной лексике [1;2;3;4;5]. Образные средства языка не только обогащают нашу речь, но и помогают воздействовать на собеседника, привлекают внимание слушающего, а также способствуют бесконфликтному и гармоничному общению.

В данном исследовании анализируются метафоры, которые основаны на ассоциациях и/или сравнениях с животным миром и служащие для образной характеристики человека, способствуют выражению чувств, реакций человека в целом, формируя и обозначая т. о. ценностную языковую картину мира. Зооморфизмы широко репрезентированы во всех языках мира и обладают разными образами, признаками и характеристиками. Это обширный и экспрессивный пласт лексики, который отражает национальные особенности, обычаи, культуру и традиции народов-носителей языка и передает изменения, происходящие в языковой системе. Вместе с тем данная лексика не была предметом специального исследования в субстандарте английского, немецкого, русского и украинского языков, что обуславливает **актуальность** предлагаемой работы.

Объектом настоящего исследования являются зооморфные номинации родственников субстандартного лексического фонда английского, немецкого, русского и украинского языков, а **предметом** – их социолингвистические особенности и лингвокультурная специфика в названных германских и славянских субстандартных лингвокультурах.

Материалом исследования послужила сплошная выборка зооморфных номинаций родственников (ЗНР), выполненная на базе словарей субстандартной лексики английского, немецкого, русского и украинского языков. Общий объем выборки составил 38 ЗНР в английском, 32 ЗНР в немецком, 45 ЗНР в украинском и 39 ЗНР в русском языках.

Цель работы – выявить универсальные и специфичные типы ЗНР в сопоставляемых языках.

Родственные и семейные отношения, как известно, являются базой для раскрытия характера любого этноса. Традиционно языки используют образную сферу фауны в качестве базы для метафорического представления окружающего мира, отражая т.о. своеобразие связей языковой картины мира. При этом ЗНР выражают положительную или отрицательную оценку:

а) внешности, физических данных членов семьи, ср.: нем. *Hausgorilla* (букв. 'домашняя горилла') – перен. разг. 'толстая жена', *Dreckspatz* (букв. 'грязный воробей') – перен. разг. 'ребенок, который постоянно грязный'; англ. *cow* 'корова' – перен. разг.

‘некрасивая/полная женщина/жена’, *tusky pup* (букв. грязный щенок) – перен. разг. ‘грязный ребенок’; русск. *жаба* ‘лягушка’ – перен. разг. ‘некрасивая женщина/жена’; укр. *жаба* ‘лягушка’ – перен. разг. ‘некрасивая женщина/жена’, *поросятко* ‘детеныш свиньи’ – перен. разг. ‘грязный ребенок’;

б) интеллекта, ср.: англ. *monkey* ‘обезьяна’ – перен. разг. ‘глупая жена/женщина’, нем. *Gans* ‘гусыня’ – перен. разг. ‘глупая жена’, русск. *курица* ‘домашняя птица’, ‘самка петуха’ – перен. разг. ‘глупая жена/женщина’, укр. *курка* ‘домашняя птица’, ‘самка петуха’ – перен. разг. ‘глупая жена/женщина’;

в) личных качеств, черт характера (например, как порядочность, честность, смелость, предательство, хитрость, властность, жадность, вспыльчивость, сварливость, малодушие и др.), ср.: англ. *gander* ‘гусак’ – перен. разг. ‘муж, которым полностью управляет жена’; нем. *Laus* ‘вошь’ – перен. разг. ‘невоспитанный ребёнок’, русск. *тигрица* ‘самка тигра’ – перен. разг. ‘сварливая жена’, укр. *змія* ‘пресмыкающееся с длинным извивающимся телом, часто с ядовитыми железами в пасти’ – перен. разг. ‘сварливая жена’.

г) поведения, поступков, которые наиболее полно презентуют образ родственников, ср.: англ. *old wolf* (букв. ‘старый волк’) – перен. разг. ‘гуляющий муж’; нем. *Keiler* ‘дикий кабан’ – перен. разг. ‘отец, который бьет своих детей’; русск. *волчара* – перен. разг. ‘гуляющий муж’; укр. *козел* ‘самец козы’ – вульг. ‘гуляющий муж’.

Во всех сопоставляемых языках зооморфизмы номинируют следующих членов семьи:

– **мужа**: англ. *buck* ‘самец оленя, антилопы’; нем. *Haushammel* (букв. ‘домашний баран’); русск. *тигр*; укр. *бегемотик*;

– **жену**: англ. *mare* ‘кобыла’; нем. *Nachtigall* ‘соловей’; русск. *жаба*; укр. *курка*;

– **ребенка (мужа и жены)**: англ. *rug rat* (букв. ‘ковровая крыса’); нем. *Jungtier* ‘детёныш животного’; русск. *жучок*; укр. *хробачок* ‘червячок’.

В немецком, русском и украинском языках зооморфизмы используются также для номинации **матери**. Так, в названных языках беспокойную, излишне опекающую своего ребёнка (детей) мать, сравнивают с наседкой, ср.: нем. *Glucke*, русск. *наседка*, укр. *квочка*. В русском и украинском языках мать, которая не заботится о своих детях или оставила их на попечение других людей, сравнивается с кукушкой, ср.: русск. *кукушка*, укр. *зозуля*.

В немецком и русском языках зафиксированы также ЗНР, номинирующие **родителей**, ср.: нем. *Zebra* ‘зебра’ – перен. разг. ‘родители, один из которых афроамериканец/ка’; русск. *кони*.

Показательно, что лишь в английском языке отмечены зооморфные номинации **брата** (*junior wolf* букв. ‘младший волк’), в свою очередь, только в немецком – **сестры** (*Lästerschwein* букв. ‘богохульная/ругающаяся свинья’), **братьев и сестер** (*Zecke* ‘клещ’), а в русском – **отца** (*коть*) и **тещи** (*кобра*).

В зависимости от степени распространенности в исследуемых языках зооморфного образа, положенного в основу номинации родственных отношений, зооморфные метафоры распадаются на **универсальные** и **уникальные**.

Сходство в области семантического значения ЗНР в английском, немецком, русском и украинском субстандартных языках свидетельствует о частичной общности образного фонда сравниваемых культур. Выбор того или иного животного для обозначения ситуаций, связанных со сферой жизнедеятельности человека, совпадает с поведением этого животного, присущего для обеих лингвокультур, и отражает сложившиеся у людей представления о них. Так, всем сопоставляемым в работе языкам присущ схожий анималистический образ крупного рогатого животного, используемый для номинации обманутого мужа, ср.: англ. *moose* ‘лось’, нем. *Elch* ‘лось’, русск. *олень*, укр. *олень*. Также отмечен образ мужа, которым полностью управляет жена, ср.: нем. *Haushammel* (букв. ‘домашний баран’); англ. *tup* (букв. ‘баран’); русск. *баран*; укр. *баран*.

Одни и те же зооморфизмы по-разному характеризуют и оценивают того или иного родственника в сопоставляемых языках. Так, например, для номинации жены используется универсальный образ кошки, который в различных языках репрезентирует, однако, различные свойства супруги, ср. образ кошки в германских и славянских языках: англ. *spit-cat/ spit-kitten* (букв. ‘свирепая кошка’) – перен. разг. ‘сварливая жена’; нем. *Hauskatze* (букв. ‘домашняя кошка’) – перен. разг. ‘невыносимая жена’; русск. *кошка* – груб. ‘гулящая жена’; укр. *кішка* ‘кошка’ – груб. ‘гулящая жена’.

Различие семантики зоонимов в сопоставляемых языках является, в частности, следствием несхожести моральных, этических норм, что подтверждает независимое развитие каждой из сравниваемых лингвокультур.

Уникальными зооморфными метафорами являются, по данным словарей, такие ЗНР: амер. *Alligator* ‘аллигатор’ – перен. разг. ‘жена циркового артиста’; австрал. *joeu* ‘детёныш (обычно кенгуру, еще живущий в сумке матери)’ – перен. разг. ‘ребенок’. Естественный ареал обитания кенгуру – Австралия, аллигаторов – Америка. В отличие от жителей Европы, коренное население данных континентов хорошо знакомо с этими животными, с их повадками, образом жизни, что, естественно, находит свое закрепление в американском и австралийском вариантах английского языка.

Итак, анализ наименований родственных отношений в английском, немецком, русском и украинском субстандартных языках выявил определенные черты сходства и различия, которые, в частности, проявляются в наборе зооморфных образов, в их выборе для характеристики того или иного родственника, в ярко выраженной оценочности ЗНР, характеризовать образ человека, оценить отношение говорящего к респонденту, отразить внешние черты, свойства характера, умственную деятельность, его поведение и поступки, отношения в обществе. Совпадение образных сравнений в английских, немецких, русских и украинских ЗНР обуславливаются характерными повадками или широко известными отличительными особенностями представителей животного мира, вызывающими в языковом сознании носителей разных языков сходные мыслеобразы. Универсальные зооморфные сравнения являются т.о. следствием воздействия поведения и характера общего первоисточника. Проведенный сопоставительный анализ ЗНР показал, что основными причинами расхождения в семантическом развитии зооморфизмов в исследуемых германских и славянских языках является общность и различие этнокультурных особенностей образного фонда английской, немецкой, русской и украинской лингвокультур. Зооморфный код культуры, моделируя языковую картину мира, закрепляется в лексическом фонде субстандартного языка, приобретая пародийно-шутливую окраску.

Литература

1. Басыров Ш. Р., Косицкая А. Г. Структурно-семантическая характеристика наименований человека в сфере искусства (на материале современного немецкого разговорного языка) // *Нова філологія*. 2014. № 67. С. 14-20.
2. Гукетлова, Ф. Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира: автореф. дис. ... докт. филол. наук / Ф. Н. Гукетлова. – М., 2009.
3. Махова И.Н. Анимализация человека в коллоквиальной лексике современного немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук / И.Н. Махова. – Пятигорск, 1999. – 199 с.
4. Метельская, Е. В. Образ человека в английской и русской субстандартной лингвокультурах (на материале зоонимов английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Метельская. – Пятигорск, 2012. – 26 с.
5. Рябичкина Г. В. Проблемы субстандартной лексикографии английского и русского языков: теоретический и прикладной аспекты: дис. ... д. филол. н. / Г. В. Рябичкина. – Пятигорск, 2009. – 389 с.

Е.И. Петрищева
ЗООМОРФНАЯ НОМИНАЦИЯ РОДСТВЕННИКОВ
В СУБСТАНДАРТНОЙ ЛЕКСИКЕ

Сведения об авторе

Петрищева Елена Игоревна, преподаватель ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», e-mail: petrischewa-elen@mail.ru

ZOOMORPHIC NOMINATIONS OF RELATIVES IN SUBSTANDARD LEXIS

E.I. Petrishcheva

Abstract. The article deals with functioning, differentiation and systematization of the zoomorphic nominations of relatives (ZNR) in the substandard lexis of English, German, Russian and Ukrainian languages. Thematic groups of the most common ZNR are described. The generality and specificity in the field of semantics of zoolexemes in German and Slavic languages and the dependence of their use on the ethno-cultural features of the figurative fund of comparable linguocultures are established.

Key words: zoomorphism, linguoculture, metaphor, comparison, substandard lexis

Data about the author

Petrishcheva E., Lecturer of of Donetsk National University, e-mail: petrischewa-elen@mail.ru

УДК 81'1

РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

В.Е. Сабитова

Аннотация. В статье освещены основные подходы к изучению теории речевых жанров в России. Автор обращает внимание на исторические предпосылки современного этапа исследования данного вопроса. Приведены примеры актуальных направлений в изучении понятия речевого жанра. Помимо этого, автор упоминает речевые стратегии и тактики как еще один способ системно описать процесс формирования коммуникации и как примеры факторов, влияющих на него.

Ключевые слова: теория речевых жанров, речевые жанры, речевые стратегии и тактики, высказывание, коммуникация

Теория речевых жанров (ТРЖ) стала одним из самых важных направлений лингвистики, а именно теории дискурса. Изучение данного вопроса позволило упорядочить как сведения о функциональной стороне языка, так и системность речи. Несомненно, с течением времени взгляды на эту проблему менялись и продолжают меняться по сей день. Однако на данном этапе развития направления можно сказать, что ТРЖ помогает решать задачи, общие для всех языковых дисциплин (из чего складывается высказывание, почему в определенной ситуации выбираются определенные средства и т.д.) [4, с. 8].

В России изучение речевых жанров началось с М. М. Бахтина. За основу исследования он взял высказывание. Оно более экспрессивно, чем предложение, что позволяет более ясно видеть проявления речевых жанров. Также высказывание имеет автора и адресата, что не может не влиять на определение речевого жанра ситуации. Бахтин рассмотрел три составляющие высказывания: содержание, стиль и композиция. Каждая из них определяется спецификой речевой ситуации, и каждая сфера общения формирует отдельные уникальные устойчивые типы комбинаций составляющих. Эти типы и были определены им как речевые жанры. М. М. Бахтин разделил речевые жанры на устные и письменные, объясняя их разнородность. Также он выделил первичные и вторичные (более сложные) речевые жанры, элементами которых они и являлись. Помимо этого, он указал на связь речевых жанров со стилем речи с одной стороны и с индивидуальными чертами личности говорящего – с другой [1, с. 159-206].

Именно М. М. Бахтин своими исследованиями дал старт коммуникативному изучению РЖ (как одного из признаков коммуникации), а также когнитивному изучению РЖ, без чего невозможны теории современных речеведческих наук. Бахтин описал типичную модель высказывания, фактически, как фрейм. Однако его исследования привели к формированию одной из трудностей современной ТРЖ. Основная часть методики и теории по изучению данной категории коммуникации опирается на его тезисы, тем самым продолжая уже известную теорию.

Другой трудностью современной ТРЖ В. В. Дементьев называет совпадение ее системы понятий с теорией дискурса. Учитывая, что в обоих направлениях используются похожие категории, можно в какой-то степени возвести понятия дискурсивной лингвистики к теории жанров, поэтому само понятие жанра может считаться избыточным [4, с. 9-13].

Также среди трудностей автор отмечает отсутствие системы существующих жанров, несмотря на достаточную изученность некоторых их разновидностей. Более того, отсутствует и понятийная система данной категории, ведь даже само понятие «жанр» до сих пор трактуется учеными по-разному и единой точки зрения по этому вопросу всё еще нет [2].

Другим важным пунктом отечественного изучения речевых жанров являются труды Оксаны Сергеевны Иссерс. В ее исследованиях мы можем видеть понятие «речевые стратегии и тактики», которое схоже с понятием речевых жанров. Появление новых по-

нятий подчеркивает усиление прагматических подходов к анализу языка и речи. Оно было обусловлено несколькими факторами:

1) коммуникативный фактор. Очевидно, что не всегда результат речевой деятельности достигается путем применения лишь одного средства. Помимо того, что это всегда целый комплекс средств, также мы можем наблюдать, что в процессе общения средства коммуникации постоянно изменяются. Поэтому стало ясно, что такой комплекс мер является не просто средством выражения мысли, а отдельной лингвистической категорией.

2) несоблюдение говорящими Принципа Кооперации П. Грайса [3]. Часто коммуниканты для достижения результата пытаются навязать свое мнение собеседнику, уклоняясь от вступления в диалог с ним, что по сути является нарушением кооперации. Это доказывает, что говорящие осознают стратегическое значение дискурса.

3) риторический фактор. Чаще всего в процессе говорения участники пытаются максимально оптимизировать коммуникацию – привлечь внимание собеседника, акцентировать ту или иную информацию, иными словами, средствами регулирования процесса общения пытаются добиться лучшего результата. Яркий пример такой коммуникации мы можем наблюдать в рекламных текстах, где даже намеренные ошибки могут регулировать степень успешного восприятия результата.

4) когнитивный фактор. Средствами коммуникации говорящие могут в какой-то степени влиять на мир собеседника, и такое общение зависит напрямую от сознания адресата и адресанта.

5) социопсихологический фактор. Выбор того или иного средства коммуникации подразумевает его полное соответствие нормам данной речевой ситуации.

6) лингвистический фактор, ведь любой говорящий сможет по-разному осуществить то или иное коммуникативное намерение, если ему предоставить выбор [6].

7) эстетический фактор. Выбор определенной речевой тактики может «создавать впечатление», что иногда необходимо для коммуникантов. И чтобы произвести это самое впечатление, участники общения порой выбирают более осложненные тактики. [5, с. 177-181].

Другое понятие, речевая стратегия, складывается из совокупности речевых действий, используемых для достижения коммуникативной цели. Важной составляющей частью речевой стратегии О.С. Иссерс называет прогнозирование. Чтобы правильно выбрать речевую стратегию, говорящий должен уметь анализировать речевую ситуацию и уметь прогнозировать ее. Для того, чтобы построить стратегию для будущей коммуникации, необходимо обладать тремя видами данных для построения диалога:

- Что предстоит (вид речевого акта)
- Как настроены коммуниканты (на кооперацию или конфронтацию)
- Какими признаками можно описать речевую ситуацию (например, формальное или неформальное общение)

Таким образом, становится ясно, что планирование речевой стратегии – это не просто конструирование высказываний, но и результат восприятия и интерпретации информации коммуникантами [5, с. 181-184].

В целом, можно сказать, что на современном этапе развития теории речевых жанров мы можем охарактеризовать данное направление двойственностью его природы. С одной стороны, это широта изучаемого явления, например, В. В. Дементьев в книге «Теория речевых жанров» выделяет около 250 жанров, при этом указывая на приблизительный характер списка. То есть получается, что речевых жанров на самом деле – бесчисленное множество, которое, разумеется, сложно систематизировать и изучить. С другой стороны, это неизученность речевого жанра как категории, что является логическим продолжением его безграничности. Стоит отметить, что на это указывал М. М. Бахтин уже в середине XX века.

Литература

1. Бахтин М.М. Собр. соч. – М.: Русские словари, 1996. – Т.5: Работы 1940-1960 гг. – С.159-206.
2. Гольдин В. Е. Проблемы жанроведения // Жанры речи. Вып. 2. Саратов, 1999.
3. Грайс П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985.
4. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. – М.: Знак, 2010. – 600 с. – (Коммуникативные стратегии культуры).
5. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью» / О.С. Иссерс. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 224 с
6. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986. С. 195–222.

Сведения об авторе

Сабитова Вероника Евгеньевна, Студент магистратуры Казанского (Приволжского) федерального университета, e-mail: veronica.sabitova@mail.ru

SPEECH GENRES AS THE OBJECT OF STUDYING IN RUSSIAN LINGUISTICS

V.E. Sabitova

Abstract. In this article, basic approaches to studying of the theory of speech genres in Russia are reviewed. Author underlines historical background of modern stage of research. Examples of main branches of studying of this issue are given. Besides, author refers to speech strategies and tactics as another way of systemic description of communication formation and as the examples of factors influencing it.

Key words: theory of speech genres, speech genres, speech strategies and tactics, utterance, communication

Data about the author

Sabitova V., Master's Student, Kazan (Volga Region) Federal University, e-mail: veronica.sabitova@mail.ru

УДК 81-21

АНГЛИЦИЗМЫ В РОССИЙСКОЙ РЕКЛАМЕ

Р. Сагитова, Д. Федорова

***Аннотация.** Проблема использования английских слов в текстах рекламы является фактической. Мы – все потребители и из-за рекламы, мы выбираем товары или услуги. Основная цель нашего расследования состоит в том, чтобы определить частотность использования английских слов в российских названиях магазинов и компаний. Английские заимствования в рекламных текстах на русском языке служат источником обогащения русского языка. В России в последние годы, было широкое использование англоязычных заимствований в фактически всех сферах деятельности человека, и особенно в рекламных текстах. Англицизмы в рекламных текстах на русском языке служат источником обогащения русского языка, потому что на их основе образовалось огромное количество неологизмов, чтобы усилить такие прагматические особенности рекламного языка как контраст, уникальность и интенсивность.*

***Ключевые слова:** лингвистика, англицизмы, реклама, русский язык, английский язык, контраст, уникальность, интенсивность*

The problem of using of anglicisms in advertising is actual nowadays. The name of shop – is like a visiting card and merchants anchor their hope on a right choice of the name when the assortment of goods and services is quite boring. English-language borrowings, the study of which is devoted to this work, have a significant impact on the main factors of the advertising language, namely the factor of contrast, uniqueness and intensity [2, 4]. To enhance the contrast factor in the advertising text, the interlingual contrast is used, which implies the use of English words in the Russian text. As a contrast, you can use not only the English word or phrase, but also the letters of the English alphabet. Using of anglicisms in Russian advertising is explained by many factors:

The emergence of new terminology (computer language, economics, finances). In connection with rapid development and spreading information technologies, a vast number of new things appeared in our daily life, and they need to be named (the Internet, laptop, bite, site, etc.). In this way, a great number of Americanisms became to Russian language, so it is easier to use already existing words than to invent new ones [7].

No corresponding name. About 15% of the newest anglicisms are borrowed due to the lack of an appropriate name: top model, virtual, investor, sponsor, spray.

Knowledge of English is considered highly prestigious. Often people, using English words or expressions, thus want to look fashionable, using such words as: presentation, rating, talk show, branding and others.

The use of anglicisms in advertising promotes the appearance of an "illusion of uniqueness", i.e. impressions of the uniqueness, significance of the advertised product or service. An important role in it is played by anglicisms, unusual and unconventional forms that can attract the attention of the consumer. That is why many firms, advertising their goods or services, use anglicisms. A large number of advertisers often do not have the experience that would allow them to create advertising that meets the requirements of the time and copy the English advertising. Thus, the English element often plays the role of attracting attention. This function, of course, is very important. It stands in the first place in the advertising formula AIDA: A – attention – to attract the buyer's attention; I – interest – to be interested in his offer; D – desire – to excite the desire to have an advertised product; A – action – the ultimate goal – to induce the recipient to the main action – the purchase of goods.

Studies show that recipients understand about 38% of English words, but this does not reduce the effectiveness of advertising. "Strange" and "incomprehensible" is estimated, rather, as interesting and attractive. Saturation of the language of advertising elements of the English language almost never affects the consumption. This phenomenon can also be observed in musical discourse, where the principle WHRU operates – widely heard rarely understood (everyone hears it, but only few people understand) – it is important to create a sound background that inspires positive associations, and they can be different for each listener [3, 5].

Thus, it can be concluded that the penetration of words and expressions from one language to another is a continuous and dynamic process that is connected with the globalization of the economy and advertising. The number of anglicisms in advertising will not decrease, but on the contrary will constantly increase.

Of course, with the penetration of English words into any language, the latter loses its uniqueness and integrity, but this, unfortunately, is inevitable. The use of English is very beneficial in the conditions of the developing environment of advertising communications, due to its flexibility, openness to change and ease of perception. English is the language of a new generation without a certain nationality and residence, brought up in mass culture. The main function of advertising is to attract people's attention to a product or service, so the use of anglicisms in it is an integral part of the success of any company [1].

For advertising purposes, a huge number of firms are called: Ford Dialogue (computer equipment firms), House Holding, City, Insight (real estate agencies), Doctor Dent, Smile, Dental Forte, "Regent", "Insight Help" (dental offices), "Print Express" (printing house). Very often, the contrast effect that occurs when using English words along with Russian words is used in advertising slogans, for example: "Chester – go to wide leg. Price & Quality (Chester-ходинаширокуююногу. Цена&Качество)" (shoes), "Maggi – hot mug (Maggi – горячаякружка)" (food), "Baby – orange, Baby shop (Baby-апельсинчик, Baby магазинчик)" (children's clothes and toys store).

As a contrast, in the advertising slogan, not only English words and phrases can be used, but also the letters of the English alphabet "ВыRozziceбя" (a boutique of fur products "Rozzi"), "Cellular salon" Mobeliization", "ZapchastiKamaZ-The central letter of your business ". The letters of the English alphabet are not only used to achieve contrast, but also remind us of the name of the company itself). It is necessary to emphasize the important role of inclusions in English in advertising texts [6].

Having analyzed the role of such inclusions affecting the contrast factor, we would like to emphasize the role of illustrations used in advertising a particular product or service. The illustration helps to understand and adequately perceive the information that the advertisement contains. Thus, English borrowings in advertising texts in Russian serve as a source of enrichment of the Russian language. For example: "Ace Brilliant – Gentle whitening, radiant whiteness" (bleach advertisement). Here the repetition of the sound "b" not only helps to create a certain rhythm of the advertising text, but also to cause in the minds of the buyer certain associations with the word "white", "Rowenta. Joy in your house". "Wella. You are gorgeous", "Clean is pure Tide." To strengthen the intensity factor, rhyme is often chosen for the name of the trademark: "Lays – you will crash, you will not stand", "With Mr. Proper cheerful, clean will be twice as fast."

Литература

1. Авилова Н.С. Слова интернационального происхождения в русском литературном языке нового времени. М. – 1967. – 426 с.
2. Алексеева Т.А. К проблеме англоязычных заимствований. –М. – 1995. – 325 с.
3. Андреева Е.А., Сагитова Р.Р., Назмиева Э.И. Роль аксиологических фразеологизмов в формировании межкультурной компетенции студентов на занятиях по иностранному языку в вузе обучения / Е.А. Андреева, Э.И. Назмиева, Р.Р. Сагитова // Вестник НЦ БЖД. – № 1 (35). – 2018. – С. 5-12.
4. Belyaeva E.A. The analysis of paradoxical English statements by using schemes / E.A. Belyaeva // Russian Linguistic Bulletin. – 2017. – #2. – P.43-
5. Катернюк А.В. Современные рекламные технологии. Коммерческая реклама. Ростов-н/Д. – 2001. – 320 с.
6. Ларионова Е.В. Новейшие англицизмы в современном русском языке: автореф. дис.канд. филол. наук. – М. – 1993. – 17 с.
7. Неверова И.А., Мерзлякова Н.С. // Научное сообщество студентов XXI столетия сб. ст. по мат. XXXV междунар. студ. науч.-практ. конф. – № 8(35).

Сведения об авторах

Сагитова Римма Раисовна, к.пед.н., доцент К(П)ФУ, e-mail: sag-rimma@yandex.ru; Федорова Дарья Сергеевна, студентка К(П)ФУ

ANGLICISMS IN RUSSIAN ADVERTISING

R. R. Sagitova, D. S. Fedorova

Abstract. The problem of using English words in advert texts is actual. We are all consumers and due to advertising, we choose goods or services. Daily there is a large amount of new shops, companies in front of us and each one need a name, which should be harmonic and motivated. The main aim of our investigation is to identify advisability of using English words in Russian names of shops and companies. English borrowings in advertising texts in Russian serve as a source of enrichment of the Russian language. In Russia in recent years, there has been widespread use of English-language borrowings in virtually all spheres of human activity, and especially in advertising texts. Thus, as a conclusion we can point out that English-language loan in advertising texts in Russian serve as a source of enrichment of the Russian language, because based on English borrowings a huge number of neologisms, linguistic devices are created to strengthen such pragmatic characteristics of the advertising language as contrast, uniqueness and intensity.
Key words: linguistic, anglicisms, advertising, Russian language, English language, contrast, uniqueness, intensity

Data about the authors

Sagitova R., PhD, Associate Professor of KFU, e-mail. sag-rimma@yandex.ru; Fedorova D., student of KFU, e-mail: darya.9797@mail.ru

УДК 8.81

ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЕ В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

С.С. Тахтарова, И.Д. Исхакова

Аннотация. В статье описываются терминологическая специфика англоязычного юридического дискурса в переводческом аспекте. Юридический дискурс представляет собой тип институционального дискурса, который характеризуется наличием юридической терминологии. В статье анализируются различные юридические документы, выявляются типы терминов, а также способы их образования в англоязычном юридическом дискурсе. Кроме того, рассматриваются проблемы перевода юридических терминов с английского языка на русский, анализируются уже имеющиеся переводы на русский язык, а также предлагаются свои варианты перевода.

Ключевые слова: юридический дискурс, англоязычная юридическая терминология, способы терминообразования, проблемы и способы перевода

В современном мире право приобретает глобальный характер. Юристы сталкиваются с различного рода международными документами, которые требуют перевода на другие языки, в том числе и на русский.

В связи с этим, исследование юридического дискурса, а также проблем перевода в области юридического дискурса представляется весьма актуальным. Являясь одним из видов институционального дискурса, юридический дискурс может быть охарактеризован по следующим параметрам, предложенным российским лингвистом В.И. Карасиком: участники коммуникации, цели коммуникации, хронотоп, ценности, стратегии, тематика, жанр, а также дискурсивные формулы [2, с. 20].

Участниками юридического дискурса могут быть судья – обвиняемый, адвокат – обвиняемый и т.д. Целями юридического дискурса могут быть опрашивание свидетелей, выяснение обстоятельств дела, вынесение заключительного решения суда. Хронотопом (местом и временем) юридического дискурса могут выступать зал судебных заседаний, тюремная камера, срок, назначенный судьей, или время, в течение которого длится судебный процесс. Ценности, определяющие юридический дискурс, также могут быть различными: соблюдение прав человека, выполнение гражданином его обязанностей и т.д. Коммуникативные стратегии участников юридического дискурса ограничены правилами и предписаниями (например, судья не может вольно интерпретировать закон). Жанрами юридического дискурса являются различного рода юридические документы, такие как тексты законов, конвенций, заключительные речи судей, показания свидетелей. Фактическим материалом для данной работы послужили краткие изложения содержания судебных решений, стенограммы устных выступлений Международного суда ООН (The International Court of Justice), Европейского суда по правам человека (The European Court of Human Rights), Верховного суда США (The Supreme Court of the United States), Верховного суда Великобритании (The Supreme Court of the United Kingdom), а также тексты конвенций.

Проанализировав юридические документы, нами был сделан вывод, что юридические тексты отличаются клишированностью, наличием юридической терминологии, для которой характерна однозначность, нейтральность, отсутствие эмоциональной окраски. Однако следует отметить, что некоторые юридические термины используются в повседневной речи и теряют главные свойства термина, приобретая многозначность и эмоциональную окраску. Например, такие слова, как *plaintiff* – *истец*, *litigation* – *судебный процесс* являются чисто юридическими терминами и характеризуются однозначностью и отсутствием эмоциональной окраски, а такие слова, как *argument* – *спор; довод; прения; рассуждение*, *avoidance* – *избежание; уклонение; лишение юридической силы*, *bar* – *брусок, закусочная; буфет; адвокатура; прекращать, препятствовать* используются и за

пределами юридической речи, являются многозначными, поэтому понимание их зависит от контекста.

С.В. Гринев-Гриневиц выделяет две группы терминов: термины-слова и термины-словосочетания. К однословным терминам, или терминам-словам С.В. Гринев-Гриневиц относит простые, аффиксальные (суффиксальные, префиксальные или суффиксально-префиксальные) и сложные термины [1, с. 121]. В юридических документах было выявлено и проанализировано 300 терминов, среди которых 226 терминов являются терминами-словосочетаниями, а остальные 74 термина – терминами-словами. Среди терминов-слов преобладают аффиксальные (86 %), при этом встречаются как суффиксальные: *indictment* (слово образовано путем добавления суффикса *-ment* к глаголу *indict* – обвинять) – *обвинительное заключение*, *offence* (термин образован при помощи суффикса *-ence*, выражающего абстрактные понятия) – *проступок*, префиксальные: *dissent* (глагол образован путем прибавления отрицательной приставки *dis*) – *заявить особое мнение*, так и префиксально-суффиксальные: *imprisonment* (существительное образовано с помощью префикса *im* с отрицательным значением и суффикса *-ment*) – *тюремное заключение*, *maltreatment* (слово образовано путем добавления приставки *mal* со значением «плохой», «неправильный» и суффикса *-ment*) – *грубое обращение*. Также приведем примеры простых терминов-слов (*approach* – *обращение*, *appeal* – *апелляция, обращение*) и сложных терминов-слов (*shareholder* – *акционер*). Простые термины-слова составляют 12 % от всех терминов-слов, сложные термины – 2%. Среди терминов-словосочетаний встречаются словосочетания со схемой «существительное + существительное» (*prosecution witness* – *свидетель обвинения*, *disclosure obligation* – *обязательство по раскрытию информации*), «прилагательное + существительное» (*compulsory self-incrimination* – *вынужденное самообвинение*, *pretrial motion* – *предварительное ходатайство*, *indeterminate sentence* – *назначение неопределенной меры наказания*), «существительное + предлог + существительное» (*confines of the trial* – *ограничения судебного производства*, *warrant of commitment* – *приказ о заключении под стражу*, *enactment of laws* – *введение закона в силу*), термины из трех слов и более (*compelling interest test* – *процедура, обязывающая суд в полной мере учитывать религиозные убеждения человека*, *legitimate forensic purpose* – *легитимные судебно-медицинские цели*). При этом схема «прилагательное + существительное» является наиболее частотной (50%), далее следует модель «существительное + предлог + существительное» (15%), термины, состоящие из трех и более слов (14%), а также модель «существительное + существительное» (13%).

Как подтип терминов-словосочетаний следует рассмотреть также латинские заимствования, которые часто встречаются в юридических документах. Латынь, будучи языком римского права, является одним из способов пополнения юридического словарного запаса. Приведем примеры таких заимствований: *status quo ante* – *ранее существовавшее положение*, *parens patriae* – *право государства выступать в качестве истца от имени граждан*, *inter alia* – *среди прочего*.

Inasmuch as possible, restore the situation to the status quo ante, in revoking permits granted to fishing vessels operating in Nicaraguan waters [6, p.4]. – *В той мере, в какой это возможно, восстановить статус-кво анте, отозвав разрешение, выданное рыболовным судам, действующим в территориальных водах Никарагуа* [4, с. 5]. Латинские заимствования составили 8% от всех терминов-словосочетаний.

Типы терминов соотносятся со способом их образования. Так, термины-словосочетания образованы синтаксическим – 67% или морфолого-синтаксическим способом (аббревиация, словосложение) – 4%, термины-слова – морфологическим (аффиксация, конверсия) – 21% и семантическим способом – 1%. Можно привести следующие примеры конверсии: *approach* (*v, n*) – *обращение, обращаться*, *void* – *недействительный; аннулировать*; семантического способа терминообразования (случая, когда слово меняет свое первоначальное значение): *virtue* – *добродетель*, в юриспруденции же это слово исполь-

зуется в значении «сила документа». Встречается также аббревиация: IDT (*Industrial Disputes Tribunal*) – *Трибунал по трудовым вопросам*, UDHR (*Universal Declaration of Human Rights*) – *Всеобщая декларация прав человека*.

Таким образом, синтаксический способ образования является наиболее частотным способом терминообразования в связи с тем, что термины-словосочетания – наиболее часто встречающийся тип терминов в юридическом дискурсе.

Следует особое внимание обратить на перевод англоязычных терминов на русский язык. Одной из главных проблем перевода юридических текстов с английского языка на русский является несовпадение правовых систем государств. В связи с этим, наряду с лексикой в ИЯ, имеющей эквивалент в ПЯ, особый интерес представляет перевод безэквивалентной лексики. В проанализированных нами англоязычных юридических документах и их переводах на русский язык встретились следующие способы перевода англоязычных юридических терминов: эквивалентный перевод – 35%, дословный перевод (способ перевода, при котором в языке не существует точного эквивалента, но дается пословный перевод термина) – 27%, лексическая трансформация (при переводе происходили опущения, добавления или замена слов) – 13%, грамматическая трансформация (замена частей речи или изменение типов словосочетаний) – 15%, транскрипция/транслитерация – 2%, калькирование – 1%, описательный перевод – 3%, заимствование – 4%. Приведем примеры англоязычных терминов с эквивалентным переводом: *trustee* – *доверенное лицо*, *commodities contract* – *договор о сделках с сырьевыми товарами*, *plaintiff* – *истец*, *creditor* – *кредитор* (интернациональный термин). Также встречаются случаи эквивалентного перевода, но с лексической трансформацией, например, *exemption provision* – *предоставление иммунитета* (само слово *exemption* переводится как *предоставление иммунитета*, поэтому переводить слово *provision* в данном случае излишне), *clearing agency* – *расчетная палата* (*agency* переведено как *палата*, а не *агентство*), а также случаи эквивалентного перевода, но с грамматической трансформацией: *equity participation* – *долевое участие* (термин типа «существительное + существительное» переведен словосочетанием со схемой «прилагательное + существительное»). Дословный перевод терминов-словосочетаний встречается довольно часто: *initial transferee* – *изначальный получатель*, *matter of conduits* – *дело кондуитных компаний*, *possession of a firearm* – *владение огнестрельным оружием*. Всего 2 % терминов переведено с помощью транскрипции или транслитерации, например, *escrow agent* – *эскроу-агент* (термин распространен в англо-американском праве и означает лицо, которое временно хранит документы от имени двух сторон), *precedent* – *прецедент*. Встречается также такой способ перевода безэквивалентных терминов, как калькирование: *Grand jury* – *Большое жюри* (в США коллегия присяжных заседателей, которая определяет, существует ли достаточно оснований полагать, что было совершено преступление). Также приведем примеры описательного перевода: *content-neutral regulations of speech* – *правила, согласно которым речь должна быть нейтральной по содержанию*, *compelling interest test* – *процедура, обязывающая суд в полной мере учитывать религиозные убеждения человека*. Латинские заимствования, как правило, оставляются в неизменном виде, и переводчик может пояснить, что данное выражение означает.

She concluded that her communication is not an actio popularis and that she has victim status [7, p. 17]. – *В заключение она заявила о том, что ее сообщение не представляет собой жалобу, подаваемую в общественных интересах (actio popularis) и что она действительно является жертвой* [5, с. 20]. В данном примере латинский термин *actio popularis* переведен описательным переводом, при этом в скобках дан сам термин.

Таким образом, можно сделать вывод, что эквивалентный перевод является наиболее частотным способом перевода при переводе юридических терминов. Однако особую трудность при переводе юридических документов составляет безэквивалентная лексика, и доминирующим способом перевода безэквивалентных юридических терминов, по нашим наблюдениям, является описательный перевод.

Литература

1. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. М.: «Академия», 2008. 304 с.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: «Перемена», 2000. 477 с.
3. Левитан К.М. Юридический перевод. М.: ЮСТИЦИЯ, 2017. 378 с.
4. Международный суд ООН. Дело № 155 от ноября 2017. 29 с.
5. Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин. Сообщение № 67/2014. 24 с.
6. International Court of Justice. Case No. 155 of November 2017. P. 26.
7. Committee on the Elimination of Discrimination against Women. Communication No. 67/2014. P. 20.

Сведения об авторах

Тахтарова Светлана Салаватовна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории и практики перевода Казанского федерального университета; Исхакова Ильмира Дамировна, студент 2-ого курса очного отделения магистратуры Казанского федерального университета, e-mail: iskhakova_200994@mail.ru.

TERM FORMATION IN THE LEGAL DISCOURSE: TRANSLATION ISSUES (BASED ON ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES)

S. Takhtarova, I. Iskhakova

Abstract. The paper presents characteristics of the English legal discourse. Being one of the types of the institutional discourse, legal discourse can be characterized by a large amount of law terms. Based on the different legal documents, the study provides types of the terms and their formation in the English legal discourse. Besides, the paper analyses the translation issues of law terms from English into Russian, reviews the translation methods, examines the existing Russian equivalents of English law terms and offers some new variants of translation.

Key words: legal discourse, English law terms, term formation, translation issues and methods of translation

Data about the authors

Takhtarova S., Doctor of Philology, Head of department of Theory and Practice of Translation studies, Kazan Federal University; Iskhakova I., full-time second-year Master student of the Kazan Federal University, e-mail: iskhakova_200994@mail.ru.

УДК 81.347.78.034

ЛЕКСИКА СПЕЦАГЕНТОВ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

А.А. Хафизова

Аннотация. В статье на примере романа “At Risk” британской писательницы Стеллы Римингтон и его перевода на русский язык рассматривается лексика, связанная с образом и деятельностью агентов спецслужб. В профессиональном жаргоне спецагентов выделяются различные тематические группы лексических единиц, определяются особенности переводческих соответствий. Способности языковых единиц порождать ассоциативные и коннотативные значения, а также способности предложений приращивать смыслы требуют особого подхода при переводе, что также представляет исследовательский интерес.

Ключевые слова: политическая лингвистика, перевод, стилистика, разговорная лексика, семантика

Текст как объект лингвистического исследования, а также его перевод на различные языки представляет несомненный интерес, в том числе в силу того, что позволяет обнаружить универсальные и специфические особенности исходного и переводного языков, выявить лакунарные элементы, определить стилистические несовпадения и своеобразие нормы того или иного языка. Выбор жанра, а также художественное своеобразие литературного произведения позволяют решать и ряд дидактических задач в процессе преподавания иностранного языка и перевода. Так, для работы со студентами Института международных отношений, истории и востоковедения КФУ, особый интерес представляет роман «Под угрозой» (“At Risk”) британской писательницы Стеллы Римингтон, возглавлявшей в середине 1990-х британскую службу контрразведки и ставшей первой женщиной в Великобритании, занявшей такой пост. Главная героиня романа – женщина-агент секретной службы. Стелла Римингтон, тем самым, продолжает традицию, когда бывшие сотрудники спецслужб в художественной форме повествуют о своей деятельности.

Роман вышел в свет в июле 2004 года, на русский язык был переведен в 2011 году. В романе раскрывается индивидуальный стиль автора, в данном случае спецагента-женщины. С одной стороны, обнаруживается большое количество профессиональной лексики (профессионального жаргона) спецагентов, своего рода секретный язык, требующий декодирования при восприятии и переводе на русский язык. Так, тематически можно выделить антитеррористическую лексику, религиозную и собственно язык спецагентов. С другой стороны, следуя задачам художественного повествования, автор использует различные стилистические приемы (особый интерес в этом аспекте представляет авторская метафора), которые находят свое отражение в переводе. Особый характер деятельности героев романа порождает содержательно-подтекстовую информацию, скрытую как в речи автора, так и в речи персонажей. Такие способности языковых единиц порождать ассоциативные и коннотативные значения, а также благодаря способности предложений приращивать смыслы представляет определенные трудности для переводчика, как при распознавании таких единиц, так и при передаче их значения на другой язык.

Уже в описании здания Темз-Хаус, где расположена штаб-квартира МИ-5, содержится идея величия и могущества данного учреждения: *A vast and imposing edifice of Portland stone, eight stories in height, it crouches like a great pale ghost a few hundred yards south of the Palace of Westminster* [1]. – Это обширное и внушительное здание из портлендского камня, восьми этажей в высоту, огромным бледным призраком выросло из земли в нескольких сотнях ярдов к югу от Вестминстерского дворца [2]. Недаром автор выбирает слово *edifice* – величественное, крупное монументальное здание, чтобы показать все могущество данной организации.

В следующем отрывке штаб-квартира МИ-5 характеризуется как объект повышенной секретности и безопасности, недоступный для простых людей, как совершенно иной мир со своей отдельной жизнью и законами, скрытый от посторонних глаз.

... (she) slotted her smart pass into the barrier. The front of one of the security capsules opened, she stepped inside, and was briefly enclosed. Then, as she travelled light years in an instant, the rear door slid open, and she stepped in another dimension. Thames House was a hive, a city of steel and frosted glass, and Liz felt a subtle shift inside herself as she crossed its security threshold and was borne noiselessly upwards to the fifth floor [1].

... (она) просунула пропуск в прорезь барьера и вошла в одну из контрольных капсул. На короткое время она оказалась в полностью закрытом пространстве. Затем внутренняя дверь скользнула в сторону, и она, как будто за миг преодолев световые годы, вступила в другое измерение. Темз-Хаус был ульем, городом из стали и дымчатого стекла, и Лиз почувствовала, как внутри ее что-то едва заметно шевельнулось, когда она пересекла порог безопасности и была бесшумно вознесена на пятый этаж [2].

Как известно, под профессионализмами подразумевают совокупность специальных терминов, созданных группой людей, объединенных общей профессиональной деятельностью [3, с. 281]. Представители определенной профессии обозначают вещи, относящиеся к их деятельности, словами общего языка, метафорически переосмысливая их, причем эти метафоры часто бывают достаточно смелыми. Профессиональные диалекты противостоят общему языку не столько по форме, сколько по значению слов; и от этого их социальная окраска только усиливается. Например, *a bag man* (посредник между преступным миром и полицией; гангстер, собирающий откупные деньги и распределяющий их среди членов шайки) – курьер, *something nasty's in the pipeline* (в процессе разработки) – затевается что-то грязное, *to up the security status from black to red* – повысить уровень безопасности с черного до красного, *to deploy an invisible* (привлекать к оказанию услуг, дислоцировать, перебрасывать) – заслат «невидимку». Так, автор приводит следующее пояснение:

An “invisible” was CIA-speak for the ultimate intelligence nightmare: the terrorist who, became he or she is an ethnic native of the target country, can cross its borders unchecked, move around the country unquestioned, and infiltrate its institutions with ease. An invisible was the worst possible news [1].

«Невидимки», как называли их в ЦРУ, были настоящим кошмаром разведки: это были террористы, которые, будучи этническими уроженцами целевой страны, могли незаметно пересекать ее границы, беспрепятственно передвигаться по ее территории и легко проникать в ее учреждения [2].

Особый характер деятельности агентов спецслужб определяет тематический выбор лексики. Так, в романе можно выделить пласт лексики, связанной с терроризмом и борьбы с ним: *the Joint Counter-Terrorist group* – объединенная антитеррористическая группа, *to coordinate operations* – скоординировать операции, *terror networks* – террористические сети, *to set weekly intelligence targets* – разработать план оперативных мероприятий на неделю, *atrocities* (чудовищные преступления, кровавые преступления) – террористическая атака, *terror-related intelligence* – разведывательная (контртеррористическая) деятельность, *lack of communication* – нескоординированность действий различных ведомств, *turf wars* (война за территорию, война за власть) – местнические интересы, *coordinator of counter-terrorist operations* – координатор антитеррористических операций, *a summary of weekend reports from overseas security services* – сводка еженедельных рапортов зарубежных резидентур, *Pakistan liaison* – представители пакистанских спецслужб (досл. связующее звено, контактное лицо), *to report a sighting* – сообщить об обнаружении, *stomping ground* (досл. поле деятельности) – не переведено.

Лексика, связанная с темой экстремизма и борьбы с ним: *ITS – the Islamic Terror Syndicate* – ИТС – исламский террористический синдикат, *Al Qaeda, Islamic Jihad, Hamas* – Аль-Каида, Исламский джихад, ХАМАС, *Children of Heaven* – Дети небес, *UK's militant Islamic communities* – воинствующие исламистские круги Великобритании.

Общий стиль повествования можно назвать довольно свободным и простым, в романе встречается множество слов и выражений разговорного стиля: *regale with the inside*

track on the Daily Mirror's cover story – потчевать подробностями передовой статьи в «Дейли миррор», *lurid tale* – мутная история, *Geoffrey Fane started the ball rolling* – первым был Джефффри Фейн (*идиом.* заварить кашу, начинать действовать, положить начало, запускать процесс и т.п.), *bring into the loop* (задействовать) – привлечь к этому делу, *we'll keep our ears very close to the ground* – мы будем держать ухо востро, *stay in constant touch with our agents this end* – находиться в постоянном контакте с нашими агентами здесь, в этой стране.

Встречаются также и жаргонные слова: *crack-fuelled orgies at a five-star Manchester hotel* – оргии с крэком в одной манчестерской гостинице (*крэк* – дешёвая, общедоступная смесь кокаина с примесями пригодная для курения (ср. рус. *дурь*), *butterflies and doves* – бабочки и голуби (названия экстази), а также названия синтетических наркотических веществ *ecstasy, temazepam, methamphetamine crystal*.

В романе также встречаются названия учреждений, улиц, за которыми кроется дополнительный смысл. И в этом случае только контекст позволяет читателю догадаться о значении этих названий, широко известных, например, английскому читателю. Так, название здания, где расположена штаб-квартира МИ-5, Темз-Хаус, поясняется в русском тексте только, когда в тексте оригинала дается соответствующее описание. Или название улицы Савил-Роу (*Savile Row*) в районе центрального Лондона, известной своими ателье мужской моды.

Tanned and grey-eyed, his flannel suit murmuring unmistakably of Savile Row, he cut a glamorous figure in this generally nondescript gathering [1]. Загорелый и сероглазый, во фланелевом костюме, явно купленном на Савил-Роу, он являл собой эффектную фигуру в этом обычном безликом собрании [2]. Интересен выбор в тексте оригинала метафоры '*suit murmuring*' (*to murmur* – говорить тихо, шептать, бормотать, шелестеть, лепетать), что говорит об элегантности обладателя костюма, при этом имеющий совершенно не кричащий внешний вид. В переводе данная метафора не воспроизведена.

Примечательно, что внешний вид сотрудников спецслужб автор сравнивает с *советской тусклостью* (*Soviet drabness*, т.е. серый, однообразный), называя его сдержанной культурой Темз-Хауса (*self-deprecatory culture of Thames House*), причем в английском тексте можно почувствовать нотки некоторого примирения и подчинения системе.

Довольно интересно в романе представлены описания внешности и личностных качеств спецагентов: *a tall, aquiline figure-like a heron in chalk-stripes* – высокий с орлиным обликом (досл. высокий, с орлиным станом – как цапля в тонкую белую полосу; очевидно, речь идет о костюме); *reputation for unswerving ruthlessness* – репутация человека решительного и безжалостного (досл. непоколебимая безжалостность). В последнем выражении наблюдается амплификация (добавление) такого качества, как решительный. Оксюморон, передающий строгий образ спецагента, не переведенный во вторичном тексте, представлен в следующем примере: *Felt the slow, cold burn of his gaze*.

Обращение к аллюзии представлено в следующем предложении: *What did they all think they were T.E. Lawrence, or Ralph Fiennes in The English Patient?* – Почему все они считают себя реинкарнацией Лоуренса Аравийского?

Томас Эдвард Лоуренс, более известный как Лоуренс Аравийский (1888-1935), – британский офицер и путешественник, сыгравший большую роль в Великом арабском восстании 1916-1918 годов. Автор мемуаров «Семь столпов мудрости». Лоуренс считается военным героем, как в Великобритании, так и в ряде арабских стран Ближнего Востока. Как видим, вторая часть аллюзии, а именно имя британского актера Рафа Файнса в известном фильме режиссера Антони Мингеллы «Английский пациент», получившим в 1997 г. премию «Оскар» в номинации лучший фильм, в переводе на русский языка опущена.

Our feeling at Vauxhall is that this activity is significant. – Мы в Воксхолле думаем, что это событие очень важно. В районе Воксхолл-Кросс (*Vauxhall Cross*) находится известное здание М16 – Здание Секретной Разведывательной Службы Великобритании.

Прием конкретизации (смыслового расширения) используется в следующем примере: *“What’s your view on likely targets and the timing of all this?”* (Chapter 2). – Что вы думаете относительно вероятных целей и времени нападения?

Предварительный анализ лексических единиц романа Стеллы Римингтон *“At Risk”* показал, что в произведении широко используется лексика, связанная с деятельностью спецагентов, а также борьбы с терроризмом и экстремизмом. Перевод на русский язык неполный (сокращенный), поэтому ряд интересных лексических решений остается не воспроизведенным. В силу структурных и культурных различий исследуемых языков, часто семантический объем слов не совпадает. В то же время роман отражает современное состояние развития языка, демонстрируя свободный стиль и достаточную эластичность языковых и стилистических норм.

Литература

1. Интернет-ресурс: Rimington, Stella. *At Risk*. – URL: www.royallib.ru (дата обращения: 7.05.2018).
2. Интернет-ресурс: Римингтон С. *Под угрозой*. – URL: <https://www.litmir.me/a/?id=285499> (дата обращения: 7.05.2018).
3. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка / И.В. Арнольд. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 376 с.
4. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Я.И. Рецкер. – М.: Аудитория, 2016. – 244 с.
5. Hornby A.S. *Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English* / A.S. Hornby. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 1780 p.

Сведения об авторе

Хафизова Алсу Александровна, кандидат филологических наук, доцент КФУ, e-mail: alsou-f@yandex.ru

THE VOCABULARY OF SPECIAL AGENTS AS THE OBJECT OF LINGUISTIC STUDY

A. Khafizova

Abstract. The article studies the vocabulary connected with the image and professional work of special agents from the novel *“At Risk”* by the British writer Stella Rimington and its translation into the Russian language. In professional jargon of special agents, various thematic groups of lexical units are pointed out and peculiarities of translational equivalents are revealed. The capability of linguistic units to create associative and connotative meanings as well as the ability of the sentences to attach senses require special approach of translation, which also arouses special research interest.

Key words: political linguistics, translation, stylistics, colloquial vocabulary, semantics

Data about the author

Khafizova A., Candidate of philological sciences, associate professor of Kazan Federal University, e-mail: alsou-f@yandex.ru

УДК 1 (091); 8 (81)

ОТ ТЕКСТА К МЕТАФОРЕ В ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПОЛЯ РИКЕРА¹

Я.С. Чернова

Аннотация. В статье рассматривается одна из центральных проблем герменевтики – интерпретация – в концепции французского философа Поля Рикера. Исследование включает в себя объединение герменевтических проблем, связанных, прежде всего, с текстом и литературным произведением, и риторических, семантических проблем, в которых важное место занимает метафора. В статье описана теория референции и смысла, метафоры, раскрыты поэтический компонент языка, понимание другого.

Ключевые слова: Рикер, метафора, герменевтика, поэзия, язык, интерпретация, референция

Французский мыслитель XX века Поль Рикер подчеркивает, что именно на уровне интерпретации понимание текста дает ключ к пониманию метафоры. Некоторые особенности речи начинают играть явную роль только тогда, когда речь идет о форме литературного произведения. Рикер противопоставлял ссылку (референцию) и смысл. Он указывал, что смысл – это «то, что» (“*quoi*”), а референция – это «о чем» (“*au sujet de quoi*”) в речи [1, с. 106]. Конечно, эти две черты могут быть распознаны в наименьших единицах языка, таких как речь. Предложение касается ситуации, в которой оно выражается и возвращается к своему оратору через конкретные процедуры. Но референция и самореференция не порождают проблем, пока речь не стала текстом и не приняла форму произведения. Для решения данных проблем Рикер предлагает разъяснить разницу между письменными и устными языками. В разговорной речи в конечном итоге мы говорим об общей ситуации собеседников, то есть об аспектах реальности, которые можно указать; мы говорим, и референция является «остенсивной». В письменном языке ссылка больше не является наглядно очевидной; поэма, эссе, произведения говорят о вещах, событиях, состояниях вещей, характерах, которые упоминаются, но которых нет. И все же литературные тексты о чем-то повествуют. И здесь Рикер указывает, что речь идет о предмете мира данного произведения. У человека есть мир, а не просто ситуация, то есть «*Welt*», а не только «*Umwelt*» [1, с. 107]. Точно так же, как текст освобождает свой смысл от опеки мыслительного намерения, он освобождает свою ссылку от пределов очевидной референции. Для нас мир – это набор ссылок, открытых с помощью текстов. Таким образом, мы говорим о «мире» Греции, не о том, каковы были ситуации для тех, кто их проживал, а для обозначения не-ситуационных ссылок, которые выживают после стирания первых и которые теперь предлагаются как возможные миры бытия, как возможные символические измерения нашего бытия в мире [1].

Характер референции в контексте литературных произведений имеет значение для интерпретации. Подразумевается, что смысл текста не стоит за текстом, а находится перед ним. Это не что-то *скрытое*, а *открытое*. То, что дает понять, то, что указывает на возможный мир, благодаря неочевидным ссылкам текста. Тексты говорят о возможных мирах и возможных способах ориентирования в этих мирах. Таким образом, «открытое» в письменных текстах является эквивалентом для намеренно очевидной ссылки в разговорном языке. В итоге, интерпретация становится захватом предложений открытого мира неочевидными ссылками текста. Данная концепция интерпретации выражает решительный сдвиг акцента в отношении романтической традиции герменевтики; в этой традиции акцент делался на способности слушателя или читателя переходить в духовную жизнь другого оратора или писателя. *Verstehen-понимать* – это следовать за динамикой произведения, движением о том, что оно повествует к тому, что оно говорит об этом

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-33-01099-ОГН «Онтологический анализ поэзии в герменевтике мыслителей XX в.»

предмете. В ситуации читателя и автора Рикер предлагает себя поставить в возможный мир бытия, который текст открыл для него [1].

Это то, что Гадамер называет «слиянием горизонтов» (*Horizontverschmelzung*) в исторических знаниях. Это смещение акцента с понимания другого на понимание мира произведения влечет за собой соответствующее изменение в дизайне «герменевтического круга». Согласно герменевтическому кругу мыслители романтизма считали, что понимание текста не может быть объективной процедурой в смысле научной объективности, но что оно обязательно подразумевает предварительное понимание, выражающее то, как читатель уже понял автора и его произведение. Вот почему между пониманием текста и осознанием себя возникает своего рода замкнутый круг. Для Рикера герменевтический круг остается неизбежной структурой интерпретации. Но он также отмечает, что не было бы подлинной интерпретации, которая не заканчивалась бы в форме присвоения – если под этим термином мы подразумеваем процесс, с помощью которого мы делаем что-то нашим, то, что изначально принадлежало другому. С позиции мыслителя герменевтический круг неправильно понимается до тех пор, пока он представлен, во-первых, как круг между двумя субъектами – читателем и автором, во-вторых, как проекция субъективности читателя в само чтение [3, с. 155].

Исправим первое предположение, чтобы исправить второе. То, что мы делаем своим, – это не чужой опыт или отдаленное намерение, а горизонт мира, к которому относится произведение. Присвоение ссылки больше не находит модель в слиянии сознания, сочувствия или симпатии. Приход смысла и референции текста в языке – это переход к языку мира, а не признание другого человека. Вторая поправка, сделанная Рикером и примененная к романтической концепции интерпретации, является результатом первой. Если присвоение является аналогом открытости, то роль субъективности не должна описываться в терминах проекции. Таким образом, читатель понимает себя перед текстом, перед миром произведения.

Чтобы понять себя перед миром, совершенно противоположным самому себе, своим собственным верованиям и предрассудкам, это скорее позволить произведению и его миру расширить горизонт понимания, который человек берет из себя. Следовательно, герменевтика не подвергает интерпретации конечным возможностям понимания данного читателя; она не ставит смысл текста под власть субъекта, интерпретирующего его. Рикер подчеркивает, что «интерпретация – это процесс, посредством которого обнаружение новых способов бытия – или если кто-то предпочитает Витгенштейна Хайдеггеру, новых «форм жизни» – дают субъекту новую способность познавать самого себя» [1, с. 109].

Таким образом, герменевтический круг не отрицается, он перемещается от субъективистского уровня к онтологическому: круг находится между собственным способом бытия и открытым способом текста как мира произведения. В своих работах Рикер возносит роль читателя, который интерпретирует свое собственное существо и рассматривает собственную жизнь, как текст [5, с. 37].

Такова модель интерпретации, которую Рикер предлагает перенести с текстов, как последовательности речи, на метафору, понимаемую как «стихотворение в миниатюре» (Бердсли). Разумеется, метафора – слишком короткая речь, чтобы развернуть эту диалектику между открытием мира и открытием себя перед этим миром. Однако эта диалектика указывает на некоторые особенности метафоры, которые, по-видимому, не учитывают современные теории, но которые не были учтены в греческой теории метафоры [2]. Здесь Рикер предлагает вернуться к теории метафоры в «Поэтике» Аристотеля. Метафора является лишь одной из «частей» того, что Аристотель называет «речью» (*lexis*); как таковая, она относится к группе речевых процедур: использованию иностранных слов, созданию новых слов, сокращению или удлинению слов, все, что отходит от общего употребления слов. Итак, что же делает единой *lexis*? Только ее функция в поэзии. *Lexis*, в свою очередь, является одной из «частей» трагедии, взятой как парадигма по-

этического произведения. Трагедия, в контексте «Поэтики», представляет собой уровень литературной работы в целом [6, с. 247].

Трагедия, как поэма, имеет смысл и ссылку. На языке Аристотеля «смысл» трагедии обеспечивается тем, что он называет «сказанием»; *mythos* имеет единство и последовательность, а действия представляют собой нечто «целое и полное». Таким образом, *mythos* является главной «частью» трагедии, ее «сущности»; все другие ее «части» – «персонажи», «мысли», «речь», «спектакль» – связаны с мифом как средства или условия, или как исполнение трагедии в качестве мифа. Нет никакого локального значения метафоры, кроме значения, данного мифом трагедии. Но, если метафора связана со «значением» трагедии посредством ее мифа, она связана со «ссылкой» трагедии, благодаря своей общей цели, которую Аристотель называет мимесисом.

В данном контексте Рикер задался вопросом о том, почему поэты пишут трагедии, разрабатывают фабулы и используют «заимствованные» слова и метафоры? Потому что сама трагедия связана с более фундаментальным проектом – подражанием человеческим действиям поэтическим способом. С этими двумя ключевыми словами – *mimesis* и *poiesis* – мы достигаем уровня, который Рикер назвал ссылочным миром работы. Можно сказать, что аристотелевская концепция мимесиса уже охватывает все парадоксы ссылки. С одной стороны, он выражает мир человеческих действий, который уже существует; трагедия призвана выразить человеческую реальность, трагедию жизни. Но, с другой стороны, мимесис не означает редупликацию реальности; *mimesis* не является копией; *mimesis* – это *poiesis*, то есть производство, строительство, создание. Аристотель дает, по крайней мере, два указателя на это творческое измерение мимесиса: во-первых, фабула – это оригинальная когерентная конструкция, которая свидетельствует о творческом гении художника; с другой стороны, трагедия – это подражание человеческим действиям, которые заставляют их казаться лучше, выше, благороднее, чем они есть на самом деле. Не могли бы мы тогда сказать, что мимесис – это греческое название того, что мы назвали необоснованной ссылкой на литературное произведение, или, другими словами, греческое название открытого мира?

Сила метафоры проистекает из ее связи внутри поэтического произведения, с фабулой, которая является сутью работы, ее имманентным значением, с интенциональностью произведения, взятого в целом, то есть с намерением представить человеческие действия выше, чем они есть на самом деле: и это и есть мимесис. В этом смысле сила метафоры происходит от силы поэмы как совокупности. Применим эти замечания, взятые из «Поэтики» Аристотеля, к рикеровскому описанию метафоры.

Не могли бы мы сказать, что черта метафоры, которую мы поставили выше всех остальных – ее зарождающийся или возникающий характер, связана с функцией поэзии как творческой имитацией реальности? Почему мы должны изобретать новые значения, значения, которые существуют только в момент речи? Если верно, что поэма создает мир, для него требуется язык, который сохраняет и выражает свою творческую силу в определенных контекстах. Если мы соединим *poiesis* поэмы и метафоры в качестве возникающего значения, мы придадим смысл одновременно и поэзии, и метафоре [4].

Таким образом, именно такой способ Рикер предлагает для теории интерпретации, который порождает путь к предельному приближению силы метафоры. Приоритет, придаваемый интерпретации текста на этом заключительном этапе анализа, не означает, что взаимосвязь между ними не является взаимной. Объяснение метафоры, как локального события в тексте, способствует интерпретации самой работы в целом. Мы могли бы даже сказать, что, если интерпретация локальных метафор освещается интерпретацией текста как целого, в свою очередь, интерпретация поэмы, взятой как целое, контролируется объяснением метафоры, как локальным явлением текста.

Произведения языка были бы бессмысленными, если бы они не служили главному проекту возникновения новых миров благодаря изяществу поэзии.

Литература

1. Ricoeur P. La métaphore et le problème central de l'herméneutique // Revue Philosophique de Louvain. 1972. 5. p. 93-112.
2. Ricoeur P. La métaphore vive. Paris: Seuil. 1975.
3. Ricoeur P. Temps et Récit, 3: Le temps refiguré. Paris: Ed. du Seuil, 1985.
4. Russel A.M., Gerhart M. Metaphoric Processes: The Creation of Scientific and Religious Understanding. Texas: Texas Christian University Press. 1984.
5. Чернова Я.С. Особенности поэтики бытия П. Рикера // Философские традиции и современность. № 2 (12). 2017. С. 36-39.
6. Чернова Я.С., Талалаева Е.Ю. Трагедия как исток поэтической речи в философии М. Хайдеггера и П. Рикера // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (86): в 5-ти ч. Ч. 5. С. 246-249.

Сведения об авторе

Чернова Яна Сергеевна, кандидат философских наук, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, e-mail: lisa68.08@mail.ru

FROM THE TEXT TO THE METAPHOR
IN THE HERMENEUTICAL CONCEPT OF THE FIELD RIKERA

Ya.S. Chernova

Abstract. One of the central problems of hermeneutics – interpretation – in the concept of the French philosopher Paul Ricoeur is carried out in the article. The study includes the integration of hermeneutical problems, primarily related to the text and piece of art, and rhetorical, semantic problems in which the metaphor plays an important role. The article describes the theory of reference and meaning, the metaphor, and reveals the poetic component of the language, the understanding of the other.

Key words: Ricoeur, metaphor, hermeneutics, poetry, language, interpretation, reference

Data about the author

Chernova Yana Sergeevna, PhD, Tambov state university named after G.R. Derzhavin, e-mail: lisa68.08@mail.ru

УДК 81'32

РОЛЬ КОРПУСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ИЗУЧЕНИИ МЕТАФОРЫ

П.М. Шитиков

Аннотация. В данной статье автор рассматривает теоретические перспективы применения корпусных методов анализа текста в области когнитивных исследований метафоры. Статья носит теоретический характер и имеет задачей обозначить главные точки соприкосновения двух современных направлений лингвистики, которые видимым образом противоречат в выборе исходного пункта анализа. Автор выделяет три наиболее важных пункта, в которых данные корпуса служат опорой для объективного анализа метафорических концептов.

Ключевые слова: корпус, метафора, концептуальная теория метафоры, контекст, дискурс

Корпусный метод одно из самых молодых и перспективных направлений лингвистики, который привлекает внимание исследователей своим подходом к изучению данных языка, и теми возможностями, которые открываются перед исследователем в области лексико-грамматических моделей. Когнитивная (или концептуальная) теория метафоры активно развивается в последние десятилетия после публикации работы Дж.Лакофа «метафоры, которыми мы живем». Согласно данному подходу, метафора является результатом понятийного сдвига при формировании мышления, благодаря которому возникают новые понятия и определения. В своем докладе мы бы хотели обозначить перспективы применения корпусных методов в области когнитивной метафорологии. Нам важно указать на методологические проблемы и представить варианты развития данного сотрудничества двух направлений исследования.

Применение корпусных методов при изучении процессов метафоризации связано с проблемами методологического характера. В первую очередь это связано с различием характера исследования в указанных направлениях. По определению В.В. Рыкова корпус текстов представляет собой «собрание текстов, в основе которого лежит логический замысел, логическая идея, объединяющая эти тексты и воплощенная в правилах организации текстов в корпус, алгоритме и программе анализа корпуса текстов, сопряженной с этим идеологии и методологии» [2]. Концептуальная теория метафоры, в свою очередь, имеет дело с ментальными процессами, которые находят отражение в тексте. Метафора в тексте является репрезентативной единицей когнитивного сдвига, в рамках которого одно явление рассматривается в категориях другого. Концептуальная теория метафоры предусматривает способ систематизации концептуальных доменов по принципу значения метафоры.

После публикаций Дж.Лакоффа и М. Джонсона лингвисты стали проводить четкое различие между метафорой как мыслью и метафорой как языковым выражением. Можно сказать, что когнитивная теория заменила философский подход к метафоре. В одночасье акцент в метафорических изысканиях сместился на конвенциональную метафору. В то же время число метафор выросло до огромных значений. По факту современные исследователи столкнулись с проблемой выявления метафоры в повседневном словоупотреблении, для чего не подходят обычные методы поиска.

В этом контексте неясно, каким образом могут быть полезны инструменты корпусных исследований в области метафорологии. Исходным пунктом анализа корпусного направления являются слово, фраза или модель. Значительная часть работы с корпусом заключается именно в анализе связей конкорданса, созданных по заданным параметрам. Напротив, для метафорических исследований, выходящих за рамки анализа конвенциональных языковых метафор, необходимо предварительное чтение, связанное с осмыслением словоупотребления и значения текста. Метафора в своем языковом воплощении может состоять из слов, фраз, отдельных идиоматических высказываний или больших отрывков. Даже целый текст может быть субъектом метафорического процесса, например, в случае аллегории.

Один из первых исследователей, в области сочетания двух указанных методов А. Дейнан, предположила, что в качестве маркера метафоры, необходимого для корпусного анализа, может выступать образное значение слова, согласно данным словарей. В связи с этим, начальным пунктом исследования должно быть изучение образного употребления слов в некоторых словарях и определение, как они соотносятся с данными корпуса. По мнению автора, это может показать, в какой мере лексикография обращает внимание на образное употребление слов. Результатом труда А. Дейнан стало составление мини-словаря [6], основанный на материале Английского Банка и организованного тематически (тело человека, здоровье, животные и т.д.).

Поскольку образные высказывания употребляются в контексте и получают образное значение именно из контекста, важно рассматривать их в более широкой перспективе. Одним из отправных пунктов данного направления может быть адаптация метода Г. Стейна [11], который выделяет концептуальный, лингвистический и коммуникативный этапы анализа. Возможно применение и дополнительных социокультурных параметров, которые активно развиваются в последние годы. Это не означает, что любой метафорический анализ должен учитывать все эти аспекты одновременно, однако включение коммуникативного параметра подразумевает интерес и к риторическим и прочим функциям метафоры.

Таким образом, контекст является одним из важнейших параметров, позволяющих судить о метафоричности высказывания. В этом пункте корпусные методы оказываются крайне полезными. Анализ корпуса позволяет выделить фрагменты текста, отобранные по четко заданным параметрам. Одно из важнейших преимуществ корпусных данных – то, что аутентичные (подлинные) примеры буквального и небуквального употребления слова могут быть изучены в их контексте. Таким образом, непосредственный контекст является основным фактором решения, употреблено ли слово или фраза в образном или буквальном значении. Корпусные данные могут дать полную информацию о таких контекстных связях.

Кроме того, корпусные данные позволяют проследить, каким образом метафорические выражения отличаются от буквальных по форме. Дж. Лакофф и Джонсон четко осознавали связь между языковой формой и метафорой: «Синтаксис неотделим от значения, особенно от метафорических аспектов значения» [1]. Используя корпусные данные, Дж. Синклэр рассматривает ряд примеров метафорических выражений, которые более фиксированы по форме, нежели буквальные. Так, в английском языке особой продуктивностью при создании образной речи обладает конструкция с предлогом *of*. Первое существительное данной конструкции характеризует аспекты второго существительного или фразы. Корпус позволяет проследить закономерности при использовании избранного существительного в сочетании с предлогом. Например, анализ конструкции с существительным *fog* дает следующие сочетания:

fog of dust 'fog-like air'
fog of the coffee bar 'smoke'
fog of words/grumble and contempt 'unclear thought and language'
fog of ideology/mysticism/political weakness and drunken anarchy/concealment/received wisdom... 'set of beliefs, opinions, states' [9].

В этом и многих других случаях корпусные исследования помогают выявить закономерности сочетаний и лексико-грамматических конфигураций. Возможность анализа морфологически связанных форм и их взаимоотношение с метафорой заслуживает особого внимания. А. Гоутли показывает, что в результате анализа лексической единицы *fog* по морфологическому признаку глагол оказался более метафоричен нежели существительное, в процентном соотношении: 14 из 30 случаев употребления в корпусе глагол *fog* метафоричен (47%), и в 76 из 882 случаев существительное помечено как метафорическое (8,6%). Таким образом, словообразование является важным условием создания метафорического значения и переноса значения [7].

Еще одним перспективным направлением взаимодействия корпусных и когнитивных исследований метафоры является анализ дискурса. Дискурс укоренен в контексте и взаимодействие между текстом и контекстом означает, что исследователь должен также применять подход «сверху-вниз». Начальный пункт исследования здесь – семантический домен или концептуальная метафора – с одной стороны и оценочное выражение – с другой. А. Дейнан [5] выделяет следующие этапы анализа дискурса: изучение отдельных концептуальных метафор, идентификация лексических единиц из домена-источника этой концептуальной метафоры при помощи тезауруса, создание конкорданса всех лексических единиц, отождествленных с этим доменом-источником для определения регулярности их появления в их лингвистическом контексте.

Впрочем, подход к анализу дискурса от слова к концепту, то есть «снизу-вверх» также имеет значительные результаты. Для отдельных исследователей очевидно, что концепт не может служить исходным пунктом анализа при работе с неадаптированным текстом. С развитием когнитивной теории метафоры обозначилась тенденция к усложнению представления о модели метафорических переносов, что также означает отказ от традиционного подхода от концепта к тексту. Как пример обозначенной тенденции можно привести работу Дж. Чатерис-Блэка [4], в которой автор применяет индуктивный подход к корпусным исследованиям. Используя материал подкорпуса газет «Times» и «Sun», являющихся частью Большого корпуса Банка английского, автор указал на продуктивность данного подхода. На первом этапе анализа путем прочтения текста автор выделяет потенциально метафорические единицы, выносит конкретное решение по каждой лексической единице. Затем, с помощью технологий выделенные лексические единицы сопоставляются с материалом полного корпуса для выявления процента частотности их метафорического употребления.

Исследованию метафоры в дискурсе посвящен целый ряд классических работ. Один из первых примеров такого подхода является работа Дж. Лакоффа о дискурсе персидских войн. С того времени появились исследования метафоры в контексте различных дискурсов – идеология [8], экономика [10], образование [3]. Важнейшим исследованием, объединившим усилия в данном направлении, является работа А. Дейнан «Корпусный подход к изучению метафоры». Исходя из принципов когнитивной теории метафоры и опираясь на материал электронных текстов и записей разговорного дискурса, автор выявляет роль языка в создании значения в различных типах дискурса.

В заключении необходимо отметить, что при всей трудоемкости методов корпусной лингвистики они становятся наиболее популярными в современных лингвистических исследованиях. Нами были обозначены три важнейших области применения корпусных методов в исследованиях метафоры: изучение контекста, морфологии и дискурса, в котором реализуются метафорические единицы. Данные анализа корпуса сообщают исследователю недоступные прежде сведения о закономерностях языка и, в частности, закономерностях отдельных типов текста. Списки частотности и списки ключевых слов являются необходимым материалом для дальнейшего анализа языковой метафоры. Именно на основании данных корпусного анализа возможно получение объективного инструмента для анализа метафорических высказываний, отражающих концепты в тексте.

Литература

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
2. Рыков В.В. Корпус текстов как реализация объектно-ориентированной парадигмы // Труды международного семинара Диалог-2002. – М.: Наука, 2002.
3. Cameron L. Metaphor in Educational Discourse. – London & New York: Continuum, 2003.
4. Charteris-Black J., Ennis T. A comparative study of metaphor in Spanish and English financial reporting // English for specific purposes – 2001. – Vol. 20(3). – P. 249–266.
5. Deignan A. A corpus-linguistic perspective on the relationship between metonymy and metaphor // Style – 2005. – Vol. 39(1) – P. 72–91.

6. Deignan A. Collins Cobuild English Guides 7: Metaphor. – London: HarperCollins, 1995.
7. Goatly A. The Language of Metaphors. – London: Routledge, 1997.
8. Goatly A. Ideology and metaphor. // English Today – 2006. – 22(3) – P. 25–39.
9. Sinclair J. Corpus, Concordance, Collocation. – Oxford: Oxford University Press, 1991.
10. Skorczynska H., Deignan A. Readership and purpose in the choice of economics metaphors. // Metaphor and Symbol – 2006. – 21(2) – P. 87–104.
11. Steen G. A method for linguistic metaphor identification: From MIP to MIPVU. – Amsterdam, John Benjamins, 2010.

Сведения об авторе

Шитиков Петр Михайлович, кандидат филологических наук, доцент Тобольской духовной семинарии

CORPUS-BASED APPROACH TO METAPHOR STUDING

P. Shitikov

Abstract. This article deals with theoretical perspective of applying corpus-based methods to metaphor analyze in text and discourse according conceptual metaphor theory. Theoretical aim of the paper is to point.

Key words: corpus, metaphor, conceptual metaphor studying, context, discourse

Data about the author

Shitikov P., Candidate of Philology, associate professor of the Tobolsk theological seminary

УДК 80

ПЕРЕВОД ИСПАНСКИХ КОЛОНИАЛЬНЫХ ХРОНИК XVI-XVII ВВ.: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Е.В. Новосёлова

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с переводами испанских колониальных хроник. Автор старается ответить на вопрос, почему перевод этих источников в отечественной науке ведется не слишком активно, а также уделяет внимание проблемам, которые стоят перед переводчиками, работающими с данными текстами.

Ключевые слова: переводоведение, испанские колониальные хроники, Латинская Америка, цивилизации доколумбовой Америки

Основная ценность испанских хроник XVI-XVII вв. заключается в том, что они являются одними из главных источников по изучению как колониального периода в истории Латинской Америки, так и доиспанской эпохи Нового Света. В связи с этим возникает ряд вопросов о переводе этих текстов. В какой форме его проводить: строго научной или более популярной? Стоит ли сокращать при переводе большие по объему тексты? И, наконец, стоит ли вообще этим заниматься? Ведь специалисты-исследователи все равно читают эти источники в оригинале, а широкого читателя они едва ли заинтересуют.

Перед тем, как переходить к собственным соображениям на этот счет, отмечу, какая сложилась ситуация с переводами этих произведений на русский язык. Общее число испанских колониальных хроник XVI-XVII вв. исчисляется многими десятками, если не сотнями. Однако на данный момент переведены лишь две хроники, посвященные Перу [1; 2], две – Мексике [3;4] а также еще одна (с сокращениями) – Америке в целом [5]. Есть также переводы отдельных глав других хроник, но это не меняет общей картины. Более того, все эти переводы делались еще в советское время, когда интерес к Латинской Америке был довольно высоким; сейчас же картина в этом отношении менее радужная.

Показательно, что в западноевропейской и американской научных школах, которые занимаются доколумбовой тематикой более интенсивно, ситуация с переводами этих произведений не принципиально лучше. Есть переводы нескольких ключевых хроник на основные европейские языки (в частности, на английский, немецкий и французский), для примера приведу несколько соответствующих изданий [6;7;8]. Но в целом положение сопоставимо с ситуацией в нашей науке.

Почему так сложилось? На это есть и объективные причины. Во-первых, художественная ценность большинства этих текстов не очень велика (хотя встречаются и исключения). Они написаны зачастую высокопарным и тяжеловесным языком, близким к языку средневековых хроник. Большинство хронистов не ставили перед собой цели развлечь читателя, поэтому и не стремились делать тексты своих произведений более увлекательными. Некоторые авторы индейского происхождения вообще плохо знали испанский язык, что соответствующим образом отразилось на их произведениях (это относится, в частности, к Пома де Айяла). Во-вторых, эти хроники не равноценны и по своему историческому значению. Есть те, которых можно назвать ключевыми для понимания тех или иных вопросов истории и культуры Латинской Америки, но некоторые лишь дополняют сведения источников первой группы. В-третьих, тематика, связанная с доколумбовым и колониальным периодом истории Латинской Америки, не столь востребована в нашей стране, как, скажем, сюжеты того же региона XX века. Все это сказывается на востребованности соответствующих текстов и их переводов.

Но, несмотря на все это, мне кажется, что переводы колониальных хроник не стали бы пустой тратой времени переводчиков и читателей, и при грамотном подходе к проблеме они бы нашли свою целевую аудиторию. Причин этому множество; я приведу лишь наиболее значимые с моей точки зрения.

Прежде всего, издание этих источников на русском языке – это возможность подстегнуть интерес широкой публике к этой тематике в целом. Индейская тема всегда пользовалась если не массовым, то, по крайней мере, стабильным интересом отечественного читателя, а количество доступных ему работ на русском языке чрезвычайно мало. Специалистов по доколумбовой Америке в России немного (особенно по Южной Америке), и качественные научно-популярные работы выходят крайне редко (в частности, последняя оригинальная научно-популярная работа по инкам вышла еще в 1991 []). Причем зачастую это не оригинальные произведения, а переводы американских и европейских изданий, причем не всегда высокого качества.

Вторая связана уже с научным изучением данных проблем. Колониальные хроники представляют значительный интерес как для историков, так и для филологов. О первом аспекте я уже упоминала выше: колониальные хроники представляют ценность как источники по доколумбовому и колониальному периодам Нового Света. Для древности Южной Америки этого особенно актуально, поскольку ни одна из археологических культур этого региона не имела письменности в собственном смысле этого слова (узелковое письмо *киту* – это особая проблема, касаться которой здесь не имеет смысла). Несмотря на то, что с каждым годом возрастает значение археологических источников, важность колониальных хроник по-прежнему очень велика.

Для филологии ценность этих источников заключается в том, что они являются одними из первых памятников, в которых отразился процесс становления латиноамериканских вариантов испанского языка. Первичное знакомство студентов с этими произведениями вполне допустимо в переводе, поскольку оригинальный их текст может вызывать затруднения для начинающих. В противном случае они к ним просто не обратятся и упустят возможность ознакомиться с ценным во всех отношениях материалом.

Что касается возможных подходов к процессу перевода этих источников, то здесь можно выделить два сценария. Первый можно назвать «научным». Он заключается в максимально полном сохранении особенностей оригинального текста при переводе. Впрочем, из собственного опыта могу сказать, что полного следования оригиналу не получается прежде всего из-за особенностей синтаксиса испанского языка Раннего нового времени: его нормы сильно отличаются от современного русского языка. Так или иначе, подобный подход оправдан в сугубо научном издании, целевой аудиторией которого являются специалисты-исследователи и те, кто собирается ими стать. Необходимым элементом такого издания является не только языковой, но и историко-культурологический комментарий.

Второй подход можно условно назвать «популярным», поскольку переводы, выполненные в его рамках, ориентированы на более массового читателя. Такому читателю не требуется подробных комментариев (достаточно будет небольшой вступительной статьи и объяснения встречающихся незнакомых терминов), однако нелишним было бы сопровождение текста иллюстративным материалом. В данном качестве могут выступать фотографии музейных экспонатов, монументальных построек доколумбовой эпохи и т.п. Визуальное сопровождение позволит не только упростить понимание описываемых реалий, но и дополнить его.

Среди переводов (как русских, так и западноевропейских и американских) колониальных хроник абсолютное большинство выполнено в рамках первого подхода. Это объяснимо, поскольку их целевой аудиторией являются преимущественно исследователи. Тем не менее мне кажется, что хроники вполне могут вызвать интерес и у более массового читателя.

С какими трудностями обычно сталкивается переводчик, работающий с такими текстами, как колониальные хроники? Здесь я изложу результаты собственного опыта работы и перевода с этими источниками. Во-первых, совершенно необходимым условием для осуществления адекватного перевода является знание соответствующих историко-куль-

турных реалий. В связи с этим неудивительно, что большинство авторов соответствующих переводов являются специалистами по цивилизациям доколумбовой Америки, а не профессиональными филологами или переводчиками.

Из первой сложности вытекает вторая: это обилие лексики из индейских языков (науатля, юкатекского, кечуа, гуарани и некоторых других). Некоторая ее часть прочно закрепилась в испанском языке [8, с. 558], но немало соответствующих слов можно понять, лишь обратившись к словарям. Обилие такой лексики неудивительно: хронисты не всегда видели нужным называть новые для них реалии испанскими словами и просто пользовались индейской лексикой.

Третья сложность – это необходимость знакомства с тем идейно-понятийным аппаратом, которым оперировали авторы колониальных хроник. Большинство из них были испанцами (авторы индейского происхождения – это особая категория), вследствие этого для переводчика необходимо знакомство с соответствующими реалиями, поскольку нередко хронисты переносили знакомые им термины на новые для них явления. В частности, очень широкое распространение получила испанская социальная лексика, связанная с употреблением титулов. Например, многие хронисты называли индейских правителей «королями» (*reyes*), а представителей знати – «кабальерос» (*caballeros*).

Кроме того, многие авторы хроник принадлежали к духовенству. Это естественным образом отразилось на их картине мира и на их произведениях. Особое место в их категориальном аппарате занимали элементы средневековой культуры, важнейшую роль среди которых занимает Священное писание, а также некоторые античные тексты. Без знания этих текстов невозможно понять соответствующие аллюзии и акценты, которыми изобилуют колониальные хроники (данного аспекта работы с хрониками я уже касалась ранее [6, с. 45-52]).

В завершение хотелось бы выразить надежду, что переводы испанских колониальных хроник, несмотря на имеющиеся трудности, еще найдут своих авторов и читателей.

Литература

1. Березкин Ю.Е. Инки: исторический опыт империи / Ю.Е. Березкин. Л.: Наука, 1991. – 232 с.
2. Гарсиласо де ла Вега И. История государства инков / И. Гарсиласо де ла Вега – Л. : Наука, 1974. – 748 с.
3. Гурман Пома де Айяла Ф. Первая новая хроника и доброе правление / Ф. Гуаман Пома де Айяла – М.: Памятники исторической мысли, 2011. – 292 с.
4. Диас дель Кастильо Б. Правдивая история завоеваний Новой Испании / Б. Диас дель Кастильо. – М.: НТЦ «Форум», 2000. – 399.
5. Ланда Д. де. Сообщение о делах в Юкатане / Д. де Ланда. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1955. – 273 с.
6. Новосёлова Е.В. Проблема интертекста на материале испанских колониальных хроник XVI-XVII вв. посвященных древнему Перу / Е.В. Новосёлова // Интертекстуальность художественного дискурса: материалы Всероссийской научной конференции (г. Астрахань, 20 апреля 2018 г.) / сост.: Г. Г. Исаев, А. А. Боровская, Т. Ю. Громова, И. Ю. Целовальников ; под ред. Е. Е. Завьяловой.– Астрахань : Астраханский государственный университет, 2018. – 242 с.
7. Лас Касас Б. де. История Индий / Б. де лас Касас. – Л.: Наука, 1968. – 472 с.
8. Garcilaso de la Vega I. Les Commentaires royaux sur le Pérou des Incas / I. Garcilaso de la Vega. Éditions La Découverte, 2000. – 336 p.
9. Garcilaso de la Vega I. Wahrhaftige Kommentare zum Reich der Inka / I. Garcilaso de la Vega. Berlin: Rütten und Loening, 1983. – 560 S.
10. Guaman Poma de Ayala F. Die neue Chronik und gute Regierung/ F. Guaman Poma de Ayala. Berlin, Worm, 2004. 1 CD-ROM.
11. Lapesa F. Historia de la lengua española / F. Lapesa. Madrid: Editorial Gredos, 1981.- 691 p.

Сведения об авторе

Новоселова Елена Владимировна, кандидат исторических наук, ассистент Московского технологического университета, e-mail: novosyolova@mirea.ru

**TRANSLATION OF THE SPANISH COLONIAL CHRONICLES OF THE XVI-XVII CENTURIES:
PROBLEMS AND PERSPECTIVES**

E.V. Novoselova

Abstract. In this article are analyzed problems related to translation of the Spanish colonial chronicles. The author tries to answer the question, why the translation of these texts is not popular among scholars, and pays attention to the problems faced by translators working with these texts.

Key words: translation studies, Spanish colonial chronicles, Latin America, civilization of pre-Columbian America

Data about the author

Novoselova E., PhD, Lecturer, Moscow Technological University, e-mail: novosyolova@mirea.ru

УДК 81'25

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ

В.В. Сдобников

Аннотация. Цель настоящей статьи – доказать, что расширение сферы использования некоторых видов переводческой деятельности не обязательно приводит к появлению новых подходов и концепций в переводоведении. В настоящее время наиболее оптимальной методологией изучения перевода является сочетание традиционной парадигмы эквивалентности и коммуникативно-функционального подхода к переводу. В статье обосновывается мнение, согласно которому локализация и транскреация, выделяемые в настоящее время в качестве отдельных видов перевода, вовсе таковыми не являются, а представляют собой разновидности собственно перевода. Культурная адаптация текста, осуществляемая в процессе «локализации» и «транскреации», на самом деле есть прагматическая адаптация, хорошо известная практикам и теоретикам перевода. Значимой в этих ситуациях является лишь степень, или глубина, прагматической/культурной адаптации.

Ключевые слова: коммуникативно-функциональный подход, информационно-коммуникационные технологии, локализация, интернационализация, транскреация

Вступление

Вполне очевидно, что переводоведение развивается и обогащается новыми идеями только благодаря своей ориентации на переводческую практику. Собственно, переводоведение как научная дисциплина изначально сложилось в связи с необходимостью осознать сущность перевода как практической деятельности, сущность задач, решаемых переводчиком, и способов их решения, основных подходов к осуществлению перевода. Впрочем, отношения между теорией перевода и переводческой практикой представляются более сложными; между ними существуют отношения взаимодействия, взаимовлияния: переводоведение, являясь в определенном смысле результатом обобщения переводческих практик, как минимум, их анализа, должно по определению оказывать влияние на состояние переводческой практической деятельности, задавать определенные ориентиры в постоянно меняющемся переводческом процессе, то есть ориентировать в процессе нахождения оптимальных переводческих решений в условиях постоянного изменения условий осуществления переводческой деятельности. Именно поэтому в качестве одной из задач переводоведения рассматривается разработка общих принципов подготовки переводчиков, удовлетворяющих определенным требованиям, предъявляемым к ним на рынке переводческих услуг. Подобного рода принципы, реализуемые в учебном процессе, определяют качество итогового продукта – профессионального переводчика и в конечном итоге общий уровень качества осуществляемых переводов.

В последние два-три десятилетия условия осуществления переводческой деятельности значительно изменились. Переводчики теперь работают в компьютеризованном мире, охваченном сетью Интернет, используют разнообразные платформы и среды, системы переводческой памяти. Становится все более выраженной реальностью и использование систем машинного перевода. Более того, получают распространение виды перевода, которые ранее находились на периферии переводческой профессии или вовсе не существовали (аудиовизуальный перевод, социальный перевод, перевод-редактирование, транскреация, аудиодескрипция). Часто эти виды переводческой деятельности представляются как нечто принципиально отличное от так называемого «собственно перевода», противопоставляются ему. Как пишет Ив Гамбье, «действительно, в зависимости от конкретной области этот термин («перевод». – В.С.) теснят или заменяют другие термины... Они отражают различные профессиональные реалии и практики, а также конкретные направления в исследованиях (курсив мой. – В.С.)» [1, с. 56]. И это правда. Выход определенных видов переводческой деятельности если не на первый план, то, по крайней мере, в зону всеобщей видимости подталкивает исследователей, а также переводчиков-практиков, к осмыслению основ, в том числе теоретических, и особенностей этих видов деятельности. Результатом такого осмысления становятся не только новые

термины, или ярлыки, но и некие выводы, которые, казалось бы, должны обогатить науку о переводе и новыми наблюдениями, и новыми идеями.

Однако есть опасение, что эти идеи, по своему характеру, несомненно, новые, на самом деле вовсе не способствуют уточнению сущности переводческой деятельности, а, наоборот, затемняют значение понятия «перевод». При этом часто высказываемые утверждения свидетельствуют о вульгаризации представления о переводе, об усвоении дилетантского подхода к его определению, отсылая нас к начальному периоду в истории переводоведения, вместо того, чтобы намечать новый (так и хочется сказать «светлый») путь в развитии науки о переводе.

Цель настоящей статьи – проанализировать новые подходы к определению особенностей переводческой деятельности, к определению места перевода в рамках профессионально осуществляемого переводческого технологического процесса и выявить те ошибочные представления, которые в будущем грозят возможным снижением качества перевода.

Основные подходы к изучению переводческой деятельности

Ив Гамбье отмечает две переводоведческие парадигмы, развивающиеся в настоящее время. Первая – это «наиболее традиционная концепция перевода, существовавшая на протяжении веков и проявлявшаяся в парадигме эквивалентности». По мнению исследователя, эта парадигма стала более ориентированной на получателя или аудиторию [1, с. 57]. С последним утверждением трудно не согласиться. Достаточно вспомнить следующее утверждение В.Н. Комиссарова, одного из основоположников лингвистической теории перевода в нашей стране и автора теории уровней эквивалентности: «Переводчик должен четко представлять, для чего и для кого он переводит, какую задачу будет выполнять создаваемый им текст, как и кем этот текст будет использован. В связи с этим на продвинутых этапах обучения задания будущим переводчикам по переводу учебных текстов должны сопровождаться указанием на цель перевода, характер предполагаемых читателей, печатный орган, в котором он должен быть принят к публикации и т.п. На основе таких данных переводчик может решить, будет ли он делать перевод или какой-либо другой вид языкового посредничества» [2, с. 357]. Можно только отметить с великим сожалением, что это утверждение В.Н. Комиссарова не было замечено сторонниками лингвистического переводоведения либо было сознательно проигнорировано ими. В качестве подтверждения приведем цитату из статьи О.В. Петровой и В.К. Ланчикова: «...для того, чтобы использовать текст (любой – как ПТ, так и сам ИТ) в разных целях, его совершенно не обязательно каждый раз как-то менять, приспособливать к нуждам каждого получателя» [3, с. 44]. Налицо явное противоречие между реципиенто-ориентированным подходом к переводу и подходом, в рамках которого потребности и ожидания реципиента полностью игнорируются (по принципу: «Вот тебе текст и делай с ним что тебе нужно. Если, конечно, сможешь»). И все это декларировалось и декларируется в рамках одного и того же подхода к переводу – лингвистического, или, как мы его называем, текстоцентрического. Из чего следует, что и сам лингвистический подход к переводу грешит противоречиями и некоторой неопределенностью его установок, хотя нельзя не отметить и большую ориентированность этой парадигмы на реципиента.

Вторая переводоведческая парадигма, по мнению Ива Гамбье, – это та, в рамках которой находят свое отражение различные платформы и среды, с помощью которых в наше время осуществляется перевод. «В этом смысле наблюдается переход от бумажного формата к цифровому и к Интернет-формату (где переводимый текст становится мультимодальным). Такой быстро меняющийся контекст и служит причиной разрастающегося числа терминов, используемых для обозначения того, что когда-то считалось переводом» [1, с. 57]. Как мы видим, И. Гамбье к числу одной из причин появления новых терминов для обозначения якобы «новых» видов переводческой деятельности отно-

сит использование современных сред, в которых осуществляется перевод. Нет сомнения в том, что условия деятельности переводчика – в сугубо техническом смысле – существенно изменились. Но достаточно ли этого для того, чтобы обозначить новый подход, новую парадигму в переводоведении? Энтони Пим, хотя и более осторожен в выделении переводоведческих парадигм, кажется, все же разделяет мнение И. Гамбье: новые переводческие технологии, утверждает он, – это не просто дополнительные инструменты, а системы, меняющие саму природу когнитивной деятельности переводчика, его социальные отношения и профессиональный статус (“...are altering the very nature of the translator’s cognitive activity, social relations, and professional standing”) [4].

Мы не можем согласиться ни с И. Гамбье, ни с Э. Пимом. Прежде всего, потому, что противопоставление парадигмы эквивалентности (лингвистического подхода к переводу в нашей терминологии) парадигме, обусловленной использованием новых сред, представляется искусственным и нелогичным. Если парадигма эквивалентности является собой определенное отношение к переводу, представление о его характере и сущности решаемых переводчиком задач, то вторая «парадигма» содержит указание всего лишь на набор инструментов, используемых переводчиком для повышения скорости и эффективности переводческого процесса, и особенностей их использования. В конце концов, переводчик может применять один и тот же подход к переводу, используя системы переводческой памяти или машинного перевода и не используя их. Подобное наблюдалось и ранее, до появления новых информационно-коммуникационных технологий. И наоборот, используя одни и те же инструменты, разные переводчики могут применять разные подходы. В XVI веке Мартин Лютер и его противники отстаивали абсолютно разные подходы к переводу священного Писания, при этом и тот, и другие писали гусиными перьями на пергаменте или на бумаге. В XIX веке все переводчики пользовались одними и теми же инструментами, но насколько разными были подходы к переводу И.И. Введенского и, скажем, А.А. Фета! Так что же изменилось с тех пор? Если говорить о соотношении подходов к осуществлению перевода и средств осуществления перевода, то равным счетом ничего не изменилось.

Уж если противопоставлять парадигму эквивалентности иной парадигме, то такой парадигмой должно стать функциональное переводоведение (именно о таком противопоставлении в истории развития зарубежного переводоведения пишет Эрих Прунч [5, с. 57]). Для обозначения этого подхода могут использоваться разные термины (functionalist approach – в зарубежном переводоведении, «функционально-коммуникативный подход» – в отечественном переводоведении). В своих работах мы оперируем терминосочетанием «коммуникативно-функциональный подход». Это терминосочетание используется для обозначения того подхода к переводу, в рамках которого перевод рассматривается как вид деятельности переводчика, обеспечивающий осуществление иной – предметной (производственной, познавательной, рекреационной и т.п.) – деятельности получателей («потребителей») перевода и/или инициаторов перевода. Согласно данному подходу, перевод как деятельность включается в структуру определенной коммуникативной ситуации. Осуществление перевода предполагает учет особенностей данной ситуации, цели перевода, потребностей и ожиданий субъектов предметной деятельности, а также сугубо лингвистических факторов, влияющих на ход и результат переводческого процесса, – от особенностей соотношения двух языков до типа текста и его коммуникативного задания. Ниже мы затронем ряд основных положений коммуникативно-функционального подхода к переводу (более подробно см. [6; 7]).

При этом следует отметить, что мы не противопоставляем как крайности сугубо лингвистический подход к переводу (парадигму эквивалентности) и коммуникативно-функциональный подход. Последний рассматривается нами как своего рода общая переводческая идеология, именно как общий подход к переводу, как своего рода идеологическая оболочка, тип переводческого мышления, охватывающий все виды перевода

и оздающий определенную среду, обеспечивающую осуществление всех видов переводческой деятельности с максимальной степенью эффективности.

Перевод vs локализация?

В последние годы на переводческом рынке получила широкое распространение такая услуга, как локализация. Многие переводческие компании стараются привлечь клиентов утверждением, что они *помимо* перевода также осуществляют локализацию. Локализация представляется как некая деятельность, хотя и входящая в структуру деятельности переводчика или в сферу его ответственности (правда, возможно, не всегда), но принципиально отличная от так называемого «собственно перевода» (см., например, раздел «Услуги» на сайте компании «Лингваконтакт» [8]). При этом собственно перевод рассматривается как воспроизведение содержания исходного текста, а иногда и его формальных особенностей, средствами переводящего языка. Разграничение «перевода» и «локализации» в практической переводческой деятельности стало столь устойчивым явлением, что по воле разработчиков профессионального стандарта, который изначально предполагалось именовать «Переводчик», нашло отражение в его названии – «Специалист в области перевода и локализации».

Постараемся разобраться, чем же различаются эти виды переводческой деятельности в представлении ее организаторов, то есть руководителей и менеджеров переводческих компаний, а также некоторых переводоведов.

Начнем с определения локализации как ее видят практики. Анализ информации, представленной в сети Интернет, свидетельствует о том, что переводческий производственный процесс делится на определенные этапы. Когда речь идет о переводе веб-сайтов, компьютерных игр и т.п., в качестве начального этапа выступает создание интернационализованного текста на ИЯ. Интернационализация (часто вместо этого термина используется термин «глобализация») представляет собой адаптацию текста для международного рынка. «Целью является уничтожение всех культурных особенностей, чтобы продукт мог легко адаптироваться к любой языковой среде или стране. Если региональные черты не были полностью убраны на начальном этапе, это должно быть исправлено во время локализации» [9]. В результате интернационализации создается «продукт, локализованный во многих языках, в котором, без отсылок к исходному тексту, просто используется универсальный, интернациональный вариант и производятся необходимые изменения, исходя из вкуса целевой аудитории и культурной и социальной ситуации места действия» [10]. Таким образом, интернационализация предшествует локализации. По сути, локализация рассматривается как культурная адаптация текста. На одном из сайтов читаем: «локализация... – процесс адаптации иностранного текста к культурному контексту страны, на язык которого делается перевод. Другими словами, можно сказать, что локализация – это один из видов адаптации» [11]. В этих определениях интересно то, что адаптация в скрытой форме отделяется от перевода, предстает как особый вид деятельности, существующий в дополнение к переводу. Получается, что это своего рода способ «шлифовки» результирующего текста, необходимой для «приспособления» текста к принимающей культуре. Соответственно, и локализация обретает право на особый статус: «Локализация часто рассматривается как “перевод высокого уровня”» [9].

В этом убеждают и иные рассуждения, и примеры, приведенные на тех же веб-сайтах. В частности, на сайте переводческой компании Fridge читаем: «Верховная Рада – чисто украинская реалья, и перевести его на английский довольно сложно, ведь если перевести дословно – Supreme Council или Supreme Board – мало что станет понятно жителям англоязычных стран. Поэтому в английской версии эту реалью переводят транслитерацией – Verchovna Rada, а рядом в скобках добавляют Parliament, поскольку парламент – орган законодательной власти в англоязычных странах. Также на этом же сайте можно увидеть соответствие словосочетаний Председатель Совета Министров –

Prime Minister, хотя для Prime Minister у нас существует термин Премьер Министр» [11]. Оставим без комментариев перевод украинской реалии при помощи транслитерации. Но вот дополнение в скобках Parliament как способ раскрытия этого действительно мало-вразумительного (с точки зрения получателя английского перевода) вполне оправданно, и могло бы использоваться при переводе в разных ситуациях. Более того, как способ решения подобной переводческой проблемы оно входит в состав способов *прагматической адаптации* текста, которая рассматривалась как неперменный компонент перевода задолго до появления новых информационно-коммуникационных технологий. Достаточно посмотреть соответствующий раздел в учебном пособии В.Н. Комиссарова [12, с. 211-215]. При передаче названия должности «Председатель Совета Министров» имеет место использование *функционального аналога* – понятие, также не новое в теории и практике перевода. Именно перевода, а не локализации.

Вызывает удивление и следующее утверждение в статье о локализации перевода: «Хорошему переводчику стоит также позаботиться о переводе цифровых значений, таких как температура, меры веса, длины, денежных значений, дат в местные стандарты» [11]. Получается, что переводчик, если он не занимается локализацией, вполне может оставить в тексте перевода (письменного!) обозначения температуры, мер веса, длины, даты в их исходном написании, не заботясь о том, будет ли это понятно получателю перевода. По нашему мнению, и согласно нашим наблюдениям, подобное возможно только в деятельности «нехороших» переводчиков. Однако для авторов проанализированных нами статей это представляется нормой для перевода и особой задачей для локализации. В чем же ее «особость», если подобную задачу постоянно решает ответственный и хорошо обученный переводчик в процессе перевода? Например, М.А. Орёл пишет: «Попробуйте “всего лишь” не поменять порядок следования числа и месяца в записи даты цифрами при переводе на русский язык с американского английского, и написанное автором двенадцатое ноября неуловимо для глаза превратится в одиннадцатое декабря. Неужели мы не слышали об этом еще в вузе?! Да слышали, конечно» [13, с. 92-93].

Возникает ощущение, что многие представители переводческого бизнеса либо и на самом деле не слышали о таких элементарных вещах, обязательных при осуществлении перевода, либо их переводческое мышление не успело сформироваться. Отсюда и такое трепетное отношение к локализации как способу обеспечения необходимого воздействия на получателя перевода, живущего в другой стране, способу обеспечения незатрудненного восприятия ПТ его получателем. А разве при собственно переводе может быть иначе? Не может. Именно поэтому просто умиляет следующее утверждение: «Очевидно, что локализация – очень сложный процесс, требует помимо знания языка еще и знания разных сфер особенностей культуры, традиций и обычаев, политического строя других стран» [11]. Из чего следует, что переводчику, который не занимается локализацией, ничего этого знать не положено.

Вполне очевидно, что в современной переводческой среде, представленной часто субъектами, недостаточно хорошо владеющими основами переводоведения, сложилось наивное, вульгаризованное представление о переводе как о всего лишь воспроизведении содержания исходного текста путем передачи значений слов. «А то, что слыше, – то от лукавого». По крайней мере до тех пор, пока не потребуются так называемая локализация. И вот уж тогда...!

На самом деле, столь жесткое разграничение перевода и локализации, по крайней мере в теоретическом аспекте, представляется нам искусственным, надуманным. Перевод – истинный перевод – неотделим от прагматической, культурной адаптации. Хотя бы уже потому, что перевод всегда осуществляется на стыке двух культур, и игнорирование этого факта чревато тяжелыми последствиями для перевода и переводчика.

В этой ситуации утешает тот факт, что наивное представление переводчиков-практиков об этих «двух видах переводческой деятельности» не получает теоретического

обоснования. Да и вряд ли это возможно. Кому из серьезных исследователей придет на ум выхолостить перевод, лишив его культурной составляющей?! Однако мы не могли обойти своим вниманием эту настораживающую тенденцию на переводческом рынке, поскольку одним своим существованием она влияет на состояние умов, лишая переводчиков возможности осознать действительную сущность перевода.

Возвращение культуры в перевод

Остановимся вкратце еще на одном явлении, имеющем отношение именно к переводоведению, а не к переводческой практике. Речь пойдет о так называемом транскреационном подходе к переводу. Как пишет Е.Д. Малёнова, «в рамках транскреационного подхода перевод рассматривается как инструмент воссоздания идей и образов оригинала в контексте принимающей культуры» [14, с. 54]. Появление транскреационного подхода к переводу свидетельствует о так называемом «транскреационном повороте», который, по мнению Е.Д. Малёновой, наметился в современном переводоведении. Она поясняет, что культурная дистанция, оказывающая влияние на процесс перевода, обуславливает использование в переводе таких креативных практик, как транскреация, трансадаптация и транскультурация.

Приведем определения этих понятий, предложенные Е.Д. Малёновой: «Под транскреацией в переводе понимается стратегия творческого переосмысления сегмента текста оригинала с последующим созданием нового текста средствами языка перевода с учетом полимодального и культурно-специфического контекста произведения, характеристики коммуникативной ситуации, технических и правовых ограничений, предполагаемой реакции реципиента... Используя трансдаптацию, переводчик меняет различные элементы культурного, визуального, аудиального и иных кодов, чтобы глубже интегрировать оригинальное произведение в матрицу принимающей культуры. Максимальное погружение исходного произведения в принимающую культуру достигается посредством применения стратегии транскультурации – полного изменения произведения в процессе его перевода и создания на его основе нового продукта творческой деятельности, который довольно часто не воспринимается носителями принимающей культуры в качестве чужеродного объекта» [14, с. 54].

Из приведенных определений следует, что указанные «стратегии» различаются прежде всего глубиной того, что в переводоведении традиционно именуется прагматической, или культурной, адаптацией. При этом вряд ли можно согласиться с тем, что только при транскреации требуется учет характеристик коммуникативной ситуации и предполагаемой реакции реципиента. Мы полагаем, что это неперемное условие успешного осуществления любого перевода, независимо от используемых «стратегий», о чем переводоведы договорились уже давно. За термином «трансадаптация» видятся всего лишь особые виды перевода, а именно аудиовизуальный перевод и то, что практики именуют «локализацией», то есть перевод сайтов, компьютерных игр и т.п. (см. предыдущий раздел). Для транскультурации в теории перевода был предложен условный термин «рирайтинг» (хотя и без акцента на учет культурных различий). В.Н. Комиссаров определяет «рирайтинг» как деятельность переводчика «по созданию параллельного текста на ПЯ, не являющегося переводом иноязычного оригинала, не претендующего на это и не функционирующего как перевод, но как бы отталкивающегося от оригинала, существование которого послужило импульсом, причиной или ориентиром для создания текста на другом языке» [15, с. 69]. Оказывается, транскреационный подход – это попытка описать то, что уже описано в переводоведении, только другими терминами. Так не множим ли мы сущности без необходимости?

Этот вопрос возникает в связи с наблюдаемой нами попыткой представить некоторые виды перевода как настолько культурно-ориентированные, что они вроде как перестают быть видами перевода, а превращаются в некую особую деятельность перевод-

чика, опять же отличающуюся от собственно перевода. В качестве одного из отличий новых сущностей от собственно перевода усматривается степень трансформированности результирующего текста под влиянием фактора дистанции культуры и, заметим в дополнение, такого фактора, как особые потребности получателя переводного текста и способ использования ПТ. По нашему мнению, эти факторы столь же существенны во всех коммуникативных ситуациях с использованием перевода и непременно должны учитываться переводчиком. «Культурный поворот» (cultural turn) в переводоведении, произошедший еще в 1980-х годах и повлекший признание необходимости адаптировать текст к принимающей культуре, как мы успели убедиться, не потребовал выделения новых сущностей и создания для их обозначения новых понятий. Ибо в этом не было необходимости. Всё и так ясно.

По сути, в этом случае мы имеем дело с тем же явлением, что и в случае с локализацией, только несколько более сложного порядка. Если адепты локализации как отдельного вида переводческой деятельности как бы внезапно и с удивлением обнаружили, что, оказывается, при создании текста на переводящем языке нужно учитывать различия между культурами, то адепты транскреационного подхода основное внимание уделяют тем переводческим ситуациям, в которых фактор культуры приобретает особое значение, забывая при этом, что сам по себе этот фактор намертво встроен в структуру переводческой деятельности, неотделим от процесса собственно перевода. «А то, что свыше, – то от лукавого».

Заключение

Мы рассмотрели некоторые новые тенденции в современном переводоведении и в практической переводческой деятельности. За пределами нашего рассмотрения остались новые направления теоретических исследований, обусловленные расширением сфер использования таких видов перевода, как аудиовизуальный перевод и перевод в социальной сфере (социальный перевод). Теоретическое осмысление этих видов перевода, достаточно широко представленное в зарубежном переводоведении, заслуживает отдельного рассмотрения.

Анализ отмеченных тенденций в теории и практике перевода приводит нас к выводу о том, что как среди теоретиков перевода, так и среди практиков бытует наивное представление о переводе как деятельности, в качестве цели которой многие усматривают всего лишь передачу когнитивной информации преимущественно в той форме, в которой она была представлена в исходном тексте. Прагматическая, культурная адаптация текста, потребность в которой возникает в связи с различиями между двумя культурами, рассматривается в качестве отдельного вида переводческой деятельности, выходящей за рамки собственно перевода, с чем нельзя согласиться. В тех же случаях, когда фактор культуры приобретает особое значение либо особое значение имеют способы использования переводного текста, исследователи склонны рассматривать деятельность переводчика в качестве отдельных видов перевода или придавать этой деятельности статус отдельной переводческой «стратегии», что также вызывает наши возражения. По нашему мнению, во всех случаях речь должна идти о собственно переводе, осуществляемом с разной степенью культурной адаптации в разных коммуникативных ситуациях. Результат перевода, соответственно, будет отличаться разной степенью трансформированности. Таким образом, локализация, транскреация, трансадаптация и транскультурация – это все тот же перевод, выполняемый с разной степенью прагматической и культурной адаптации. При этом нет особой необходимости в навешивании новых ярлыков на уже хорошо известные сущности.

Возникает вопрос: не слишком ли размытым становится само понятие «перевод»? В соответствии с коммуникативно-функциональным подходом к переводу, мы определяем перевод как речемыслительную деятельность переводчика, направленную на создание

текста на ПЯ, воспроизводящего содержание и формальные характеристики исходного текста в той степени, в которой это необходимо в данной коммуникативной ситуации, и обеспечивающего успешную предметную деятельность инициатора и/или получателя перевода. Утверждение, что перевод многообразен, – суть констатация факта, наблюдаемого в реальной действительности. Признавая этот факт, исследователи должны также учитывать, что в процессе осуществления перевода переводчик решает целый комплекс задач, в том числе и задачу обеспечения соответствия результирующего текста ожиданиям и потребностям потребителя перевода.

Литература

1. Гамбье И. Перевод и переводоведение на перекрестке цифровых технологий // Вестник СпбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 4. С. 56–74.
2. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. М.: ЭТС, 2001. 424 с.
3. Петрова О.В., Ланчиков В.К. Сколько гитик умеет перевод. Об одной концепции переводческих стратегий // Мосты. Журнал переводчиков. № 1(53)/2017. М.: Р.Валент, 2017. С.40-50.
4. Pym A. What Technology Does to Translating // Translation and Interpreting. Vol. 3. No 1 (2011): [https://cloud.mail.ru/public/4QBA/ZuUpBXupn/PYM.What technologies does to translating.pdf](https://cloud.mail.ru/public/4QBA/ZuUpBXupn/PYM.What%20technologies%20does%20to%20translating.pdf)
5. Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической / Пер. с нем. М.: Р.Валент, 2015. 512 с.
6. Сдобников В.В. Новая парадигма переводоведческих исследований // Культура как текст: Сборник научных статей. Вып. 12. М.: ИЯ РАН; Смоленск: СГУ, 2014. С.109-120.
7. Сдобников В.В. Перевод и коммуникативная ситуация: монография. М.: ФЛИНТА; Наука, 2015. 464 с.
8. <https://linguacontact.com/localization/>
9. https://ru.wikipedia.org/wiki/Языковая_локализация
10. <http://termin74.ru/articles/internationalization/>
11. <http://fridge.com.ua/2011/02/lokalizatsiya-perevoda/>
12. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
13. Орёл М.А. Нанофилология, или Бывают ли мелочи в переводе? // Проблемы теории, практики и методики перевода: Сб. науч. трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып.14. Том 2. Н.Новгород: НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 2011. С.91-102.
14. Малёнова Е.Д. Креативные практики в переводе // Перевод и культура: взаимодействие и взаимовлияние: тезисы Третьей Междунар. науч. кон-ции. Вологда: ВоГУ; Нижний Новгород: НГЛУ, 2018. С.53-55.
15. Комиссаров В.Н. Новые тенденции в переводоведении // Информационно-коммуникативные аспекты перевода: Сборник науч. трудов. Часть I. Н.Новгород: НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 1997. С.62-77.

Сведения об авторе

Сдобников Вадим Витальевич, доктор филологических наук, профессор, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, e-mail: artist232@rambler.ru

NEW TRENDS IN TRANSLATION STUDIES

V. Sdobnikov

Abstract. This article argues that a wider application of some forms of translators' activities does not necessarily entail development of new concepts and approaches to translation. The methodology of investigating translation/interpreting should be based on the combination of the traditional equivalence-oriented approach and the communicative-functional approach to translation. The article proves that the so-called localization and transcreation presented by many scholars as specific forms of translators' activity do not deserve this status, and must be viewed as types of translation proper. "Cultural adaptation" of a text performed in the process of "localization" and "transcreation" is another term for pragmatic adaptation widely used by translators and translation scholars for a long time. What matters in such situations is the degree of pragmatic/cultural adaptation.

Keywords: communicative-functional approach, information technologies, localization, internationalization, transcreation

Data about the author

Sdobnikov V., Doctor of Sciences (Philology), Professor,
Nizhny Novgorod Linguistic University, e-mail: artist232@rambler.ru

УДК 8

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ

В.В. Алимов

Аннотация. В статье рассматривается общественно-политический перевод, лингвистическая (языковая) интерференция и уровни проявления лингвистической интерференции в общественно-политическом переводе.

Ключевые слова: общественно-политический перевод; общий перевод; художественный перевод; специальный перевод; проза; поэзия; фольклор; агитационная, пропагандистская направленность; звуковая интерференция; звукоподражательная интерференция; орфографическая интерференция; грамматическая интерференция; лексическая интерференция; семантическая интерференция; стилистическая интерференция; внутриязыковая интерференция; отрицательная интерференция; положительная интерференция

Ежедневно, практически во всех странах мира, издаются газеты и журналы, различные новости размещаются в интернете с информацией об общественно-политической жизни в стране и за рубежом.

Определённая часть этой информации переводится на другие языки, реферировается и печатается в средствах массовой информации (СМИ) других стран.

При классификации видов перевода по коммуникативной направленности, по жанру и содержанию выделяют три вида перевода: 1. Художественный; 2. Общественно-политический; 3. Специальный.

Художественный перевод иногда ошибочно называют литературным. Художественный перевод включает: 1. Авторскую прозу. 2. Авторскую поэзию. 3. Фольклор. Общественно-политический перевод включает: 1. Перевод газетных текстов. 2. Перевод публицистических (журнальных) текстов. 3. Перевод выступлений, заявлений, которые не издаются в СМИ. Для общественно-политических текстов характерна пропагандистская, агитационная или информативная направленность. В плане достижения адекватности общественно-политический перевод обладает чертами как художественного, так и специального перевода, рассчитанного на массового читателя, без глубокого изложения научных специальных положений, поэтому этот вид перевода называют ещё общим переводом.

Специальный перевод включает военный, юридический, технический, научный и другие, связанные с различными отраслями знания и деятельности человека, переводы на переводящий язык (ПЯ). Эти специальные тексты рассчитаны на профессионалов в определённой области знаний. Общественно-политический (общий) перевод – Political-and-Social Translation включает: 1. Перевод газетных текстов с информативной и пропагандистской направленностью по профилю газеты; 2. Перевод публицистических, информационных текстов с социальной направленностью по профилю журнала; 3. Перевод текстов выступлений и заявлений с информативной, политической и социальной направленностью.

Общественно-политические тексты включают элементы художественных текстов и терминологию специальных текстов, что обуславливает проявление лингвистической интерференции при переводе. Лингвистическая (языковая) интерференция представляет собой вмешательство элементов одной языковой системы в другую при переводе, что может привести к непониманию, искажению текста и к различным ошибкам.

В отечественной и зарубежной лингвистической литературе языковая интерференция рассматривается на трёх и на пяти уровнях.

В результате исследования мы установили, что языковая интерференция проявляется на семи уровнях и при переводе, и в межкультурной коммуникации. В общественно-политическом переводе лингвистическая интерференция проявляется довольно часто, что обусловлено особенностями общественно-политического перевода (ОПП). Интерференция может быть:

1. Звуковая, или звукоподражательная: фонетическая, фонологическая и звуковая – репродукционная интерференция. Фонетическая интерференция проявляется на уровне артикуляции (произношение звуков и слов): [t] и [s] вместо [θ]

thrust – [trʌst] вместо [θrʌst]

thin – [tɪn] вместо [θɪn]

thick – [sɪk] вместо [θɪk]

Фонологическая интерференция проявляется в вопросительных предложениях и при перечислении, в английском предложении должен быть подъём интонации:

Do you hear me /?

Звуковая-репродукционная интерференция – слова и выражения имеют внешнее сходство и очень редко совпадают по смыслу:

ammunition – боеприпасы, а не амуниция; complexion – цвет лица, а не комплекция; compositor – наборщик в типографии, а не композитор; decade – десятилетие, а не декада.

2. Орфографическая интерференция – вмешательство элементов другой языковой системы при написании слов: **appeal** – **апелляция**; **gallery** – **галерея**; **реабилитация** – **rehabilitation**. Написание слов при переводе осуществляется под влиянием другого языка.

3. Грамматическая интерференция проявляется на морфологическом, синтаксическом и пунктуационном уровнях. Грамматические нормы одного языка используются по аналогии в другом языке:

Новости были хорошими. – The news was good. (а не **were good**).

Руководитель делегации сказал, что он не знает, когда начнутся переговоры. – The head of the delegation said that he didn't know when the negotiations would start.

В этом предложении необходимо соблюдать согласование времён:

said, didn't know, would start.

Знаки препинания в Я₁ и Я₂ ставятся в соответствии с нормами этих языков.

4. Лексическая интерференция проявляется при переводе на уровне лексики, особенно на уровне терминов: **undo the nut** – **отвернуть гайку**, а не расколоть орех; **physique** – **телосложение**, а не физик(а); **industrial practitioner** – **специалист**; **permanent officer** – **кадровый офицер**; **primitive accumulation** – **первоначальное накопление**.

5. Семантическая интерференция проявляется на уровне смысла под влиянием исходного языка (ИЯ) для переводящего языка (ПЯ).

В межкультурной коммуникации (МКК) и переводе неадекватная идентификация по главным семам чаще всего отмечается при употреблении приставок, суффиксов, предлогов, союзов, различных частей речи, форм времени и наклонения.

Мы забронировали для Вас номер в гостинице «Метрополь».

Правильный вариант:

We've reserved a room for you at the Metropol Hotel.

Места возможной интерференции подчеркнуты.

6. Стилистическая интерференция проявляется на уровне стиля при переводе с одного языка на другой. Содержание текста может быть точно передано переводчиком, а в стиле могут появиться расхождения между ИЯ и ПЯ в силу стилистических особенностей ИЯ и ПЯ. При переводе прилагательных большой, маленький, великий и других необходимо использовать соответствующие прилагательные: **large, big, huge, great**, с соответствующей окраской, используются разные стилистические приёмы.

7. Внутриязыковая интерференция проявляется при переводе в языке, на который делается перевод под влиянием аналогичных конструкций: **to go to; to come to; но to arrive at и in; leaf – leafs**, а не **leaves**; торговать чем-либо – **to trade in smth**.

Иногда в отечественной литературе встречаются сложные образования: лексико-семантическая интерференция; лексико-стилистическая интерференция и другие. Интерференция начинается на одном уровне, а заканчивается на другом.

Наряду с отрицательной, негативной, деструктивной интерференцией, в переводе проявляется и положительная, позитивная, конструктивная интерференция, которая помогает переводчику и проявляется на тех же уровнях, что и негативная интерференция. Умения и навыки, приобретённые при изучении первого иностранного языка, оказывают положительное влияние при изучении второго и последующих иностранных языков, положительно интерферирующие морфемы, слова, выражения и даже предложения (интерференты) помогают переводчику при переводе.

Литература

1. Алимов В.В. Интерференция в переводе (на материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации); Учебное пособие. М., КомКнига, 2005. 232 с.
2. Алимов В.В. Теория перевода. Пособие для лингвистов-переводчиков. Уч. пособие. М., ЛИБРОКОМ, 2013. 240 с.
3. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода. Лингвистические проблемы. Учебное пособие. 5-е изд. – М.: ООО Изд. Дом «Филология ТРИ», 2002. – 416 с.

Сведения об авторе

Алимов Вячеслав Вячеславович, доктор филологических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации

SOCIAL AND POLITICAL TRANSLATION AND LINGUISTIC INTERFERENCE

V.V. Alimov

Abstract. The article covers political-and-social translation, linguistic (language) interference and the levels of linguistic interference in political-and-social translation.

Keywords: political-and-social translation; general translation; fiction translation; special translation; prose; poesy; folklore; agitation; propagandist direction; sound resembling interference; orthographic (spelling) interference; grammatical interference; lexical interference; semantic interference; stylistic interference; internal linguistic interference; negative interference; positive interference

Data about the author

Alimov V., Doctor of Philology, professor of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

УДК 8

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ В СФЕРЕ ТУРИЗМА И ГОСТЕПРИИМСТВА

М.Н. Винникова, Е. Д. Корнилова, З. И. Павицкая

Аннотация. Процессы глобализации, протекающее в настоящее время, обуславливают большой приток иностранных слов в лексикон русского языка. Данная статья посвящена теме ассимиляции иноязычной лексики в русском языке. В статье рассматриваются причины активного внедрения иностранных слов в лексикон русского языка в сфере туризма и гостеприимства, а также приведены условия интеграции иноязычной лексики в заимствующий язык.

Ключевые слова: иноязычная лексика, заимствования, глобализация, англицизмы, профессионализмы

Актуальность темы заключается в том, что в настоящее время отмечается большой приток иностранных слов в лексикон русского языка, что во многом обусловлено процессами глобализации. Использование иноязычной лексики характерно и для такой сферы деятельности, как туризм и гостеприимство.

Для выполнения работы применялись следующие **методы исследования**: теоретические – абстрагирование, конкретизация, анализ и синтез; эмпирические – сравнение, наблюдение.

С каждым днем международное взаимодействие во всех сферах жизнедеятельности стремительно возрастает, что во многом обусловлено увеличением числа международных контактов, при которых владение иностранным языком становится неотъемлемым компонентом практически любой профессиональной деятельности. Особенно это касается такой области, как туризм и гостеприимство, где трудовая деятельность непосредственно связана с межкультурной коммуникацией.

В условиях глобализации можно отметить тенденцию к активному распространению заимствованных слов. Это является следствием того, что русский язык гибко реагирует на новые политические, экономические, научно-технические реалии, пополняя лексикон соответствующими английскими терминами. Одни ученые считают подобные лексические инновации закономерным явлением, поскольку англицизмы позволяют точно передать специфику новых для российского общества понятий. Это касается, в частности, наименований явлений туристической сферы (хостел, бизнес-тур), обозначения схожих, но разнотипных понятий (гамбургер, чизбургер), специализации понятий (туроператор, бунгало) и необходимости в создании емких названий явлений или услуг (твин – двухместный номер с отдельными кроватями) [5].

Помимо высоких требований к владению английским языком, предъявляемых в профессиональной туристической деятельности, необходимо осознанно подходить к вопросу совершенствования навыков владения иностранным языком и развивать готовность применения своих навыков на практике. [1, с. 83]. Иностранная лексика более уместна в деловом общении: она позволяет избежать недопонимания, как в устных переговорах, так и в официальных документах. С этой целью приемлемо использовать аббревиатуры HB, BB, BF, AI, OB, UAI, RO, которые характеризуют типы питания в средствах размещения. Например, HB (HalfBoard) предполагает завтрак и ужин, то есть двухразовое питание. Таким же образом можно обозначить тип номера в гостиницах, используя обозначения single, double, twin – одноместный номер, двухместный номер с двухспальной кроватью и двухместный номер с двумя отдельными кроватями соответственно.

С точки зрения ассимиляции иноязычной лексики в русском языке, можно выделить несколько групп:

- Заимствования, относящиеся к категории профессионализмов, то есть слова, применяемые в определенном кругу людей, объединенных одной сферой трудовой деятельности (ваучер, чартер) – частично ассимилировавшиеся в языке;

- Заимствования, полностью ассимилированные в языке (круиз, лайнер);
- Заимствования, не ассимилированные в языке (басбой, беллмен);
- Заимствования, созданные путем объединения английского и русского языка (шубтур).

Но параллельно с объективной необходимостью внедрения англицизмов, существует проблема использования заимствованных слов в качестве источника повышения «престижности» речи. Так, чтобы отнестись к специалистам западного уровня, работники сферы туризма и гостеприимства стремительно обогащают деловой лексикон иноязычными понятиями. Туристы, в свою очередь, знанием различных англицизмов пытаются продемонстрировать высокий уровень жизни и открытость к нововведениям. Так или иначе, в туристической сфере ощущается направленность к западным традициям, что находит свое отражение в изменении менталитета русскоговорящего населения, а также в потребности российского общества признания со стороны западного. Например, чаще можно услышать новомодное слово кейтеринг, чем его простое и понятное объяснение на русском языке – обеспечение питания [4].

Чтобы повысить имидж, турфирма или гостиница составляет такие коммерческие предложения, которые имеют в своей основе упор на лексические элементы, символизирующие красивую жизнь с недоступными для других удовольствиями: каякинг, талассо-терапия, рафтинг и т.д. Потребитель, принимая такие предложения, отождествляет себя с образованным и обеспеченным европейцем, поскольку воспринимает иноязычную лексику сквозь призму представлений о высоком уровне сервиса [2, с. 121]. В данном случае заимствованная лексика способна обозначать принадлежность к заграничному образу жизни, что является толчком к активному внедрению англицизмов в русскую речь.

Если рассматривать заимствованные слова с точки зрения грамматики, можно отметить характерную для русского языка особенность – словообразование часто происходит с добавлением дефиса, в то время как в английском языке такие слова пишутся раздельно или слитно. Например, кофе-брейк (coffeebreak), веб-сайт (website). Дело в том, что германские языки, в числе которых английский, часто ориентированы на соединение двух существительных без связующего грамматического элемента. Подобная языковая гибкость прижилась и в славянских языках; русский язык активно внедряет в свой лексикон слова, построенные данным образом. С каждым днем становятся популярнее английские сокращения в сочетании со словами русского или иностранного происхождения. Например, VIP-зал для гостей гостиницы. Грамматические особенности языка-донора обязательны для применения их в речи языка-реципиента, но при этом лексика иноязычного происхождения определенным образом подстраивается под языковые нормы принимающего языка, наделяясь качествами, необходимыми для функционирования в речи. [3, с. 127]. Вообще, интеграция заимствований в русский язык проходит с учетом не только грамматических правил, но и с учетом законов фонетического, графического, семантического и стилистического уровней.

Таким образом, среди факторов заимствования иноязычной лексики в сфере туризма и гостеприимства выделяют профессионально обусловленные причины, моду на западную культуру, а также социально-психологические факторы. При этом адаптация иноязычных слов представляет собой процесс приближения иноязычной лексемы к фонетическим, грамматическим, графическим и стилистическим характеристикам заимствующего русского языка.

Литература

1. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. – М.: Педагогика–Пресс, 2013. – 247 с.
2. Крысин Л. П. Русское слово, своё и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 888 с.
3. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2015. – 709 с.

4. Павицкая З.И. The changing face of hotel service in Russia [Текст]. – В сб. «Проблемы и перспективы физического воспитания, спортивной тренировки и адаптивной физической культуры» материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. ФГБОУ ВО «Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма». 2016. С. 1039.

5. Горбунов И.И., Теганюк В.В. Main problems of the hotel service market and their solutions. [Текст]. – В сб. «Проблемы и перспективы физического воспитания, спортивной тренировки и адаптивной физической культуры» материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. ФГБОУ ВО «Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма». 2016. С. 907 – 909.

Сведения об авторах

Корнилова Екатерина Дмитриевна, студентка Поволжской государственной академии физической культуры, спорта и туризма; Павицкая Зоя Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент, Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма. e-mail: supersportkaf@yandex.ru; Винникова Марина Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, Казанский (Поволжский) федеральный университет, e-mail: marinaissaeva@mail.ru

TO THE QUESTION OF THE CAUSES OF BILLING OF FOREIGN WORDS IN THE SPHERE OF TOURISM AND HOSPITALITY

M. Vinnikova, E. Kornilova, Z. Pavitskaya

Abstract. The processes of globalization, which is currently taking place, cause a large influx of foreign words into the lexicon of the Russian language. This article is devoted to the topic of assimilation of foreign vocabulary in Russian. The article considers the reasons of the active introduction of foreign words into the lexicon of the Russian language in the sphere of tourism and hospitality, and the conditions of the integration of a foreign language lexeme into a borrowing language.

Key words: foreign vocabulary, borrowings, globalization, anglicisms, professionalism

Data about the authors

Kornilova E., student, Volga Region State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism; Pavitskaya Z., candidate of pedagogical sciences, associate professor, Volga Region State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism, e-mail: supersportkaf@yandex.ru; Vinnikova M., candidate of pedagogical sciences, associate professor, Kazan (Volga region) Federal University, e-mail: marinaissaeva@mail.ru

УДК 808.5

РОЛЬ РИТОРИЧЕСКОГО ВОПРОСА В СОЗДАНИИ ТЕКСТОВОЙ ЭМОТИВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА В. ВУЛФ «НА МАЯК»)

Н.В. Гукалова

Аннотация. В данной статье рассматривается потенциал риторического вопроса в формировании эмотивности текста и специфика его функционирования. Автор дает определение термина риторический вопрос и определяет содержание категории текстовой эмотивности. На основании сделанной выборки и подсчета в процентном соотношении риторических вопросов к непосредственно вопросительным, среди предложений вопросительной формы, а также лингвостилистического и интерпретационного анализа текста, делается вывод от том, что исследуемый текст является эмотивным.

Ключевые слова: риторический вопрос, риторические фигуры, эмотивность, категория текстовой эмотивности

В последние десятилетия лингвисты сфокусировались на изучении проблемы эмоции в языке и исследования категории эмотивности в языке и речи. Все более становиться очевидна необходимость рассмотрения данной категории в рамках целого текста.

Текстовая эмотивность, по мнению В.И. Шаховского и С.В. Ионовой, является функционально-семантической категорией, реализация которой «служит для внешней трансляции эмоционального состояния языковой личности, но не для эвокации у реципиента» [3, с. 12; 5].

Категория эмотивности может быть выражена на всех уровнях языка, а эмотивностью может обладать любая его единица [5], в этой связи, крайне интересным нам представляется изучение потенциала лингвориторических фигур в формировании эмотивности текста, поскольку, как утверждал И.Р. Гальперин: «вопрос всегда больше нагружен эмоционально, чем утверждение или отрицание» [2, с. 216].

По определению И.Р. Гальперина, риторический вопрос – «особый стилистический прием, сущность которого заключается в переосмыслении грамматического значения вопросительной формы» [2, с. 216]. И таким образом, это такое предложение, сутью которого является утверждение, но оно, вместе с тем, имеет форму вопроса, а, следовательно, становиться более эмфатично и эмотивно.

С точки зрения его функции, И.В. Арнольд говорит о том, что риторический вопрос необходим для того, чтобы повысить эмоциональный тон сообщения, оказать особое впечатление на собеседника или читателя, сделать его, тем самым, вовлеченным [1, с. 225].

Риторический вопрос не направлен на получение какой-либо информации, как обычные вопрос, но направлен на утверждение этой информации [4 с. 147], и таким образом, является более эмоциональной формой утверждения.

Текстовая эмотивность, по определению В.И. Шаховского, это функционально-семантическую категорию, реализация которой «служит для внешней трансляции эмоционального состояния языковой личности, но не для его эвокации у реципиента» [5; 3 с. 12].

Непосредственно эмотивность, может выражаться на всех уровнях языка, как фонетическом, лексическом, синтаксическом, так и на уровне текста, но в то же время текстовая эмотивность складывается из вышеперечисленных компонентов.

Материалом исследования послужил текст романа «На маяк» («To the Lighthouse») английской писательницы В. Вулф. Для анализа была сделана выборка, общий объем которого составил 90 предложений вопросительной формы, представленных на первых 25 страницах произведения.

Мы убеждены, что данный анализ позволит нам оценить реализацию категории текстовой эмотивности и ее интенсивность проявленности в представленном аспекте.

По результатам подсчета, было выявлено, что 34 из 90 предложений вопросной формы являются непосредственно вопросительными, остальные же – 56, являются вопросительно-риторическими.

В целом, риторические вопросы встречаются в несобственно-прямой речи персонажей, монологах героев, написанных в форме потока сознания, в то время как вопросительные предложения встречались, во многом, в прямой речи персонажей романа.

Данный результат, безусловно, говорит о том, что рассматриваемый текст является в высокой степени эмотивным, так как подавляющее большинство вопросов являются эмфатическими утверждениями в виде эмоционально-утвердительных предложений. Кроме того, это говорит и о стилистической не-нейтральности текста.

Следует отметить, что риторический вопрос используется писательницей для отражения самых различных эмоциональных состояний литературных героев, это могут быть как положительные, так отрицательные эмоции.

Рассмотрим следующий пример:

“How then did it work out, all this? How did one judge people, think of them? How did one add up this and that and conclude that it was liking one felt or disliking? And to those words, what meaning attached, after all?” [6, p. 15]

В данном отрывке риторические вопросы передают переживания героини и ее внутреннее смятение. Кроме того, это целая цепочка вопросов, одновременно и не направленных на коммуниканта, и, одновременно, вопросов, которые она задает самой себе во внутренней речи.

“What would a stranger think now? What did this Lily Briscoe think? Could one help noticing that habits grew on him? Eccentricities, weaknesses perhaps? It was astonishing that a man of his intellect could stoop so low as he did – but that was too harsh a phrase – could depend so much as he did upon people’s praise” [6, p. 14].

Здесь мы видим рассуждения Миссис Рамзи о Лили и Уильяма, где вопросы скорее даны не только для того, чтобы показать внутренний диалог главной героини, но и заставить задаться такими вопросами самого читателя, вовлечь его в это рассуждение, и тем самым, установить некий контакт между писателем и читателем.

Аналогичный пример:

“But was it nothing but looks, people said? What was there behind it – her beauty and splendor? Had he blown his brains out, they asked, had he died the week before they were married – some other, earlier lover, of whom rumours reached one? Or was there nothing? Nothing but an incomparable beauty which she lived behind, and could do nothing to disturb?” [6, p. 17].

Рассматриваемый фрагмент также содержит риторические вопросы, относящиеся к внутренней речи героини романа. В последнем предложении мы видим подхват, придающий большую выразительность речи персонажа.

“If Shakespeare had never existed, he asked, would the world have differed much from what it is today? Does the progress of civilization depend upon great men? Is the lot of the average human being better now than in the time of the Pharaohs? Is the lot of the average human being, however, he asked himself, the criterion by which we judge the measure of civilization? Possibly not. Possibly the greatest good requires the existence of a slave class” [6, p.24].

Как и в предыдущих отрывках, мы видим целые ряды вопросительно-риторических предложений, которые еще дополняются и лексическим повтором: “Possibly not. Possibly the greatest...” для большей эмфатизации текста и создания образа персонажа, отражение его чувств, беспрерывно задающего вопросы и обращающемуся к самому себе, сожалея о несправедливости жизни и сложностях собственной судьбы и судьбы человека.

Таким образом, сделав анализ, мы пришли к выводу о том, что преобладающее большинство среди предложений в вопросительной форме, в исследуемой выборке, являются именно вопросительно-риторическими. Также стоит отметить, что большинство таких предложений выражают, в конкретном тексте негативные эмоции, такие как разочарование, смятение, негодование, возмущение и т. д. Однако, такой вид лингвориторических фигур способен отразить в тексте совершенно любого спектра и разного рода эмоции.

Это позволяет говорить нам о том, что сам исследуемый текст имеет характер эмотивного, а автор так часто прибегает к использованию данного стилистического приема в романе для диалогизации внутренней речи персонажей, которая представлена в форме потока сознания, с целью сделать их речь более экспрессивной и воздействовать на чувства и эмоции читателя.

Литература

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов / И.В. Арнольд. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 383 с.
2. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка / И.Р. Гальперин. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 462 с.
3. Ионова С.В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема: автореф. ... дис. канд. филол. наук / С.В. Ионова. – Волгоград, 1998. – 21 с.
4. Скородумова Е.А. Риторический вопрос-реакция как средство выражения эмоций (на материале англоязычных художественных текстов) / Е.А. Скородумова // Вестник Челябинского государственного ун-та. – 2009. – № 39 (117). – С. 137-139.
5. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций / В.И. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
6. Woolf V. To the Lighthouse / V. Woolf. – Hertfordshire: Wordsworth Editions Ltd., 2002. – 159 p.

Сведения об авторе

Гукалова Н.В., Магистрант Таганрогского государственного университета им. А.П. Чехова (филиал Ростовского государственного университета экономики), e-mail: nadegda-ni@yandex.ru

THE ROLE OF RHETORIC QUESTION IN TEXTUAL EMOTIVENESS CREATION (ON MATERIAL OF THE NOVEL “TO THE LIGHTHOUSE” BY V. WOOLF)

N.V. Gukalova

Abstract. In this paper is considering the potential of rhetoric question in textual emotiveness creation and some aspects of its functioning in texts of belle-letters style. The author describes the term of rhetoric question and defines the content of category of the category of textual emotiveness. The author is analyses the sampling which was made up from the text of the novel “To the Lighthouse” by V. Woolf that consists of sentences of question form. On this base and stylistic and interpretational analyses, it makes conclusion that the text has the character of emotive.

Keywords: rhetorical question, emotiveness, the category of textual emotiveness, stylistic devices

Data about the author

Gukalova N., Master's degree student, Taganrog State Institute (Branch) of Rostov State University of Economics, e-mail: nadegda-ni@yandex.ru

УДК 8

ЯЗЫКОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНА ДЖУЛИАНА БАРНСА «ПРЕДЧУВСТВИЕ КОНЦА»

А.А. Кирпичникова, В.В. Тарасова

Аннотация. Статья посвящена анализу языкового своеобразия романа Джулиана Барнса «Предчувствие конца». В ней рассматриваются лингвистические средства, позволяющие отнести данное произведение к числу постмодернистских. К числу таких средств могут быть отнесены: комбинация различных стилей (от разговорного до научного), языковая игра, проявляющаяся в виде уже упомянутого смешения стилей и вольной трактовки фразеологических единиц, а также интертекстуальность.

Ключевые слова: «Предчувствие конца», Джулиан Барнс, лингвистическое своеобразие, постмодернизм, игра, интертекстуальность

Роман Джулиана Барнса «Предчувствие конца» (Julian Barnes “The Sense of an Ending”) [11] был удостоен Букеровской премии в 2011 году, и уже тогда многие критики отзывались о нем как об одном из лучших произведений современности.

С уверенностью можно сказать, что данный роман оказывает сильное эмоциональное воздействие на читателей не только благодаря прекрасно прописанным характерам и, так называемым, вечным темам (тема любви, памяти, тема смерти), но и благодаря умелому использованию языковых средств.

В целом, к творчеству Джулиана Барнса обращались многие литературоведы, как зарубежные, так и отечественные. Своеобразная презентация Джулиана Барнса русской-язычной публике состоялась в журнале «Иностранная литература» (№ 7, 2002). Поводом к организации дискуссии под названием «Феномен Джулиана Барнса» стала публикация романа «Как все было». Тогда свое мнение относительно творчества британского писателя представили Е. Тарасова («Хамелеон британской литературы») [9], М. Табак («Франция – моя вторая родина») [9], Д.Бондарчук («Через Ла-Манш и обратно») [1], С.Фрумкина («История, увиденная Барнсом») [10]. Стоит отметить и значительное число посвященных творчеству Барнса диссертаций, вышедших в последнее время. В частности, работа Д.А. Радченкова «Проза Джулиана Барнса: жанровая природа, проблема героя и нравственная философия автора» [7], А.В. Васильевой «Фикциональная дискурсивность сюжетосложения в романе Джулиана Барнса «Как все было» [3].

Если говорить о литературоведении зарубежном, особо стоит отметить статьи Даниеля Кэндела Бормана (Candel Bormann, Daniel “From Romanticism to Postmodernity: Two Different Conceptions of Nature in Julian Barnes “History of the World in IOV2 Chapters”) [13] и Дэвила Леона Хигдона (Higdon, David Leon. "'Unconfessed Confessions': the Narrators of Graham Swift and Julian Barnes") [15].

Однако роман «Предчувствие конца», который является относительно новым произведением Джулиана Барнса остается практически неизученным, и тем более, не ставился исследователями вопрос о его языковом своеобразии.

Для рассмотрения данного произведения в указанном аспекте в плане общенаучного подхода использовался интерпретационный метод, при непосредственном изучении текстового материала применялись методы эмпирического и теоретического исследования: анализ, синтез, сравнение, обобщение, а также компонентный, контекстуальный и сопоставительный методы изучения.

В первую очередь следует отметить, что роман «Предчувствие конца» состоит из двух частей. В первой из них речь идет о молодости главных героев (Колина, Алекса, Адриана и Тони), их первых влюбленностях и расставаниях, первых разочарованиях и первом столкновении со смертью. Вторая часть показывает одного из героев – Тони – уже в возрасте 60 лет, когда он получает в наследство деньги от недавно умершей матери своей бывшей девушки Вероники, а также узнает, что должен стать обладателем днев-

ника Адриана, совершившего самоубийство уже много лет назад. Стремление понять, почему эти деньги завещаны именно ему, а также разгадать тайну смерти Адриана, возвращает его в прошлое, заставляет вновь и вновь вспоминать дела давно минувших дней.

Безусловно, в языковом плане две этих части романа также неравномерны. Первая часть включает в себя большое количество жаргонных выражений, свойственных молодежи: *hook up* («закадрить», «склеить»), *taking the piss* («прикалываться»), *creep* («лох», «придурок»), *sap* («олух», «ботаник»), *pick-up line* («способ знакомства»)

Однако уже здесь язык произведения нельзя назвать однородным, ведь наряду с жаргонными словами и выражениями появляются термины (*vegetable matter* – *вещество растительного происхождения*), а также слова и выражения, свойственные, так называемому, высокому стилю (*in the flower of youth* – *в расцвете сил*).

Интересно, что такое стилистическое многообразие способствует и лучшей характеристике героев, в частности Тони, от лица которого ведется повествование. С одной стороны, они люди, чья молодость прошла в 70-е годы XX века, то есть период, характеризующийся, в том числе, и свободой нравов, а значит, для описания повседневной жизни они вполне могут себе позволить выражения, вроде, *“pick up girls”* («замутить с девушками»). Но, с другой стороны, герои являются, пожалуй, лучшими представителями своего поколения – читающими, думающими, а потому могут свободно изъясняться и на языке высокопарном, однако для них переход на этот язык – игра, или как они сами выражаются «прикол» (*“taking the piss”*).

С этой точки зрения интересен следующий отрывок – диалог Адриана Финна с учителем истории [11]:

‘Finn, you’ve been quiet. You started this ball rolling. You are, as it were, our Serbian gunman.’ Hunt paused to let the allusion take effect. ‘Would you care to give us the benefit of your thoughts?’

‘I don’t know, sir.’

‘What don’t you know?’

‘Well, in one sense, I can’t know what it is that I don’t know. That’s philosophically self-evident.’ He left one of those slight pauses in which we again wondered if he was engaged in subtle mockery or a high seriousness beyond the rest of us. ‘Indeed, isn’t the whole business of ascribing responsibility a kind of cop-out? We want to blame an individual so that everyone else is exculpated. Or we blame a historical process as a way of exonerating individuals. Or it’s all anarchic chaos, with the same consequence. It seems to me that there is – was – a chain of individual responsibilities, all of which were necessary, but not so long a chain that everybody can simply blame everyone else. But of course, my desire to ascribe responsibility might be more a reflection of my own cast of mind than a fair analysis of what happened. That’s one of the central problems of history, isn’t it, sir? The question of subjective versus objective interpretation, the fact that we need to know the history of the historian in order to understand the version that is being put in front of us.’

There was a silence. And no, he wasn’t taking the piss, not in the slightest.

Из этого диалога ясно, что Адриан свободно владеет философскими и историческими терминами, способен рассуждать на самые серьезные темы, и естественно, речь его в такие моменты наполнена самыми высокопарными словами и выражениями: *philosophically self-evident, ascribing responsibility, anarchic chaos, reflection of my own cast of mind.....*

Более того, этот и другие диалоги могут служить примером такого приема, как ирония, свойственного многим произведениям Джулиана Барнса. Вопрос об иронии в романах британских писателей достаточно подробно рассматривался в диссертации Е.А. Брюхановой «Когнитивно-историческая обусловленность иронии и ее выражение в языке английской художественной литературы» [2]. В данном же случае ирония достигается путем, во-первых, использования разговорных фразеологизмов, например *started*

this ball rolling («ты заварил эту кашу») при обсуждении очень серьезной темы, а вторых, слишком высокопарным и даже неуместным сравнением с «сербским террористом» (*Serbian gunman*).

Что же касается второй части романа «Предчувствие конца», то она практически свободна от жаргонизмов, зато полна фразеологических выражений, столь любимых людьми пожилого возраста: *put finger on* («не в бровь, а в глаз»), *get under skin* («в печенках сидеть»), *it wasn't worth the candle* («игра не стоит свеч»), *late-flowering love* («поздняя любовь»). Более того, основу второй части составляют и юридические термины, ведь речь здесь идет о вхождении в права наследства. В качестве примера можно привести слово “*vexatious*” («сутяжнический»), которое дается в словаре с пометкой «юридический».

Если говорить о юридической тематике в целом и использовании юридической терминологии в романах Джулиана Барнса в частности, то следует отметить, что он писал не только романы, но и детективы (под псевдонимом), а потому юриспруденция ему совсем не чужда. «Когда вы пишете роман, вы беспокоитесь о многих вещах, и, написав четыре детектива двадцать лет назад – больше, чем двадцать лет назад – я думал, что об этом беспокоиться мне не надо. Я могу написать интересное повествование с полицией и с детективом, расследующим преступление, и так далее, и так как я обучался адвокатскому делу, то чувствую себя комфортно с юридическими делами», – отмечал Барнс в одном из своих интервью.

Примечательно, что отрывки второй части, связанные с возвращением в прошлое, темой памяти, зачастую очень сильно отличаются стилистически и так же, как часть первая, изобилуют жаргонными выражениями, молодежным сленгом. Например, эпизод, когда в руках Тони оказывается письмо, написанное им много лет назад, после того, как он узнал, что его девушка Вероника ушла к Адриану. Здесь, например, можно встретить такое слово, как «*cockteaser*» («динамщица»).

Таким же возвращением в прошлое становятся для Тони и встречи с бывшей женой – Маргарет и первой любовью – Вероникой. И неслучайно диалоги, которые ведут герои в ходе таких встреч, также наполнены молодежным сленгом (хотя, напомним, на момент встречи им всем около шестидесяти): *Fruitcake* («сумасшедшая, психичка»), *get it* («доходить»).

Рассуждая о языковом своеобразии романа Джулиана Барнса «Предчувствие конца», нельзя не отметить, что это произведение многими исследователями, в частности Д.А. Радченковым [7], Даниелом Кэнделом Борманом [13], относится к постмодернизму, а значит, обладает рядом специфических особенностей. Одна из них – игра, в частности, игра языковая. Как уже было отмечено, Барнс играючи переходит от одного стиля к другому, в частности от разговорного к научному: «В его произведениях наблюдается игра с различными литературными стилями – от стиля научного эссе Барнс переходит к рассказыванию всевозможных историй, повествование у него перемежается с непосредственным обращением к читателю» [6; С. 9]. И более того, даже с самыми устойчивыми структурами в языке – фразеологизмами, он обращается достаточно вольно.

Так, Барнс нарушает одно из основных свойств фразеологизма – образность, когда его герой – Тони – подмечает связь между выражением “*get under skin*” («в печенках сидеть») и тем, как бывшая жена – Маргарет – разделявала курицу [11]:

I said I wanted to get under her skin, didn't I? It's an odd expression, and one that always makes me think of Margaret's way of roasting a chicken. She'd gently loosen the skin from the breast and thighs, then slip butter and herbs underneath. Tarragon, probably. Perhaps some garlic as well, I'm not sure. I've never tried it myself, then or since; my fingers are too clumsy, and I imagine them ripping the skin.

Margaret told me of a French way of doing this which is even fancier. They put slices of black truffle under the skin – and do you know what they call it? Chicken in Half-Mourning. I

suppose the recipe dates from the time people used to wear nothing but black for a few months, grey for another few months, and only slowly return to the colours of life. Full-, Half-, Quarter-Mourning. I don't know if those were the terms, but I know the gradations of dress were fully tabulated. Nowadays, how long do people wear mourning? Half a day in most cases – just long enough for the funeral or cremation and the drinks afterwards.

Совсем вольно автор поступает с фразеологизмом “*Once bitten twice shy*”. Эквивалентом этого выражения может служить русское высказывание: «Обжегшись на молоке, дуешь и на воду», которое означает, что человек, однажды совершивший ошибку, становится гораздо осторожнее. Однако, рассуждая о поздней любви (“*late-flowering love*”), Джулиан Барнс подчеркивает, что люди далеко не всегда учатся на своих ошибках, а скорее даже наоборот, повторяют их снова и снова. Именно поэтому он переделывает известное выражение “*Once bitten twice shy*” в выражение “*Once bitten, twice bitten*”, что дословно можно было бы перевести как «Укушенный однажды дважды укушенный».

Вторая особенность постмодернизма, свойственная и роману Джулиана Барнса «Предчувствие конца», – метатекстуальность. К вопросу о метатекстуальности (интертекстуальности) обращались многие исследователи как российские (Жолковский А.К. [4], Липовецкий М.Н. [5]), так и зарубежные (Жерар Женетт [14], Мэриэл Мэйси [16]).

В первую очередь стоит отметить, что в романе Джулиана Барнса “Предчувствие конца” огромное количество цитат и отсылок к тем или иным произведениям. Например, при описании спора Вероники и Тони из-за дневника Адриана Финна используется выражение “*a wrangle for a ring*” («торг вокруг кольца»), которое является фразой из стихотворения английского поэта, прозаика и джазового критика Филипа Ларкина (1922–1985) «*Annus Mirabilis*» («Год чудес»).

Еще одним примером прямой цитаты является выражение “*They shall grow not old as we that are left grow old*” («Вовеки не состарятся они, а всяк, кто выжил, обречен на старость»), которое заимствовано из стихотворения «Павшим», входящего в «Оду поминовению» (1914) английского поэта Лоренса Биньона (1869–1943).

Однако Джулиан Барнс не всегда использует цитаты, чтобы показать связь своего романа с тем или иным произведением, отсылки могут быть непрямыми, однако достаточно прозрачными. Так, в самом начале произведения, описывая приход Адриана Финна в школу и его знакомство с Колином, Алексом и Тони, автор пишет: “*There were three of us, and he now made the fourth*”. Такое высказывание, безусловно, вызывает в памяти начало романа Александра Дюма «Три мушкетера», когда Д’Артаньян знакомится с тремя мушкетерами – Атосом, Партосом и Арамисом. Такое сравнение тем более очевидно, если учитывать, какую большую роль сыграла французская литература в становлении Джулиана Барнса как писателя и как часто он к ней обращался.

Важно отметить, что феном метатекстуальности свойственен многим произведениям Джулиана Барнса, и об этом неоднократно писали как отечественные, так и зарубежные ученые. Так, Матей Калинеску в качестве примера такого постмодернистского приема, как *rewriting* («переписывание») приводит роман «Попугай Флобера», где, по его словам, просматриваются интертексты романов Флобера «Простая душа» и «Мадам Бовари». Причем используется этот прием в самых разнообразных целях, от демонстрации уважения (подернутого иронией) к литературной традиции до игры в прятки с читателем [12].

Еще один исследователь, Ричард Тодд, также отмечает в романах Джулиана Барнса «Глядя на солнце», «Попугай Флобера» и «История мира в 10½ главах» удивительное разнообразие «переписываемых» произведений (больше французских, чем английских). Ричард Тодд подчеркивает, что возникает ощущение, что роман Барнса образует череду арабесок вокруг отсутствия сюжета, в то же время настойчиво испытывая способность читателя выявить отношения, которые могут существовать между частями и целыми произведениями [17].

Таким образом, с точки зрения языка роман Джулиана Барнса можно охарактеризовать как неоднородный. Использование самых разных стилей (от разговорного (и даже жаргонного) до научного), с одной стороны, способствует лучшей характеристике героев как личностей необычайно многогранных, а с другой, является одним из средств выражения иронии – приема, свойственного британской литературе в целом, и произведениям Джулиана Барнса в частности. Кроме того, в языковом плане роман «Предчувствие конца» – произведение постмодернистское, чему способствуют две характеристики: метатекстуальность (интертекстуальность) и языковая игра, проявляющаяся не только в уже упомянутом многообразии стилей, но и в обращении автора с фразеологизмами.

Литература

1. Бондарчук Д. Через Ла-Манш и обратно / Д. Бондарчук // Иностранная литература. – 2002. – №7. – С. 272-275.
2. Брюханова Е.А. Когнитивно-историческая обусловленность иронии и ее выражение в языке английской художественной литературы (На материале произведений О. Уайльда, У. С. Моэма, Дж. Барнса): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е.А. Брюханова – Москва, 2004 – 170 с.
3. Васильева А.В. Фикциональная дискурсивность сюжетосложения в романе Джулиана Барнса "Как все было": Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / А.В. Васильева – Н. Новгород, 2006 – 218 с.
4. Жолковский А.К. Блуждающие сны: Из истории русского постмодернизма / А.К. Жолковский – М.: Советский писатель, 1992
5. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм / М.Н. Липовецкий – Екатеринбург, 1997.
6. Нелюбин А.А. Джулиан Барнс под маской Дэна Каваны: игра в детектив и пародирование жанра: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.03 / Нелюбин Анатолий Алексеевич; [Место защиты: Ур. федер. ун-т имени первого Президента России Б.Н. Ельцина] – Екатеринбург, 2013 – 166 с.
7. Радченков Д.А. Проза Джулиана Барнса: жанровая природа, проблема героя и нравственная философия автора: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Д.А. Радченков – Воронеж, 2008 – 181 с.
8. Табак М. Франция – моя вторая родина / М. Табак // Иностранная литература. – 2002. – №7. – С. 269-272.
9. Тарасова Е. Хамелеон британской литературы / Е. Тарасова // Иностранная литература. – 2002. – №7. – С. 265-269.
10. Фрумкина С.История, увиденная Барнсом / С. Фрумкина // Иностранная литература.– 2002. – №7. – PP. 275-277.
11. Barnes J. The Sense of An Ending / Julian Barnes – Canada, 2011 – 150 p.
12. Calinescu M. Rewriting //International Postmodernism: Theory and Literary Practice / ed. by Hans Bertens, DouweFokkema. Amsterdam: John Benjamins, 1997. P. 243-248.
13. Candel Bormann, Daniel. From Romanticism to Postmodernity: Two Different Conceptions of Nature in Julian Barnes' A History of the World in 100 Chapters" / D. Candel Bormann // Revista Canaria de Estudios Ingleses 36 (1998):-с. 173-183.
14. Genette G. Palimpsestes. La Litterature au second degre / Gerard Genette. – Paris : Le Seuil, 1987-467 p.
15. Higdon, David Leon. "Unconfessed Confessions": the Narrators of Graham Swift and Julian Barnes." / D.L. Higdon // In The British & Irish Novel since 1960. Ed. James Acheson. New York: St. Martin's Press, 1991. c. 174-191.
16. Mace M. L'essailitteraire, devant le temps / Marielle Mace// Cahiers de Narratologie. 2008. – № 14 : Prose d'idees : formes et savoirs. – [http://reve1.unice.fr/cnarra/documenL.html?id=499].
17. Todd R. Postmodernism in the United Kingdom and the Republic of Ireland // International Postmodernism: Theory and Literary Practice / ed. by Hans Bertens, DouweFokkema. Amsterdam: JohnBenjamins, 1997. P. 337-349.

Сведения об авторах

Кирпичникова Анна Андреевна, кандидат филологических наук, Старший преподаватель Казанского федерального университета, e-mail: kirpanna@yandex.ru; Тарасова Вероника Владимировна, Старший преподаватель Казанского федерального университета, e-mail: edaminova@mail.ru

THE LINGUISTIC SINGULARITY OF THE NOVEL "THE SENSE OF AN ENDING" BY JULIAN BARNES

A. Kirpichnikova, V. Tarasova

Abstract. The article is devoted to the linguistic singularity of the novel "The Sense of an Ending" by Julian Barnes. It deals with some linguistic means, which allow us to characterize this novel as a bright example of postmodernism. Among them there are different styles combination, the idea of game and "rewriting" as a common method of postmodernism.

Keywords: "The Sense of an Ending", Julian Barnes, linguistic singularity, postmodernism, game, rewriting

Data about the author

Kirpichnikova A., Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer, Kazan Federal University, e-mail: kirpanna@yandex.ru; Tarasova V., Senior Lecturer, Kazan Federal University, e-mail: edaminova@mail.ru

УДК 81-26

ОНОМАТОПЫ В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Е.В. Корнева

***Аннотация.** В статье рассматривается специфика перевода ономотопических единиц в поликодовых текстах на примере переводов стихотворения В. Буша «Max und Moritz», выполненных разными переводчиками. Нами анализируются также функции ономотопов, выявляется «шкала конвенциональности», от лексикографически зафиксированных вариантов до окказионализмов. Учет семантических групп ономотопов при переводе помогает выбрать переводческое решение для передачи необходимого звучания.*

***Ключевые слова:** ономотопы, звукоподражание, поликодовый текст, перевод, стратегия перевода, эквивалентность*

Особое место в теории и практике перевода занимает проблема сохранения и адекватной передачи на языке перевода тех лексических единиц, которые отражают национальный колорит оригинального текста. К таким единицам можно отнести и звукоподражательные средства языка – ономотопы. По мнению С.В. Воронина, «звукоподражание – закономерная и произвольная фонетически мотивированная связь между фонемами слова и полагаемым в основу номинации звуковым (акустическим) признаком денотата (мотивом)» [3, с. 5].

Под звукоподражательными словами, или ономотопами, понимаются слова, между формой и значением которых существует экстралингвистическая связь. Например, звуки, издаваемые животными wau-wau, различными предметами schar-schar, в германистике к ономотопам относят и эмоциональные междометия: au, huffa и др.

Наиболее часто встречаются ономотопы в поликодовых текстах (рекламе, комиксах), а также в художественных произведениях, например, в детских стихах. Лингвисты указывают на следующие функции ономотопов: конкретность, экспрессивность, создание для реципиента «эффекта присутствия», ритмическое структурирование текста, перенос устной речи в письменную [1,2]. Следует отметить, что из-за ограниченности графических средств «при записи выбирается и принимается тот или иной условный вариант передачи неязыкового звучания, который, будучи озвученным, постепенно вытесняет все прочие его звукоподражательные дуплеты» [5, с.158]. Таким образом, возникают конвенциональные соответствия, зафиксированные в словарях. На практике кроме конвенциональных соответствий встречаются и другие семантические группы ономотопов. С точки зрения отношения звука и его источника выделяется целая «шкала конвенциональности»: от лексикографически зафиксированных соответствий до уникальных, окказиональных авторских образований, для которых трудно установить связь с источником. Соответственно учет этих семантических групп при переводе помогает выбрать переводческое решение для передачи необходимого звучания. Другим важным фактором является соблюдение фоносемантического принципа, что особенно актуально при выборе из нескольких возможных эквивалентов или при разнообразных типах источников, описываемых одним ономотопом.

Различные способы достижения адекватности переводного текста при передаче звукоподражания рассматриваются нами на примере анализа оригинала и перевода стихотворения немецкого поэта-юмориста Вильгельма Буша «Max und Moritz». Его сюжет живо дополняют звукообразы. Впервые было опубликовано 4 апреля 1865 года. История в стихах повествует о проделках двух непослушных мальчиков, направленных по замыслу автора против уважаемых в обществе того времени людей: портного, учителя, пекаря, фермера. История Макса и Морица состоит из семи частей, по количеству проделок, пролога и эпилога. Вся история и проделки озорников заканчиваются печально: Макс и Мориц попадают под жернова мельницы и идут на корм уткам. Прототипами героев истории о Максе и Морице стали деревенские жители Северной Германии, где

жил и сам Вильгельм Буш. Как и для других своих книг Буш создал для «Макса и Морица» целую серию рисунков, которые так тесно срослись с текстом, что историю Макса и Морица часто называют предвестником комиксов. Кроме этого, отсылки к данному произведению можно видеть в популярном киножурнале «Ералаш», в мультсериалах «Крот», «Кот Леопольд», «Лелек и Болек», а также в фильме "102 далматинца" – эпизод, где Круэлла де Вилль запекается внутри кекса и др.

Известный перевод истории о Максе и Морице Вильгельма Буша на русский язык принадлежит Константину Льдову. Новый перевод был выполнен Владимиром. Перевод Константина Льдова был опубликован в 1890 году и содержал всего 6 словоупотреблений онома톱ов, в оригинале их количество значительно выше – 27, из которых 19 не являются производными, т.е. относятся к звукоподражательным основам. Все указанные онома톱ы можно назвать конвенциональными, они зафиксированы лексикографически: *кудах-кудах*, *кукареку* (крик курицы и петуха, в оригинале *kikeriki, tak-tak*). В переводе встречается 3 варианта крика петуха *ку-ри-ку*, *кукареки*, *кукареку*, которые легко распознаются. Такое варьирование связано со стремлением автора сохранить рифму:

У петуха презоркий глаз,
Он хлеб завидел и тотчас
Стал звать подруг: «*ку-ку-ри-ку!*»
И куры мчатся к *петуху*...
Взлетели курицы с *тоски*
-Кудах, кудах!...*Кукареки!*
-Кукареки! *Кукареку!*..
И вдруг повисло на *суку*
Длиннеет шея, слабнет крик,
Затихнул Петя-озорник

Следующей жертвой злой проделки оказался портной Бек, мальчишки подпилили мостик около его дома и дразнили его, чтобы он выбежал из дома, наступил на мостик и упал.

«Поди-ка, выйди, дурень Бек!
Портной, портняжка, мек, мек, мек!» ...
С аршином выскочил наш Бек,
И слышит снова: «Мек, мек, мек!» ...
Но, чуть портной на мостик стал,
Доска сломалась, Бек упал!
Все громче крики: «Мек, мек, мек!»
В воде барахтается Бек.

В оригинале автор использует звукоподражательное слово *meck-meck*, передающее козлиное блеяние. *Мекать* – звукоподражательный глагол, значение которого описывается в словарях как 1. «издавать звуки, напоминающие сочетание «ме» (об овцах, козах). 2. Говорить неясно с остановками, растягивая слова». Переводчик образует от глагола инфлексив *мекать* –мек, по существующей в русском языке модели: бряк, бух, стук. Инфлексивы образуются за счет усечения всех морфологических признаков, включая окончание инфинитива, инфлексив приобретает форму, которая нейтрализует морфологическую глагольную парадигму. По мнению Оливера Тойбера, инфлексив представляет собой глагольный корень, используемый в качестве предикатива [6]. Особенно большое распространение они получили в комиксах. В них он, по словам Г.Р. Искандаровой, занимает промежуточное место между междометиями и онома톱ами [4, с.162]. Инфлексив базируется на лексикализованных глаголах, которые за счет отсутствия окончания превращаются в чужеродный элемент, а также усиливается звукоподражательный эффект.

Следующие онома톱ы «тарарах», «крах» передают громкий стук, грохот, звук треснувшего, сломавшегося предмета. «Тарарах» можно также рассматривать как инфлексив

от просторечного глагола тарарахнуть – сильно загрохотать, ударить, а также с грохотом выстрелить (словарь Ожегова). Ономатоп «крах» не включен в словари, однако в них есть существительное «крах» – полная неудача, провал, мотивированное им. Провал – звук треснувшего, сломавшегося предмета. В целом, перевод К. Льдова достаточно вольный, переводчик реализует стратегию доместикации. Например, фамилия вдовы Frau Bolte русифицируется и передается как Вольтова. Более поздние переводы В. Летучего, А. Усачева и Ю. Мориц сохраняют значительно большее количество ономатопов.

Фрау Больте вынуждена зажарить кур и петуха (1-я проделка), однако Макс и Моритц крадут их через дымоход:

Durch den Schornstein mit Vergnügen Sehen sie die Hühner liegen,
Die schon ohne Kopf und Gurgeln Lieblich in der Pfanne schmurgeln.

Звукоподражательные глаголы gurgeln (бурлить, булькать) и schmurgeln (жарить в масле), которые также обозначены как «lautmalerisch» в немецко-немецком словаре Duden. От данных глаголов также могут быть образованы звукообразы gurg (бульк) и schmur (шшш) – шипение при жарке чего-либо.

Schnupdiwup! Da wird nach oben Schon ein Huhn heraufgehoben.

Schnupdiwup! Jetzt Numro zwei; Schnupdiwup! Jetzt Numro drei;

Und jetzt kommt noch Numro vier: Schnupdiwup! Dich haben wir!

Автор связывает частицей –di– два корня разных отглагольных звукообразов: schnup – от schnuppen (снимать шкуру, шелуху, отшелушивать; мошенничать, жульничать) и wup – от wippen (качаться, раскачиваться). Отсюда прослеживается, как про-капередазники «сшнупдивупили» (стащили хитрым образом всех кур через дымоход). Переводчик передает этот окказионализм как «царап», сокращение от разговорного «цап-царап» (взять, схватить), что можно рассматривать как эквивалентную замену.

Вся история, точнее, коллаж из историй сопровождается картинками, которые принадлежат автору. Благодаря звукообразам, даже человек, не знающий языка, может понять сюжетную линию и посмеяться над злыми проделками Макса и Морица. Сопоставляя оригинал и перевод, можно отметить, что переводчик стремится передать звукоподражательные слова. Однако не всегда это ему удается: междометие Ruff – передающее движение противня в печь, переводчик заменяет на эмоциональное русское междометие «Уф», выражающее усталость, утомление, вероятно, основываясь на созвучии. Звукоподражания, имитирующие хруст Knusper, Knasper переводчик передает, используя конверсию, междометной глагольной формой «хрум». Для сохранения ритма он использует редупликацию:

Хрум, хрум, хрум! –
Грызут, как мышки
Сладкий домик свой мальчишки.
В оригинале:
Knusper, Knasper –wie zwei Mäuse
Fressen sie durch das Gehäuse.

Для звукоподражаний, имитирующих треск сломавшегося стула и звук падения мальчишек в тесто, переводчик находит эквиваленты „Крах! Трах!». Они точно имитируют треск сломавшегося стула и шум от падения

– Крах! – и стул сломался с треском
– Трах! – летят в корыто с тестом

В оригинале, звукоподражание schwapp также имитирует падение с шумом, (хлопок при падении в жидкость)

– Knacks!- Da bricht der Stuhl entzwei
– Schwapp!- Da liegen sie im Brei

Ономатопы в детской литературе и комиксах способствуют звуковой наглядности, «кинематографичности» и как следствие быстрому запоминанию детьми. Поэтому при

переводе детских стихов и комиксов звукоподражания можно отнести к доминантам перевода. В качестве основных способов можно выделить замену конвенциональным соответствием, его варьирование, подбор эквивалентов той же фоносемантической модели, генерализацию, замену незвукоподражательным словом, но передающим сходное звучание.

Литература

1. Беляков А.А. Междометные глаголы в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.А.Беляков. – М., 1968.- 16 с.
2. Влахов С. Непереводимое в переводе / С.Влахов, С.Флорин. – М.: Высшая Школа, 1986. – 416 с.
3. Воронин С.В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании: очерки и извлечения / С.В. Воронин. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. – 200 с.
4. Искандарова Г.Р. О статусе, формах, типах и функциях инфлективов в комиксах и интернет-коммуникации (на материале немецкого языка) / Г.Р. Искандарова//Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2017.- № 3-С.161 -165.
5. Шаронов И.А. Семантический анализ звукоподражательных слов/И.А. Шаронов//Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. – 2009.- № 111- С. 157-163.
6. Teuber O. fasel beschreib erwähn – der Inflektiv als Wortform des Deutschen. Germanistische Linguistik, 1998 № 141/142. P 7-26.

Сведения об авторе

Корнева Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент Воронежского государственного университета, e-mail: el_korneva@mail.ru

TRANSLATIONAL ASPECT OF ONOMATOPOEIA

E.V. Korneva

Abstract. The article touches up the specific features of translation of onomatopoeia in policode texts on the example of translations of the poem of W. Bush's "Max und Moritz" made by different translators. The functions of onomatopoeia are analyzed, the "scale of conventionality" from lexicographic variants to occasionalisms is revealed. We take into consideration semantic groups of onomatopoeia that helps to choose a translation solution for expressing the necessary sound.

Key words: onomatopoetic words, onomatopoeia, policode text, translation, translation strategy, equivalence

Data about the author

Elena V. Korneva, PhD, Assistant professor, Voronezh State University, e-mail: el_korneva@mail.ru

УДК 821.111

КОНЦЕПТ ЛЮБВИ В СОНЕТАХ ДЖОНА КИТСА И ИХ ПЕРЕВОДАХ

Е.Г. Линючкина

***Аннотация.** Статья рассматривает концепт любви в сонетной лирике Джона Китса и ее переводах на русский язык. Анализируются наиболее репрезентативные произведения поэта, написанные в жанре сонета, с целью вычленения концепта любви и его функционирования на языке оригинала. Сравнение русских вариантов произведений автора, выполненных различными переводчиками, с оригинальными текстами производится для определения возможности адекватного восприятия концепта любви Джона Китса русскоязычными читателями. В статье показаны различия данного концепта в оригинале и в переводах, которые заключаются в выпадении образа вечности как наиважнейшего условия истинной любви. Также показана невозможность точного восприятия авторского концепта при знакомстве только с одним переводом каждого сонета автора.*

***Ключевые слова:** перевод, поэзия, концепт, Джон Китс, сонет, любовь*

Для понимания и признания зарубежного автора в другой стране необходимо нечто большее, чем просто удачный перевод одного произведения. Необходимо передать всю полноту и яркость творчества автора через переводы его трудов. Возможно ли это? Могут ли русские читатели воспринять и полюбить стихотворения и поэмы Джона Китса именно так, как его любят и, главное, воспринимают, англичане?

Ответ на этот вопрос нужно искать на стыке культурологии, социологии и филологии. Творчество поэта – это, в первую очередь, совокупность идей и образов, которые он пытается донести до своих читателей, связанные между собой концепты авторского мира, переходящие из сознания автора в сознания читателей. А значит, именно адекватный перенос концептов автора через перевод в другой язык позволяет читателям полноценно воспринять исходный авторский текст и составить персональное впечатление о личности и творчестве автора, сходное с мнением читателей, знакомых с оригинальными произведениями.

Под концептом, вслед за Ю. С. Степановым, мы будем понимать, «как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [5, с. 40]. К тому же, существуя между лексическим и экстралингвистическим уровнями действительности, «концепты по-разному вербализуются в разных языках в зависимости от собственно лингвистических, прагматических и культурологических факторов, а, следовательно, фиксируются в разных значениях» [4, с. 6].

В своей работе мы рассматриваем концепт любви как один из основных в творчестве Джона Китса на примере сонетов “Bright star, would I were steadfast as thou art”, “O Solitude”, “To ***”, “To Fanny”, “Why Did I Laugh Tonight? No Voice Will Tell” и их переводов на русский язык.

Китс в своих сонетах говорит о любви, как о бесконечном по времени и силе чувстве, которое порождает не только погруженность влюбленных друг в друга, но изменяет их самих, наделяет новым видением окружающей действительности. Такая любовь воспета в сонете “Bright star, would I were steadfast as thou art” («Яркая звезда») – одним из наиболее чувственных и прекрасных его творений. Любовь для Китса самоценна, и это делает ее синонимом красоты.

Идеалом для поэта становится уединение и полное поглощение друг другом, которое влюбленные могут испытывать. Однако, Китс требует от настоящей любви не только искрометных чувств; любовь и красота едины в его творчестве, поэтому поэт говорит о живописных уголках природы, где два любящих сердца могут наслаждаться своими чувствами, не испытывая пагубного влияния внешнего мира. Например, в сонете “O Solitude!” («К Одиночеству») Китс говорит о том, как приятно «двум нежным

душам» – “two kindred spirits” парить не «среди мрачных строений» – “among the jumbled heap of murky buildings”, но на лоне природы, среди цветов и трав.

Образ любимой в сонетах Китса редко предстает реальной женщиной. Для поэтического творчества Китса характерна описательность, поэтому он рисует ухо возлюбленной лирического героя как «раковину из слоновой кости» – “ivory shell”, восхищается ее «наливающейся грудью» – “ripening breast”, «божественными глазами» – “eyes divine”, руками и неземным голосом. Для Китса любовь и красота объединены еще и тем, что предмет обожания прекрасен и чист, он восхищается возлюбленной, сравнивая ее, то с прекрасным цветком – розой, то с самой Любовью.

Внутренняя красота любимой не менее важна для Китса, чем ее внешняя прелесть. В сонете “To Fanny” («К Фанни») лирический герой Китса в своих мольбах к любимой просит отдать ему всю себя – губы, глаза, изгиб стана, грудь. Однако он жаждет еще и чистой любви, милости, и всей ее души.

Причем на первое место он ставит все же внутреннюю красоту: умение прощать, честность и чистоту. И лишь во второй части сонета он восхищается «формой», в которую эти качества вмещены.

Здесь также хотелось бы отметить, что для поэта красота и истина едины, поэтому душа прекрасной девушки не носит маски, бесхитростна и искренняя в чувствах:

*One-thoughted, never-wandering, guileless love,
Unmasked, and being seen—without a blot!* [6, с.420].

Китс возводит любовь и объект любви в ранг чего-то волшебного и даже божественного. Например, в сонете «Why did I Laugh Tonight? No Voice will Tell» влюбленное сердце поэта оказывается сильнее Бога и дьявола, Ада и Рая:

*Why did I laugh tonight? No voice will tell:
No God, no Demon of severe response,
Deigns to reply from Heaven or from Hell.
Then to my human heart I turn at once.
Heart! Thou and I are here, sad and alone;
I say, why did I laugh? O mortal pain!* [6, с. 330]

И сам лирический герой под влиянием сильного чувства может колдовать, любовь наделяет его такой огромной силой:

*And when the moon her pallid face discloses,
I'll gather some by spells, and incantation* [6, с. 38].

В сонете «Bright Star, Would I Were Steadfast as Thou Art!» Китс говорит о божественной задаче очищения, которую несут воды.

*The moving waters at their priestlike task
Of pure ablution round earth's human shore* [6, с. 461].

Влюбленные глаза видят волшебство везде вокруг себя, любовь все делает пленительным и необычно прекрасным. А в сонете «To Fanny» глаза возлюбленной названы божественными. Китс не разделяет понятия прекрасного, волшебного и божественного, делает их синонимичными. Таким образом, можно сказать, что для поэта любовь и любимая являются обожествленными созданиями, умеющими созидать, дарить жизнь и смерть подобно Богу.

Однако здесь можно заметить определенное противоречие. С одной стороны, любовь – это наивысшее счастье, волшебная созидательная сила, но с другой, с точки зрения Китса, любовь является ступенью на пути к смерти. Именно поэтому так часто в любовной лирике поэта возникают образы смерти.

Например, в сонете «To Fanny» Китс говорит:

*Yourself -your soul -in pity give me all,
Withhold no atom's atom or I die...* [6, с. 420].

Только отдавшись полностью, возлюбленная сделает поэта счастливым, а если же она утаит хотя бы «атом из атома», то герой умрет. В этом желании обладать каждой

частичкой любящего сердца и неперменной кончине в случае отказа, проявляется романтический радикализм поэта.

Сходные мысли можно проследить и в «последнем сонете» Китса. Он хочет обрести покой и счастье вместе с возлюбленной, но, если этому не суждено сбыться и вечно длиться, он умрет от горя.

And so live ever—or else swoon to death [6, с. 461].

Полны философского размышления и заключительные строки сонета «Why did I Laugh Tonight? No Voice Will Tell». Несмотря на веру в огромную силу любви, Китс отмечает, что «смерть – наивысшая награда жизни»:

*Yet would I on this very midnight cease,
And the world's gaudy ensigns see in shreds;
Verse, Fame, and Beauty are intense indeed,
But Death intenser -Death is Life's high meed.* [6, с. 330].

Тема вечности также неразрывно связана с темой любви и смерти. Именно вечная любовь признается Китсом настоящей, только она может быть названа истинным счастьем, любое потрясение найденной любви приведет к смерти лирического героя. По этой причине в любовной лирике поэта часто встречаются такие слова как «всегда» – «forever», «никогда» – «ever», и повторения, указывающие на тщетность текущего момента и бесконечность, как необходимый критерий прекрасного: «still, still», «all, all» и так далее.

Еще одной из характерных черт сонетов Джона Китса о любви является признание собственного несовершенства перед любимой. Например, в сонете «To ***» Китс пишет:

*I am no knight whose foeman dies;
No cuirass glistens on my bosom's swell;
I am no happy shepherd of the dell
Whose lips have trembled with a maiden's eyes.
Yet must I dote upon thee... [6, с. 38].*

Он признает, что не является прекрасным отважным рыцарем, достойным целовать глаза своей девы, но собственное несовершенство не мешает герою любить со всей силой и полнотой, на которую он способен.

Лирическому герою Китс приходится просить и умолять любимую, чтобы она хотя бы из жалости обратила на него внимание:

I cry your mercy -pity -love! -aye, love! [6, с. 420].

Таким образом, разобрав основные особенности раскрытия темы любви в сонетах Китса, мы можем вычленим концепт любви в лирике Китса. Он состоит из визуального и внутреннего образа любимой девушки, наполненного описанием тела и лица и честности, искренности и истинности ее характера и чувств по отношению к лирическому герою. Любовь – это божественное или колдовское чувство, которое характеризуется безумным желанием влюбленных быть вместе вечно, но также ведет к смерти. Любовь, в лирике Китса, едина с понятиями красоты и истины.

Проанализировав русские переводы сонетов Китса “Bright star”, “O Solitude”, “Why did I laugh tonight? No voice will tell...”, “To ***”, “To Fanny”, мы постарались также вычленим концепт любви и сравнить его с оригиналом.

Русские переводы сонета «Bright Star, Would I Were Steadfast as Thou Art!» были сделаны В. Левиком (1941), О. Чухонцевым (1972), И. Дьяконовым (1973) и В. Потаповой (1979). Все они абсолютно не похожи между собой во всем, начиная с названия. Китс не дал названия своему произведению, в английском варианте оно называется по первым строкам сонета. А Сергей Сухарев предлагает свое название сонета – «Светлая звезда». Он же в своем переводе далеко отходит от концепции оригинала. У Китса сонет строится по принятому для этой жанровой формы принципу антитезы – первые два катрена говорят о звезде в прямом смысле, как о небесном светиле, подобному коему не хочет быть

лирический герой сонета, а заключительный катрен и двестишь противопоставляют им звезду любви, к которой и стремится герой.

Сухарев полностью искажает смысл оригинала: у него первые два катрена – просто описание звезды:

*Как неотрывно светлая звезда -
Та, что над миром бодрствует в ночи,
Раскрыв ресницы, трепетно чиста,
Переливая длинные лучи,
Следит прибоя неустанный бег
И пристально с высот вперяет взор
На гладь равнин и на вершины гор,
Где свежей ризой лег неслышимый снег... [1, с. 24].*

Пропадает стремление лирического героя быть похожим на звезду: «Bright Star, Would I Were Steadfast as Thou Art!». А если рассматривать сонет в целом, то пропадает и вся антитеза:

*Not in lone splendour hung aloft the night...
No -yet still steadfast, still unchangeable,
Pillowed upon my fair love's ripening breast... [6, с. 461].*

Сухарев подменяет эту идею желанием следовать за звездой – «вот так бы мне...», не противопоставляя две части сонета, а, наоборот, наделяя звезду одновременно и возможностью «следить прибоя неустанный бег», и «делить с любимой свой бессонный плен».

Дьяконов и Левик сохраняют антитезу, присущую сонету Китса, причем они повторяют не только идейное противопоставление – быть звездой не в одиночестве небес, но не спать вместе с любимой – но и сохраняют структуру сонета, «нет» в начале девятой строки, написание последней строки через тире. Оба переводчика сохраняют две главные темы сонета – одиночество и смерть без любимой, однако, Левик наиболее полно сохраняет лексику Китса – повторяющееся «вечным» во второй и девятой строках, «неизменным», «жить до конца».

Однако тема смерти смягчается обоими поэтами, в то время как Сухарев наиболее точно передает мысль Китса – без любимой он может «Дыханье слушать без конца, всегда – Иль в бездну смерти кануть без следа». А в переводах Левика и Дьяконова лирический герой может просто «уснуть навек», что хоть и передает авторскую мысль, но смягчает, создаваемый Китсом драматический образ.

В переводе Дьяконова отсутствует мотив физической близости между лирическим героем Китса и его возлюбленной. В оригинале Китс говорит о страстной вечности, которая ждет влюбленных: «pillowed upon my love's ripening breast – положив голову на наливающуюся грудь», «sweet unrest – сладкий непокой», «tender-taken breath – тронутое страстью дыхание». У Дьяконова же возлюбленная будет вечно спать, а герой лишь охранять ее сон: «Очей в волненье сладком не сомкнуть и сон любимой охранять... так вечно жить». У Сухарева эти строки не дают определенного понимания, чем будут возлюбленные заниматься целую вечность: «делить с любимой свой бессонный плен, не знать покоя в тихом забытии». Ближе всего по темпераменту перевод Левика: «ловить любимых губ дыханье», «забыв покой для нег».

Еще одним сонетом истинно любовного содержания можно назвать сонет “To Fanny” («К Фанни»), в котором Китс обращается к своей возлюбленной. Это стихотворение наполнено глубочайшим чувством поэта, полно лирического пафоса. Вся композиция сонета строится на повелительных предложениях и перечислениях достоинств любимой. Сонет написан, по всей вероятности, в середине октября 1819 г. Впервые опубликован в 1848 году.

Русские переводы сонета сделаны С. Сухаревым (1976), Г. Кружковым (1979), В. Потаповой (1979).

Перевод Кружкова наиболее близок оригиналу по ритмике, которая играет в нем первостепенное значение. У Китса очевидны перечисления черт любимой, ее прелестей, повторения – “love!... love!” «любовь, любовь», “-all -all” «вся, вся». Китс не только выделяет красоту любимой, но и настаивает на том, что должен быть с ней вечно, как и в предыдущем сонете, или ему придется умереть.

Кружков сохраняет ритмическую организацию сонета, но из его варианта исчезает идея вечности:

*Помилосердствуй! – сжался! – полюби! –
Любви прошу – не милостыни скудной –
Но милосердной, искренней любви –
Открытой, безраздельной, безрассудной!
5 О, дай мне всю себя – вобрат, вдохнуть
Твое тепло – благоуханье – нежность
Ресниц, ладоней, плеч – и эту грудь,
В которой свет, блаженство, безмятежность!
Люби меня! – душой – всем существом –
10 Хотя б из милосердия! – Иначе
Умру... [2, с. 319].*

В его варианте сонета Китса лирический герой умрет, если женщина его не полюбит, у Китса же все куда сложнее, как уже говорилось выше, он принимает только любовь вечную, а эта идея пропадает у Кружкова.

Очень интересен вариант Потаповой, она единственная из переводчиков, кто сохраняет не только интенсивность китсовского стиха, но и его смелые образы и идеи. Только в варианте Потаповой появляются те детали, которые использовал Китс:

*Пощады, – жалости, – любви! Любви!
Открытой, милосердной, без тиранства,
Без маски и без пятнышка – любви,
Без криводушья и непостоянства.
О, будь моей всецело, – в этом суть!
И пряный вкус любви, и выгиб стана,
Глаза, и восхитительную грудь,
Что так бела, тепла, нежна, желанна, –
И душу мне отдай, и всю себя!
Припрятать атом атома не вздумай,
Не то умру... [3, с. 317].*

Единственным недостатком перевода Потаповой можно считать слишком повелительные интонации. Китс в своем сонете просит, умоляет «I cry your mercy», «let me have thee whole», «in pity give me all», а лирический герой Потаповой требует: «будь», «отдай», «не вздумай». Таким образом, исчезает одна из важных характеристик любовных сонетов Китса – несовершенство лирического героя по сравнению с объектом любви.

Сходная идея выражена и в сонете «To ***»:

*...But ah! I am no knight whose foeman dies;
No cuirass glistens on my bosom's swell;
I am no happy shepherd of the dell
Whose lips have trembled with a maiden's eyes... [6, с. 38].*

Китс говорит, что он не рыцарь, достойный быть рядом с любимой, целовать ее, но он все равно не может не любить.

Сравним переводы Парина (1979) и Сухарева (1989). Оба переводчика справляются с передачей формы оригинала, сохраняя схему рифмовок и строфику сонета. Сохраняются также и основные образы сонета: стон или вздох влюбленного юноши, рыцарь, доспехи, медовая роза. А главное сохраняется идея колдовства, заложенная в сонете Китса:

«I'll gather some by spells, and incantation» – «Мне колдовскую силу даст луна» – «таинственной силой заклинания». Однако в обоих переводах появляются дополнительные образы, не существующие в сонете Китса и не присущие его лирике. Например, Парин использует в своем варианте сонета прямую речь:

*И все ж твержу: "Ты сладостна!", я брежу:
"Ты слаще сицилийских роз медовых
В хмельной росе, поющей допьяна!" [2, с. 73].*

у Китса те же строки даны в косвенной речи.

Интересно сравнить переводы последнего терцета сонета. В дословном переводе он звучит так: «А! Я попробую эту росу, для меня она сладка, И когда луна откроет свое бледное лицо, Я соберу росу заклинаниями и колдовством». Главное в этих строках – роса медовой розы, которая в предыдущем терцете сравнивается по сладости с девушкой. Переводчики же сдвигают акценты – Парин приписывает колдовство луне:

*Я редкостной росой уста разнежу
И под луной нарву цветов пунцовых –
Мне колдовскую силу даст луна [2, с. 73].*

А Сухарев говорит о цветах роз, которые в оригинале появляются только в первом терцете, из его перевода исчезает сравнение цветов и девушки и появляется гирлянда из цветов:

*В полночный час под бледною луною
Из них гирлянду мне сплести дано
Таинственной силой заклинания [1, с. 19].*

Таким образом, передавая первую часть сонета в глубокой близости к оригиналу, переводчики заменяют концовку, которая и несет основную мысль автора.

Вычленив концепты любви в сонетном творчестве Джона Китса и его переводах можно сделать следующие выводы.

Во-первых, следует отметить, что некоторым переводчикам удается полностью воплотить авторский замысел и передать как формальные признаки сонетов Китса, так и их внутреннее содержание. Одним из примеров наиболее удачных переводов может служить перевод сонета «К Фанни» Потаповой.

Наименее схожими с авторскими по идейному наполнению, являются переводы Сухарева, что может быть объяснено стремлением автора перевести как можно больше из Китса, от чего качество непременно страдает.

Во-вторых, необходимо сказать, что если рассматривать переводы по их временной принадлежности, то просматриваются определенные закономерности. Хотя большинство переводов относятся к 70-м годам 20 века, переводы середины века ближе к авторским сонетам по подбору лексики. Более поздние же переводы менее аккуратны в этом смысле.

Главной проблемой переводчиков Китса стала невозможность передачи всех идей поэта, в следствии того, что, сформировав четкое представление и понимание любви, Китс в каждый сонет вносит максимальное количество идей, которые трудно в полном объеме передать переводчикам.

Важно отметить, что только вся совокупность русских переводов позволяет выделить концепт любви сходный с концептом любви в лирике Китса, из которого все же выпадает образ вечности как наиважнейшего условия истинной любви. Однако читатель при знакомстве с творчеством Китса в основном будет обращаться к одному переводу одного сонета поэта, а переводы одного переводчика формируют концепт отличный от авторского.

Литература

1. Китс Д. Сонеты Джона Китса в переводах Сергея Сухарева / Д.Китс. Спб.: Изд-во Н.Ф.Куприянова, 1998. 351с.
2. Китс Д. Лирика / Д.Китс. М.: Сокровища лирической поэзии, 1979. 158 с.

3. Китс Д. Стихотворения / Д. Китс. Л.: «Наука», 1986. 391 с.
4. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // ИАН СЛЯ. М.: 1983. Т.52, №1. с.3-9.
5. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
6. Keats J. The Complete Poems of John Keats. Ware: Worthsworth Editions Limited, 1994. 512 p.

Сведения об авторе

Линючкина Ева Григорьевна, старший преподаватель, Казанский федеральный университет evalinyu@mail.ru

THE CONCEPT OF LOVE IN THE SONNETS BY JOHN KEATS AND THEIR TRANSLATIONS

E. G. Linyuchkina

Abstract. The article considers the concept of love in John Keats' sonnet lyrics and its translations into Russian. The author analyzes the most representative works of the poet written in the genre of sonnet, in order to isolate the concept of love and its functioning in the original language. Comparison of Russian versions of the author's works, made by different translators, with the original texts is made to determine the possibility of adequate perception of the concept of love in the John Keats' works by Russian-speaking readers. The article shows the differences of this concept in the original and in the translations, which consists in the loss of the image of eternity as the most important condition of true love. Impossibility of accurate perception of the author's concept when being acquainted with only one translation of each author's sonnet is also shown.

Keywords: translation, poetry, concept, John Keats, sonnet, love

Data about the author

Linyuchkina E., senior lecturer, Kazan Federal University, e-mail: evalinyu@mail.ru

УДК 8

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА МЕДИЦИНСКИХ ТЕКСТОВ С АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

О.В. Простотина, И.А. Скачинская

Аннотация. В данной статье показана актуальность выполнения качественного перевода медицинских текстов, а также особенности применения переводческих трансформаций на примере перевода с русского языка на английский и немецкий. В связи с тем, что медицинский перевод занимает важное место среди других видов научно-технического перевода и имеет непосредственное отношение к здоровью и жизни человека, должно уделяться особое внимание подготовке и квалифицированному обучению студентов-медиков при переводе научной медицинской литературы.

Ключевые слова: актуальность, медицинский перевод, научный текст, эквивалентность, переводческие трансформации, английский, немецкий и русский языки, обучение, студенты-медики

Постановка проблемы

Медицинский перевод занимает особое место среди других видов научно-технического перевода, так как имеет непосредственное отношение к здоровью и жизни человека. Требования к квалификации переводчика постоянно возрастают, но не всегда у врачей есть возможность и время обратиться за консультацией к профессионалу. В связи с этим, важным фактором является преподавание иностранного языка и обучение переводу специализированной литературы в медицинском вузах.

Цель статьи

Обобщить опыт преподавания иностранного языка в медуниверситете, а также обозначить и проанализировать специфические особенности текстов по специальности.

Изложение основного материала

Можно выделить несколько основных видов медицинского перевода:

- Перевод фармацевтических документов;
- Перевод документации, регулирующей клинические исследования (договора, протоколы, карты регистрации и т.д.);
- Перевод каталогов, описаний, буклетов в сфере медицины;
- Перевод инструкций по применению медикаментов;
- Перевод инструкций по установке и эксплуатации медицинского оборудования;
- Перевод медицинских страховых договоров;
- Перевод научных статей и публикаций в различных разделах медицины.

Также очень важным условием, облегчающим работу над медицинским переводом, является знание переводчиком или преподавателем медицинского вуза латыни – языка универсального для медиков во всем мире.

При переводе текстов медицинской тематики следует обратить внимание на следующие моменты:

1) *Использование транскрипции при переводе заболеваний, лекарственных препаратов и медицинских терминов:*

Лимфаденит--Lymphadenitis(англ), Lymphadenitis (нем.)

Лимфедема --Lymphedema (анг.), Lymphödem (нем)

Метилметакрилат--Methylmethacrylat (анг.),Methylmethakrilat (нем.)

Хламидия--Chlamidia (анг.), Chlamydia(нем.)

Гематокрит--Nematocrit (анг.), Hämatokrit(нем.)

Гемоглобин--Hemoglobin (анг), Hämoglobin(нем.)

Витамин--Vitamin (анг.), Vitamin (нем.)

2) *Аббревиатуры и специальные термины, которыми изобилуют медицинские тексты, что повышает трудность восприятия медицинской информации. Причем есть сокращения общие как для английского, так и для немецкого языков:*

AAR – реакция антиген-антитело, antigen-antibody reaction, Antigen-Antikörper-Reaktion

CLL – хронический лимфоцитарный лейкоз, chronic lymphocytic leukemia, chronische lymphozytäre Leukämie

HBV – вирус гепатита В, hepatitis B virus, Hepatitis-B-Virus

В тоже время есть сокращения, используемые только в английских или в немецких медицинских текстах:

LA –left atrium, левое предсердие

a.ä.A – auf ärztliche Anordnung

3) *Грамматические трансформации (антонимический перевод, грамматические замены, замена частей речи).*

В английском языке можно привести следующие примеры:

Активное воспаление роговицы – active corneal inflammation

Тест “открывания-закрывания глаз” – cover test

Сосудистая меланома – uveal melanoma

Пища теряет воду и впитывает жиры. The food loses water and absorbs fat.

Пациент отказался от курения только после того, как ему поставили диагноз ХОБЛ. Only having been diagnosed with COPD, the patient gave up smoking.

Некоторые примеры из немецких медицинских текстов:

Eine offene Aggression – неприкрытая агрессия

Er bekam eine schwere Krankheit – Он тяжело заболел.

Der Oberschenkelbruch – перелом шейки бедра.

Антонимические соответствия существуют не только для русских глаголов, но и для других частей речи – прилагательных, причастий, местоимений, наречий:

Небольшой -Small, minor, mild(англ.), klein, mässig(нем.)

Невооруженный глаз – Naked eye(англ.), freies, blosses Auge (нем.)

4) *«Ложные друзья переводчика» в медицинских текстах*

“Ложные друзья переводчика” – это иностранные слова, созвучные русским, но означающим нечто совершенно иное. Особенно много “ложных друзей” среди медицинских терминов, причём для каждого языка они свои.

Типичные примеры для английских медицинских текстов.

Cystic fibrosis— это не «кистозный фиброз», а муковисцидоз. В отличие от классического “ложного друга” он напоминает не что-то определенное, а некий термин вообще. Например,

– cellulitis – не «целлюлит», а флегмона;

– potent pathogen (о бактерии) – не «потенциальный», а мощный патоген, то есть просто патоген (в противоположность условному);

– symptomatic может означать не только симптоматический, но и с клиническими проявлениями, например, symptomatic hypertension – артериальная гипертония с клиническими проявлениями, а не «симптоматическая артериальная гипертония», но symptomatic therapy – симптоматическая терапия.

Наиболее часто встречающиеся “ложные друзья переводчика” в немецких текстах:

der Internist – врач общей практики, а не интерн

der Operateur – оперирующий хирург, а не оператор

der Respirator – аппарат искусственной вентиляции легких, редко респиратор

intelligent – умный, а не интеллигентный

kurieren – лечить, а не курировать

Выводы

По мере необходимости в своей работе, чтобы перевод был как можно более достоверным и адаптированным, не рекомендуется пренебрегать возможностью проконсультироваться со специалистом в определенной области медицины и нужно помнить о том,

что без специального образования можно допустить неточность, которая впоследствии может привести к плачевным последствиям, например, к неправильно поставленному диагнозу. Нужно понимать, что не всегда специализированные словари успевают фиксировать образованные лексические единицы, поэтому должна использоваться специализированная литература – журналы, публикации и так далее.

В любом случае перевод требует высокого уровня осведомленности в медицинской области, стремление развиваться, постоянно совершенствовать свои навыки, знания, умения.

Литература

1. Бизяева, Н.А. Особенности научно-технического перевода // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: Материалы II Междунар. науч. конф., Челябинск, 5-6 дек. 2003г.
2. Самойлов, Д.В. О переводе медицинского текста. Издательский дом «Практика», 2005.
3. Складневский, Г.Н. О состоянии русского языка. Материалы почтовой дискуссии // Р.Р.– 1992. -№12– с.39-42
4. Кручинина, К.А. Особенности перевода терминов в текстах экономической тематики [Электронный ресурс] / К. А. Кручинина. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream/> – Дата доступа: 14.04.2018.
5. Самойлов Д.В. О переводе медицинского текста. URL: <http://www.practica.ru/Articles/medical.htm>

Сведения об авторах

Простотина Ольга Валерьевна, старший преподаватель Белорусского государственного медицинского университета, e-mail: emolga@tut.by; Скачинская Ирина Анатольевна, старший преподаватель Белорусского государственного медицинского университета, e-mail: emolga@tut.by

PERCULIARITIES OF MEDICAL TEXTS TRANSLATION IN ENGLISH AND GERMAN

O.V. Prostotina, I.A. Skachinskaya

Annotation. This article shows the high-quality medical text translation relevance as well as the transformation application in the scientific medical text translation from Russian into English and German. As medical translation takes very important place among other translations and deals with people's healthcare and life, special attention should be paid to the medical students' qualified training and education in the scientific medical literature translation.

Key words: Relevance, medical translation, scientific text, equivalence, translation transformations, English, German and Russian, education, medical students

Data about the authors

Prostotina O., Senior Teacher, Belarusian State Medical University, e-mail: emolga@tut.by; Skachinskaya I., Senior Teacher of Belarusian State Medical University, e-mail: emolga@tut.by

УДК 82.091

ПЕРЕВОДЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖ. Р. Р. ТОЛКИЕНА НА РУССКИЙ ЯЗЫК В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Э.В. Шустова, Э.И. Назмиева, А.В. Шевлякова

Аннотация. Цель статьи заключается в рассмотрении перевода как формы рецепции произведений Дж. Р. Р. Толкиена в России в аспекте межкультурной коммуникации. Актуальность исследуемой в данной статье проблемы обусловлена необходимостью изучения рецепции произведений Дж. Р. Р. Толкиена русской литературой и культурой, продолжающейся и в настоящее время. Проведённое исследование показало, что именно переводы во многом задали тенденции дальнейшего осмысления произведений Дж. Р. Р. Толкиена в России и включили их в русскоязычный культурный и литературный контекст.

Ключевые слова: Дж.Р.Р. Толкиен, перевод, рецепция, межкультурная коммуникация, адаптация, национальная концептосфера

В отношении межлитературного и межкультурного взаимодействия особый интерес представляет инациональная рецепция, при которой произведение, ставшее объектом рецепции, становится компонентом истории принимающей литературы [3]. Ключевую роль в этом процессе играет перевод как форма межлитературного общения.

Переводы произведений Дж. Р. Р. Толкиена на русский язык являются начальным этапом их рецепции в России. Перевод как форма межлитературного контакта, выполняющая посредническую функцию [1], а также как интерпретативный акт, отражающий диалог двух национальных концептосфер, является объективной необходимостью при инациональной рецепции в силу опосредованного характера рецептивного процесса.

Одно из направлений рецепции произведений Дж. Р. Р. Толкиена в России в связи с их переводами – это рецепция на уровне национальной концептосферы и ментальности. Оно показательно в плане проявления восприятия иноязычной языковой картины мира и сопутствовавших этому процессу смысловых преобразований. Здесь сыграли роль «личные данные переводчика к воспроизведению на родном языке инациональных художественных ценностей» [1], т.е. личный эстетический, культурный и жизненный опыт переводчика как читателя в рамках концепции рецептивной эстетики. На данном этапе происходит обращение к проблеме соотношения переводов книг Дж. Р. Р. Толкиена и русской национальной традиции.

Исследователи указывают на то, что попытки переводчиков преодолеть культурные различия часто не реализуются в полной мере. Так, С. Смирнов указывает на непреодоленную в переводе существенную разницу между культурной подоплёкой «Властелина Колец» и отечественной. «Вместо звучных имен, за которыми неизбежно проступает весь пласт английской культуры со всеми её отголосками в образе мыслей и поступков, в манере и стереотипах поведения, в особенностях английского юмора, наконец, мы получили скопище висящих в воздухе прозвищ и кличек, не имеющих корней ни в культуре оригинала, ни в той, под которую их пытались приспособить переводчики» [5]. Эту же тему затрагивает в своём интервью А. В. Муравьёв. Он говорит о том, что некоторые переводчики «Властелина Колец» рассматривали оригинал как «культовый текст, для которого важно именно квази-религиозное его бытование» [4]; при таком подходе нивелировалась его культурная подоплёка.

Также исследователи видят в русскоязычных переводах книг Дж. Р. Р. Толкиена стремление к их адаптации. М. Т. Хукер в своём исследовании о русских переводах книг Дж. Р. Р. Толкиена замечает, что «все они адаптированы под российский менталитет» [6]. М. В. Каменкович считает, что следствием этого стремления является то, что в нашей стране сложилась особая специфика восприятия его книг: «При этом у молодых читателей возникает желание «разоблачить» Толкина, низвести его до своего уровня. <...>, Впрочем, такое отношение идёт от переводов, в которых эльфы нередко говорят, как грубые подростки. Это уже советское наследие в чистом виде – неприятие аристократизма. И, как бы мы ни отрешивались от того времени, дух его всё ещё жив» [2].

Исследователи признают наличие в русскоязычных переводах толкиеновских текстов национального компонента, связывая его с желанием переводчиков адаптировать оригинал с помощью внедрения узнаваемых для читателя структур. В этом плане показателен анализ перевода «говорящих» имён (Бэггинс / Торбинс / Сумникс) или, к примеру, передача отношений Фродо и Сэма. В оригинале, по замечанию М. В. Каменкович, это «отношения слуги и хозяина» [2], в то время как в некоторых переводах герои общаются на равных, что ближе советской ментальности. А. В. Муравьёв также упоминает о некоторых языковых преобразованиях, привнесённых В. С. Муравьёвым, в частности, об использовании гоблинами жаргонизмов. Следствием этого преобразования, по его мнению, явилось то, что «осталось ощущение точного попадания в социально-психологическую реальность» [4]. Можно заключить, что выбор переводчиков в отношении подобных приёмов-«посредников» продиктован их принадлежностью к определённому социуму и их культурным и жизненным опытом.

Таким образом, рецепция национального и социокультурного компонентов обнаружила трансформации не только на языковом, но и на понятийном уровне. В некоторых случаях это повлекло искажения в концепции оригинала, однако для незнакомого с ним русскоязычного читателя они, как правило, незаметны.

Анализ соотнесённости русскоязычных версий переводов с подлинниками и с принимающей культурой способствовал рассмотрению произведений Дж. Р. Р. Толкиена не только как совокупности лингвистических структур, но как целостной системы со своими внутренними закономерностями и канонами. Это обусловлено спецификой перевода как формы межлитературного контакта: при переводе происходит «замена» структуры произведения, его системы в целом [1], что в свою очередь может сопровождаться определёнными трансформациями. Поэтому то, что вопрос культурной интеграции произведений Дж. Р. Р. Толкиена в русскоязычную среду был поднят именно в исследованиях, посвящённых переводам, представляется закономерным.

Литература

1. Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы / Д. Дюришин. – М.: Прогресс, 1979. – 320 с.
2. Каменкович М. В. Толкин – лекарство, которое надо давать по ложечке: интервью с В. В. Каменкович и М. В. Каменкович / беседовал М. Карчик // Смена. – 1995. – 1 июня.
3. Машакова А. К. Теоретические основы литературной рецепции [Электронный ресурс] / А. К. Машакова // Динамика научных исследований: материалы конф. / Ин-т литературы и искусства им. М. Ауэзова. – Алматы, 2010. – URL: http://www.rusnauka.com/18_DNI_2010/Philologia/69591.doc.htm (дата обращения: 06.05.2018).
4. Муравьёв А. В. Толкин оставил подробные рекомендации, что и как переводить: интервью с А. В. Муравьёвым / беседовала Е. Калашникова // Нескучный сад. – 2012. – № 1. – С. 74–79.
5. Смирнов С. J. R. R. – как жертва «национального» перевода / С. Смирнов // Уральский Следопыт. – 2000. – № 2. – С. 41–46.
6. Хукер М. Т. Толкин русскими глазами / М. Т. Хукер; пер. с англ. А. Хананашвили. – М.: ТТТ; СПб., 2003. – 302 с.

Сведения об авторах

Шустова Эллина Викторовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель, КФУ; Назмиева Эльмира Ильдаровна, кандидат педагогических наук, доцент, КФУ; Шевлякова Анна Владимировна, кандидат филологических наук, преподаватель, КФУ

RUSSIAN TRANSLATIONS OF J. R. R. TOLKIEN`S WORKS IN TERMS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

E. Shustova, E. Nazmieva, A. Shevlyakova

Abstract. The aim of the article is to consider the translation as a form of reception of the J. R. R. Tolkien's works in Russia in terms of intercultural communication. The relevance of the problem studied in this article is due to the need to research the reception of the works of J. R. R. Tolkien with Russian literature and culture, which is still in process nowadays. This research shows that it is the translation, in many respects, that sets trends for further understanding of writings by J. R. R. Tolkien in Russia and includes them in a Russian cultural and literary context.

Keywords: J. R. R. Tolkien, translation, reception, intercultural communication, adaptation, national set of concepts

Data about the authors

Shustova E., PhD, senior lecturer, KFU; Nazmieva E., PhD, Associate Professor, KFU; Shevlyakova A., PhD, lecturer, KFU

УДК 811.133.1: 81'272

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ПРЕЗИДЕНТА ФРАНЦИИ В ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯХ К НОВОСТНОЙ СТАТЬЕ

Л.Р. Абдуллина, А.В. Агеева

Аннотация. Данное исследование посвящено особенностям репрезентации образа президента Франции Эммануэля Макрона во французских комментариях к новостным статьям, зарегистрированным на сайтах ведущих французских изданий *Liberation* и *Le Monde* за 2017-2018 годы. Определяются ключевые идеологические компоненты, конституирующие образ президента Франции. Приводятся статистические данные, демонстрирующие вариативность идеологических категорий в национальном сознании комментаторов по истечении одного года правления президента.

Ключевые слова: комментарий, президент, образ, компонент, национальное сознание, идеология

В последние десятилетия внимание ученых-лингвистов сконцентрировано на языковых особенностях различных жанров интернет-дискурса, среди которых доминируют чаты, блоги, форумы. Сравнительно недавно стали появляться труды на основе анализа интернет-комментариев [1; 2; 3], набирающих все большую популярность на сайтах новостных изданий. Очевидно, что комментарии, как верно отмечает И.В. Савельева, представляют собой «рефлексию адресата на информацию, полученную из исходного текста, динамическое видение процессов, протекающих в обществе, формирующее общественное мнение. В них проявляется когнитивная деятельность человека [3, с. 153]. Особенно ярко жанр интернет-комментариев представлен на французских новостных сайтах. Комментируя новости, франкоязычные пользователи не оставляют без внимания личность президента Франции Эммануэля Макрона, демонстрируя, тем самым, субъективное отношение к данной персоне.

В настоящем исследовании предпринята попытка выявить идеологические компоненты, лежащие в основе репрезентации образа Эммануэля Макрона. Материалом исследования послужили комментарии к двум событиям, вызвавшим общественный резонанс во французских СМИ: новость от 16 июля 2017 года о том, как президент Франции решил почтить память евреев, расстрелянных в годы Второй Мировой войны французскими военными силами (288 комментариев) [4] и новость от 11 февраля 2018 года об инициативе Макрона провести реформу ислама во Франции (204 комментария) [5].

Внимательно изучив комментарии, мы выделили основные личностные качества президента, вызывающие у комментаторов наибольший интерес: способность / неспособность быть лидером, пристрастие к долгим и бесполезным речам, реформаторство, несостоятельность и тщеславие на посту президента. Сказанное определило следующую классификацию идеологических компонентов, конституирующих образ президента Франции.

1. Макрон – лидер

К данной категории мы относим комментарии, характеризующие Макрона как решительного лидера, выявляющие его достоинства как человека, наводящего порядок в стране, пользующегося уважением сограждан, которые в свою очередь искренне верят в целесообразность проводимой им политики реформирования. Проиллюстрируем сказанное на следующем примере.

Je sais il essaie de faire crédible à l'international. / “Я знаю, он пытается зарекомендовать себя как надежного партнера на международной арене.”

Из данного комментария понятно, что комментатор одобряет политику президента и считает, что она направлена на укрепление страны на международной арене.

Встречаются комментарии восхваляющего характера.

Voilà le 13eme des douze travaux d'Hercule! Bon courage au Président! / “Вот 13 подвиг после 12 Геракла! Пожелаем Президенту удачи!”

В данном примере очевидна параллель, проводимая с Гераклом как храбрым, сильным и мудрым персонажем, очистившем Авгиевы конюшни – олицетворение запущенности и хаоса. Желание президента провести реформу религиозного толка расценивается как настоящий подвиг, на который способен отважный, бесстрашный герой, как Макрон. В рамках темы реформы ислама мы встречаем множество комментариев в поддержку Президента. Например,

Je lui souhaite bon courage, car le travail est important. / “Желаю ему удачи, так как работа серьезная.”

Vaste chantier ! On lui souhaite le courage de le mener et de réussir contre la volonté des uns et des autres. / “Огромная работа. Желаем ему удачи реализовать ее и выдержать против натиска и этих и тех.”

2. Макрон – плохой президент

Предыдущему компоненту противопоставлен компонент «Макрон – плохой президент». Например,

Macron a été faiblement élu, que ce soit au premier tour, ou au second. Il doit se présidentialiser, c'est à dire persuader les Français qu'il est bien le président de la république. / “Как в первом, так и во втором туре Макрон набрал незначительное количество голосов. Ему следует сосредоточить власть в своих руках, то есть убедить французов в том, что он достоин должности президента республики.”

Комментатор явно сомневается в том, что пост Президента Франции занимает достойный того человек. Его также обвиняют в действиях, не отвечающих интересам страны, в несостоятельности и слабости.

Il faut qu'il arrête, tout ça, c'est le passé. Qu'il s'occupe plutôt du présent et des réformes. / “Ему пора остановиться, все это в прошлом. Пусть лучше занимается настоящим и реформами.”

Среди комментаторов разгорается даже флейминг, состоящий в споре комментаторов на тему политики президента.

C'est TON président.. pas le mien. / “Это ТВОЙ президент... не мой.”

3. Макрон – реформатор

Данный компонент ярко представлен в комментариях к новостной статье от 2018 года, тогда как в комментариях 2017 года их очень мало, ведь еще не прошло достаточно времени его правления для серьезных умозаключений. Говоря о Макроне как реформаторе, комментаторы искренне демонстрируют веру в его политику.

D'abord, la réforme du code du travail. [...] Ensuite, une grosse réforme de la fiscalité. S'il réussit à mener tout ça à bien, je vote pour lui dans 5 ans. / “Сначала, реформа трудового кодекса. [...] Затем, серьезная реформа системы налогообложения. Если ему удастся их провести, я буду вновь голосовать за него через 5 лет.”

И вот спустя год в комментариях 2018 года мы наталкиваемся на ряд осуждений в его адрес и наблюдаем скептическое отношение к его реформам:

Pourquoi Macron ressemble-t-il à un pasteur luthérien pour réformer l'Islam ? Il veut tout réformer, même l'Islam. / “И почему Макрон уподобляется лютеранскому пастору, пытаюсь реформировать Ислам? Он все хочет реформировать, даже Ислам.”

4. Макрон – болтун

Данный компонент вытекает из обилия комментариев, характеризующих Макрона как пустомелю, не способного на великие дела. Зарегистрировано немало примеров следующего типа:

Il n'a rien découvert, et moi je n'ai rien appris. / “Он ничего нового не открыл, а я ничего не узнал.”

Со слов комментаторов Макрон только повторяет то, что ранее было сказано много раз:

Il enfonce des portes ouvertes, il ne sait faire que ça. / “Он ломится в открытые двери, только это он и умеет делать.”

5. Макрон – самовлюбленный

К данному компоненту мы относим характеристику Макрона как тщеславного и самолюбивого человека. Как отмечается в сообщениях, он занят исключительно популяризацией своего образа, будучи ориентированным на самоудовлетворение и самовосхищение.

Для Макрона важнее всего «оставаться на первой полосе». Ему необходимо быть в центре всеобщего внимания и для этого он готов делать «шоу»:

C'est un showman. / «Это шоумен.»

Il va participer à une étape du Tour de France, pour rester à la une... / «Он будет участвовать даже в одном из этапов Тур де Франс, чтобы оказать на первой полосе.»

Эгоцентризм и стремление «занять первую полосу» вместо того, чтобы заняться делом, вот как расценивают читатели действия президента.

Согласно статистическим данным, соотношение выделенных выше компонентов, составляющих образ президента Франции, в 2017 и 2018 годы варьирует (Лидер – 26% в 2017 г. против 37 % в 2018, Самовлюбленный – 24% в 2017 г. против 15% в 2018 г., Болтун – 24% в 2017 г. против 8 % в 2018 г., Реформатор – 4% в 2017 г. против 17% в 2018 г., Плохой президент – 22% в 2017 г. против 23% в 2018 г.). Данные показатели наглядно демонстрируют эволюцию образа Президента Франции в национальном сознании комментаторов и позволяют сделать вывод о том, что в настоящий момент Макрон пытается зарекомендовать себя как успешный реформатор, однако его усилия не находят на данный момент достаточной поддержки и одобрения среди франкоязычного населения.

Литература

1. Абдуллина Л.Р. Фреймовая репрезентация национальных особенностей новостных комментариев как жанра интернет-дискурса / Л.Р. Абдуллина, А.В. Агеева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика, 2017. – Т. 14, № 1. – С. 21-26.
2. Агапова С.Г. Интернет-дискурс: основные жанры и особенности их исследования / С.Г. Агапова, А.В. Полоян // Известия Южного федерального университета. Филологические науки, 2016. – №4. – С. 52-58.
3. Стеклова Т.И. Комментарий как речевой жанр и его вариативность / Т.И. Стеклова // Жанры речи. – Саратов: Изд-во СГУ, 2014. – С. 81-88.
4. Macron: «C'est bien la France qui organisa» la rafle du Vél d'Hiv [Электронный ресурс] // Liberation.fr : ежед. интернет-газ. 2017. 16 июля. Режим доступа: http://www.liberation.fr/france/2017/07/16/macron-c-est-bien-la-france-qui-organisa-la-rafle-du-vel-d-hiv_1584108 (дата обращения: 21.07.2017).
5. Emmanuel Macron se lance dans la réforme de l'islam de France // Lemonde.fr : ежед. интернет-газ. 2018. 11 февраля. Режим доступа: http://www.lemonde.fr/politique/article/2018/02/11/macron-veut-poser-les-jalons-de-l-organisation-de-l-islam-de-france-au-premier-semester-2018_5254980_823448.html (дата обращения: 20.02.2018).

Сведения об авторах

Абдуллина Лилия Рафаиловна, кандидат филологических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета, e-mail: lilioven@mail.ru; Агеева Анастасия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета, e-mail: anastasia_ageeva@mail.ru

REPRESENTATION OF THE FRENCH PRESIDENTS' IMAGE IN INTERNET COMMENTS TO THE NEWS ARTICLE

L.R. Abdullina, A.V. Ageeva

Abstract. This article is devoted to the features of the representation of the image of French President Emmanuel Macron in the French comments to news articles registered on the sites of leading French publications *Liberation* and *Le Monde* for 2017 -2018. The key ideological components constituting the image of the French president are identified. Statistical data are given showing the variability of ideological categories in the national consciousness of commentators after one year of the presidency.

Keywords: comment, president, image, component, national consciousness, ideology

Data about the authors

Abdullina L. PhD in Philology, Assistant Professor of Kazan (Volga region) federal University, e-mail: lilioven@mail.ru; Ageeva A. PhD in Philology, Assistant Professor of Kazan (Volga region) federal University, e-mail: anastasia_ageeva@mail.ru

УДК 821.161.1

О НЕКОТОРЫХ ГРАНЯХ ЭСТЕТИКИ В. НАБОВОВА

Е.А. Бажанова

Аннотация. В статье отмечается, что не только личностный фактор влияет на эстетику произведений любого писателя, но и фактор внешний, в частности, культурная память; рассматривается влияние философских теорий Ф. Ницше и А. Бергсона на эстетические взгляды В. Набокова, что подтверждается ярчайшими примерами произведений русского писателя.

Ключевые слова: эстетические взгляды, философия интуитивизма, ницшеанство, культурная память, личностный фактор, интуиция, чувство

Определяя эстетику любого писателя помимо личностного фактора, к которому мы относим субъективные фоновые знания, следует учитывать и соотношенность художественного текста (как отображения эстетики автора) и действительности, а также внешний фактор – коллективную культурную память.

Проблема соотношенности художественного текста и действительности была освещена в работах Ю.М. Лотмана [3,4], И.В. Гюббенет [1], Л.Г. Бабенко [2] и других исследователей. Вслед за Ю.М. Лотманом мы называем художественный текст самодостаточным и в то же время связанным с личностью автора, временем и местом написания произведения, ситуацией, подтолкнувшей творца к созданию своего детища. Значимо то, что одной из важных функций художественного текста Ю.М. Лотман называет функцию коллективной культурной памяти, включающей в себя богатство мирового знания в целом из самых разнообразных областей наук и искусства, обычаев, традиций. Таким образом, внешний, личностный факторы и связь художественного текста с действительностью взаимообусловлены. Однако, говоря о влиянии мировой культуры на мировоззрение автора, мы подчеркиваем непроизвольность этого процесса, который проявляет себя как на генетическом уровне, так и в контексте эпохи. Под контекстом эпохи мы понимаем влияние на творческую личность социальных, политических, экономических и т.п. условий, культурологических особенностей того времени, в котором живет автор.

Известно, что поскольку художественный текст, как и любое другое произведение искусства, создан человеком, то, безусловно, при его анализе следует учитывать личностный фактор – биографические данные, субъективные особенности, помогающие понять мировоззрение писателя, дать ключ к пониманию смысла произведения, а, значит, и эстетике автора. Говорить об эстетике писателя можно лишь обратившись к его текстам и проанализировав их. Трудность обозначенной задачи заключается в том, что эрудированность и сверходаренность В. Набокова не позволяют четко обозначить влияние на писателя какой-либо определенной культурной среды, традиции какой-либо конкретной нации – все это предстает в синтезе. Можно было бы предположить, что, для эмигранта-Набокова было необходимым изучение традиций, культуры той страны, в которой он пребывал. Однако, мы придерживаемся другого мнения: получив прекрасное воспитание и образование, постоянно занимаясь самообразованием, писатель так или иначе «совместил» все доступные и интересующие его на определенном этапе жизни знания, которые легли в основу его мировоззрения. Невозможно определить влияние на писателя всех внешних факторов, но вполне выполнимо рассмотреть творчество наиболее ярких философов XIX – XX вв., идеи которых заставили мыслить иначе не одно поколение. Среди этих фигур мы вправе назвать имена Ф. Ницше и А. Бергсона, поскольку этих философов не сумел обойти своим вниманием ни один писатель XX в.

Изучение текстов В. Набокова демонстрирует отражение в них основных положений ницшеанской идеи о сверхчеловеке, не в контексте утверждения расово-личностного первенства, но самосовершенствования личности, её стремление и осмысление духовного и морального преобразования. Пути к совершенствованию самого себя могут быть

различными: от осознания человеком неверности своего поступка (например, в романе «Машенька» главный герой – Ганин – смутно чувствует, что их с Машенькой отношения могли бы быть другими; от того, что им не было, где ютиться, мельчала, «протиралась» их любовь, и в этом он всегда чувствовал и свою вину тоже), от анализа, взвешивания всех своих действий и их результатов, включая творческий акт («Другие берега») до понимания себя частью мира («Ада, или Радости страсти»), хотя к «всеобщей», «всечеловеческой» любви и всепрощения ни один из героев не приходит.

Тем не менее, идея сверхчеловека влияет на разработку В. Набоковым проблемы прошлого, под которой понимается неистинность, ложность, искривление заведомо истинных, прописных истин, что связано с извечной проблемой «быть или казаться». Именно последняя, сливаясь с идеями Ницше, рождает некий идеал, модель поведения, которую должен наследовать истинно благородный человек. В. Набоков актуализирует выбор, стоящий перед каждым человеком и влияющий на его желание быть воспринятым определенным образом: либо истинным, таким, как есть, со всеми недостатками, просчетами, либо в маске, наиболее выгодно представляющей желаемые качества. Проблема «быть или казаться» сродни искушению. Человек, заведомо искажающий истинность своего «я», по Набокову, становится пошлым, тенью, иллюзией действительности.

Сильное влияние на эстетику В. Набокова оказала философия интуитивизма, особенно взгляды А. Бергсона, продолжающего традицию спиритуализма. Согласно теории французского философа, сущность действительности – это постоянный «поток внутренней жизни», некая нематериальная длительность, текучесть. Разум не может постигнуть реальность в целом, поскольку она постоянно изменяется, а потому он выхватывает лишь мгновения из нее. Понять жизнь возможно лишь слившись с нею, что позволяет сделать только интуиция, вследствие чего фактически невозможно отличить созерцание от того, что созерцаемо. Таким образом, длительность, в понимании А. Бергсона, в отличие от абстрактного времени подразумевает непрерывность создания новых форм, а также «становление, взаимопроникновение прошлого и настоящего, непредсказуемость будущих состояний, свободу» [5, с. 37]; понять действительность можно не через ограниченные способности человеческого мышления, но через интуицию, включающую в себя чувство, озарение, инстинкт, что отразилось в творчестве М. Пруста, чья творческая манера также сказалась на идиостиле В. Набокова.

Практически все герои произведений В. Набокова не просто рассказывают о мире, живут в нем, они в первую очередь его чувствуют, и эти чувства помогают им осмыслить и себя в нем, и значение своих слов, поступков, и приблизиться к пониманию смысла жизни, назначения человека на земле. Так, к примеру, главный герой повести «Соглядатай» чувствует сначала необходимость присутствия своей новоиспеченной любовницы – Матильды: «Она, пожалуй, нравилась мне, эта разбитная, полная, волоокая дама с большим ртом, который собирался в пурпурный комок, когда она, пудрясь, смотрелась в зеркальце. <...> От нее исходило щедрое тепло, как только она появлялась, мне уже мнилось, что в комнате жарко натоплено, и, когда, отведя восвояси эту большую живую печь, я возвращался один среди чмоканья и ргутного блеска безжалостной ночи, было мне холодно, холодно до омерзения» [7, с. 355]. Позже любовница стала его томить, поскольку главной темой ее разговоров был муж – по-зверски ревнивый, по-плотски страстный. По этой причине герой предчувствует свою встречу с ним, заранее пытаясь выбрать для себя соответствующую модель поведения. Инстинкт самосохранения заставляет героя сильно беспокоиться: «Но мне было как-то беспокойно. <...> И я терялся в догадках, воображая то агента коммунистического союза, то чудака-миллионщика, которому нужен секретарь» [7, с. 359]. Опасения героя оправдываются, но он пытается держаться так, как будто не понимает, в чем дело: «Я понял, что сейчас случится нечто потрясающее, но на лице у меня, несомненно, была улыбка, и, кажется, угодливая, и моя рука, которая тянулась, обреченная встретить пустоту, эту пустоту предчувствовала

и все-таки до конца пыталась довести жест, звеневший у меня в голове словами: элементарная вежливость» [7, с. 359]. Чорб (рассказ «Возвращение Чорба») живет воскрешением чувств: «В Швейцарии, где они провели зиму и где доцветали теперь яблони, он ничего не узнал, кроме гостиниц; зато в Шварцвальде, по которому они прошли еще осенью, холодноватая весна не мешала воспоминанию. И так же, как на южном пляже, он старался найти тот единственный, круглый, черный, с правильным белым пояском, камушек, который она показывала ему накануне последней прогулки, – точно так же он отыскивал по пути все то, что отметила она возгласом...» [7, с. 260]. Для Лужина («Защита Лужина») важно озарение, могущее помочь одержать победу над Турати, главному герою «Машеньки» проверка чувства помогает сделать правильный для него выбор, Василий Иванович (рассказ «Облако, озеро, башня») в невыразимой согласованности озера, его отражения в озере и старинной черной башни почувствовал то единственное и родное, чего он так искал и чего ему не хватало.

Таким образом, характеризуя эстетические взгляды выдающегося русского писателя, следует, вне сомнений, учитывать опыт и своеобразие эпохи, взрастившей его, наследие предыдущих поколений, личностный фактор. Анализируя художественные произведения В. Набокова, мы пришли к неоспоримой констатации влияния на его творческое наследие философии Ф. Ницше и А. Бергсона.

Литература

1. Ахманова О.С., Гюббенет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. – 1977. – № 3. – С. 47-54.
2. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учебник для вузов. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – 464 с.
3. Лотман Ю.М. Внутри мыслящем миров: Человек-текст-семиосфера-история. – М., 1996.
4. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М., 1970.
5. Современная западная философия: Словарь / Сост.: Малахов В.С., Филатов В.П. – М.: Политиздат, 1991 – 414 с.
6. Набоков В.В. Другие берега: Сборник. – М.: Кн. Палата, 1989. – 288 с.
7. Набоков В.В. (В. Сирин) Машенька. Защита Лужина. Соглядатай. Другие берега / Вступ. Ст. Л.Н. Целковой. Сост., коммент. Н.Г. Мельникова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2003. – 768 с.

Сведения об авторе

Бажанова Елена Анатольевна, преподаватель Института международных отношений, истории и востоковедения К(П)ФУ, e-mail: helene.bazhanova@gmail.com

ABOUT SOME EDGES OF THE AESTHETICS OF V. NABOKOV

E. Bazhanova

Abstract. In the article it is observed that not only personal factor influences the aesthetics of the works of any novelist, but also external factor, in particular, cultural memory; the article touches upon the impact of philosophical views of F. Nietzsche and A. Bergson on the aesthetic views of V. Nabokov, that is confirmed by the most vivid examples of works of Russian novelist.

Keywords: aesthetic views, the philosophy of intuitionism, nietzscheancy, cultural memory, personal factor, intuition, sense

Data about the author

Bazhanova Elena, teacher, Institute of International Relations, History and Oriental Studies KFU, e-mail: helene.bazhanova@gmail.com

УДК 81

ОБЪЕКТИВАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ В НЕМЕЦКОЙ МЕДИАКУЛЬТУРЕ

У.А. Жаркова, Н.Ю. Кузнецова

Аннотация. В результате европейского миграционного кризиса в немецком обществе чрезвычайно актуальны отношения между двумя крупными социальными и культурными группами. Эти две группы – принимающая сторона и вновь прибывшие люди, мигранты, у которых есть другая, «чужая» культура и традиции. В статье рассматривается понятие дискриминации, ее типы и формы, а также способы объективации дискриминации в немецкой медиакультуре.

Ключевые слова: медиакультура, дискриминация, миграционный кризис, этническая дискриминация, гендерная дискриминация, культурные универсалии

Понятие медиакультуры является относительно новым в научном дискурсе и трактуется современными учеными (культурологами, лингвистами) достаточно широко. В данный момент под медиакультурой принято понимать область культуры, которая формируется во взаимодействии личности с массовой коммуникацией, включающей в себя массовую печать, радио, кино, телевидение, видео, некоторые виды сетевых компьютерных технологий [1, с. 11]. Медиа (от лат. «media», «medium» – средство, посредник) – термин, первоначально введенный для обозначения феномена «массовой культуры» («mass culture», «mass media»). Это тип культуры информационного общества, который входит в понятие общей культуры и представлен печатными изданиями, такими как: книги, газеты, журналы, кино, радио– и телевидение, Интернет-ресурсами, – всем тем, что связывает человека с окружающим миром, информирует, развлекает, пропагандирует, оказывает воздействие на оценки, мнения и поведение людей [3, с. 11].

Медиакультура, бесспорно, открывает перед человеком большие возможности и, являясь продуктом информационной эпохи, воздействует на ценности общества, на мировоззрение разных социокультурных групп, формирует эти ценности и манипулирует общественным мнением.

Средства массовой информации в ФРГ, являясь важной составляющей медиакультуры социума, выполняют свою основную функцию – распространение информации. СМИ оперативно реагируют на сложившуюся ситуацию, отражая как объективную реальность, так и всевозможные субъективные мнения различных социальных групп. Основным полем для дискуссий в этой сфере является область медиакультуры.

В последние несколько лет очень актуальной и активно обсуждаемой в западных СМИ является тема дискриминации. Это связано, прежде всего, с большим притоком мигрантов в Европу. Но не только расовая дискриминация получает широкий общественный резонанс. Скандал в США в 2017 году, разоблачивший многочисленные случаи сексуальных домогательств и насилия в киноиндустрии, поднял волну обсуждения в СМИ проблемы дискриминации женщин. Кроме того, в немецкой прессе активно обсуждается проблема возрастной дискриминации, причем ущемленными в правах чувствуют себя не только пожилые, но и молодые (до 30-35 лет) граждане. Например, участвующие в политической жизни Германии члены молодежной организации Социал-демократической партии Германии (Jusos) дискутируют с представителями старшего поколения и убеждают их в своей политической зрелости и самостоятельности (URL: <https://twitter.com/hashtag/diesejugenleute?src=hash&lang=de>).

Обратимся к определению понятия дискриминации. Дискриминация изучается в современной науке в рамках различных научных направлений и исследований, от сферы трудовых отношений и социологии до культурологии и лингвистики. Несмотря на множество законодательных актов и осуждение этого явления на международном уровне проблема дискриминации в обществе в настоящее время не решена [4, с. 120].

Под дискриминацией понимают неоправданное различие в правах и обязанностях человека по определенному признаку. В качестве такого признака может выступать любое отличие человека, например, раса, национальность, религиозные убеждения, возраст, пол, сексуальная ориентация и т.д. Отдельные виды дискриминации широко известны и имеют собственную терминологию. Например, для расовой дискриминации используют понятие расизм, для обозначения гендерной дискриминации – сексизм, а дискриминация человека на основании его возраста обозначается термином эйджизм.

Мы рассмотрим проблему этнической дискриминации, являющейся, по нашему мнению, наиболее распространенной как в реальной жизни сегодняшней Германии, так и наиболее частотно проявляющимся видом дискриминации в немецких СМИ.

В связи с большим притоком беженцев в 2015 г. (около 1,14 млн. человек по данным федерального статистического ведомства ФРГ) в современном немецком обществе сложилась достаточно сложная ситуация, приведшая к так называемому миграционному кризису. В свете этого кризиса на первый план выходят отношения между двумя большими социокультурными группами – принимающей стороной и пришедшими, мигрантами, которые являются носителями другой, «чужой» культуры и традиций [4, с. 121].

Оппозиция *свой – чужой* является одной из базовых культурных универсалий. Людям свойственно распределять предметы, культурные процессы и явления на «свои» и «чужие». К «своим», как правило, относятся те явления, которые индивидум считает традиционными, которые регулярно повторяются в окружающей его действительности. «Чужие» обычаи нарушают сложившуюся традицию и не встречаются в привычной среде. Поэтому большое количество «чужих» людей, с их культурой, обычаями и традициями воспринимается принимающей стороной с определенной долей боязни, непонимания и зачастую неприятия и враждебности. Проблема этнической дискриминации стоит достаточно остро при приеме на работу, учебу, найме жилья, оплате труда и т.д. [4, с. 121].

На фоне значительных изменений в культурной и социальной сферах жизни общества в последние несколько лет внимание немецкоязычных СМИ сосредоточено на теме миграции. Нам представляется интересным рассмотреть феномен этнической дискриминации в немецкой медиакультуре на материалах журналов Spiegel ONLINE и Focus ONLINE. Наиболее частотными в текстах немецких СМИ являются лексемы «**Migranten**» (мигранты) и «**Flüchtlinge**» (беженцы).

Различие между этими лексемами заключается в том, что мигрант выбирает переезд в поисках лучшей жизни, например, посредством устройства на работу, прохождения обучения и т.д., за пределами страны своего происхождения. Беженец – это лицо, которое «бежит от вооруженного конфликта или преследования» из-за своей расы, религии, гражданства или членства в конкретной социальной группе.

Данные российских исследователей-лингвистов [2, с. 74] показывают, что лексема «мигрант» сопровождается в основном нейтральными синонимами, при этом выявляют преобладание негативно-окрашенных элементов над положительно-окрашенными элементами (более чем в два раза).

Рассмотрим некоторые способы объективации этнической дискриминации в немецких СМИ.

„In einem *“WAZ”-Interview und auf Facebook warnt Karlheinz Endruschat (der Essener SPD-Vize) vor sich bildenden „Migranten-Milieus“ und macht sich speziell Sorgen um seinen Stadtteil*“. (URL: https://www.focus.de/politik/deutschland/image-als-no-go-area-migranten-milieus-in-essen-spd-mann-reisst-alte-wunden-auf_id_8394793.html) – «В интервью *«WAZ»* и в Facebook Карлхайнц Эндрушат (вице-президент СПГ в Эссене) предупреждает об образовании «миграционной среды» и выражает особую обеспокоенность своим районом».

Уже само понятие «миграционная среда (окружение)» противопоставляет две крупные социальные группы – коренное население и вновь прибывших. А тот факт, что руководитель района выражает опасения относительно мигрантов, заставляет читателей

насторожиться и вызывает негативные эмоции по отношению к мигрантам, даже еще не углубившись в суть проблемы.

Опасение и неприятие чужой культуры и религии демонстрирует также и следующий пример:

„Die Muslimisierung der Stadtteile im Essener Norden ist niemals seriös hinsichtlich zukünftiger Konflikte hinterfragt worden.“ (URL: https://www.focus.de/politik/deutschland/image-als-no-go-area-migranten-milieus-in-essen-spd-mann-reisst-alte-wunden-auf_id_8394793.html) – «Мусульманизация районов на севере Эссена никогда не рассматривалась серьезно в отношении будущих конфликтов».

Употребление в одном предложении лексем «мусульманизация» и «конфликты» способствует формированию негативной оценки ситуации и вызывает страх у немецкоязычного читателя.

Следующий пример взят из статьи в журнале Spiegel “Freiberg will keine Flüchtlinge mehr” («Фрайберг больше не хочет беженцев»). В тексте статьи приводятся убедительные доводы, почему город больше не может принимать беженцев. Нехватка мест в школах и детских садах, высокий процент беженцев относительно местного населения, нехватка финансирования выглядят весомыми аргументами. Текст статьи составлен логично, нейтрально, аргументация подкреплена цифровыми данными. Как известно из психологических исследований, на читателя наибольшее воздействие имеет первая и последняя информация. Последнее предложение статьи “Vor kurzem stoppte Brandenburgs Innenminister Karl-Heinz Schröter (SPD) nach zwei Messerangriffen durch minderjährige Flüchtlinge in Cottbus bis auf Weiteres den Zuzug von Flüchtlingen in die Stadt.” (URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/sachsen-freiberg-will-vier-jahre-lang-keine-fluechtlinge-mehr-aufnehmen-a-1191019.html>) – «Недавно министр внутренних дел Бранденбурга Карл-Хайнц Шретер (СПД) остановил приток беженцев в город после двух нападений несовершеннолетних беженцев с ножом в Котбусе» оказывает, несомненно, более интенсивное негативное эмоциональное воздействие на читателя, чем все резонные доводы и цифры, приведенные в тексте статьи. Так формируется образ агрессивных, нападающих с ножом чужаков. И если при чтении заголовка возник вопрос, почему же город не хочет принимать беженцев, то в конце читатель получает на исчерпывающий ответ.

Как мы смогли убедиться из выше приведенных примеров, этническая дискриминация проявляется в медиакulturе в противопоставлении своей и «чужой» культуры, создании негативного образа представителей «чужого» этноса и может быть реализована в текстах на лексическом, оценочном и структурном уровнях.

Литература

1. Каптерев, А.И. Мультимедиа как социокультурный феномен [Текст] / А.И. Каптерев. – М.: Профиздат, 2002. – 413 с.
2. Касаткина, Н. Н., Смирнова Д. А. Построение номинативного поля концепта «Мигрант» на материале статей онлайн-версий российских газет 2010–2011 и 2015–2016 гг. // Социальные и гуманитарные знания. 2017. Том 3, № 1. С. 69–75
3. Кириллова, Н. Б. Медиа среда российской модернизации [Текст] / Н. Б. Кириллова. – М.: Академический проект, 2005. – 400 с.
4. Кузнецова, Н.Ю. Проблема имплицитной дискриминации в современной медиакulturе (попытка анализа) // Бытие человека: проблема единства во многообразии современного мира: материалы междунар. науч. конф. – Изд.2 доп. – Челябинск: Цицеро. 2017. – 185 с. – С. 119-123.
5. https://www.focus.de/politik/deutschland/image-als-no-go-area-migranten-milieus-in-essen-spd-mann-reisst-alte-wunden-auf_id_8394793.html (дата обращения: 03.02.2018)
6. https://www.focus.de/politik/deutschland/image-als-no-go-area-migranten-milieus-in-essen-spd-mann-reisst-alte-wunden-auf_id_8394793.html (дата обращения: 03.02.2018)
7. <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/sachsen-freiberg-will-vier-jahre-lang-keine-fluechtlinge-mehr-aufnehmen-a-1191019.html> (дата обращения: 04.02.2018)
8. <https://twitter.com/hashtag/diesejungenleute?src=hash&lang=de> (дата обращения: 02.02.2018)

Сведения об авторах

Жаркова Ульяна Анатольевна, кандидат филологических наук, зав. кафедрой романо-германских языков и МКК Челябинского государственного университета, e-mail: germancsu@gmail.com; Кузнецова Наталья Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент Челябинского государственного университета, e-mail: kuznez19@mail.ru

OBJECTIFICATION OF ETHNIC DISCRIMINATION IN GERMAN MEDIA-CULTURE

U. Zharkova, N. Kuznetsova

Abstract. In consequence of European migration crisis in the German society, the relationship between two large social and cultural groups moves to the forefront. These two groups are host side and coming people, migrants, which have another, “foreign” culture and traditions. In the article is considered a concept of discrimination, its types and forms, as well as its manifestation in the modern media-culture in the German mass media materials.

Keywords: media-culture, discrimination, migration crisis, ethnic discrimination, gender discrimination, ageism (age discrimination), cultural universals

Data about the authors

Zharkova U., PhD, Assistant professor, Head of the Department of Romance and Germanic Languages and Intercultural communication, Chelyabinsk state university, e-mail: germancsu@gmail.com; Kuznetsova N., PhD, Assistant professor, Chelyabinsk state university, e-mail: kuznez19@mail.ru

УДК 81

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ В ПРОСТРАНСТВЕ МЕНТАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ

Ю.М. Закирова

***Аннотация.** В статье представлены результаты исследования текстов современных исполнителей музыки кантри, проведенного в рамках актуальной темы психосемантической реконструкции ассоциативных полей психических состояний. Были проанализированы тексты на английском языке как яркие и достоверные ментальные репрезентации представителей американской и канадской культуры и реконструированы семантические поля психических состояний низкого уровня психической активности – печали и ностальгии. Опираясь на результаты предыдущих исследований, когда при сравнении групп испытуемых с полярными психическими свойствами в семантических пространствах исследуемых психических состояний наблюдались различия, мы поставили задачу сравнить уровень сложности и вербализованности эмоциональных полей в комментариях вышеупомянутых психических состояний. В качестве основного метода реконструкции субъективного психологического пространства выступил метод ассоциативного эксперимента, субъективного шкалирования и семантического дифференциала. Результаты свидетельствуют, что ментальные репрезентации состояний в контексте фонетической поэзии представляют собой сложно-дифференцированную конфигурацию, сопряженную с видом психического состояния: пространственную организацию, ядерные составляющие, вариативность, устойчивость проявлений в сюжетной линии презентуемой субъектом.*

***Ключевые слова:** психическое состояние, лингвистика, ассоциативный эксперимент, семантика, значение, речевая реакция*

В практике психологического консультирования, реабилитации, психолингвистике важная роль отводится определению психического состояния через осознаваемую составляющую. Она представлена в лексических пластах языкового сознания, а именно в субъективной системе значений, образующих семантическое пространство состояния. Семантическое пространство как компонент «ментальной репрезентации» позволяет описывать содержание психического отображения. Изучение ментальных репрезентаций состояний человека имеет особую значимость, так как психическое состояние – индивидуальный субъективный феномен человеческой психики и выделение универсальных закономерностей репрезентаций состояний позволит выявить закономерности в формировании картины мира и структуры суждений о нем, энергетической составляющей, длительности, уровня сложности, типа ассоциаций. Психические состояния при всей индивидуальности, тем не менее демонстрируют универсальные компоненты, встраиваемые в модель ассоциативных представлений об окружающей действительности и о человеке.

В работах А.В. Брушлинского и Е.А. Сергиенко, понятие репрезентация означает «представленность», «изображение», «отображение одного в другом или на другое», имеются ввиду структуры, вместившие в себя жизненный опыт, картину мира, социума и самого себя (Брушлинский, Сергиенко, 1998).

Объектом нашего исследования стали семантические пространства психических состояний в текстах исполнителей музыки кантри. Цель исследования проанализировать субъективную систему значений, образующих семантическое пространство психических состояний низкого уровня энергетики (печаль и ностальгия), как наиболее характерных для этого жанра. В ходе исследования решались следующие задачи:

- 1) провести анализ проблемы ментальной репрезентации состояний в фонетической поэзии исполнителей музыки кантри;
- 2) подготовить экспериментальный материал для изучения ментальных репрезентаций состояний;
- 3) исследовать содержание и структуру ментальных репрезентаций состояний после реконструкции образов в семантическом поле
- 4) выявить универсальные (инвариантные) и специфические (индивидуальные) компоненты ментальных репрезентаций состояний, рассматривая тексты современных ис-

полнителей кантри как социо-культурный пласт лингвистического и психологического изучения.

Актуальность данной работы подтверждается следующими факторами.

Узнать страну изучаемого языка, менталитет ее граждан всегда было и будет приоритетной задачей высшей лингвистической школы. В Соединенных Штатах и Канаде насчитывается многотысячная армия поклонников (без преувеличения можно назвать их страстными фанатами) кантри музыки. Это позволяет нам говорить о культурной идентификации по степени приверженности данному стилю. Завоевать доверие такой огромной аудитории артист, может только доказав, что он на одной волне (эмоциональной, ментальной, лирической) со своими слушателями. Поэзия воспринимается, если значения слов осмыслены и возникает как отмечает Е.Б. Патракеева диалог автора и слушателя. Конечно, соблюдаются традиционные правила построения текстов кантри музыки или особого рода фонетической поэзии, как принято называть этот жанр: есть история, которая разворачивается перед слушателем, рефрен припева, и кирпичики сюжета из таких слов и выражений как *got, ain't, like, love, mom, trucks, town, oohs, ohs*, и, конечно, универсальный *just*. Но современный песенный текст музыки в стиле кантри, обладая лингвистической, культурной и психической наполненностью является ярким примером ментальной репрезентации.

Характеристика психических состояний

Существует мнение относительно объединенного формата репрезентации психических состояний. Многие авторы в качестве единицы описания используют семантические признаки, с помощью которых строятся модели ментальной репрезентации объектов языкового представления состояний. Стоит остановиться на определении понятия психическое состояние, которое рассматривается как целостная характеристика психической деятельности за определённый период времени, показывающая своеобразие протекания психических процессов в зависимости от отражаемых предметов и явлений действительности, предшествующего состояния и психических свойств личности. Согласно А.О. Прохорову, психическое состояние сопровождается внешними признаками, имеющими преходящий динамический характер и выражающееся чаще всего в эмоциях, связанное с познавательной деятельностью и личностью в целом.

В психическом состоянии принято выделять три общих измерения: мотивационно-побудительное, эмоционально-оценочное и активационно-энергетическое. Лингвистическая когнитология констатирует, что информация, используемая при декодировании текстов, не ограничивается только знанием языка, но включает знания о мире в целом, о социальном и культурном контексте, т. е. ментальные основы понимания и речевой репрезентации.

При изучении семантических пространств состояний было установлено, что строение семантического пространства отдельного психического состояния характеризуется ядерным образованием, слоями разной степени лексической насыщенности, составом с различной выраженностью психологических составляющих и периферией, представленной единичными значениями. В то же время семантические пространства имеют определенную специфику в зависимости от классифицирующих их оснований: временн-длительности, сложности, уровня энергетической составляющей и др.

Е.М. Алексеева отмечает, что способ представления (репрезентации) знаний согласуется с социокультурным опытом человека – носителя знания. Познание (или когниция) организует в человеке смыслообразование и использование значений в рамках культуры, – делая значение общим достоянием людей, принадлежащих к этой культуре».

Ранее уже проводились исследования по доказательству гипотезы о том, что лексические слои языкового сознания и стоящие за ними категориальные структуры образуют типичные семантические пространства состояний, характеризующиеся определенным строением. Семантическое поле состоит из нескольких поясов, уровень плотности

значений постепенно понижается от центра к краю пространства. В нашем исследовании семантическое поле поделено на следующие сектора: психические процессы, поведение, физиологические реакции, и переживание.

Исходя из предположения, что репрезентации психических состояний, образующих операциональную структуру сознания, формируются в процессе жизнедеятельности и отражают опыт переживания состояний, накопленный субъектом в процессе жизнедеятельности. С этих позиций ментальные репрезентации состояний могут быть рассмотрены как результат жизненного пути человека, как определенный формат мысленного образа, в котором происходит содержательная рефлексия переживаемого состояния и его дальнейшее запоминание. Эта форма, как показано в наших исследованиях, имеет специфическое наполнение, зависящее от качества психического состояния, а также определенные свойства: пространственную организацию, ядерные составляющие, вариативные характеристики, относительную устойчивость репродукций в разных ситуациях жизнедеятельности субъекта

Оперируя свидетельством репрезентативных высказываний заочных респондентов в числе следующих исполнителей Chris Stapleton, Tim McGraw, Blake Shelton, Florida Georgia Line, Brad Paisley, Caryl Underwood мы зафиксировали и распределили по семантическому полю, такие маркеры образов психических состояний печали и ностальгии, как традиционных ассоциативных состояний низкого уровня энергетики с ситуациями расставание, взросление и т.д.

В результате анализа текстов были выделены такие содержательные компоненты образов психических состояний: 1) описание физических и физиологических проявлений состояния (49% описаний); 2) особенности поведения или изменения в поведении (49%); 3) описание состояния через чувства или другие состояния (60%).

В эксперименте исследовались ассоциативные связи ситуаций «расставание» и «взросление» с такими равновесными психическими состояниями как печаль и сожаление. Эти психические состояния были отобраны не случайно, они оказались среди наиболее значимых для данной группы испытуемых (исполнителей). Психические состояния печали и сожаления могут считаться синонимичными. Синонимы – это переходные звенья между семантическими полями одного и того же энергетического уровня. Причем некоторые синонимы входят во все семантические пространства одного энергетического уровня. В качестве слов-стимулов были взяты составляющие семантических полей указанных ситуаций и состояний, реконструированные на основе результатов проведенных ранее экспериментов.

Семантическое пространство состояния *печаль* включает 43 операнта, относящихся к различным характеристикам. Это физиологическая характеристика «слезы» (ядро), эмоциональные компоненты «грусть», физиологическая характеристика «усталость», поведенческая «задумчивость», переживание «задумчивость», «уход в себя», мотивационная – «отсутствие желаний» и т.д. – на периферии семантического облака.

К ним также относятся: сквозные высказывания «болит/ноет/щемит сердце», «уход в себя», «слезы/плачет»;

Выбор состояния сожаления (ностальгии) был обусловлен тем, что оно достаточно часто переживается в текстах исполнителей данного жанра и может быть вызвано разнообразными ситуациями, а главное – предположение, что положительные состояния пусть даже низкой степени энергетики может быть более сложно организованной структурой. А, следовательно, выявленные закономерности будут наиболее общими и глубинными. Переживание «ностальгия», эмоциональные компоненты «светлое чувство»

Результаты исследования, полученные опосредованно путем анализа 49 текстов фонетической поэзии, демонстрируют наибольший процент совпадения, а значит плотности ядра для состояния низкого уровня психической активности – печали (53%), а наименьший – для состояния более высокого уровня – состояния ностальгии (19%). То есть при

повышении уровня психической активности наблюдается рост дисперсии заполняются периферийные слои в репрезентациях состояний в текстах, которые их транслируют.

При обработке результатов вычислялась средняя оценка, зафиксированная в отобранных материалах, выделялись ядерные образования (ядерными являлись описания характеристик психических состояний, встречающиеся у большинства исполнителей с максимальной выраженностью признака), околядерные (средние) и периферия. При обработке данных использовались корреляционный (коэффициент r Пирсона) и кластерный анализы. Также подсчитывалась степень организованности структур: индекс когерентности структуры (ИКС), индекс дифференцированности структуры (ИДС) и индекс организованности структуры (ИОС) (Карпов, 2006). Обратимся к результатам исследования. В таблице 1 приведено описание выделенных содержательных характеристик образов психических состояний.

Таблица 1

Содержательные характеристики описаний образов психических состояний

Описания состояний	Положительное психическое состояние	Отрицательное психическое состояние
Описание физических и физиологических проявлений	lonely tears i cry ,eyes sparkle, I can` t go another day, unwind	rain drops and tear drops run together on my face, all my tears are cried, lonely tears I cried, days are cold, I can` t hold out much longer, tear drops come around, heart was in a hit and run, she wears the pain
Поведенческие особенности	a memory we`re tryin` to kill, we fake the perfect life, don` t give a damn, watch our boy take his first breath, let`s turn it up loud	write a love song, stay up nights, sang every day, sang from the heart, I could close my eyes and run through the house, and never once stub my big toe , I pretend to wear a smile on my face, I`l break my bones, I`d sell my soul, ask God to forgive my sins, lookin` up in the starry sky
Описание состояния через чувства или другие состояния	a cloud of tears filled memories, I see it clearer in the rear view mirror, I regret that moment, wondering what went wrong,I am sorry, I look back, recallin` things we used to do, your memories come back, feelin` alright, we felt so right, my mind keeps going back, I can still see everything just fine, truck full of memories, feel like tatter torn pages of some paper back book, falded wings that used to fly, outlaw state of mind, I`m blessed	everybody feeling sad Ain` t no glory in this feeling I wined up on the same old trail of tears I~ll never find the sunshine Left to lose my mind I`ll break my bones I`d sell my soul, Lose my faith Endless lonely streets of broken dreams It feels like my walls are caving in , summer has gone,

Как следует из представленных результатов, наиболее существенными составляющими образа положительно окрашенного психического состояния являются речевые репрезентации переживаний и психических процессов, а также описание эмоций и чувств, переживаемых в этом состоянии, семантические пространства физиологических реакций и поведения не вариативны, операнты соредоточены в ядре. Для состояния Печали, как отрицательного психического состояния низкого энергетического уровня компоненты ментаальных репрезентаций равномерно распределены в околядерных полях и периферии секторов особенностей поведения, физических и физиологических проявлений.

Обсуждение результатов

При организации исследования предполагалось, что содержание ментальных репрезентаций психических состояний в текстах фонетической поэзии на примере лирики исполнителей музыки кантри включает ряд базовых составляющих: типичные ситуации (события), вызывающие психические состояния, основные виды проявлений психических состояний (психомоторные, эмоциональные и физиологические, поведенческие рисунки), а также образы, ассоциации, специфику осознания, понимания и др. с учетом социокультурного и лингвистического компонента. Допускалась вероятность наличия универсальных (инвариантных) и специфических (субъективных) компонентов ментальных репрезентаций состояний. В результате исследования установлено, что соотношение этих составляющих различно для состояний разного знака и уровня психической активности, даже с учетом переходного характера некоторых элементов ментальной репрезентации, которые с учетом метафоричности могут занимать промежуточное положение в семантическом поле.

В целом репрезентация психических состояний в проанализированных текстах состояний приближается к обобщенному общественному опыту, что может отчасти объяснить популярность данного жанра и конкретно исполнителей исследуемого лирического контента. Результаты свидетельствуют о том, что образ состояния стабилен, т. е. психо-семантический рисунок состояния вписан в субъективный опыт человека и репродуцируется устойчиво вне контекста ситуации, его актуализирующей.

Выводы

1. Наблюдаются различия понятийных характеристик репрезентаций психических состояний в английской фонетической поэзии музыки кантри и психологических формулировок, которые обусловлены субъективным опытом переживаний состояний, возрастом авторов - респондентов, смысловой нагрузкой, вкладываемой субъектом в определение состояния, а также уровнем психической активности.

2. Репрезентации состояний низкого уровня психической активности характеризуются относительно равномерным заполнением секторов семантических полей по таким показателям как физиологические реакции, особенности поведения, переживания и психические процессы в отличие от положительно окрашенных психических состояний более высокого уровня энергии. В ментальных репрезентациях таких психических состояний преобладают устойчивые ядерные образования по секторам поведенческих и физиологических характеристик и наименее организованными оказываются операнты переживаний, психических процессов, чувств, испытываемых в этом состоянии.

Литература

1. Prokhorov A. O. Mental states representations: phenomenological and experimental characteristics. *Experimental Psychology (Russia)*, 2016, vol. 9, no. 2
2. Брушлинский А.В., Сергиенко Е.А. Ментальная репрезентация как системная модель в когнитивной психологии // Ментальная репрезентация: динамика и структура / Под ред. А.В. Брушлинского, Е.А.Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 1998. 320 с.
3. Алексеева Е.М. Ментальная репрезентация психических состояний: эксплицитный и имплицитный ассоциативные компоненты// Ученые записки Казанского Университета .2015, том 157, кн.4 с.3-4
4. Гостев А.А. Психология вторичного образа. Москва: Институт психологии РАН, 2007. 512 с.
5. Патракеева Е.Б. Авторская песня как песенный текст. Ее особенности и классификация// Концепт. – 2014 Спецвыпуск №13.
6. Прохоров А.О. Образ психического состояния // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 5. С. 108–122.
7. Cooper L.A. Mental Representation of Three-Dimensional Objects in Visual Problem Solving and Recognition // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1990. Vol. 16. № 6. P. 1097–1106.
8. Lukowitsky M.R., Pincus A.L. The pantheoretical nature of mental representations // *Psychoanalytic Psychology*. 2011. Vol. 28. № 1. P. 48–74.
9. Greenwald A.G., McGhee D.E., Schwartz J.L.K. Measuring individual differences in implicit cognition: The Implicit Association Test // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. Vol. 74. P. 1464–1480. doi 10.1037//00223514.74.6.1464
10. Kemp S. Medieval Theories of Mental Representation // *History of Psychology*. 1998. Vol. 1. № 4. P. 275–288.

Ю.М. Закирова
**ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ
ФОНЕТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ В ПРОСТРАНСТВЕ МЕНТАЛЬНОЙ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ**

10. Изард К.Э. Психология Эмоций, СПб: Питер 2000. – С.400
11. Дорфман Л.Я. Эмоции в искусстве: теоретические подходы и эмпирические исследования – М.: Смысл, 1997. – 424
12. Прохоров А. О. Образ психического состояния// Психол.журн.– 2013. -№5. с108-122
13. Патракеева Е.Б. Авторская песня как песенный текст, ее особенности и классификация//Концепт. – 2014, Спецвыпуск №13 с 192
14. Алексеева Е.М. Эмпериико-экспериментальное исследование ментальной репрезентации психического состояния // Материалы Всероссийской науч.конф. ” Экспериментальный метод в структуре психологического знания” – М., 2002. – С. 278-282.

Сведения об авторе

Закирова Ю.М., преподаватель К(П)ФУ, e-mail: yulia_1505@mail.ru

**SEMANTIC PECULIARITIES OF THE PHONETIC LYRICS
IN THE MENTAL STATES' REPRESENTATIONS**

J. Zakirova

Abstract. The paper presents and discusses some results of the study of semantic spaces at the associative level of mental state representations. The association characteristics, density and variability of mental state images of sadness and nostalgia in the country lyrics were examined. At the research method of Association test was used Durante absentia. The obtained data show connections between mental states characterized by high/low level of mental activity and specificity of semantic spaces (the average gap is 19%). The proximity/distance and structuring lexical patterns of mental states' images are shown.

Keywords: mental representation, mental states, semantic space, sense, lyrics

Data about the author

Zakirova J., lecturer of KFU, e-mail: yulia_1505@mail.ru

УДК 81'42

СРЕДСТВА ИНТЕНСИФИКАЦИИ ВИЗУАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ В РАССКАЗАХ ДЖОНА АПДАЙКА

А.Н. Ключева

***Аннотация.** В статье рассматриваются лингвистические средства интенсификации визуальных образов в рассказе «Leaves» современного писателя Америки Джона Апдайка. Цель работы – описать языковые средства интенсификации визуальных образов и доказать их прагматический потенциал. Лингвистический анализ рассказа показал, что среди средств, выражающих интенсификацию описываемого вербально-визуального образа, выделяются такие, которые функционируют на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях языка.*

***Ключевые слова:** интенсификация, визуальный образ, интенсификатор, категория интенсивности, рассказ, Джон Апдайк*

На современном этапе развития науки о языке одной из актуальных тем является тема речевого воздействия, как в текстах художественных произведений, так и в публицистических текстах. Это так называемая речевая манипуляция, которая выражается различными текстовыми категориями (в том числе и категорией выделения [6; 5], категорией интенсивности [15; 12; 11; 1], категорией экспрессивности [7] и др.

Понятие «интенсивность» широко используется, но трактуется по-разному. Интенсивность может выражать субъективную характеристику предмета, признака, явления (действительность), то есть служить средством актуализации субъективной оценки описываемого элемента. С другой стороны, учёные считают, что интенсивность представляет собой выразитель усиленности, которая описывает количественную характеристику признака и выражает «разную (большую или меньшую) проявленность признака» [3]. Но всё же, большинство лингвистов говорят, что посредством категории интенсивности достигается языковая оценка адресантом разных характерных и характеризующих признаков, так как восприятие происходит сквозь призму количественного и качественного измерения воспринимаемых объектов.

В данной статье будем основываться на теоретических принципах категории интенсивности для раскрытия средств интенсификации вербально-визуальных фрагментов художественной действительности. Материалом исследования послужил рассказ «Leaves» из сборника «The Early Stories: 1953-1975» американского писателя Джона Апдайка. Данный рассказ является одним из ярких примеров, в котором актуализируются возможности вербально-визуального представления образов (образа природы и портретное описание). Кроме этого, писатель в данном рассказе раскрывает эмоционально-психологическое напряжение самого писателя, которое было связано с расставанием с женой.

Цель работы – описать языковые средства интенсификации визуальных образов в рассказах Дж. Апдайка и доказать их прагматический потенциал.

Познаваемый мир разнообразен – различается большое число различных видов и форм материи, которые варьируются количественно и качественно, но существуют в материи едино и воспринимаются в объективном мире как целостные визуальные предметы.

Рассматривая вербально-визуальные фрагменты в текстах художественных произведений стоит, все-таки говорить, что средства выражения интенсивности связаны с субъективным (авторским) выбором [6], при котором прослеживается не только прагматическая функция, но и функция «усиленного воздействия» [3]. Поэтому согласимся с утверждением И.И. Туранского, что интенсивность можно понимать, как означающее количество, степень, меру экспрессивности [12].

В теоретические основы по выявлению интенсификаторов в русском и английском языках внесли вклад несколько учёных, из них можно назвать Р. Квирка [17], З.А. Харитончика [14], И.И. Туранского [13], Н.Б. Шипунову [16], А.В. Бондарко [9], В.В. Безрукову [1], З.Х. Раимжонова [8], Н.Е. Горскую, В.Е. Глызину и Е.С. Белоусову [2], Е.В. Те-

рентьеву и А.А. Ефимову [10] и др. Наибольший вклад, в рассмотрение англоязычных интенсификаторов внёс именно И.И. Туранский, который выделил средства выражения интенсивности на различных уровнях языка (фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом). Он понимает интенсивность, как семантическую категорию языка.

Понимая под интенсификаторами лексемы, которые называют определённый признак или качество предмета, а также имплицитно содержат в значении сему интенсивности (указывающую на степень выраженности («проявленности») качества или признака предмета), читатель воспринимает вербально-визуальный фрагмент посредством ассоциативных связей и таким способом познаёт художественную действительность. Иными словами, читателю следует обратиться к своему чувственному опыту для осмысления авторской вербально-визуальной интенции.

В современной лингвистике при анализе художественного текста выделяется два основных направления: – рассмотрение текста от образного замысла к его языковому воплощению и – от особенностей языка к образу. Восприятие художественного текста приходит к читателю от языковой составляющей произведения [4]. Поэтому выбранная тема видится актуальной при анализе визуальных образов.

Итак, возвращаясь к теоретическим разработкам И.И. Туранского [13] будем проводить лингвистический анализ рассказа «Leaves» Дж. Апдайка с выделением лексических, морфологических и синтаксических средств, для определения интенсивности описываемых визуальных образов. В тексте рассказа вербально-визуальными образами являются несколько описательных фрагментов: описание листьев винограда в осенний период, портретная характеристика и образа жены рассказчика-нарратора.

Во-первых, на лексическом уровне языка в тексте рассказа выделяются:

1) прилагательные, которые придают интенсивность содержанию (*crescental fragments, sturdy, absolute light, innumerable barbaric suggestions of scimitars, menacing helmets, unqualified righteousness, the whole furious and careless growth, an irretrievable time, the curious beauty of the leaves, a huge alien presence, its exquisite white legs, incompatible cosmoses, a small elm* [18, pp. 714-718]);

2) наречия-интенсивы или наречия-интенсификаторы (*momentarily sturdy, curiously, alertly frozen, possibly useless, quite various and definite, wantonly, especially handsome, her face utterly white, incongruously usual, insufficiently unlike, unstoppable, cruelly high wall, entirely open* [18, pp. 714-718]);

3) интенсификаторы, которые образованы при помощи словосложения (*still-tender leaves, my wife-to-be* [18, pp. 714-718]);

4) сравнительные выражения или компаративы (*drove through the turning landscape as a man in asbestos cuts through a fire* [18, p. 716]).

Следующий уровень, рассматриваемый нами, будет морфологический. К морфологическим средствам выражения интенсификации визуальных образов в английском языке можно отнести:

1) степень сравнения прилагательных, которые передают степень признака описываемого объекта в абсолютно чистом виде, выделяя дискретную, ступенчатую градуальность (*the hills are almost too modest to bear names* [18, p. 717]);

2) использование Present Perfect или Present Perfect Continuous вместо Present Simple или Past Simple, так как перфектная форма выражает и указывает на результат действия, что способствует усилению интенсивности в описываемом фрагменте (*which I have been living; I have reached through glass and seized him and stamped him on this page; I have tracked the floor with a few dead leaves; the angle of illumination has altered* [18, pp. 714-718]);

3) использование в тексте рассказа эмфатического do (*I dismiss selfconsciousness and do earnestly attend to this minute articulated star hung so pointedly before my face* [18, p. 717]).

Среди синтаксических средств, выражающих интенсивность в рассказе можно выделить следующие:

1) лексический и синтаксический повтор (*It does not stop coming. The pain does not stop coming. Или But I see it; for the first time in months I see it. I see it as a child, fingers gripping and neck straining, glimpses the roof of a house over a cruelly high wall. Или Our bodies are in Nature; our shoes, their laces, the little plastic tips of the laces – everything around us and about us is in Nature <...> [18, pp. 714-718]);*

2) вопросительные предложения, на которые даются сразу ответы (*See him? I do, and <...>; <...> the completely furious and careless growth pruned by explanation, rooted in history, and returned, as it were, to Nature – what then? Is not such a return spurious? Can our spirits really enter Time's haven of mortality and sink composedly among the mulching leaves? No: we stand at the intersection of two kingdoms) <...>; and what are these pages but leaves? Why do I produce them but to thrust, by some subjective photosynthesis, my guilt into Nature, where there is no guilt? Now the marsh, level as a carpet, is streaked with faint green amid the shades of brown <...> [18, pp. 714-718]);*

3) придаточные предложения (*Nature: this morning it seems to me very clear that Nature may be defined as that which exists without guilt. Или The shadows these leaves cast upon each other, though vagrant and nervous in the wind that sends friendly scavenging rattles scurrying across the roof, are yet quite various and definite, containing innumerable barbaric suggestions of scimitars, flanged spears, prongs, and menacing helmets. [18, pp. 714-718]);*

4) сравнительные обороты и плеонастические конструкции (*Yet her body, that natural thing, ignored our catastrophe, and her shape and gestures were incongruously usual. Или <...> weeping yet smiling, stunned yet brave – and felt, unstopably, to my horror, the inner darkness burst my skin and engulf us both and drown our love. [18, pp. 714-718]).*

Итак, на основе выявленного и представленного в данной статье фактологического языкового материала из рассказа «Leaves» явно прослеживается слияние визуального с чувственно-переживаемым. Для усиления эффекта и воздействия на читателя писатель использует языковое выделение, обращая внимание на признаки, качества, состояния и действия объектов и предметов. Нередко встречаются стилистические средства, которые являются преднамеренным использованием мастером слова метафор, сравнений и гипербол для актуализации неожиданного и необычного описания. В тексте наблюдается эмоциональное усиление и переживания рассказчика. Благодаря стилистическим средствам описание образа наделяется особой выразительностью.

Кроме этого, отмечается, что среди лексических единиц выделено много прилагательных и наречий-интенсификаторов. Среди прилагательных проявляется в структуре сем оценочная характеристика (например, прилагательные, которые обозначают количественную оценку признака «много» или «мало»).

В исследовании до сих пор не было упомянуто об существительных интенсификаторах, а ведь именно существительные обозначают предметы и объекты действительности, называют события, качества, состояния и действия. Такие существительные, играющие роль интенсификаторов и реалистически отражают связи с объективной действительностью.

Как было отмечено выше, выбор языковых единиц интенсификаторов в тексте рассказа является прерогативой автора, то есть отражает авторские предпочтения и субъективное отношение. А художественный текст отражает субъективную сторону репрезентации средств интенсификации визуальных образов.

Что касается усиления воздействия на читателя, то средства интенсификации играют здесь не последнюю роль. Думается, что интенсивность раскрывает возможности экспрессивного выражения превалировать над предметно-логическим содержанием художественного текста.

В заключении следует отметить, что в статье был проведён лингвистический анализ одного из многочисленных рассказов американского писателя Джона Апдайка. Анализ показал, что среди средств, выражающих интенсификацию описываемого вербально-ви-

зуального образа, выделяются такие, которые функционируют на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях языка. Используя интенсификаторы в тексте рассказа, писатель делает акценты и подчёркивает важность и экспрессивность в образе. Что делает выбранную тему актуальной для дальнейшего исследования.

Литература

1. Безрукова В.В. Интенсификация и интенсификаторы в языке и речи (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / В.В. Безрукова. Воронеж, 2004. 222 с.
2. Горская Н.Е., Глызина В.Е., Белоусова Е.С. Структурно-семантический аспект существительного в позиции интенсификатора в английском языке // Вестник ИрГТУ. 2015. №6 (101). С. 344-347.
3. Карповская Н.В. Интенсивность атрибутивного признака как лингвопрагматическая категория (на материале испанского языка) // Научная мысль Кавказа. 2010. № 1. С. 176-181.
4. Клемёнова Е.Н., Кудряшов И.А. Герменевтический анализ текста: когнитивные основания // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. № 7. С. 109-113.
5. Клемёнова Е.Н., Кудряшов И.А. Категория выделения. Выбор-выделение в философском и языковедческом аспектах // В сборнике: Актуальные проблемы современной гуманитарной науки: отечественные традиции и международная практика Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Главный редактор А.Д. Петренко. 2017. С. 52-61.
6. Кудряшов И. А. Феномен коммуникативной свободы в устном и письменном дискурсе. Ростов-на-Дону: РГПУ, 2005. 240 с.
7. Лукьянова Н.А. Экспрессивность как семантическая категория // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск: Изд. НГУ, 1991. С. 3–22.
8. Раимжонов З.Х. Категория интенсивности в сравнительно-типологическом освещении // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 20 (274). Филология. Искусствоведение. Вып. 67. С. 114-117.
9. Теория функциональной грамматики: Качественность, количественность / Под ред. А.В. Бондарко. – СПб: Наука, 1996. 229 с.
10. Терентьева Е.В., Ефимова А.А. Количественная определённость признака у относительных прилагательных (потенциальные интенсификаторы) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 1. с. 164-169. doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-164-169.
11. Трошкина А.Н. Номинативный аспект категории интенсивности действия в разноструктурных языках (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук, 2001. 19 с.
12. Туранский И.И. Содержание и выражение интенсивности в английском языке: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / И.И. Туранский. Нижний Новгород, 1990. 310 с.
13. Туранский И.И. Средства интенсификации высказывания в английском языке: Учебное пособие к спецкурсу для студентов педагогических институтов и факультетов иностранных языков / Куйбышевский гос. пед. ин-т. Куйбышев, 1987. 78 с.
14. Харитончик З.А. Имена прилагательные в лексико-грамматической системе современного английского языка. Минск: ВШ, 1986. 96 с.
15. Шейгал Е.И. Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е.И. Шейгал. М., 1981. 244 с.
16. Шипунова Н.Б. Интенсификаторы английского языка в функции усиления значения ключевого слова. М., 1991. 206 с.
17. Quirk R. A Comprehensive Grammar of the English language. / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech. London, 1985. 1779 p.
18. Updike J. Leaves // Updike J. The Early Stories: 1953-1975. New York: Random House Trade Paperbacks by Alfred A. Knopf, Inc, 2003. Pp. 714-718.

Сведения об авторе

Клюева Анжела Николаевна, аспирант Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, e-mail: yoarlen@mail.ru

THE MEANS OF INTENSIFICATION OF VISUAL IMAGES IN JOHN UPDIKE'S STORIES

A.N. Klyueva

Abstract. The article deals with linguistic means of intensifying visual images in the story “Leaves” by the contemporary American writer John Updike. The goal of the work is to describe the language means for intensifying visual images and to prove their pragmatic potential. Linguistic analysis of the story showed that among the means expressing the intensification of the described verbal-visual image, there are singled out those that function at the lexical, morphological and syntactic levels of the language.

Keywords: intensification, visual image, intensifier, intensity category, story, John Updike

Data about the author

Klyueva A., Post-graduate student of the Institute of philology, journalism and intercultural communication, Southern Federal University, e-mail: yoarlen@mail.ru

УДК 81-119

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ВОЛЯ/НЕВОЛЯ» В РУССКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

Ю.А. Латыпова

Аннотация. Образ мира в сознании человека хранится в виде образно-схематических метафор, которые уходят своими корнями в древнее сознание. Одной из наиболее распространенных и известных метафор является образ-схема «свой/чужой». Человеческому сознанию свойственно делить пространство на «свое» и «чужое». Подобное восприятие лежит в основе многих концептов, в том числе концепта «воля/неволя». В данной статье рассматривается реализация концепта «свобода воли» в рамках образно-схематической метафоры «свой/чужой» в среде субъектов, находящихся в заключении.

Ключевые слова: Концептуализация, образ-схема, метафора, дискурс, концепт, концептуальный признак

Когнитивные исследования показывают, что в процессе повседневного рефлексирования над фактами и явлениями объективной действительности любой носитель языка регулярно пользуется двумя дюжинами разнообразных образов – схем и их смысловых трансформаций [1, с. 239]. Многие абстрактные концепты «воля», «свобода», «время», «пространство», «движение» и др. в своем основании имеет инвариантные образные схемы. Среди образов-схем, имеющих наиболее широкое хождение, традиционно выделяют конструкты: «центр/периферия», «источник-путь-цель», «свой/чужой» и др. [2, 3].

Для человека свойственно делание пространства на «свое» и «чужое». Как правило «свое» место обитания ближе, понятнее, привычнее. Субъект входит в согласие с тем местом, где он живет, обитает. «Чужое» пространство не знакомо человеку, воспринимается им как нечто далекое и непонятное. По мнению исследователей, истоки формирования оппозиции «свой/чужой» уходят в первобытном сознании. На начальных этапах первоначально осознается «МЫ» в контексте природы, затем собственно «Я», которое подразумевает противопоставление себя чему-то или кому-то другому, и приобретает этот смысл только в контексте этого противопоставления [4]. Оппозиция «свой/чужой» имеет зеркальную структуру, которая опирается на представление о «Я», субъекте, и отражается в любом другом объекте действительности, способном выстраивать относительно себя сферу «своего», относительно «своего» выстраивать «чужое». Семантика «свойственности» и «чуждости» закрепляется за определенными объектами действительности, которые константно попадают в личную сферу субъекта или константно исключаются из нее [5].

Традиционно, концепт «воля» в русском языке концептуализируется через понятие «свое»: ощущение «свободы, неограниченности» ближе и предпочтительнее для носителей русского языка. Другую ситуацию мы видим, при рассмотрении контекстов, отражающих восприятие «воли» у узников, т.е. субъектов, находящихся в заключении. Два мира: «свободный» и «несвободный» четко разделены между собой и почти не соприкасаются. Эта два абсолютных разных противоположных мира, между которыми находится граница. Субъект относится враждебно к тому, что находится за гранью, не принимается им. «Воля» как правило ассоциируется с «нахождением на свободе, в не заключении» (И.И. Даль). Однако «неволя» воспринимается «своей» для тех, кто находится длительное время в тюрьме, в заключении.

«Воля» и «Неволя» рассматриваются в противопоставлении, как несовместимые и противоположные миры. В тюрьме, в отличие от свободы, спокойно, там нет суеты, спешки: *«Каждому сейчас непередаваемо хорошо и спокойно. Если хочешь – даже на воле редко так бывает, ведь же нету никаких забот и спешки, планов и суеты нет, наши головы обречены на отдых»* (И. Губерман «Прогулки вокруг барака»). По эту сторону границы, в заключении «своя», специфичная жизнь, незнакомая свободному человеку: *«Разговоры о еде, впрочем, были под негласным запретом. А на ужин опять была такая же уха или каша из крупы, никому неведомой на воле»* (И. Губерман «Прогулки

вокруг барака»). Нахождение в тюрьме в представлении узника – это «быть в своем пространстве».

Взаимодействие между субъектами в «неволе» отличаются от обычных отношений. Проживание на «своей» единой территории соединяет то, что невозможно на свободе: *«К нему ходит сюда навещать его побратим и друг Джемал – он осетин, тоже тип вполне открытый и ясный, не приведи Бог быть на воле их врагами. Познакомились и сошлись они на зоне, только не здесь, а где-то рядом, в Ингаше (это такой же точно лагерь, их полно тут)»*. (И. Губерман «Прогулки вокруг барака»). Узники в «неволе» поддерживают друг друга: *«Очень он поддерживал нас, уж не знаю насчет вреда его или пользы для здоровья. Думаю, все-таки, что пользы было много более, чем вреда, ибо он стимулировал дух, он бодрил нас, цифирь, а главное – он соединял нас. Ничего важнее этого я не знаю для человека в неволе»* (И. Губерман «Прогулки вокруг барака»).

Тем не менее, нет «глухой стены» между «внутренним невольным» и «внешним вольным» миром. Субъекты связаны с «волей» своей деятельностью: *«Комбинат был небольшой, но от него зависело все строительство большого северного города, что знал план, сдавал квартиры, строил детские сады, ясли и пивные бары – в общем, создавал всю ту инфраструктуру, без которой и вышедшему на волю щипачу, и домушнику тоже не прожить. Таким образом, сидящий здесь уголовный элемент создавал по мере возможностей свой рынок труда»*. (Л. Костомаров «Земля и небо»). Человек привязывается к своему труду, и остается там же, после выхода на свободу: *«Поселок, "старый город", построен руками моих питомцев; школа, библиотека, больница, клуб – все это эзковские мозоли, досрочные освобождения за ударный труд, пот и возможность забыться в долгих годах неволи. А еще вот те деревянные заборы, вышки, проволочные ограждения, что опоясывают низину у подножья холма, сами же для своей охраны возвели, своими руками... Освободившись, многие остаются работать здесь, это их город»* (Л. Костомаров «Земля и небо»).

Переход через границу из «своего мира» в «чужой мир», как правило, связано с кризисом, как в одну сторону, так и в обратную. Например, переход из «воли» в «неволю» может восприниматься субъектом не совсем справедливым явлением, которое совершилось по воле судьбы: *«Был я в неволе уже год. Повернулось где-то невидимо лотерейное колесо судьбы, а замшело-архаичные слова эти, если чуть поиграть ими, превращаются в судебное колесо»*. (И. Губерман «Прогулки вокруг барака»). Человек попавший в «неволю» отличается от основной массы: *«И весьма точно, ибо я читаю его опусы на расстоянии и должен заметить, что пишет он жесткий реализм и сам несколько отличается от всех. Интеллигент, светлая голова, на воле – предтеча новых направлений в чудной науке биокибернетике, он в силу воистину невятных причин зачем-то помещен их репрессивной машиной в этот приют скорби и пороков. Ценность такового шага для страны сомнительна, сообразность наказания содеянному относительно, только лукавый в силах объяснить его здесь нахождение»* (Л. Костомаров «Земля и небо»).

При попадании в «неволю» субъект адаптируется к чужой территории. Тюрьма – это место, которое не принимает людей с добрыми намерениями: *«Ты неизлечимо болен очень редкой даже на воле болезнью – ты ко всем суешься с добром. А на зоне это не просто глупо, это опасно. Добро можно делать только в случае крайней необходимости, а по возможности – совсем не надо делать»* (И. Губерман «Прогулки вокруг барака»). Находясь в неволе, человек изживает лучшие качества, адаптируется: *«Тут я обиделся и стал поступать по настроению. Каждый раз мучаясь, когда проявлял жадность и зажимательство, и не менее того сожалая, когда расщедривался, как на воле. А потом я не заметил и сам, как прижился и обжился на зоне»*. (И. Губерман «Прогулки вокруг барака»).

И наоборот, при переходе из «неволи» на «волю», человек чувствует дискомфорт, не желает расставаться со «своим миром» в «неволе». Субъект воспринимает выход на «волю» как попадание в «чужой мир». Человек, привыкший жить в заключении боится

выходить наружу, покидать привычную жизнь: «*Даже если не пристроим вас на воле, все равно придется вас освободить, – спокойно заметил майор, пропустив мимо ушей угрозы. – Закон есть закон*» (Л. Костомаров «Земля и небо»). «Воля» как «чужой мир» не принимает человека из заключения. Узники, которые провели много времени по эту сторону границы, не могут адаптироваться на свободе: «*Необузданный гнев, ощущение физического превосходства служат дурную службу многим, кто на моем веку слыл в Зоне настоящими парнями, рыцарями без страха и упрека. Выходя на волю, где взаимоотношения людей строятся часто на подлости, открытой лжи и оскорблениях, эти умеющие постоять за себя братки Зоны без лишних объяснений расправляются с обидчиком*». (Л. Костомаров «Земля и небо»). Субъект из заключения, не может сдерживать себя и продолжает жить по своим тюремным законам: «*Часто это случается глупо, можно бы отшутиться или просто уйти от гадливого человека. Но у них всё всерьез и на полном накале страстей. Результат – все та же Зона, откуда и сунулся браток в вольный мир со своим уставом*». (Л. Костомаров «Земля и небо»).

Оказавшись по ту сторону границы, на воле, узник возвращается назад: «*Смелчак Жаворонков отдыхал на воле всего месяц – к заморозкам на политинформации нам сообщили: взят, на квартире у первой жены. Искали у последней, а он был у той, первой. Не сопротивлялся, улыбался. Когда везли, беспечно распевал песни*». (Л. Костомаров «Земля и небо»). Не готовность выйти на «волю»: «*Сопит, убить готов, глаз красный на меня косит, гаденыш. – Ничего ты не понял, говорю. – Еще тебе надо посидеть, наверно. Впрочем, гулять с твоим характером на воле недолго придется*» (Л. Костомаров «Земля и небо»). Бывшие узники возвращаются в заключение как к себе домой: «*Этот же Лебедушкин, озлобленный на весь белый свет, поставивший крест на своей молодости, появился в Зоне уже как ее человек, которого воля отторгла потому, что в ее подлые законы он не вмещался. Лебедушкин пришел в Зону уже окрепшим бойцом, которого предыдущее зло в его нескладной жизни вынуждало на постоянный отпор*». (Л. Костомаров «Земля и небо»)

Находясь в заключении, человеку свойственно стремление к свободе: «*Медведеву отчаянно захотелось быстрее выскочить с вахты в обратную сторону – на волю и побежать домой, а там скинуть галифе, китель, встать под душ и долго-долго мыться, постепенно забывая про Зону и Баклановых, Синичкиных*» (Л. Костомаров «Земля и небо»). Человек привязан к «воле» и готов на все ради того, чтоб оказаться там: «*Синичкин, любимец курса, позер, человек тонкий и нервный, любитель девочек и крепкого столичного кофе, лежал в углу барака, предвкушая близкую волю, готовый на все ради нее*» (Л. Костомаров «Земля и небо»). Некоторые запасаются терпением, ради выхода на «волю»: «*И он терпел, потому что знал это все ради того, чтобы однажды выйти на волю целым и невредимым, сохранить зубы и ребра и увидеть свой балетный класс*» (Л. Костомаров «Земля и небо»). Думать о «воле» долгие годы в заключении: «*Оправившись тогда от страха и боли, он со сладостным ужасом ждал снова нечто подобное, и в балетной среде пришло оно к нему неизбежно и, как оказалось, навсегда... часто он вяло думал, что лучшие годы его жизни прошли в тюрьме, где он хоть к чему-то стремился – к воле, скажем.*» (Л. Костомаров «Земля и небо»).

Ощущение несвободы угнетает, вызывает чувство раскаявания: «*Все это не могло, безусловно, хоть на миг заглушить им тяжкое состояние неволи – безнадёги, под стать которому складываются и мысли, и чувства. Одному состоянию это нашептывает раскаяние, а от него и к высотам нравственным, к очищению – один шаг*». (Л. Костомаров «Земля и небо»). В заключении раскрываются черты, которых невидны на воле: «*Но и над теми, и над другими ежедневно висит тоскливое осознание своей отверженности, ненужности, и тем унижительнее становится существование. Именно в такой миг чаще и раскрывается вся человеческая сущность, старательно скрываемая на воле*». (Л. Костомаров «Земля и небо»)

Несмотря на то, что концепт «воля» в восприятии тюремщика предстает как «чужой мир», в глубине души он готовится к ней: *«Это я в тридцать седьмом наколол. Чтоб не расстреляли. Тогда ведь как было: если... он у меня на сердце, – показал на грудь, – стрелять, значит, не будут. А теперь-то зачем? На волю скоро. Вот ляписом и ножичком решил свести со своего сердца мавзолей. Не совсем удачно, согласен».* (Л. Костомаров «Земля и небо»). Человек, ради свободы, готов вытерпеть многое: *«И он терпел, потому что знал это все ради того, чтобы однажды выйти на волю целым и невредимым, сохранить зубы и ребра и увидеть свой балетный класс».* (Л. Костомаров «Земля и небо»). В отличие от свободы, люди хоть к чему-то стремятся, к воле, например, *«Оправившись тогда от страха и боли, он со сладостным ужасом ждал снова нечто подобное, и в балетной среде пришло оно к нему неизбежно и, как оказалось, навсегда... часто он вяло думал, что лучшие годы его жизни прошли в тюрьме, где он хоть к чему-то стремился – к воле, скажем».* (Л. Костомаров «Земля и небо»)

Граница между «волей» и «неволей» болезненно обрывает связи между людьми: *«Ожидая этапа, встретиться на воле мы не договаривались, хотя очень этого хотелось обоим, но еще впереди были годы, а он знал, как меняет людей лагерь, и молчал, не прося у меня адрес, молчал и я, полагая, что не стоит навязываться».* (И. Губерман «Прогулки вокруг барака»). Субъект, оказавшись в неволе, оставляет нечто дорогое на свободе, пробуждающие в нем чувства долга и совести: *«Обещаю тебе, что сохраню его до воли и вынесу, ты его тогда прочтешь, но уже тебе не будет страшно. Очень мне не хочется тебя волновать, очень больно думать, что от меня, и только от меня – все твои неприятности последних лет. Знаешь, интересно, что чувство вины перед близкими очень обостряется в неволе – отсюда, наверно, такое количество покаянных сентиментальных песен, обращенных к матерям и подругам. Я это испытал сполна».* (И. Губерман «Прогулки вокруг барака»). Связь с «волей» обостряет чувство «неволи»: *«И внезапные, беспричинные – от обострения вдруг чувства неволи. Не из лучших и очень странное состояние. У меня они от писем были. И чем лучше, чем роднее были письма, тем острее были недолгие гонки».* (И. Губерман «Прогулки вокруг барака»)

Таким образом, анализ дискурса показал, что «воля» воспринимается субъектами в заключении как «чужой мир», враждебный мир. А «неволя» – это «свой мир», более понятный и знакомый. В «своем мире» субъект чувствует себя комфортно, можно выделить следующие концептуальные признаки: «неволя – свой мир», «в неволе – свои люди», «случайное попадание в неволю», «адаптация к неволе», «привязанность к неволе». «Воля» – это «чужой мир»: «воля – мир враждебный», «неприятие законов воли», «обладание связью с волей», «стремление к воле», «готовность к воле».

Литература

1. Агапова М.Н. Семантический компонент «свое – чужое» в фольклорном тексте // Коммуникативные аспекты языка и культуры. Сб. науч. статей и тез. – Томск: Изд-во ТПУ, 2001. С. 66-69.
2. Латыпова Ю.А. Концептуальные метонимические модели в основе развития концепта воля // Актуальные научные исследования в современном мире. Переслав-Хмельницкий, Сборник научных трудов, декабрь 2016, выпуск 12 (декабрь) (20), часть 4. С.125-129.
3. Латыпова Ю.А. Динамические образ-схемы в основе дискурса (на материале концепта «will») // Актуальные проблемы теоретической и прикладной филологии: материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной 35 летию кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов (г. Уфа, 11-12 апреля 2017 г.) / отв.ред. А.Р. Мухтаруллина. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. С.160-173.
4. Латыпова Ю.А. Функционирование образ-схемы «свой/чужой» в структуре концепта «ихтияр» в дискурсе // Актуальные проблемы теоретической и прикладной филологии: материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной 35 летию кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов (г. Уфа, 11-12 апреля 2017 г.) / отв.ред. А.Р. Мухтаруллина. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. С.173-181.
5. Gibbs, R. W. The Cognitive psychological reality of image schemas and their transformations / H.-L. Colston, R. W. Gibbs // Cognitive linguistics: basic readings / ed. by D. Geeraerts. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2006. – P. 239–268.
6. Гребенщикова Н. Понятие воля в русском языковом сознании // Вопросы функциональной грамматики. Гродно, 1998.

7. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988. С. 8-70.
8. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания / Ю. С. Степанов. – М.: Просвещение, 1975. – 271 с.

Сведения об авторе

Латыпова Ю. А., ассистент ФГБОУ ВО БашГУ, e-mail: Dzulija.latipova@yandex.ru

**SPACE ASPECT OF REALIZATION OF THE CONCEPT "FREEDOM/SLAVERY"
IN RUSSIAN DISCOURSE**

Yu.A. Latypova

Abstract. The image of the world in the mind of man is stored in the form of figurative and schematic metaphors, which are rooted in the ancient consciousness. One of the most common and well-known metaphors is the image-scheme "our/others". Human consciousness is inherent in dividing space into "ours" and "another's". This perception underlies many concepts, including the concept of "freedom/slavery". This article deals with the implementation of the concept of "freedom of the will" within the framework of the figurative-schematic metaphor "ours/ another's" among the people in a prison.

Key words: Conceptualization, image schema, metaphor, discourse, concept, conceptual feature

Data about the author

Latypova Yu. Lecturer of Bashkir state university, e-mail: Dzulija.latipova@yandex.ru

УДК: 821.111(73)

**ОБРАЗ АМЕРИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПИСАТЕЛЕЙ
«ПОТЕРЯННОГО ПОКОЛЕНИЯ»:
Д. ДОС ПАССОС, Э. ХЕМИНГУЭЙ, Ф. СКОТТ ФИЦДЖЕРАЛЬД**

М.Е. Смоленцева, О.В. Бодров

***Аннотация.** Данная статья описывает Америку и то, каким образом ее изобразили классики периода «потерянного поколения». Анализируются некоторые произведения авторов с целью анализа основных аспектов духовной жизни Соединенных Штатов Америки в период между войнами. Автор также дает собственные выводы, подтвержденные фактами из жизни писателей.*

***Ключевые слова:** Ф. Скотт Фицджеральд, Э. Хемингуэй, Д. Дос Пассос, война, Америка, «потерянное поколение», литература*

Литература всегда была ключевым элементом развития общества и культуры. Благодаря этому феномену сохранялись целые временные периоды, описанные в творениях великих писателей. Глубокие знания в области литературы считались важным показателем общего развития человека, а те, кому был присущ писательский талант, относились к элитному обществу.

Писатели издавна зашифровывали в своих творениях некий скрытый смысл, чтобы придать им загадочности и заинтересовать читателя. Эти образы отличались друг от друга, как и стили самых писателей. Кто-то видел в них пророчества, а кто-то – проклятия. Иногда же автор лишь подсознательно помещал те или иные мысли в произведение, не закладывая никаких особых поучений.

Писатели, о которых пойдет речь далее, много чем отличались – условиями жизни, опытом, стилем написания. Но их объединяет то, что их творчество стало частью фонда для так называемого «потерянного поколения» [4; 71-72]. В историческом контексте потерянное поколение – это молодые люди, призванные на фронт и рано начавшие убивать, после окончания боевых действий, которые так и не оправились. П. Длугош в своих исследованиях указывает, что такой феномен весьма прискорбен для государства, поскольку самые юные граждане, цвет нации теряют всякий интерес к жизни и не в силах работать на благо страны [4; 72]. Однако в литературном смысле это те писатели, которые жили и творили в период между двумя войнами – Первой мировой и Второй. Так, Э. Хемингуэй не понаслышке знал о перипетиях на фронте, поэтому его творчество наиболее точно передает дух того времени.

Он является одним из самых ярких представителей своего времени, в своем творчестве отразившим всю трагедию войны в жизни людей, также того, каким же образом они переживали эти сложности. Узнаваемость писателя обусловлена специфическим стилем работы, суть которого в двойственности событий – с одной стороны изображается война во всех ее проявлениях, а со второй – обыкновенные люди, которые любят и ненавидят. Совершенно противоположным является творчество Д. Доса Пассоса. Оно в какой-то мере, суховатое и прямолинейное. Рассказывая о войне и происходящем в это время, он редко обращается к метафорам, высказывая свое мнение четко и ясно. Также он не использует методику двойственного повествования, а описывает события, связанные с персонажами, фоном отмечая всё, что происходит в стране.

Указанные писатели отличаются друг от друга в корне. Но, Ф. Скотт Фицджеральд противопоставлен им больше всего, поскольку его романы полны праздности и беззаботности. В них описывается жизнь не простых смертных, как у Д. Доса Пассоса и Э. Хемингуэя, а людей, которым в жизни повезло больше и у них есть деньги, недвижимость. Главное, война им угрожает не так сильно, как героям вышеупомянутых авторов. Этот контраст между ними позволяет понять и полностью оценить сложившуюся ситуацию в годы войны.

П.В. Лапшин отмечает, что узнаваемым литературным приемом Э. Хемингуэя является «принцип айсберга». Он заключается в создании «двойной оптики» художественного изображения. Результатом такого приема предельно «просто» и «аскетично» построенный сюжет насыщается сложным подтекстом, в котором сосредотачивается все богатство смыслов, эмоций, психических реакций, символов, ассоциаций. Таким образом, внешне не выходя за рамки лаконичного, документально «сухого» повествования, писатель охватывает скрытую за поверхностью вещей и событий глубинную «правду жизни». Использование такого приема направлено на то, что, автор, опуская важные детали, «прячет» их в тексте, чтобы читатель смог ощутить это так, как будто бы об этом было написано. Это написано в 1932 г. самим писателем. «Я всегда старался писать по принципу айсберга. На каждую видимую часть семь восьмых его находится под водой. Все, что вы знаете, вы можете опустить, и это только укрепит ваш айсберг. Это его невидимая часть. Если писатель опускает что-то, потому что он не знает, в истории появляется дыра» [5, с. 1-2].

В творчестве писателя часто также проскальзывает и антивоенный пафос. Особенно четко это видно в романе «Прощай, оружие!», в попытках героев сбежать от преследующей их войны. Это демонстрирует не только побег от войны, а и от самих себя, поскольку взрослея, они не понимали, как жить дальше. Главный герой избирает этот путь не потому, что он трус – война кажется ему бессмысленной: то его несправедливо награждают медалью, то так же несправедливо собираются расстрелять. Бросая оружие, он высказывает протест против войны, а когда его любимая умирает, Генри теряет надежду на будущее. Так, Б.А. Гиленсон считает, что один из выводов, который можно сделать из этого, это то, что мир найти невозможно, война жива в душах людей, она – везде [1].

Но не только образ войны силен в произведениях того времени. Часто говорится и о странах, как отдельных образах, воплощающих те или иные задумки. Так, например, Америка в романах Эрнеста Хемингуэя часто имеет мрачный, неприятный оттенок. Возможно, это фильтр войны так влияет на точку зрения читателя, вызывая неприязнь к стране.

Образ Америки в творчестве Д. Дж. Пассоса трагически пессимистичен, и писатель уверен, что те идеалы, которые проповедовали отцы-основатели, мертвы для современных американцев. Последние утратили связь со своими прошлыми корнями. Жизненное пространство для Дж. Пассоса оказывается замкнутым, в нем нет образа американского героя, который способен умереть за современную Америку, и писатель не видит пути к возрождению традиций национальной идентичности.

Американская ферма рисуется у Дж. Пассоса как место, где удалось сохранить человечность, но невежественность ее обитателей, невнимание к духовной составляющей жизни, незнание прошлого своей страны может разрушить их мир, и, рано или поздно, город и губительный процесс урбанизации поглотят их.

В произведениях Дж. Пассоса мы не находим американского героя. Это люди, смирившиеся с законами социума, амбициозные гордецы или бродяги. Но, как считает Варламова Е. В., в своих героях писатель видит лишь бездуховное стремление к финансовому и жизненному комфорту и благополучию [2, с. 15-17].

Резко контрастирует с предыдущими писателями Ф. Скотт Фицджеральд. В его произведениях мы видим Америку в руинах, но это не похоже на Пассоса или Хемингуэя. Как указывает М.М. Коренева, Америка в его романах поднимается с колен, изображается праздничной и полной жизни. Конечно же, первой из ассоциаций является то, что это – лишь пир во время чумы. Но на самом деле, это праздник, чтобы забыть о наступающей войне и сопутствующих проблемах. Так героям проще переживать угнетающее бремя кризиса, войны и всего другого. В «Великом Гэтсби» это заметно сквозь внешний шик событий, как и в романе «Ночь нежна». До героев постоянно долетает эхо дальних событий, но они слишком заняты собственными переживаниями и проблемами [3].

Фицджеральд выступил первооткрывателем не только в сфере социального видения и проблематики, но и в области поэтики. Среди крупных американских писателей XX века он первым начал развивать в своем творчестве принцип лирической прозы. Тем самым Фицджеральд стал зачинателем одного из наиболее плодотворно развивавшихся прозаических жанров нашего времени. При жизни писателя, к сожалению, значение его художественных открытий, сама их природа были далеко не так ясны, как теперь. Творческие поиски Фицджеральда в этой области немало содействовали становлению ряда виднейших американских романистов как мастеров лирической прозы. Среди них, прежде всего, нужно назвать Хемингуэя и Томаса Вулфа. С годами значение его художественного опыта для американской литературы неуклонно возрастало.

Если же анализировать в совокупности, то взгляды на Америку у этих трех писателей весьма отличаются друг от друга, как и у всего литературного мира вообще. Это связано, в первую очередь, с собственным жизненным опытом. Хемингуэй, пройдя войну, уже не мог смотреть на родную страну как раньше, разочаровавшись во многом. Этот же тон задан и в произведениях Пассоса. Но Фицджеральд разбавляет это своим праздничным и беспечным описанием.

Но, возвращаясь к пространству произведений Д. Дос Пассоса, стоит отметить, что оно замкнуто, лишено линейной направленности в перспективу. Его взгляд на будущее Америки пессимистичен, он видит ее как неизменное общество людей, подавляемых унифицирующими законами социума. Идеиное содержание его произведений не способствует возрождению традиционной национальной идентичности. Это подчеркивает и отсутствие образа американского героя в его творчестве. Д. Дос Пассос видит будущее страны в слиянии природного знания, фермерского уклада как средоточия пуританских ценностей и европейских культурных традиций (однако писатель не находит этот «тандем» осуществимым, объединение всех трех типов знания, по его мнению, недостижимая для американского общества задача).

Образ Америки первой половины XX века в произведениях всех трех писателей передается, в первую очередь, с помощью особой картины национального пространства этого периода. Острота переживания утраты основных звеньев культуры порождает тему возрождения былых идеалов, основных элементов американской национальной идентичности. Каждый из писателей по-своему видит будущее своей страны, которое зависит во многом от того, какие элементы национальной идентичности американцы выберут как основополагающие.

Таким образом, на первый взгляд, Америка в романах этих писателей показывается совершенно разной. Для Э. Хемингуэя – это мрачная, темная страна с реалиями войны, отдающими на каждом шагу; Д. Дос Пассос видит в ней такую же тьму и не верит, что светлое будущее все же возможно; ну, а Ф. Скотта Фицджеральда мы встречаем героев, для которых война и разруха – лишь слова в заголовках газет. Они праздны и беззаботны, но реальность всегда стоит темным силуэтом у них за спинами. Объединяет этих писателей стремление донести правду в том виде, в котором она им знакома – сурова, безмятежна или одурачивающе четкая. Поэтому ознакомиться с их творчеством стоит комплексно, что позволит ощутить этот контраст и полностью понять каждого из них, осознав скрытый смысл в их творениях.

Литература

1. Гиленсон Б.А. «Анализ романа Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!»»// История литературы США, Москва, "Академия", 2003. [Электронный ресурс. Режим доступа – <http://hemingway-lib.ru/analiz-proizvedenii/gilenson-analiz-romana-e-khemingueya-proshaj-oruzhie.html>]
2. Варламова Е. В. «Образ Америки в литературе США первой половины XX века (Ш. Андерсон, Д. Дос Пассос, Т. Уайлдер)»//Библиотека имени Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, 2010 г. [Электронный ресурс. Режим доступа – <http://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/92326/2010-081.pdf?sequence=1>]

3. Коренева М. М. «Ф. С. Фицджеральд. Человек. Писатель. Судьба»//М., Молодая гвардия, 1981 г. [Электронный ресурс. Режим доступа – <http://fitzgerald.narod.ru/critics-rus/koreneva-chelpissudb.html>]
4. П. Длугош. «Потерянное ли поколение? Патриотизм, отношение к другим народам и оценка жизненных шансов обучающихся в Польше украинских студентов»//Социологические исследования: «Молодежь в Центральной и Западной Европе», 1 (3), 2015 г. [Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.ur.edu.pl/file/95018/Dlugosz%20%D0%9F%D0%9E%D0%A2%D0%95%D0%A0%D0%AF%D0%9D%D0%9D%D0%9E%D0%95.pdf>]
5. Лапшин П. В. «Образ литературного героя «Потерянного поколения» в творчестве Эрнеста Хемингуэя»// Электронное периодическое издание для студентов и аспирантов "Огарёв-online". Культурология, вып. №11, 2016. [Электронный ресурс. Режим доступа – <http://docplayer.ru/45460185-Lapshin-p-v-obraz-literaturnogo-geroia-poteryannogo-pokoleniya-v-tvorchestve-ernesta-hemingueya.html>]

Сведения об авторах

Смоленцева Маргарита Евгеньевна, студентка Института международных отношений, истории и востоковедения КФУ, e-mail: Tusya-margusya@mail.ru; Бодров Олег Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент КФУ

IMAGE OF AMERICA IN THE WORKS OF WRITERS OF THE "LOST GENERATION": D. DOS PASSOS, E. HEMINGWOY, F. SCOTT FICHERHERALD

M.E. Smolentseva, O.V. Bodrov

Abstract. This article describes America and how it was portrayed by the classics of the "lost generation" period. The main works of the authors are analyzed with the aim of highlighting the main aspects of the demonstration of America as a state in the period between wars. The author also gives his own conclusions, confirmed by facts from the life of writers.

Key words: F. Scott Fitzgerald, E. Hemingway, D. Dos Passos, war, America, "lost generation", literature

Data about the authors

Smolentseva M., student of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies of KFU, e-mail: Tusya-margusya@mail.ru; Bodrov O., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of KFU

УДК 81

ИЗУЧЕНИЕ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ МЕТОНИМИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

И.А. Тухватуллина

Аннотация. В данной статье кратко изложены различные научные подходы отечественных и зарубежных авторов в исследовании паремий метонимического характера.

Пословицы и поговорки метонимического характера являются наименее изученной частью современной паремиологии. Актуальность этой работы связана с растущим интересом к восточным и европейским языкам и межкультурной коммуникации, поскольку паремиологические подразделения содержат конкретные знания о людях, говорящих на языке, их культуре и истории.

Ключевые слова: паремии, метонимия, пословицы, поговорки, исследование, образование

Паремиология как филологическая наука нового времени ведет свой отсчет с XIX в. Она изучает пословицы и поговорки, которые привлекают внимание как фольклористов, так и языковедов, применяющих при этом литературоведческие и лингвистические методы исследования. Являясь частью культуры данного народа, паремии всегда оставались и останутся актуальными.

Активное изучение пословиц началось во второй половине прошлого века и увеличилось число теоретических работ, посвященных этой проблеме. Была намечена обобщающая теория, опираясь на которую, можно вести паремиологические исследования более конкретно, с разных исходных позиций. Вопросами паремиологии в нашей стране занимались известные ученые: В. П. Аникин, А.Н. Афанасьев, С.Г. Бережан, М.А. Вавилова, М. А. В. И. Даль, Г. Л. Пермяков, В. П. Жуков, В. М. Мокиенко, Ю. Е. Прохоров, М. Ю. Котова и др.

В. И. Даль рассматривает пословицу как продукт исключительно народной среды общения: «Что за пословицами и поговорками надо идти в народ, в этом никто спорить не станет, в образованном и просвещенном обществе пословицы нет. Готовых пословиц высшее общество не принимает, потому что это картины чуждого ему быта, да и не его язык; а своих не слагает, может быть, из вежливости и светского приличия: пословица колет не в бровь, а прямо в глаз» [1,16].

По мнению А.И. Молоткова, «пословица в обобщенном виде констатирует свойства людей и явлений ('вот как бывает'), даёт им оценку ('то хорошо, а это плохо') или предписывает образ действий ('следует или не следует поступать так-то'). Обязательное наличие обобщения и весьма частое оценочно-предписывающее содержание образуют характерный для пословиц назидательный смысл» [Молотков 2001].

Г. Л. Пермяков проводит границу между пословицей и поговоркой по формальному, структурному критерию. В его определении пословица – это замкнутая, целиком клишированная структура (Мал золотник, да дорог), поговорка – незамкнутая структура, изменяемая или дополняемая в речи (Стреляет из пушки по воробьям – Он/Она/Петр стреляет из пушки по воробьям) (Пермяков 1970).

Наряду с фольклористским, литературоведческим подходами к исследованию пословиц и поговорок в XXI в. возник еще один, собственно лингвистический. Пословицы и поговорки оказались интересны исследователям в различных аспектах: стилистическом, лексическом и грамматическом.

Эти аспекты были отражены в различных научных трудах Н. Д. Арутюновой, В. В. Виноградова, А. М. Бабкина, И. Р. Гальперина, Ю. А. Гвоздарева, Ф. Г. Гусейнова, Л. Я. Костючука, В. М. Мокиенко, А.И. Молоткова, А. Г. Назаряна, М. Ф. Палевской, А.А. Потеня, А. И. Федорова и многих других лингвистов.

Из зарубежных авторов следует выделить В. Мидера, А. Дандиса, Х. Касареса, А. Тейлора, Р. Норрика, Э. Штрауса и т.д.

Глубокое лингвистическое изучение особенностей паремий метонимического характера началось относительно недавно. Но первые попытки можно зафиксировать в трудах русских филологов Ф. И. Буслаева и А. А. Потебня, которые рассмотрели метонимию не только как явление психологического плана и троп, способствующий украшению речи, но и как закономерное языковое явление. Правда, их подход к метонимии был не исключительно семантическим, а общелингвистическим. Ученые определяли роль метонимических ассоциаций "в образовании языка". Поэтому исследовалось не только появление метонимических значений у слов, а и любое иное отражение метонимических ассоциаций (т.е. отношений смежности, связи) в единицах языка и речи, зачастую сопровождавшееся различными морфологическими и синтаксическими изменениями.

Вопрос о закономерности языковых изменений становится в лингвистике одним из центральных. В конце XIX века он занимал в равной мере зарубежных и русских языковедов. Современник А. А. Потебни, видный немецкий младограмматик Г. Пауль усматривал основу языковых изменений в психической деятельности индивида и действии аналогии. По Г. Паулю, изменение значения слова происходит по большей части бессознательно. Однако наряду с этим осуществляются и осознанные процессы: возникновение метафор и перенос названия на основе пространственных, временных или каузальных связей (208). Таким образом, у Г. Пауля метонимия выступает как одно из закономерных осознанных языковых изменений.

Мысль о существовании универсальных семантических законов поддерживает современный советский лингвист В. Г. Гак. Ссылаясь на Ф. Де Соссюра и Р. Якобсона, В. Г. Гак замечает, что мысль переходит от одного предмета (понятия) к другому через связь их по сходству или смежности. Психические ассоциации в принципе едины у разных народов. Поэтому "метафора и метонимия являются двумя универсальными семантическими законами" (69, 35). Однако, рассуждая о метонимии, В. Г. Гак указывает на своеобразии ее проявления, на предпочтении тех или иных видов метонимического переноса.

Отграничивая речевую метонимию как стилистический прием от языковой как способа образования новых слов, И. Р. Гальперин называет метонимию "способом косвенной характеристики явления путем выделения одного из постоянных, переменных или случайных признаков этого явления, причем, – замечает стилист, – художественная метонимия чаще всего строится на выделении случайного признака, который в данной ситуации представляется автору существенным.

Современные зарубежные исследователи стремятся выделить и описать определенные пословичные маркеры. Как считает В. Мидер, чем большим количеством маркеров обладает изречение, тем оно «провербиальнее» (10, 162). К пословичным маркерам, как правило, относят фонетические маркеры (аллитерацию, ассонанс, рифму, ритм), семантические маркеры (олицетворение, гиперболу, парадокс, иронию, метафору, сравнение), грамматические маркеры (например, частое отсутствие артикля, отсутствие личных местоимений, параллелизм синтаксической структуры), лексические маркеры (архаизмы и историзмы) (Abrahams 1994; Arora 1994; Mieder 1995; Obelkevich 1994). В основном перечисленные маркеры рассматриваются как характерные признаки пословицы, но не как основа для ее разграничения с близкими паремиологическими единицами.

Важным признаком пословицы считается фактор традиционности, понимаемой как длительное и широкое употребление в народной устной речи (Aroga, Mieder, Obelkevich, Rogers). В то же время, как отмечает В. Мидер, всеми подчеркиваемую традиционность очень сложно определить, так как это требует проведения дополнительных исследований в каждом отдельном случае. Кроме того, существуют изречения, использующиеся только в очень узких социальных группах, тем не менее обладающие достаточным набором характеристик, чтобы отнести их к разряду пословиц.

Согласно Руису де Мендосе пределы метафоры и метонимии не очень понятны, так как мы можем использовать метафоры предикативно или метонимии ссылочно, и потен-

циальная метонимия обладает метафорической чертой, среди прочего. На самом деле, единственным отличительным критерием между метафорой и метонимией заключается в том, что метонимические отображения домена содержат отношение включения домена, а внешние отображения домена являются правильными метафорами, т. е. отображение происходит через домены. Это объясняет, почему авторы, такие как Kövecses & Radden (1999) и Panther & Thornburg (1999), похоже, защищают что метонимия необходима для интерпретации пословиц. В связи с этим Руис де Мендоса считает, что взаимосвязь между двумя идеализированными когнитивными моделями, присутствующими в пословицах (конкретных и общих), находятся в состоянии ожидания.

Следует отметить, что роль метонимии при ее применении в паремиях состоит в том, что усиливается выразительность речи, этот троп свидетельствует о богатстве лексики. Предназначение метонимии заключается в восприятии связи нескольких понятий по смежности, часто не имеющих одного рода.

Литература

1. Даль В. И. Пословицы русского народа. – М.: ННН, Эксмо-Пресс, 2000. С.16.
2. Даль В. И. Пословицы русского народа. – М.: Издательство Эксмо, Изд-во ННН, 2003. – 616 с.
3. Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. – М.: Просвещение, 1978. – 157 с.
4. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Русский язык, 1998. – 544 с.
5. Пермяков Г. А. От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише). – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1970. – 240 с.
6. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2 т. М., 1989 (1-е издание).
7. Потехина А.А. Из лекций по теории словесности / Русское устное народное творчество. Хрестоматия по фольклористике. Под ред. Ю. Г. Круглова. – М.: Высшая школа, 2003. – С.149-159.
8. Рыбникова М.А. Русская поговорка / Русское устное народное творчество. Хрестоматия по фольклористике. Под ред. Ю. Г. Круглова. – М.: Высшая школа, 2003. – С.159-166.
9. Dundes A. Interpreting Folklore. Indiana University Press.1980:21
10. Meider, W. Dundes, A. (1995). The Wisdom of Many: Essays on the Proverb, (Ed). NewYork: Garland.
11. Mieder, W. (2005). A proverb is worth a thousand words: Folk wisdom in the modern mass media. Proverbium, vol. 22, p. 167 – 234.
12. Mieder, W. (2012). Think outside the box: Origin, nature, and meaning of modern Anglo-American proverbs. Proverbium: Yearbook of International Proverb Scholarship, vol. 29, p. 137-196.
13. Norrick, N.R. (1985). How Proverbs Mean? Semantic Studies in English Proverbs. Amesterdom: Mouton.
14. Norrick, N.R. (2014). Subject area, terminology, proverb definitions, proverb features. In H. Hrisztova-Gotthardt.

Сведения об авторе

Тухватуллина И.А., Преподаватель Казанского (Приволжского) федерального университета, e-mail: itukhvatullina@mail.ru

THE STUDY OF PAREMIOLOGICAL UNITS OF METONIMIC NATURE IN RUSSIAN AND FOREIGN LINGUISTICS

I.A. Tukhvatullina

Abstract. This paper is devoted to the study of theoretical aspects of metonymic paremia. Different scientific approaches of Russian and foreign scientists are briefly given in this article. Proverbs and sayings of metonymic nature are the least studied part of the modern paremiological foundation. The relevance of this work is bound to the growing interest to Oriental and European languages and intercultural communication, because paremiological units contain specific knowledge about the people speaking the language, their culture, history, etc.

Keywords: paremia, metonymy, proverbs, research, education

Data about the author

Tukhvatullina I., Lecturer of Kazan (Volga Region) Federal University, e-mail: itukhvatullina@mail.ru

УДК 81'373.611

СПЕЦИФИКА ДЕРИВАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА НОМИНАЦИИ «ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ВВЕРХ» В НЕМЕЦКОМ, РУССКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Л.А. Ахметова

Аннотация. Предметом данного исследования стали семантические, словообразовательные и функциональные особенности русских, немецких и татарских глаголов, номинирующих «направленное перемещение вверх». Объектом изучения являются производные глаголы движения, образованные в русском и немецком языках посредством приставок с директивным значением и в татарском языке – модифицирующих глаголов. В статье представлены интегральные и дифференциальные семы, эксплицирующие в каждом из рассматриваемых языков специфические для их систем семантические признаки, описаны общие словообразовательные связи, а также продемонстрирована сочетаемость глаголов с предложно-падежными конструкциями.

Ключевые слова: словообразование, семантическая структура глагола, словообразовательный тип, формант, префиксация

В современном языкознании глагольная деривация рассматривается не только как процесс образования новых лексических единиц, но и как уникальный способ вербализации знаний об окружающем мире, как отражение ментального характера их производства. В поле пространственных отношений центральное место в немецком, русском и татарском языках занимают глаголы движения (шире перемещения), форманты (приставки, модифицирующие глаголы) с директивной семантикой, а также предложно-падежные конструкции направительного значения.

Направленность перемещения субъекта снизу вверх передаётся в немецком языке с помощью продуктивного словообразовательного типа (далее СТ) **auf-** + глагол (далее V). В качестве глагольного словообразовательного форманта отделяемый префикс **auf-** способен эксплицировать до девяти гетерогенных словообразовательных значений [1: с. 70]. Однако, его директивное значение «направленности движения вверх при основах глаголов движения» является, по мнению ряда учёных (М.Д. Степанова, В. Фляйшер, И. Барц, Г. Мунган), первостепенным. Глаголы движения с отделяемой приставкой **herauf-** наряду с семой «снизу вверх» имплицитно вербализируют перспективу видения говорящего, а именно указывают на движение по направлению к говорящему, местоположение которого является конечный пункт перемещения. Указание на начальный пункт с помощью возможной предложно-падежной конструкции (далее ППК) **von + Dativ** при глаголах с префиксами **auf-** и **herauf-** факультативно, поскольку в условиях коммуникативной ситуации отправной пункт субъекта как говорящему, так и слушателю ясен.

«Als **die Sonne aufging**, stand er immer noch am gleichen Fleck...» [2: с. 146]. «Der Kellner ging. Er stieß an der Tür fast zusammen mit einer Frau in einem roten Federhut, die rasch die Treppe **heraufkam**» [3: с. 94].

Глаголы с префиксом **hinauf-** эксплицируют движение снизу вверх по направлению от говорящего, инкорпорируя при этом начальный пункт перемещения субъекта.

«Dann **stieg er ... wieder auf den Gipfel** des Berges **hinauf**» [2: с. 165].

Для репрезентации значения «направленности движения вверх» [1: с. 218] в немецком языке также служит СТ **hoch-** + V. Отмечено, что в сочетании с базовыми глаголами движения *fahren* (ехать), *gehen* (идти), *klettern* (взбираться), *laufen* (бежать) словообразовательный формант **hoch-** образует синонимичные связи с отделяемым префиксом **hinauf-**, предполагающим совпадение местоположения наблюдателя и начального пункта перемещения субъекта.

«Am andern Ufer **klettern** wir vorsichtig **hinauf ...**» [4: с. 108]. «Im Galopp greife ich schnell noch zu, schmeiße sie mit einem Schwung über die Mauer und **klettere selbst hoch**» [4: с. 70].

Приставка **hoch-** применяется при необходимости усилить значение направленности движения вверх, сделать акцент на вектор перемещения агенса. В русском языке подобный эффект достигается с помощью глаголов с имплицированной семой «вверх» в сочетании с дополнениями дейктического характера: *наверх, вверх, ввысь, ввышину* и т.д. (*взлетел ввысь, вскарабкался наверх, поднялся вверх*). Распространителями данного СТ являются ППК начального пункта **von + Dativ, aus + Dativ**, ППК конечного пункта **an + Dativ, auf + Akkusativ**, однако, как показывают наблюдения, указание исходного и конечного пунктов перемещения при ППД с **hoch-** факультативно.

СТ **empor-** + V является одним из возможных способов репрезентации направленности движения вверх без выделения каких-либо дифференциальных сем в пространственном, темпоральном или директивном аспектах. Глаголы с **empor-** отмечены в словаре Duden. Deutsches Universalwörterbuch пометой *gehoben – высокое*, отражая, таким образом, их стилистическую окраску [5]. Модифицируя векторное направление мотивирующей основы, отделяемый префикс **empor-** одновременно осложняет её семантическое содержание дополнительной эмоциональностью.

«So ist der Mensch», sagt Wilke etwas allgemein ... und wandert die Treppe zu seiner Werkstatt wieder **empor**» [6: с. 375].

По нашим наблюдениям, наибольшую сочетаемость с префиксами со словообразовательным значением «направленность перемещения вверх» и максимальную частотность употребления в текстах художественной литературы в рамках данного значения имеет глагол *steigen (подниматься)*. Поскольку в семантической структуре данной глагольной единицы изначально включена сема «снизу вверх», то при взаимодействии с рассматриваемыми приставками происходит усиление данного значения.

«Und damit schlurfte er... davon und **stieg** langsam die Treppe zum ersten Stock **hinauf**...» [2: с. 165].

Для выражения значения направленности перемещения вверх в русском языке служит приставка **вз-**, а также её фонетические реализации: **вс-, воз-, вос-, возо-, взо-**. СТ **вз-** + V коррелирует с ППК конечного пункта **на + винительный падеж, к + дательный падеж, под + винительный падеж**.

«Наконец он **вскарабкался на** цистерну...» [7]. «Птица шумно **вспорхнула к небу** и застыла там...» [7]. «... Рэсси с треском распустил прозрачные крылья и, вырвавшись из рук удивленного Урри, **взлетел под самые своды**» [8].

Сочетание производных глаголов с **вз-** с ППК **в + винительный падеж** реализует значение перемещения снизу вверх, достижение непосредственной близости с ориентиром и завершение действия внутри него.

«Артем бросился к нему, **вскарабкался в кабину**...» [9].

Указание на начальную точку перемещения с помощью возможных ППК начального пункта **с + родительный падеж, от + родительный падеж** является факультативным.

Денотативная сема «вверх» реализуется также при реализации сочетаемостной конструкции СТ **за- + V + на + винительный падеж**.

«Тимошка, не раздумывая, тоже **заскочил на кровать**, перекрывая всех радостным лаем» [10].

Для выражения значения направленности перемещения вверх в татарском языке служит продуктивный СТ **деепричастие, оканчивающееся на –п + мену** без выделения каких-либо дифференциальных сем. Конечный пункт перемещения является приоритетным в валентностной структуре глаголов движения с **мену**, он оформляется с помощью аффиксов направительного падежа (юнэлеш килеше) **-га\гэ, -ка\кэ**. При этом актуализируются семы «пересечение границ ориентира», «контакт». Сему «достижение непосредственной близости с ориентиром без пересечения его границ» актуализирует послелог **янына** (эквивалент предлога **к** в русском языке).

«...суалчан-оялчан... шуышып килде һәм үлән сабагына үрмәләп менде...» [11: с. 24]. «Тик ул... **Люда янына йөгереп менде**» [12].

Перемещение субъекта снизу вверх вербализуют также **СТ менеп + китү** и **СТ менеп + житү**, где глагол **менү** выступает в качестве мотивирующей основы.

«Ат эйдәүче күперектән сикереп төште дә **дар-агач күтәрмәсенә менеп китте**» [13: с. 68]. «Тиздән алар **ундүртенче катка менеп життеләр**» [14].

В силу того, что модифицирующие глаголы **китү** и **житү** в поле пространственных отношений имеют достаточно активную направительную семантику, «удаление от ориентира» и «достижение конечного пункта» соответственно, семантическая структура производных глаголов **менеп китү** и **менеп житү** усложняется дополнительными семами. Так, глагол **менеп китү** эксплицирует не только направленность действия по вертикали, но и на коннотативном уровне *конкретизирует позицию наблюдателя или говорящего*, в отношении которого субъекта удаляется по направлению вверх.

Сравн.: Очрашуны озак көтәсе калмады, эни урамнан кычкырды: «Ишегенне ача тор, ул **менеп китте**» (Действие, направленное вверх по направлению от говорящего). ... ул инде *баскычтан менеп килә* (Действие, направленное вверх по направлению к говорящему).

Аналитический глагол **менеп житү** эксплицируют приближение к ориентиру, достижение цели, завершенность действия.

«... **тауның өстенә кадәр машина белән менеп життек**» [15]. – ... *до вершины горы мы доехали на машине*.

В качестве распространителя данных СТ выступают имена в направительном падеже (юнәләш килеше), наречием **өскә** (*вверх*) или послелогом **янына** (*к*).

Отметим, глагол **менү** довольно часто употребляется для выражения направленности движения вверх самостоятельно в качестве полнозначного либо в составе свободных синтаксических конструкций.

Итак, «направленное перемещение вверх» номинируется в немецком языке пятью синонимичными словообразовательными типами с имплицированными дифференциальными семами, в русском языке рассматриваемый денотат представлен одним продуктивным словообразовательным типом, в татарском языке – также одним. Сопоставление словообразовательных типов разноструктурных языков позволяет выделить общие словообразовательные связи, обнаружить словообразовательные лакуны в вербализации того или иного смысла, продемонстрировать национальную специфику семантики языковых единиц.

Литература

1. ССЭНЯ: Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / А.Н. Зуев, И. Д. Молчанова, Р.З. Мурясов и др.; Под рук. М.Д. Степановой. – М.: Рус. яз., 2000. – 536 с.
2. Süskind, P. Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders / P.Süskind. – Zürich: Diogenes Verlag, 1994. – 336 S.
3. Remarque, E.M. Arc de Triomphe. Roman. Mit einem Nachwort von Tilman Westphalen / E.M. Remarque. – Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 1988. – 736 S.
4. Remarque, E.M. Im Westen nichts Neues. Roman / E.M. Remarque. – Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 1971. – 216 S.
5. Duden. Deutsches Universalwörterbuch – URL: <http://www.duden.de> (Дата обращения: 30.04.2018).
6. Remarque, E.M. Der schwarze Obelisk. Geschichte einer verspäteten Jugend. Mit einem Nachwort von Tilman Westphalen / E.M. Remarque. – Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 1989. – 403 S.
7. Геласимов А.В. Степные боги. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (Дата обращения: 30.04.2018).
8. Велтистов Е.С. Рэсси – неуловимый друг. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (Дата обращения: 30.04.2018).
9. Глуховский Д.А. Метро 2033. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (Дата обращения: 30.04.2018).
10. Проскурин П.Л. Полуденные сны. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (Дата обращения: 25.04.2018).
11. Алиш А. Әсәрләр: хикәяләр, әкиятләр, пьесалар, шигырьләр / А. Алиш. – Казан: Татар.кит.нәшр., 2008. – 302 б.
12. Вәлиев М. Повестьлар, новеллалар, хатирәләр. – URL: <http://kitap.net.ru> (Дата обращения: 23.04.2018).
13. Багулла, Р. Елантау: Әкиятләр, мажаралы хикәяләр / Р. Багулла. – Казан: Татар.кит. нәшр., 2005. – 535 б.
14. Яруллин Ф. Сайланма әсәрләр. – URL: <http://web-corpora.net> (Дата обращения: 23.04.2018).
15. Яруллин Ф. Яралы язмышлар. – URL: <http://kitap.net.ru> (Дата обращения: 23.04.2018).

Сведения об авторе

Ахметова Лейсан Атласовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель Елабужского института Казанского федерального университета, e-mail: leisan81@mail.ru

**SPECIFICS OF DERIVATIONAL SPACE OF “MOVING UP” NOMINATION IN THE GERMAN,
RUSSIAN AND TATAR LANGUAGES**

L.A. Akhmetova

Abstract. The subject of this research are the semantic, word-formative and functional features of Russian, German and Tatar verbs nominating "directional moving up". The object of study are derived verbs of motion formed in the Russian and German languages by means of prefixes of directional semantics and in Tatar by means of modifying verbs of direction. The article presents the integral and differential semes explicating in each of the languages the semantic features specific to their systems, describes the general word-formative connections, and demonstrates the compatibility of verbs with the prepositional-case constructions.

Keywords: word formation, semantic structure of verb, derivational type, formant, prefixion

Data about the author

Akhmetova L., Candidate of Philological Sciences, senior lecturer, Elabuga Branch, Kazan Federal University, e-mail: leisan81@mail.ru

УДК 81-115 [811.111+811.161.2]

МЕТАФОРИЗАЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Ш.Р. Басыров

Аннотация. Статья посвящена поиску метафорических моделей в сфере глаголов интеллектуальной деятельности разноструктурных языков – германских (английского, немецкого), романских (французского, испанского), славянских (русского, украинского) и тюркских (азербайджанского). Выявляются типы метафор, связанные с движением, получением истины, зрительным восприятием, светом и ударом и др., а также устанавливается степень их продуктивности

Ключевые слова: метафора, типовая ситуация, глаголы понимания, ментальное значение, продуктивность

Метафоризация интеллектуальной деятельности носит разнообразный характер, в ее основе лежат определенные глубинные представления, позволяющие образовывать новые слова и переносные значения. Поскольку данный процесс включает в себя человека и окружающий мир, поэтому разные взгляды на отношения между человеком и определенными фактами действительности порождают различные типы метафор [1; 2; 3; 8; 9; 12; 13].

В настоящей статье на материале преимущественно глаголов понимания, относящихся к германским (немецкому, английскому), романским (французскому, испанскому), славянским (русскому, украинскому) и тюркским (азербайджанский) языкам, делается попытка выявления типов метафорического переноса у данных языковых единиц и определения степени их распространения в разноструктурных языках. Эмпирическим материалом работы послужили данные толковых и переводных словарей [4; 5; 6; 7; 10; 11; 14; 15; 16].

Анализ собранного языкового материала свидетельствует о том, что наиболее распространенными в выше названных языках оказались следующие типы метафор, связанные с идеями: 1) движения; 2) получения истины; 3) света; 4) зрительного восприятия; 5) удара; 6) обоняния; 7) приема пищи; 8) манипуляции с приборами, инструментами, средствами и т.п.

1. Движение. Роль метафоры движения в ментальной лексике отмечалась неоднократно. Интеллектуальная деятельность человека мыслится как движение и часто не имеет внешнего проявления. Мысль человека ни на минуту не останавливается, т.е. человек постоянно находится в поисках истины, определенного знания. Зависимо от того, кто является активным в этом процессе – субъект или объект – ситуацию понимания можно рассматривать в трех направлениях: 1) движение человека к истине; 2) движение истины к человеку; 3) каузирование движения истины к человеку.

1.1. Движение человека к истине. Язык может представлять интеллектуальную деятельность человека как работу его мысли, т.е. как поступательное или внезапное движение человека к истине, ср.:

(1) англ. *to come to conclusion* ‘прийти к выводу, решить’; нем. *er fasst alles schnell* ‘он схватывает все быстро’; укр. *схопити / схоплювати думку*; рус. *идти (прийти) к пониманию*; исп. *captar el pensamiento* ‘уловить мысль’; фр. *saisir le sens* букв. ‘схватить (уловить) смысл’, т.е. ‘понять что-л’; азерб. *catch fikir* ‘уловить (мысль)’.

Полученные человеком в процессе понимания определенные знания интерпретируются в языке как достижение некоторой цели, как результат предшествующих действий субъекта, связанных с его движением в определенном пространстве, среде, ср.:

(2) рус. *дойти (доходить) до чего-либо, найти / постичь что-л.*, разг. прен. *допереть*, сленг. *въехать*; англ. *come (to something)* ‘прийти к пониманию чего-л.’, *get next (to the idea)* ‘уловить’ (букв. ‘приблизиться’) (к идее), *reach* ‘постигнуть’, *bottom* ‘понимать’ (букв. ‘коснуться дна’), *fathom* ‘проникнуть, дойти до глубины’; нем. *eingehen*

‘понять’ (букв. ‘войти’); укр. *diïtu* / *доходити*; исп. *llegar a la alucinacion* ‘дойти до чего-л. своим умом’; фр. *saisir l'intention de qn* ‘угадать намерение’ (букв. ‘схватить / уловить намерение’); азерб. *daxil olmaq* ‘понять’.

Если процесс понимания связан с определенными трудностями, то он вербализуется в языке как преодоление данных препятствий на пути движения человека к истине. Добавим, что в немецком языке такие глаголы в своей структуре часто содержат префикс *durch-*, который сообщает корневой морфеме смысл ‘движение сквозь что-л.’, а в русском и украинском языках – соответственно префиксы *про-*, *рас-* / *роз-*, ср.:

(3) нем. *durchdringen* / *durchschauen* ‘проникнуть’, *durchsteigen* (разг.) (букв. ‘продираться сквозь скалы’); рус. *проникнуть во что-л.*, *раскусить что-л.*; укр. *розкусити/розкушувати*; англ. *penetrate*, *pierce* ‘проникнуть, пронизывать’; исп. *callar el sentido del texto* ‘понять (букв. пробовать) содержание текста’.

В рамках рассматриваемой метафоры *мышление – это движение* понимание человеком определенных фактов ассоциируется с достижением субъекта определенного пункта назначения и, наоборот, непонимание им чего-либо – сравнивается с человеком, который заблудился во время путешествия:

(4) рус. *теряться в догадках*, т.е. ‘не понимать чего-л.’, аналогично: англ. *to guess / wonder*; нем. *sich in Vermutungen ergehen*.

Достижение истины представляется в сопоставляемых языках как внезапная/неожиданная встреча, ср.:

(5) рус. *напасть (на счастливую мысль)*, *наткнуться / натолкнуться (на разгадку)*; укр. *наштовхнутися (на розгадку)*, *угадати (вгадати)*; англ. *tumble (on smth)* ‘натолкнуться (на что-л.)’, *be on (to smth)*, *nick (it)* ‘попасть в точку, угадать (что-л.)’; азерб. (*Həlli üçün*) *hata* ‘наткнуться (на разгадку)’, *hücum (fikir)* ‘напасть (на мысль)’.

1.2. Движение истины к человеку. В метафорах этого подтипа процесс понимания кодируется в языке под противоположным углом зрения, т.е. не человек движется к истине, а наоборот, истина (мысль, идея) – к человеку. Ср.:

(6) рус. *доходить / дойти (до кого-нибудь)*; укр. *diïtu* (*до когось*), *прийти (в голову) / приходити (на думку)*, *осяяти / осявати (когось)*; англ. *go in* (букв. ‘войти’), *get through* ‘достичь (кого-л.)’, *come (in) upon* ‘прийти в голову’, *come (to somebody)* ‘дойти до сознания’, *come home to somebody* (букв. ‘прийти домой’) ‘дойти (до кого-л.)’, *rush into one's mind* (букв. ‘ворваться в чье-л. сознание’), *penetrate* ‘проникнуть’, *be borne in* (букв. ‘вдавиться’) ‘становиться понятным’, *sink in* (букв. ‘погрузиться’) ‘дойти до сознания’; исп. *ocurrirse una idea* разг. перен. ‘прийти в голову’, ‘натолкнуться на мысль’, *venir a las mientes / acudir al pensamiento* разг. ‘прийти в голову’; фр. *une idee (une pensée) lui est venue (à l'esprit)* разг. ‘его осенила мысль’; азерб. (*Fikir*) *kimsə olmaq* ‘доходить до кого-л. (о мысли)’, *şəfəq* ‘осенить’.

1.3 Каузирование движения истины к человеку. В ряде случаев процесс понимания чего-либо является следствием речевого воздействия и умственных усилий со стороны каузирующего субъекта (адресанта) на получателя информации (адресата), заставляющего последнего усвоить определенные знания, постичь неясную информацию, ср.:

(7) рус. *внушать* ‘заставлять усвоить что-л., прийти к какой-л. мысли, заключению’; *вразумлять/вразумить* ‘убеждать/убедить кого-л. в чем-л., наставляя кого-л., приводя к правильному пониманию, знанию чего-л.’; *растолковывать/втолковать* ‘заставить понять и помнить что-л.’; *разъяснять/пояснять /объяснить/объяснять* ‘говорить (сказать) что-л. в дополнение к какому-л. сообщению, растолковывая неясные, трудные места, делая что-л. более понятным, доступным’.

Нередко подобные каузативные ситуации сопряжены с трудностями, которые требуют от отправителя информации определенных интеллектуальных и временных затрат, ср.:

(8) рус. *втемляшить* простореч. фам. ‘втолковать с трудом’; *вдолбить* разг. ‘с усилием, долго объясняя, втолковать, заставить усвоить что-л.’; аналогично: нем. *eintrichtern* ‘вдавливать в голову’ (*einem Schüler die Vokabeln eintrichtern* ‘вдалбливать ученику слова’).

2. Получение истины. Понимание в языковой картине различных народов может рассматриваться как присвоение истины, мысленный охват разумом человека некоторых фактов. Так образовались следующие глаголы и выражения:

(9) рус. *осмысливать / осмыслять, осознавать, брать в толк*; укр. *оволодівати / заволодівати когось чим*; англ. *to comprehend/apprehend* ‘понимать’ (от латинского *prehendere* ‘схватить, овладеть’), *acquire* ‘понять’ (букв. ‘овладеть’), *conceive* ‘постигать, понимать’ (от латинского *concipere* ‘принимать, вбирать, впитывать’), *perceive* ‘постигать, понимать’ (от латинского *percipere* ‘охватывать, овладевать’), *absorb* ‘понять’, *take in* ‘усвоить’; нем. *mitkriegen / mitbekommen / wegbekommen / wegstreiten / abkriegen / herauskriegen* ‘понять, сообразить’; азерб. *tutmaq* ‘осознать’, *almaq* ‘овладеть’, *mənada qəbul* ‘брать в толк’.

Истина может двигаться не только к человеку, но и от него – отплывая, ускользая, – и в таком случае ее необходимо уловить, схватить. Так возникают метафорически переосмысленные глаголы физического воздействия субъекта на объект:

(10) рус. *схватить / схватывать* (мысль на лету); аналогично: укр. *сніймати / уловити (вловити) думку*; англ. *to grasp* (the meaning of); нем. *(er)fassen / auffassen / schnallen/packen/ raffen /schnappen*; азерб. *grasp (fikir)*.

К ним приближаются, с одной стороны, метафорически переосмысленные глаголы избавления типа (11) нем. *aufdröseln* (разг.) ‘распутывать, разматывать (например, шнур)’, перен. ‘разбирать, анализировать (например, проблему)’, а с другой стороны, некоторые глаголы ненаправленного перемещения типа (12) нем. *ausbeuteln* (тер. огр.) ‘вытрясти’, ‘выспрашивать’ (ср. *Sie beutelte ihn so lange aus, bis er allergerheimsten Namen genannt hat* ‘Она расспрашивала его до тех пор, пока он не назвал самые тайные имена’).

3. Свет. В русском языке для концептуализации понимания важной представляется метафора света, которая лежит в основе ментальных значений многих глаголов, например:

(13) *просветить/осветить/высветить, пролить / бросить свет, озарить, проясниться, забрезжить, блеснуть* (о мысли).

На основе этой метафоры в английском и азербайджанском языках образовались следующие глаголы и глагольно-именные выражения:

(14) англ. *become clear* ‘становиться ясным’, *dawn* ‘стать понятным’, *flash* ‘блеснуть’, *to see daylight* (букв. ‘увидеть дневной свет’), т.е. ‘увидеть выход из положения’, *to see the light* ‘прозреть, понять в чем дело’; азерб. *aydinlaşdırmaq* ‘просветлеть’, *sabah başlayır* ‘забрезжить’, *maarifləndirilməst* ‘просветить’, *işig atmaq/atmaq* ‘пролить, бросить свет’, *məgami* ‘высветить’.

Метафоры света обнаружены и в других сопоставляемых языках, ср.:

(15) нем. *einleuchten* ‘становиться ясным, очевидным’; *aufgehen* ‘доходить’ (*ihm geht die Laterne (ein Licht) auf* разг. ‘он начинает понимать’ (букв. ‘у него включился фонарь (свет)’); укр. *висвітлювати, прояснитися / прояснятися*; исп. *iluminar* ‘постигать, охватывать (о мысли)’, *iluminarse* перен. ‘просветлеть’; фр. *jeter (tt) une lumière sur qch.* (букв. ‘кинуть свет на что-л.’), т.е. ‘прояснить что-л.’, *éclaircir* перен. ‘прояснить что-л.’

Напротив, отсутствие понимания (знания) в языковом сознании человека связывает с идеей темноты, ср.:

(16) рус. *Ученье – свет, неученье – тьма*, а также однокорневые производные в аналогичном значении: *темный* ‘неясный, непонятный’; *темнить* ‘делать темным’, перен. прост. ‘путать, обманывать’; *затмение* разг. ‘временное помрачение сознания’, аналогично: нем. *verdunkeln* ‘темнить’, ‘обмануть, запутать’ (*Der Täter versuchte, die Vorgänge während der Tat zu verdunkeln* ‘Преступник пытался запутать события преступления’); исп. *o(b)scurecer / obnubilar* ‘темнить, неясно выражать мысль’; азерб. *qaranliq* ‘темнить’ (← *qara* ‘черный’).

С идеей темноты связана также идея помутнения разума у сумасшедших, невежд, закрепленная, в частности, в таких единицах:

(17) рус. *помрачение рассудка, мракобесие, обскурантизм*; аналогично: исп. *alucinacion* (разг.).

Темнота, мрак порождают хаос, в котором факты утрачиваются и становятся невидимыми, недоступными для понимания. Неполное или нечеткое понимание определенных вещей, явлений напоминает плохое освещение или занавес, который в момент понимания как бы спадает, либо ассоциируется с туманом, который рассеивается и позволяет человеку увидеть окружающий мир, ср. другие сходные переносные значения в русских однокоренных словах:

(18) рус. *туман* (о состоянии неясности, смешанности мыслей, представлений), (*за*) *туманить* 'лишать возможности ясно видеть или соображать', *туманный* 'неясный, непонятный, неопределенный', аналогично: фр. *nébuleuse* перен. 'неясные (букв. туманные) идеи'.

4. Зрение. Метафора *понимание – это зрение* тесно связана с выше рассмотренной метафорой *свет – это понимание*, поскольку свет и зрение дают человеку более полную информацию об объектах окружающего мира, чем все другие чувства.

Глубокая взаимосвязь зрения и мышления находит свое естественное отражение в языке. Так, в английском языке глагол (19) *to see* 'видеть' имеет и ментальное значение 'понимать' (на основе видимых признаков): *I don't see his objective* 'Я не понимаю (букв. 'не вижу'), какова его цель'; *discern* 'различать, понимать', *make out* 'различать, разобраться, понять', *become evident* 'бросаться в глаза, становиться очевидным', *insight* 'глубокое понимание, постижение', *to see the joke* 'понять анекдот', аналогично: нем. *einsehen* 'понять', *etwas aus etwas ersehen* 'понять что-л. вследствие чего-л.'; рус. *разглядеть, присматриваться*; укр. *побачити*.

В русском языке базовый глагол зрительного восприятия *видеть* также имеет ментальное значение 'понимать', например:

(20) *Мать видела по лицу сына, что не все ладно в его семье, но что – он ей не говорил. Нетрудно увидеть, как человека меняет обстановка.*

Полное непонимание в языке часто сравнивается со слепотой, а такой человек именуется слепым, ср.:

(21) рус. *слепота* перен. 'неумение понимать, разбираться в чем-н., правильно судить о чем-н.' (например, *политическая слепота*), аналогично: нем. *eine geistige, politische Blindheit* 'духовная, политическая слепота'.

Ср. также следующие немецкие пословицы и разговорные выражения с компонентом *blind* в своей структуре:

(22) нем. *Blinde Eifer schadet nur* букв. 'Слепое старание лишь вредит'; *Die Liebe macht blind* букв. 'Любовь делает слепым'; *das Augenlicht widererlangen* 'прозреть' (букв. глаза (как бы) вновь начинают воспринимать свет); *Er ist nicht nur blind, sondern sieht auch schlecht* букв. 'Он не только слепой, но к тому же плохо видит', т.е. 'он абсолютно глупый человек'; *Das merkt ein Blinder* 'Это совершенно ясно и не требует объяснений' (букв. 'это видит и слепой').

На базе данного типа метафоры построены ментальные значения некоторых выражений и в английском языке:

(23) англ. *he was enlightened* 'тут он и прозрел', аналогично: укр. *прозрівавти / прозріти*; рус. *прозреть*.

5. Удар. Понимание как толчок, вспышка, удар (в частности, электрический) лежит в основе многих метафорических переносов, ср.:

(24) рус. *его ударило* (*толкнуло, подтолкнуло; стукнуло*), *пронзила мысль*; укр. *йому спало на думку (щось)*; англ. *the truth suddenly burst upon him* 'внезапно его осенило, внезапно он все понял'; *he had a hunch* 'его внезапно осенило'; нем. *er wurde plötzlich von einem glänzenden Einfall erleuchtet* 'внезапно его осенила блестящая мысль (идея)'; *jetzt hat es bei mir gezündet / gefunkt* (разг.) букв. 'сейчас у меня вспыхнуло (загорелось)'; исп.

una idea brillo en su mente (букв. 'идея блеснула в его сознании'), т.е. 'его осенила определенная мысль', *una idea cruzo por su mente* букв. 'мысль пересекла его сознание'; фр. *une pensée m'a traversé l'esprit* 'у меня мелькнула мысль' (букв. 'мысль прошла сквозь мое сознание').

6. Обоняние. Процесс познания и понимания могут выражаться в языке с привлечением не только зрительного и слухового восприятия, но и обоняния. Как правило, такие глаголы описывают ситуацию, в которой субъект пытается узнать что-либо тайное, скрываемое от других, например:

(25) нем. *Der Neue wird von den Kollegen erst berochen* 'Коллеги вначале присматриваются к новичку' (букв. обнюхают его), аналогично: *beschnüffeln/ beschnüppern* (*Ich muss erst die neue Umgebung beschnüppern* 'Я должен вначале присмотреться (букв. обнюхать) к новой обстановке').

Ср. сходные глаголы в русском и в английском языках:

(26) рус. *разнюхать* 'распознать обонянием, по запаху (разг.)', перен. 'разведать, разузнать исподволь, тайком', аналогично: *вынюхивать /разнюхивать*; англ. *snoor upon* (амер. слэнг) перен. 'вынюхивать'.

7. Прием пищи. Процесс понимания может ассоциироваться в языковой картине мира с физиологическим действием человека – приемом пищи, ее перевариванием. Попадание пищи в организм человека метафорически сравнивается с получением информации и ее постепенной обработкой в сознании человека, ср.:

(27) нем. *löffeln* 'есть ложкой суп', студ. 'смекнуть' (*Hat er nun endlich gelöffelt?* 'Ну он наконец-то смекнул?'), *verdauen* 'переваривать (пищу)', перен. 'понять что-л.' (*Die Vorlesung war materialreich, dass wir sie nicht verdauen können* 'В лекции было много материала, так что мы не смогли ее переварить').

Неспособность человека в некоторых ситуациях к пониманию чего-либо сродни младенцу, неспособному самостоятельно принимать пищу. Данный факт находит свое отражение в соответствующих каузативных ситуациях, ср.:

(28) нем. *verkasematukeln* фам. 'поглощать', разг. 'втолковать' (*Kannst du mir das verkasematukeln?* 'Ты можешь мне это втолковать?'); рус. *разжевать* 'размельчать зубами (например, пищу)', перен. разг. 'разъяснить, растолковать до мелочей, до полного упрощения' (*Ох, до чего же глупый мальчишка, всё-то ему нужно разжевать*).

8. Манипуляция с приборами, инструментами, средствами и т.п.

Процесс понимания связан с определенными мыслительными операциями, происходящими в голове человека. Поэтому, данный процесс нередко репрезентируется языковыми единицами, описывающими функционирование различных механизмов, приборов и т.п. либо манипуляцию человека с определенными приспособлениями. Например:

(29) рус. *Вася, ты врубился* (т.е. понял), *что я тебе сказал?*

(30) нем. *Sie schaltet etwas langsam* 'Она медленно соображает (букв. включает)';

(31) нем. *Endlich hat er geschnallt, dass es nur leere Versprechungen waren* 'Наконец он сообразил (букв. 'прикрепил ремнями'), что это были лишь пустые обещания';

(32) нем. *Ich möchte mal vorbohren, wie er darüber denkt* 'Я хотел бы прозондировать почву (букв. предварительно просверлить), что он думает по этому поводу'.

Показательным в этом отношении является употребляемый в шутливой форме немецкий фразеологизм (33) *der Groschen ist (bei jmdm) gefallen* (букв. 'монета упала (у кого-л.)', т.е. 'наконец человек что-то понял'). Данный фразеологизм мотивируется функциональной особенностью телефона-автомата, который начинает работу после приема монеты. Аналогичная метафора встречается и в испанском языке: *caer en la cuenta* (букв. 'падать на счет), т.е. 'наконец кто-то что-то понял'.

9. Выводы. В основе понимания в разноструктурных языках лежат универсальные типы метафор, часто вербализующиеся в виде оппозиции (свет – тьма; движение ис-

тины к человеку – движение человека к истине; каузирование движения истины к человеку – движение человека к истине; зрение – слепота). Наиболее продуктивными типами метафоры при описании процесса понимания в славянских (русском и украинском), германских (немецком и английском), романских (испанском и французском) языках, а также в азербайджанском (тюркский) являются метафоры движения и света. Важную роль в сфере глаголов интеллектуальной деятельности в разноструктурных языках играет также метафора зрения.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 385 с.
2. Апресян Ю. Д. Синонимия ментальных предикатов: группа *считать* / Ю.Д. Апресян // Логический анализ языка: Ментальные действия / под ред. Н.Д. Арутюновой, Н.К. Рябцевой. – М.: Наука, 1993. – С. 7-22.
3. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) / Н. Д. Арутюнова // Лингвистика и поэтика / под ред. В.П. Григорьева. – М.: Наука, 1979. – С. 30-35.
4. Большой англо-русский словарь: в 2 т. / Н.Н. Амосова, Ю.Д. Апресян, И.Р. Гальперин и др. Под общ. руков. И.Р. Гальперина. – М.: Русский язык, 1979. – Т. 1. – 822 с.; т. 2. – 863 с.
5. Большой русско-испанский словарь / под ред. Г.Я. Туровева. – М.: Русский язык, 2001. – 854 с.
6. Великий тлумачний словник сучасної української мови / Уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. – К.: Ірпінь : ВТФ «Перун», 2005. – 1728 с.
7. Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь / В.Г. Гак, К.А. Ганшина. – М.: Русский словарь, 1998. – 1194 с.
8. Зализняк Анна А. Метафора движения в концептуализации интеллектуальной деятельности / Анна А. Зализняк // Логический анализ языка. Языки динамического мира / под ред. Н.Д. Арутюновой, И.Б. Шатуновского. – Дубна: Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 1999. – С. 10-23.
9. Иомдин Б. Л. Лексика иррационального понимания: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Б.Л. Иомдин. – М., 2002. – 24 с.
10. Испанско-русский словарь / под ред. Б.П. Нарумова. – М.: Русский язык, 1988. – 832 с.
11. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1987. – 750 с.
12. Падучева Е. В. К аспектуальным свойствам ментальных глаголов: перфектные видовые пары / Е.В. Падучева // Логический анализ языка. Ментальные действия / под ред. Н.Д. Арутюновой, Н.К. Рябцевой. – М.: Наука, 1993. – С. 309-375.
13. Фоллесдаль Д. Понимание и рациональность / Д. Фоллесдаль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. Логический анализ естественного языка / Сост., общ. ред. и вступ. ст. В. В. Петрова. – М.: Прогресс, 1986. – С. 47-58.
14. Azərbaycanca-rusca lügət. Dörrd cilddo. I-IV cild. Bakı, "Şərq-Qərb", 2006. I cild – ... şəh, II cild – ... şəh, III cild – ... şəh, IV cild – 984 şəh.
15. Küpper Dr. Heinz. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache / Dr. Heinz Küpper. – Stuttgart : Ernst Klett Verlag für Wissen und Bildung GmbH., 1987. – 989 S.
16. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Herausgegeben von R. Klappenbach, W. Steinitz. – Berlin: Akademie Verlag. – Bd. 1. – 1980. – 800 S.; Bd. 2. – 1981. – 1600 S.; Bd. 3. – 1984. – 2412 S.; Bd. 4. – 1981. – 3212 S.; Bd. 5. – 1980. – 4012 S.; Bd. 6. – 1976 – 1977. – 4551 S.

Сведения об авторе

Басыров Ш. Р., Доктор филологических наук, профессор Донецкого национального университета (ДНР), e-mail: schambar@yandex.ru

METAPHORIZATION OF INTELLECTUAL ACTIVITY IN MULTI-STRUCTURAL LANGUAGES

Sh. Basyrov

Abstract. The article deals with the search of metaphorical models in verbs of intellectual activity in multi-structural languages – Germanic (English, German), Romance (French, Spanish), Slavic (Russian, Ukrainian) and Turkic (Azerbaijani). The types of metaphors connected with the notions of movement, ascertaining the truth, visual perception, light, punch etc. as well as levels of their productivity have been established in the article.

Key words: metaphor, typical situation, verbs of comprehension, mental meaning, productivity

Data about the author

Basyrov Sh.R., Doctor of Sciences (Philology), Professor, Donetsk National University (DPR), e-mail: schambar@yandex.ru

УДК 81-2

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ОТРИЦАНИЯ НА ПАДЕЖНУЮ ФОРМУ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Л.А. Белова, И.А. Скоробренко

Аннотация. Статья посвящена анализу использования отрицательной частицы *ne (nicht)* в предложениях русского и немецкого языка. Являясь основным средством грамматического отрицания в обоих языках, частица *ne* в русском языке оказывает влияние на выбор падежной формы существительного, в немецком языке она употребляется факультативно. В статье рассмотрены случаи влияния определённости или неопределённости объекта на выбор падежа в русском языке.

Ключевые слова: отрицательные предложения, утвердительные предложения, отрицательная частица, категория определённости / неопределённости, падежная форма.

Отрицание – это существенный и необходимый момент развития, движущее начало всякого развития. На современном этапе развития человеческого знания вряд ли возможно опровергать связь логических и языковых категорий, а отрицание является как раз такой категорией, где диалектическое единство мышления и языка проявляется с наибольшей отчетливостью, ясностью, очевидностью. Отрицание в языке – это выражение при помощи лексических, фразеологических, синтаксических средств того, что связь между членами предложения мыслится как реально не существующая [1, с. 52]. Грамматические средства выражения отрицания в предложении в русском и немецком языках во многом сходны, к ним относятся:

- отрицательные частицы, способные находиться перед любой словоформой;
- отрицательные местоимения, наречия и союзы;
- слово *нет (nein)* в ответных репликах;
- другие слова с отрицательными префиксами и суффиксами.

Основным средством выражения грамматического отрицания как в русском языке так и в немецком является частица *ne (nicht)*, употребляющаяся при любом знаменательном члене предложения. В современном немецком языке частица *nicht* является основным грамматическим средством выражения как частного, так и общего отрицания. Но если русское отрицание *не* связано, как правило, с определенным местом в предложении, то для позиции частицы *nicht* существует множество вариантов, она может стоять перед различными членами предложения, а относиться к сказуемому, выражая полное отрицание. При частном отрицании частица *nicht* не всегда стоит непосредственно перед отрицаемым членом предложения. Частица *nicht* может употребляться в предложении факультативно, т. е. не выражать отрицания, а являться частицей с эмоциональным значением [1, с. 87]. Это обусловлено тем, что в обоих языках существуют различные способы выбора отрицательных слов в предложении в зависимости от контекста и от положения знаменательных слов [5, с. 124].

Частица *ne* выражает в русском языке отрицание в собственно отрицательных предложениях: *Проблем не существует. Письма не написано. Его не понять.* В таких случаях отрицанием исключается сам факт действия, существования, обнаружения чего-либо. Такие предложения вступают в формально-семантические соотношения с предложениями, в которых отрицание факультативно:

Проблем не существует.

Проблемы не существуют.

Проблемы существуют.

Его не понять.

-

Его нельзя/невозможно понять.

Его можно понять.

Es gibt keine Probleme.

Es gibt keine Probleme.

Es gibt Probleme.

Er ist nicht zu verstehen.

Er ist zu verstehen.

Man kann ihn nicht verstehen.

Man kann ihn verstehen.

В русском языке семантическая структура этих предложений совпадает, однако между ними существуют некоторые различия. Предложения с обязательным отрицанием чаще сообщают о субъекте неопределённом или обобщённом. Предложения с факультативным отрицанием чаще сообщают о субъекте определённом, уже известном [3, с. 403].

Таким образом, русские отрицательные предложения отличаются от соотносительных с ними утвердительных предложений. Предложениям типа *Проблемы существуют, Письмо написано* с существительным в именительном падеже могут соответствовать как предложения с факультативным отрицанием, так и предложения с обязательным отрицанием с существительным в родительном падеже. В немецком языке утвердительным предложениям такого типа соответствуют предложения с факультативным отрицанием, т. е. отрицание не влияет на падежную форму существительного, а понятие определённости / неопределённости выражается не падежной формой, а артиклем или другими средствами:

Поэтому у поколения «П» на самом деле не было никакого выбора [4, с. 7]. | *Deshalb hatte die «P»-Generation in der Wirklichkeit keine Wahl.*

Винительному падежу прямого дополнения утвердительного предложения в русском языке также могут соответствовать два падежа: винительный и родительный, а в немецком языке только винительный падеж.

Я спокойно пройду мимо, не повернув головы (не повернув голову). | *Ich gehe ruhig vorbei, ohne den Kopf umzudrehen.*

Единая старая норма обязательного родительного падежа при глаголах с отрицанием в современном русском языке под влиянием разговорной речи не выдерживается: во многих случаях употребление винительного падежа не только предпочитается, но и является единственно правильным [3, с. 415].

На выбор падежа в русском языке оказывает влияние также определённая или неопределённая объект. Отмечается тенденция к предпочтению родительного падежа при неопределённом объекте и винительного при определённом:

Он не получил письмо.
(определённое, известное) | *Er hat den Brief nicht bekommen.*
Он не получил письма.
(неопределённого, какого-либо) | *Er hat keinen Brief bekommen.*

В единственном числе при определённом объекте возможны оба падежа, при неопределённом – только родительный часто с местоимением *никакой*. В немецком языке в этих случаях имеет место чередование определённого артикля с *nicht* и отрицания *kein*, соответствующего неопределённому артиклю:

Я не захватил эту книгу (этой книги). | *Ich habe das Buch nicht mit.*
Я не захватил никакой книги. | *Ich habe kein Buch mit.*

Колебания в употреблении винительного и родительного падежей при переходных глаголах в предложениях с отрицанием и тенденция к вытеснению родительного падежа винительным, как считает К. Г. Крушельницкая [2, с. 40], отражают то обстоятельство, что в русском языке исчезла категория определённости и неопределённости, и дифференциация падежных форм, связанная с этими значениями, оказывается ненужной на современной стадии развития русского языка.

Таким образом, в русском языке утвердительным предложениям с дополнением в винительном падеже могут соответствовать как предложения с факультативным отрицанием (с дополнением в винительном падеже), так и предложения с обязательным отрицанием (с дополнением в родительном падеже). Утвердительным предложениям такого типа в немецком языке соответствуют предложения с факультативным отрицанием, т. е. употребление отрицания не оказывает влияния на падежную форму существительного.

Частица *ни* входит в русском языке в структуру собственно отрицательных предложений: *Ни души; Ни одного человека; Ни единого облака*. Здесь отрицается наличие даже одного из элементов того или иного множества или даже самой малой части чего-то целого. При этом отрицается наличие не конкретного единичного предмета, а вообще подобных предметов: *Ни копейки* (сообщается о полном отсутствии денег); *Ни минуты* (полное отсутствие времени); *Ни малейшей надежды* (полное отсутствие надежды). Такие предложения вступают в соотношения с собственно отрицательными предложениями с *нет*: *Нет ни облачка; Нет ни малейшей надежды; Нет ни минутки*. Семантические структуры таких предложений совпадают [3, с. 405].

В русском языке отрицательным предложениям с существительным в родительном падеже соответствуют утвердительные назывные предложения с существительным в форме именительного падежа. При переводе таких предложений на немецкий язык используется выражение *es gibt* 'имеется' или глагол *haben* 'иметь' и отрицание *kein*:

<i>На небе ни облачка. – На небе облака. Нет времени. – Есть время.</i>	<i>Es gibt keine Wolke am Himmel. – Es gibt Wolken am Himmel. Ich habe keine Zeit. – Ich habe Zeit.</i>
---	---

В разговорной речи в немецком языке такие предложения могут употребляться также эллиптически: *Keine Wolke am Himmel* 'на небе ни облачка'; *Keine Zeit* 'нет времени'; *Keine Spur von Hoffnung* 'ни тени надежды'; *Nur keine Angst* 'только не бойся'. В любом случае, отрицание в немецком языке, в отличие от русского, не оказывает влияния на падежную форму существительного.

Литература

1. Белова Л.А. Статус отрицательных слов в системе частей речи (на материале немецкого и русского языков) Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Челябинск, 2005. – 180 с.
2. Крушельницкая К.Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. – М.: Изд. литературы на иностранных языках, 1961. – 265 с.
3. Русская грамматика. Т. 2 / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука. – 1980. – 709 с.
4. Пелевин В.О. Generation 'P': Роман, рассказы. – М.: Вагриус, 2000. – 606 с.
5. Скоробренко И.А., Белова Л.А. Особенности употребления отрицательных слов в немецком и английском языках в газетно-публицистическом стиле / Наука, образование и инновации: сборник статей Международной научно-практической конференции (28 октября 2016г., г. Уфа). В 5 ч. Ч.5 / – Уфа: МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2016. – С. 123-125.

Сведения об авторах

Белова Лариса Александровна, кандидат филологических наук, доцент Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, e-mail: telems74@rambler.ru; Скоробренко Иван Александрович, студент Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, e-mail: kaktus0096@mail.ru

THE STUDY OF THE INFLUENCE OF NEGATION ON THE CASE FORM OF NOUNS IN RUSSIAN AND GERMAN

L. Belova, I. Skorobrenko

Abstract. The article is devoted to the analysis of the use of a negative particle not (nicht) in sentences of Russian and German. Being the main means of grammatical negation in both languages, a particle *not* in Russian influences the choice of the case form of a noun, in German it is used optional. The article deals with cases of the influence of the definiteness or uncertainty of an object on the choice of case in the Russian language.

Keywords: negative sentences, affirmative sentences, negative particle, category of definiteness / uncertainty, case form

Data about the authors

Belova L., Candidate of Philology, Assistant Professor, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, e-mail: telems74@rambler.ru; Skorobrenko I., student of South Ural State Humanitarian Pedagogical University, e-mail: kaktus0096@mail.ru

УДК 8

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЭМОЦИИ» НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО, АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

А.М. Булатова, А.Р. Бакирова

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию лингвокультурологического поля «эмоции» в английском, русском и немецком языках. В представленной работе рассматривается понятие «лингвокультурологическое поле», «эмоции»; эмоции рассматриваются с точки зрения лингвистической позиции, а также представлены основные составляющие лингвокультурологического поля «эмоции» на примере английского, немецкого и русского языков. В ходе проведенного анализа было выявлено, что в каждой языковой культуре та или иная эмоция может обладать несколькими значениями, которые выражаются как отдельными лексемами, так и синтаксическими конструкциями.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвокультурологическое поле, этимология, эмоции, лингвокультурология, микрополе

Актуальность настоящего исследования определяется тем, что, несмотря на большое количество трудов, посвященных лингвокультурологическому полю «эмоции», проблемы общей теории эмоции, их наименования и функционирования в различных языках актуальность свою не утратили. Это, в свою очередь, значит, что при сопоставлении нескольких языков важно подчеркнуть общее и специфическое в человеческих эмоциях, определяющихся как особенностями национальной культуры, так и особенностями семантической и грамматической систем каждого языка.

Научная новизна настоящего исследования заключается в сравнительно-сопоставительном исследовании лексических единиц в системе трех языков; в определении национально-культурной специфики лексических единиц, относящихся к концепту «эмоции» в английском, русском и немецком языках.

Таким образом, **целью настоящего исследования** является выявление особенностей лексических единиц лингвокультурологического поля «эмоции» в английском, русском и немецком языках.

Для достижения поставленной цели был обозначен ряд конкретных **задач**:

- 1) уточнить понятия «эмоции», «языковая картина мира», «лингвокультурологическое поле»;
- 2) изучить словообразовательные и семантические особенности лексических единиц, входящих в состав в поле «эмоции» в английском, русском и немецком языках;
- 3) сопоставить лексические единицы лингвокультурологического поля «эмоции» в английском, русском и немецком языках.

Материалом исследования являются лексические единицы и выражения, относящиеся к лингвокультурологическому полю «эмоции», отобранные методом сплошной выборки из различных двуязычных словарей и фразеологических словарей.

Лингвокультурология, будучи разделом лингвистики, имеет непосредственную связь с рядом разных смежных дисциплин, при этом в данный раздел лингвистической науки входят такие разнообразные понятия и явления, в том числе и этнокультурные концепты. По мнению Ю.С. Степанова, концепт включает в себя все то, что делает его фактом культуры – это этимология; история (сжатая до основных признаков содержания); современные ассоциации; оценки и т.д., то есть все то, что отражается через безэквивалентную лексику [6].

Чжан Синьвэй пишет, что лингвокультурология исходит из лингвострановедения, при этом она является комплексной научной дисциплиной, предполагающей развитие лингвострановедения, а также направленной на изучение взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры при взаимном функционировании [5]. Лингвокультурология включает в себя культурологию и лингвистику – через систематический способ анализируются

общая тенденция современной культурной концепции, и изучается через язык национальная культура, которая в нем отражается.

В.Н. Телия считает, что «лингвокультурология ориентируется на человеческий, в частности, на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке. Отсюда следует, что лингвокультурология – есть достояние собственно антропологической парадигмы науки о человеке, центром притяжения которой является феномен культуры [7].

Одним из предметов лингвокультурологии являются лингвокультурологические поля, которые подразумевают совокупность единиц, в которых находит отражение соответствующий фрагмент культуры и которые объединены общим содержанием. В.В. Воробьев рассматривает термин «лингвокультурологическое поле» в качестве систематического и комплексного аналитического пути лингвокультурологической теоретической системы, которое способствует развитию и употреблению семантического поля в области лингвокультурологии. Ученый также считает, что лингвокультурологическое поле – есть сложная многомерная структура, которая в себе носит элементы принадлежности не только самого языка, но и культуры носителей этого языка [2].

Лингвокультурологическое поле основано на системе лингвокультурем, имеют общий смысл и при этом отражают в себе систему определенных понятий культуры. По определению В.В. Воробьева, лингвокультурема – это комплексная межуровневая единица описания лингвокультурологического поля, которая является диалектическим единством лингвистического и экстралингвистического содержания [3].

Лингвокультурологическое поле «эмоции» уже давно привлекает повышенное внимание представителей различных научных отраслей. Изначально понятие «эмоции» рассматривалось рядом отдельных наук, таких как психология, лингвистика, философия, однако, сравнительно недавно эмоции стали объектом пристального внимания междисциплинарных объединений, так как лингвистика и кибернетика, лингвистика и биология, лингвистика и математика и др.

Одним из междисциплинарных объединений является эмотиология, которая основана на языкознании и психологии, вошедшая в сферу научных интересов многих ученых-лингвистов, таких как В.И. Шаховский, И.В. Арнольд, Е.М. Галкина-Федорук, Э.С. Азнаурова.

На протяжении многих лет лингвисты вели спор о том, является ли целесообразным изучение эмоций с лингвистической точки зрения. Так, например, К. Бюлер, Э. Сепир считали, что эмоции, которые, в первую очередь, носят когнитивный характер, а не лингвистический. Однако, Ш. Балли и другие, и мы вслед за ними, убеждены, что эмоциональная составляющая в языке является значимой частью, так как языку присущ эмоциональный аспект.

Эмотиология основана на исследовании эмотивности языка, текста, речи. Лингвокультурология, которая содержит в себе положения об универсальности эмоций, об их интегральном характере и национально-культурных особенностях выражения субъективной сферы человека через средства различных языков, является приложением к данным эмотиологии.

Исследование эмоций – достаточно актуальная проблема, так как при изучении особенностей лингвистики эмоций ученые сталкиваются с рядом вопросов, которые сложны в решении. Среди таких вопросов самым значимым является вопрос о том, каким образом исследовать эмоции, если они как феномен человеческой психики чрезвычайно сложны, причем вербализация эмоций является еще более сложной. Помимо этого, эмоциональные средства языка имеют непосредственную связь с чувствованиями, ощущениями-явлениями, которые сложно различать и которым проблематично дать точные определения. Эмоциональное в языке может исследоваться через применение различных методов, т.к. эмоциональность рассматривается учеными из различных отраслей лингвистики.

Совокупность единиц, отобранных для анализа на основе факта принадлежности их референтов к сфере эмоций, представляет собой объединение лексики и образует, таким образом, группу лексем с одноименным названием. В основе такого объединения слов лежат внешние связи между означенными ими предметами и явлениями материальной действительности, таким образом, экстралингвистический фактор является основным критерием формирования лингвокультурологического поля.

Лингвокультурологическое поле «эмоции» включает в себя десять микрополей: страдание, удивление, депрессия, радость, удовольствие, страсть, тоска, уныние, печаль, гнев, причем каждое микрополе состоит из лексем разных частей речи, так как существительное, глагол, наречие, прилагательное. Так, например, русское микрополе «радость» в английском языке имеет эквивалент «*joy*», так как оно носит однозначный характер. Но если смотреть с позиции английского языка, то «*joy*» имеет три значения: «*веселье*», «*что-либо, вызывающее восторг*», «*восхищение*». Это, в свою очередь, демонстрирует то, что английская лексема по семантической структуре шире русской. Что касается немецкого языка, то здесь все гораздо сложнее, так как микрополе «радость» имеет пять значений в немецком языке: «*die Freude*», «*die Fröhlichkeit*», «*die Lust*», «*die Lustigkeit*», «*das Vergnügen*», при этом эти слова, взятые по отдельности, имеют по несколько значений в русском языке. К примеру, лексема «*die Lust*» значит в русском языке «*радость*», «*удовольствие*», «*кайф*», «*восторг*», «*восхищение*», «*желание*». Все это значит, что у микрополя «радость» имеются компоненты внутренней структуры: «*удовольствие*», «*кайф*», «*восторг*» и др.

Так, например, если взять лингвокультурологическое поле «гнев», то в русском языке оно имеет ряд компонентов внутренней структуры: «*ярость*», «*бешенство*», «*сумасшествие*», «*досада*», «*раздражительность*», «*беспокойство*», «*обиженность*» и др.; в английском же языке «*anger*» также имеет свои компоненты: «*fury*», «*irritation*», «*annoyance*», «*cholera*», «*madness*», «*rage*» и др.; в немецком языке «*der Zorn*» связано с другими компонентами «*die Wut*», «*der Ärger*», «*das Grimm*», что, в свою очередь, демонстрирует, что данное микрополе в русском и английском языках шире, чем в немецком языке. Помимо этого, эмоции проявляются через различные языковые и стилистические средства, фразеологические единицы. Микрополе «гнев» имеет метафорическую концептуализацию в языке: «*гнев есть огонь*» (русс.) [8], «*fire of anger*» (англ.) [4], «*Die Wut is Feuer*» (нем.) [1].

Что касается фразеологических единиц, то лингвокультурологическое поле «эмоции» передается через фразеологизмы-соматизмы. Так, «счастье» передается через фразеологизм «*глаза горят*» (русс.) [8], «*stars in one's eyes*» (англ.) [4], «*die Augen brennen*» (в нем.) [1]; «раздражение: «*не в духе*» (русс.) [8], «*out of sorts*» (англ.) [4], «*aus den Fugen geraten*» (нем.) [1] и др.

Таким образом, применяя структурные и семантические аспекты анализа лингвокультурологического поля «эмоции», можно выявить общее и специфическое в лингвокультурологическом строе английского, русского и немецкого языков. В ходе исследования было определено, что в каждом языке та или иная эмоция может иметь несколько значений, которые структурируются по степени выраженности эмоции, однако, эмоции могут выражаться не только через слова, но и через целые синтаксические конструкции, например, фразеологические единицы.

Литература

1. Бинович, Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь. – М.: Аквариум, 1995. – 768 с.
2. Булатова А.М. Лексико-фразеологические средства репрезентации эмоционального концепта страх в немецком и русском языках: диссертация... кандидата филологических наук. – Казань, 2015. – 223 с.
3. Воробьев, В.В. К понятию поля в лингвокультурологии: Общие принципы // Русский язык за рубежом. – 1991. – № 5. – С. 101.
4. Воробьев, В.В. Лингвокультурология (теория и методы). – М., 1997. – С. 40-60. – С. 44

5. Кунин, А.В. Англо-русский фразеологический словарь: 4-е изд., перераб. и доп. / А.В. Кунин. – М.: Рус. яз., 1984. – 944 с.
6. Синьвэй, Ч. Языковая картина мира в аспекте лингвокультурологии // Успехи современной науки и образования. – 2017. – №2. – С. 186-188. – С. 186.
7. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Школа «Языки Русской культуры», 1997. – 824 с. – С. 81.
8. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
9. Фразеологический словарь русского языка. Свыше 4000 словарных статей / А.И. Молотков и [др.]. – М.: Сов. Энциклопедия, 1968. – 543 с.

Сведения об авторах

Булатова Алсу Магсумовна, к.фил.наук, старший преподаватель Института международных отношений, истории и востоковедения КФУ, e-mail: ksu1056@mail.ru; Бакирова Айгуль Рафисовна, студентка Института международных отношений, истории и востоковедения КФУ, e-mail: abrg@inbox.ru

COMPARATIVE ANALYSIS OF LINGUACULTURAL FIELD OF "EMOTIONS" ON THE MATERIAL OF GERMAN, ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

A.M. Bulatova, A.R. Bakirova

Abstract. This article is devoted to the research of linguacultural field of “emotions” in English, Russian and German languages. This article includes the information about concept “linguacultural field”, “emotions”; they are described from linguistic position. Also this article represents the main segments emotional linguacultural field on the examples in English, Russian and German languages. In the course of the analysis it was revealed that in each language culture this or that emotion may have several meanings, which are expressed as separate lexemes and syntactic constructions.

Keywords: linguaculturology, linguacultural field, emotiology, emotions, linguacultural parts, microfield

Data about the authors

Bulatova A., PhD Phil. sciences, senior teacher of Institute of the international relations, stories and oriental studies of KFU, e-mail: ksu1056@mail.ru; Bakirova A., student of Institute of the international relations, stories and oriental studies of KFU, e-mail: abrg@inbox.ru

УДК 81-119

ЗООНИМЫ В БАШКИРСКИХ И КАЗАХСКИХ ПОСЛОВИЦАХ

А.К. Галина

***Аннотация.** Пословицы и поговорки являются зеркалом культуры народа, отражают его быт, обычаи, традиции. Образы животных используются в пословицах и поговорках при передаче идей и эмоций. В статье анализируются и сравниваются башкирские и казахские пословицы с зоонимами, выявляются сходства и различия их употребления. Оба народа занимались охотой и скотоводчеством с древних времен.*

***Ключевые слова:** паремии, пословицы и поговорки, культура, традиции, зоонимы*

Пословица – мудрое, поучительное изречение, выражающее в лаконичной форме обобщенную мысль, проверенную житейским опытом, вековыми жизненными наблюдениями многих поколений [1, 5]. В пословицах каждого народа отражаются национальная самобытность, национальная культура и история, общественный строй и мировоззрение, образ жизни и виды деятельности. В них отражается все то, чем живет народ. А сравнительный анализ пословиц разных народов позволяет определить их мировоззрение и мировосприятие. Так, если сравнить башкирские и казахские пословицы, можно выделить общие и различные моменты отношения к тем или иным явлениям действительности [2].

Исследование пословиц этих двух народов показывает активное использование в них зоонимов – наименований животных. Это можно объяснить образом жизни и родом деятельности этих народов. Оба народа издавна занимались охотой и скотоводчеством.

Анализ пословиц показывает, что у обоих народов труд всегда в почете. Это доказывают следующие пословицы: “Ялкау атты ял басыр” (4; С. 639) (Ленивую лошадь одолеет) – “Есектің жүгі жеңіл болса, жатаған болады” (2) (Когда груз легкий, ишак часто ложится); “Үгеzzeң азғыны бызау араһында” (4; С. 529) (Бродячий бык среди телят пасется) – “Бұқаның арамзасы бұзау арасында жүреді” (2) (Ленивый бык вместе с телятами пасется) и т.д. Есть и пословицы, которые не имеют эквивалентов в паремии другого народа. Например, лень порицается у башкир пословицей “Ялкаузы кандала басыр” (4; С. 640) (Ленивого клопы одолеют), а у казахов есть пословица “Жаманға жан жуымас, Жалқауға мал жуымас” (2) (Дурня люди сторонятся, лодыря и скотина обходит).

В башкирских и казахских пословицах также отражается трепетное отношение людей к Родине. Выражая любовь к родному краю, эти два народа употребляют пословицы и поговорки с разными зоонимами. Например, башкирские пословицы “Ат туйған ерендә, ир тыуған илендә” (4; С. 510) (Лошадь там, где пасется, мужчина там, где родился) или “Эт туйған ерен эзләй, ир тыуған ерен эзләй” (4; С. 510) (Собака там, где насытилась, мужчина там, где родился) соответствуют казахской “Ер туған жеріне, ит тойған жеріне” (2) (Человека тянет туда, где он родился, собаку тянет туда, где она наелась).

Проблема социального неравенства отражается в следующих пословицах: “Бай таһна – котло булһын! Ярлы таһна – кайзан алдың?” (4; С. 653) (Бай найдет – добра желают, бедный найдет – “откуда взял?” вопрошают) – “Бай ат мінсе, “қайырлы болсын” дейді, жарлы ат мінсе, “қайдан алдың” дейді” (2) (Богатый едет на коне – счастливого пути желают, бедняк едет на коне – “где взял” вопрошают).

Невежество и корыстолюбие мулл и религиозных представителей порицается у обоих народов: “Үләнле ерзә мал һимерер, үлемле ерзә мулла һимерер” (4; С. 408) (Там, где много травы скот жиреет, там, где много смерти, мулла жиреет) – “Өленді жердің өгізі семіз, өлімді жердің молдасы семіз” (3) (Быки жиреют там, где много травы вырастает, мулла жиреет там, где много людей умирает). Или же: “Мулла белгәнән укыр, тауык күргәнән суқыр” (4; С. 408) (Мулла читает, что в голову взбредет, курица клюет, что вилит) – “Қарға көргенін шоқиды, молда білгенін оқиды” (3) (Ворона клюет, что на глаз попадет, мулла поет, что в голову взбредет). То же значение передается через разные зоонимы.

В пословицах также находят отражение традиции гостеприимства. Эти пословицы у обоих народов эквивалентны: “Эйәһен һыйлаһаң, этенә һөйәк һал” (4; С. 570) (Угощая гостя, не забудь положить косточку и его собаке) –

“Сыйлы қонағың келсе, итине сүйек таста” (2) (Если пришел уважаемый гость, и собаке его кинь кость). Есть и похожие на приметы: “Котло қунак өйгә килһә, куйың игез бәрәнләр” (4; С. 364) (Если хороший гость придет, овца двойню принесет) – “Құтты қонақ келсе, қой егіз табады” (2) (Когда желанный гость придет, овца двойню принесет).

Немало пословиц и о торговле: “Тәңкә тиндән үсер, йылкы колондан үсер” (4; С. 353) (Рубль складывается из копейки, кобыла вырастает из жеребенка) – “Жылкы құлынынан өнеді, ақша тиыннан өнеді” (2) (Без тиынки нет тенге, без жеребенка нет коня). Казахской пословице “Ат алсаң, ауылыңмен ал” (2) (Если коня покупаешь, покупай всем аулом) соответствует башкирская “Ат алһаң, өйөң менән кәңәшләш, катын алһаң, ауылың менән кәңәшләш” (4; С. 421) (Если коня решишь купить, посоветуйся с родней, если жениться решишь, посоветуйся со всей деревней), но с расширенным значением, которое отражает и семейные отношения.

Воспитание семейных ценностей начинается с самого детства. Уважение к старшим прививают следующие пословицы: “Которған эт айға һикерә” (4; С. 601) (Возгордившейся пес на луну кидается) – “Арыстан асқынса, айға шабар, ақымақ асқынса, анасын сабар” (2) (Возгордится лев – на луну кидается, возгордится дурень – на мать свою задирается). Есть и пословицы, призывающие к единению родственников: “Көтөүсе күп булһа, һарықты бүре алыр” (4; С. 560) (Если много пастухов, овцы волку достаются) – “Қойшы көп болса, қой арам өледі” (2) (Когда много пастухов бывает овцыдохнуть начинают); “Ағай-эне татыу булһа, ат күп булыр, аһын-эзе татыу булһа, ашарға аш етә” (4; С. 459), “Ағай-эне татыу булһа, менергә ат етә, килендәштәр татыу булһа, ашарға аш етә” (4; С. 459) (Если братья ладят между собой, коней хватит на всех, если ладят их жены между собой, еды будет хватать на всех) – “Ағайын тату болса ат көп, абысын тату болса ас көп” (3) (Братья ладят – многочисленны стада, невестки ладят – в изобилии еда).

Таким образом, в башкирских и казахских пословицах активно используются зоонимы. Они используются для более точной характеристики внешности, поведения и характера человека, для отражения общественных и семейных отношений, мировоззрения и миропонимания. Зоонимы в пословицах также выражают и эмоционально-экспрессивное отношение к объекту оценки.

Литература

1. Башкирское народное творчество. Т. 7. Пословицы, поговорки. Приметы. Загадки. – Уфа: Башкирское книжное издательство “Китап”, 1993. – 464 с.
2. Латыпова Ю.А. Галина А.К. Зоонимы в башкирских и монгольских пословицах// "Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактические аспекты профессиональной подготовки переводчиков": материалы V Научно-практической интернет-конференции с международным участием. Тула, 2017. (0.3 п.л.).
3. Казахские пословицы и поговорки // http://www.bilu.kz/poslovicy_pogovorky.php (табл)
3. Казахские пословицы и поговорки // http://proverb.kazakh.ru/?PAGEN_1=16
4. Әхтәмов М.Х. Башҡорт халыҡ мәҡәлдәре һәм әйтемдәре һүзлегә. – Өфө: З. Бишшева ис. “Китап” нәшриәте, 2008. – 776 б.

Сведения об авторе

Галина А.К., магистрант БГПУ им. Акумуллы

ZOONYMS IN BASHKIR AND KAZAKH PROVERBS

A.K. Galina

Abstract. Proverbs and sayings are a mirror of the culture of the people, reflecting its way of life, customs and traditions. Images of animals are used in proverbs and sayings in the transmission of ideas and emotions. The article analyzes and compares Bashkir and Kazakh proverbs with zoonims, reveals similarities and differences in their use. Both peoples have been engaged in hunting since ancient times.

Keywords: paremia, proverbs and sayings, culture, traditions, zoonyms

Data about the author

Galina A., graduate student of BSPU named after Akmullah

УДК 81'44

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ПАРЕМИЙ С ПРОХИБИТИВНОЙ СЕМАНТИКОЙ

Е.А. Денисова

Аннотация. Данное исследование посвящено вопросам изучения структурно-семантических особенностей русских и немецких паремий, содержащих прохибитивные конструкции. На основе подробного анализа картотеки исследования были выявлены 10 русских и 10 немецких синтаксических структур, эксплицитно выражающих семантику прохибитива в паремиях двух языков. В статье отмечаются как общие черты русских и немецких конструкций, так и структурно-семантические различия анализируемых паремиологических единиц. *Ключевые слова:* паремия, прохибитив, прохибитивная конструкция, структурно-семантический анализ, русский язык, немецкий язык

Фундаментом представленного исследования явилась картотека паремиологических высказываний, составленная посредством сплошной и специальной выборки из значимых паремиографических источников отечественных и зарубежных исследователей, среди которых: В. П. Аникин, В. И. Даль, И. И. Иллюстров, В. П. Жуков, В. Г. Мокиенко И. М. Снегирев, Х. и А. Байер, К. Зимрок, С. Вагнер, К.Ф.В. Вандер. Всего фонд исследования составили 1743 паремии с прохибитивной семантикой (1500 русских и 1243 немецких).

Под прохибитивной семантикой в данном исследовании понимаются коннотативные оттенки запрета, предостережения, совета, синкретично наполняющие собой представленную семантическую область. Прохибитивные оттенки проявляются в паремиях за счет их важнейшей для этого исследования сущностной характеристики, клишированности. Клишированность паремий предполагает наличие ряда структур, репрезентирующих прохибитивную семантику. Таким образом, на основе проведенного структурно-семантического анализа мы выделяем 10 русских и 10 немецких прохибитивных конструкций, характеризующихся высокой частотностью употребления.

Значительный вклад в изучение прохибитивных конструкций внесли следующие отечественные и зарубежные исследователи: Е. В. Астапенко, Е. И. Беляева, Л. А. Бирюлин, В. С. Храковский, А. Вежбицкая, Д. Вундерлих, М. А. Кулькова, З. К. Тарланов, И. Б. Шатуновский, Й. Форрерстер и др.

Под прохибитивными конструкциями в широком смысле мы подразумеваем структуры, эксплицитно выражающие побуждение к невыполнению какого-либо действия посредством различных грамматических средств и синтаксических конструкций с отрицанием, выраженных в виде формулы «отрицание + императив», безличными инфинитивно-предикативными или модальными конструкциями [6, с. 131–133]. Также в данном исследовании представлены 2 синтаксические структуры, грамматически имплицитно выражающие семантику прохибитива: «грех / грешно + инфинитив» (нем. аналог «sündig + sein / Substantiv + ist + Sünde») и паремии с императивными формами глаголов (*ver*)schweigen / молчать.

К прохибитивным конструкциям, содержащимся в русских паремиях, мы относим:

1) «Не + императив 2 л. ед. ч.» (86%): *Не клади* ему пальца в рот! [3, с. 295]; Дела с бездельем *не смешивай* [1, с. 75]; За горячее железо *не хватайся* [1, с. 100] и т.д. Иллокутивная сила запрета в таких паремиях высока, так как импульс прохибитивного высказывания исходит от адресанта, при этом статус говорящего находится выше адресата, в чьих интересах исполнение волеизъявления говорящего. Посредством пословиц адресат может получить наставление, назидание, предостережение, поощрение, запрет к определенному действию, можно даже подметить, что в таких случаях пословица становится инструкцией к выполнению/невыполнению действия, обобщая народный опыт: ты должен так поступить, так как все так поступают;

2) «Не+глагол в 3л. мн. ч.» (6%): В чужой монастырь со своим уставом *не ходят* [8, с. 59]; В чужом доме *не указывают* [8, с. 59]; В чужом хлеву овец *не считают* [2, с. 41] и т.д. Иллокутивная сила запрета в данных конструкция по сравнению с отрицательным императивом 2 лица единственного числа заметно снижена за счет отсутствия строгой категоричности к невыполнению действия;

3) конструкцию «Нельзя+инфинитив» (2%), демонстрирующую высокую степень категоричности к невыполнению действия: В своем доме самому судьёю *быть нельзя* [8, с. 56]; Кто без числа божится, на того *нельзя положиться* [1, с. 146]; Мало ль чего можно, да *нельзя*. Оно бы очень можно, да никак *нельзя* [3, с. 110] и т.д.;

4) паремии с компонентом «молчать» в форме императива (1%), накладывающие запрет на устную речь: Знаючи – говори, а не знаючи – *молчи* [2, с. 109]; *Молчи*, коли бог разуму не дал [3, с. 276]; В добрый час молвить, в худой *промолчать!* [3, с. 471] и т.д.;

5) «Императив + не это/так, (а,но,да) то/так» (1%). В данном случае отрицание стоит после побуждения к выполнению действия. В приведенных далее примерах можно отметить наличие акротезы, особого стилистического приема, который направлен на утверждение одного из действий, явлений, признаков или предметов и отрицании другого, при этом отмечается обязательное наличие противительный союзов: Выбирай жену *не глазами*, но *ушами* [8, с. 60]; Бей врага *не в бровь*, а в *глаз* – такой народа наказ [7, с. 160]; Бойся не того, кто *кричит*, а того, кто *молчит* [9, с. 13] и т.д.;

6) «Грех/грешно+инфинитив» (1%) по категоричности запрета являются довольно неоднозначным феноменом. Пословицы о грехе представляют религиозно-нравственные ценности народа, поэтому не для каждого человека они будут являться аргументом к невыполнению какого-либо действия. В православии грех связан с осознанным или неосознанным отступлением от религиозных заповедей: Без денег в церковь *ходить грех* [3, с. 22]; Всякая неправда *грех*. [3, с. 22]; Обиженного *обижать* – двойной *грех* [3, с. 90]; *Грешно дать умереть* младенцу в люльке: все одно, что на виселице [В.И. Даль:24]; В валенках *молиться грешно* [3, с. 24] и др.;

7) «Не+императив 2л. мн. ч.» (1%): Не спорьте о приданом, после прибавим [3, с. 478]; Кумиться – кумитесь, да не подеритесь! [3, с. 244]; Не прикажите голову рубить, прикажите речь говорить! [3, с. 114] и др.;

8) «Не велит/не велят + инфинитив», которая составляет всего 1% от отобранных пословиц: Дом невелик, да лежать не велит [3, с. 363]; И рад бы дать, да кабалить не велят [3, с. 333]; Плакать не смею, тужить не велят [3, с. 81]; Сказать не велят, утаить нельзя [3, с. 119] и т.д. Пословицы с представленной конструкцией по своему синтаксическому строю представляют собой в основном сложносочиненные предложения с противительными союзами;

9) «Нечего + инфинитив» (менее 1%). Пословичные изречения, включающие в свой синтаксический строй данную конструкцию, являются предложениями изъявительного наклонения, в которых прохибитивная семантика репрезентируется безличным предикативом «нечего», модально выражающим отрицание: На чужую кучу *нечего* глаза *пучить* [3, с. 384]; *Нечего* руками *рассуждать*, коли Бог ума не дал [9, с. 39]; *Нечего* бога *гневить*, надо правду говорить [3, с. 117] и т.д.;

10) структуру «Не+инфинитив» (менее 1%), обладающую высокой степенью иллокутивной силы запрета. Нами было зафиксировано лишь 4 случая употребления данной конструкции среди отобранных паремий: В те сани не садиться, в которых *не катиться!* [2, с. 40]; С богом *не спорить!* [7, с. 73]; Задумал бежать, так *не лежать!* [3, с. 309]; К утрени собираться, так в постели *не валяться*, а пораньше вскочить, да в церковь спешить! [8, с. 200].

В немецкоязычном корпусе исследования нами были выделены следующие структуры:

1) «Man/Es+Modalverb+Negationswort+Infinitiv» (35%) представляющие собой неопределенно-личные предложения изъявительного наклонения: *Es darf niemand gleich*

mit einem Sack *kommen* [13, с. 1810]; *Man soll* die Rechnung *nicht* ohne den Wirt *machen* [11, с. 419]; *Man muss nicht* alle Eier in einen Korb *thun* [13, с. 756] и т.д.;

2) «Imperativ 2. Person Singular+Negationswort» (26%): *Klage nicht* jedem deine Noth [12, с. 136]; *Lauf nicht* ehe dich jemand jagt [12, с. 111]; *Abbitte nicht*, aber Halsstarrigkeit ist Schande [12, с. 10] и т. д. Данная структура зачастую отражается также и внутри более сложных конструкций сложноподчиненных предложений имеющих вид: а) «Was ..., (das) ...»: *Was* du nicht bedarfst ins Haus, dafür *gib keinen* Heller *aus* [13, с. 289]; *Was* du nicht haben willst, *das suche nicht* [11, с. 507]; *Was* du nicht kannst, *das treibe nicht* [13, с. 1494]; б) «Wer ..., (der/dem/den)...»: *Wer* dich einmal betrogen hat, *dem traue* dein Lebtage *nicht* wieder [11, с. 70]; *Wer* dich meidet, *den suche nicht* [10, с. 281]; *Wer* frei sein kann, *mache nicht* selbst *sich zum Knecht* [13, с. 1146]; в) и условных предложениях с «Wenn ..., (so)...»: *Wenn* das Glück bei dir anklopft, so *sprich nicht*: Geh weiter! [13, с. 1762]; *Wenn* dein Weg durch die Mühle geht, so *schreie nicht*, wenn dich ein Esel tritt [13, с. 1850]; *Wenn* der Esel stürzt, so *schimpfe nicht* auf den Sattel! [13, с. 870] и т.д.;

3) «Substantiv/Pronomen + Modalverb+Negationswort+Infinitiv» (23%): *Er darf nicht* miau sagen, wenn er auch die Katze im Arm trägt [13, с. 651]; *Das Huhn soll nicht* krähen vor dem Hahn, das Weib *nicht* reden vor dem Mann [13, с. 799]; *Der Schwanz muss nicht* dem Kopf befehlen [13, с. 419] и др.;

4) Конструкция «Sein+nicht+zu+Infinitiv» составляет 10% из общего числа отобранных немецких паремий. Посредством данной структуры прохибитивная семантика репрезентируется в «мягкой» форме в виде наказания, т.е. адресант указывает на поступки, которые говорящему не стоит совершать: Dem Willen des Kindes *ist nicht zu trauen* [13, с. 236]; Es *ist nicht zu fürchten*, dass der Arsch den Kopf abreissen wird. [13, с. 1277]; Dem Teufel *ist nicht zu trauen*, und wenn er sich noch so fromm stellt [13, с. 1060];

5) "Man+ Verb 3. Person Singular+ Negationswort" (4%) носит неопределенно-личный характер и указывает на коллективное отношение социума к реальности, в которой отражен единый горизонт накопленного поколениями опыта, отражающий также и оценочное отношение лингвокультурного общества к определенному действию: *Man gibt nicht* viel Goldes um ein Ei [11, с. 112]; *Man kauft* den Wein *nicht* nach der Gestalt des Fasses [11, с. 191]; *Man lernt nicht* schwimmen, bis einem das Wasser ins Maul läuft [11, с. 478] и т.д.;

6) Немецкий глагол «schweigen/verschweigen», имеющий значение «молчать/умалчивать» (1%) в форме императива автоматически запрещает говорить: Hast du was Liebes, so *schweige* davon [13, с. 175]; *Verschweige*, was du tun willst, so kommt dir niemand dazwischen [11, с. 476]; Bei Narren *schweige* oder narre mit [13, с. 878]; Sprich, was besser ist als nichts, oder *schweige* [13, с. 738] и т.д. В пословицах с данным глаголом иллокутивная сила запрета высока, особенно если отправитель высказывания не приводит аргументов для необходимости выполнения действия.

7) Высокую степень запрета также демонстрирует конструкция «verboten sein», однако при этом частотность ее употребления заметно снижена и составляет всего 1% от общей массы отобранных немецких паремий: Aus der Beichte schwatzen *ist verboten* [13, с. 296]; Fasten und feiern *ist* der Christenheit *verboten* [13, с. 937]; Mishandlung unvernünftiger Thiere *ist verboten* [13, с. 668] и т.д.;

8) «Imperativ 2. Person Singular+Negationswort» (менее 1%): *Zankt euch nicht*, gebt euch lieber Nasenstüber [13, с. 499]; *Zankt euch nicht*, schlagt euch lieber und kriegt euch bei den Köpfen [13, с. 499]; *Zankt euch nicht*, sonst kommt der Datte [13, с. 499].

9) «Sündig+sein/Substantiv+ist+Sünde» (менее 1%): Wer oft schwört, *sündig* oft [14, с. 282]; Kampf *ist* Sünde [18, с. 23019]; Wer sich einer Sünden rühmt, *sündig* doppelt [16, с. 508] и др.;

10) «Kein+Substantiv» является самой нераспространенной прохибитивной конструкцией в немецких пословицах. Встретился лишь единственный случай употребления данной структуры в собранной картотеке исследования: *Kein Tanz*, der Teufel hat dabei den Schwanz [11, с. 511].

Среди указанных конструкций двух языков можно выделить ряд конструкций, сопадающих на семантическом синтаксическом и/или грамматическом уровнях. Сопоставительные данные приведены в табл. 1 «Прохибитивные конструкции русских и немецких паремий имеющие семантические, синтаксические и/или грамматические соответствия»:

Таблица 1

Прохибитивные конструкции русских и немецких паремий
имеющие семантические, синтаксические и/или грамматические соответствия

Прохибитивные конструкции в немецких паремиях	Процентное соотношение	Прохибитивные конструкции в русских паремиях	Процентное соотношение
«Imperativ 2.Person Singular+Negationswort»	26%	«Не + императив 2л. ед.ч.»; «Императив + не..., (а,да,но)...»;	86%
«Man+ Verb 3. Person Singular+Negationswort»	4%	«Не + 3л. ед.ч.»	1%
«Schweigen» im Imperativ	1%	Пословицы с императивными формами глагола «молчать»	6%
«Imperativ 2.Person Plural+Negationswort»	0,1%	«Не + императив 2л. мн.ч.»	0,6%
«Sündig+sein/ Substantiv+ist+Sünde»	0,5%	«Грех/грешно+инфинитив»	0,5%

Наличие данного ряда конструкций подтверждает тот факт, что формульность и структурность, как сущностные характеристики паремий, не только находят свое яркое выражение в пословицах, но и имеют широкое распространение.

Литература

1. Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор / В.П. Аникин. – М.: Учпедгиз, 1957. – 240 с.
2. Аникин В. П. Русские пословицы и поговорки / В. П. Аникин. – М.: Художественная литература, 1988. – 434 с.
3. Даль В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М.: Астрель, 2001. – 752 с.
4. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков – М.: Русский язык, 1991. – 537 с.
5. Иллюстров И. И. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках: Сборник русских пословиц и поговорок / И. И. Иллюстров. – СПб.: Санкт-Петербургская Губернская типография, 1910. – 583 с.
6. Кулькова М. А. Структурно-семантическая характеристика русских и немецких пословиц, содержащих прохибитивные конструкции / М. А. Кулькова, Е. А. Денисова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12 (78). – Часть 3. – С. 131–133.
7. Мокиенко В. Г. Большой словарь русских пословиц / В. Г. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – М.: Олма Медиа Групп, 2010. – 1024 с.
8. Снегирев И. М. Новый сборник русских пословиц и притчей, служащий дополнением к собранию русских народных пословиц и притчей, изданных в 1848 году И. Снегиревым / И. М. Снегирев. – М.: Университетская тип. 1857. – 503 с.
9. Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи / И. М. Снегирев. – М.: Университетская тип., 1848. – 504 с.
10. Beyer H. Sprichwörterlexikon / H. Beyer, A. Beyer. – München: Beck, 1987. – 712 S.
11. Simrock K. Die deutschen Sprichwörter /K. Simrock. – Düsseldorf: Albatros Verlag, 2003. – 630 S.
12. Wagener S. Ch. Sprichwörter-Lexikon mit kurzen Erläuterungen / S. Ch. Wagener. –Hildesheim, Zürich, New York: Georg Olms Verlag, 2005. – 212 S.
13. Wander K. F. W. Deutsches Sprichwörter-Lexikon: Ein Hausschatz für das deutsche Volk / K. F. W. Wander. – Leipzig: Brockhaus, 1867-1880. – Bd. I-V. – 9254 S.

Сведения об авторе

Денисова Е.А., преподаватель Казанского (Приволжского) федерального университета, e-mail: annewolffgang@inbox.ru

STRUCTURAL-SEMANTIC ANALYSIS OF
THE RUSSIAN AND GERMAN PROVERBS WITH PROHIBITIVE SEMANTIC

E. A. Denisova

Abstract. This research is devoted to questions of studying of structural-semantic features in Russian and German proverbs containing prohibitive constructions. On the basis of the detailed analysis of the collected proverbs 10 Russians and 10 German syntactic structures with explicitly expressing semantics of prohibitive have been revealed. In the article are noted as common features of the Russian and German designs, and structural-semantic differences of the analyzed proverbial units.

Key words: proverb, prohibitive, prohibitive construction, structural-semantic analysis, Russian language, German language

Data about the author

Denisova E., Lecturer of Kazan (Volga region) Federal University, e-mail: annewolfgang@inbox.ru

УДК 81

РУССКИЕ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РОМАНАХ Г. ИСХАКИ «НИЩЕНКА», «МУЛЛА БАБАЙ»

Г.К. Исмагилова

Аннотация. Литература – это один из видов искусства, которое художественно и образно отображает жизнь человека. Писатели изображающие действительность реального времени, прибегают к различным загадочным понятиям. Эти новые понятия заставляют исследователей искать объяснения изобразительно-выразительных средств.

Данная статья посвящена заимствованиям в произведениях татарского писателя Г. Исхаки. Некоторые иноязычные слова не сохранили своего первоначального значения. Они подвергались фонетическим и морфологическим изменениям. Слова рассматривались исходя из однозначности, многозначности.

Ключевые слова: лексика, заимствования, татарский, русский, английский, переносное значение, литература

Образное воспроизведение материала осуществляется благодаря смысловым и изобразительно-выразительным средствам языка. Только слова способны дать живую картину всего сюжета, они обладают рядом специфических особенностей. Писателю удается добиваться красоты при помощи слов и выражений.

Русский язык считают одним из содержательных языков мира. Одна из причин такой популярности кроется в словообразовательной способности русского языка, а также в его восприимчивости перенять слова из других языков. Когда слова заимствуются из одного языка в другой язык, между ними происходят новые отношения в комбинации с другими лексемами. В отдельных случаях слова даже могут потерять исходное значение и перестать восприниматься как непонятное явление в языке. Данная метаморфоза случается со всеми языками в мире. Безусловно, языки продолжают приобретать новые оттенки благодаря заимствованиям. Заимствования считаются одним из главных способов расширения словарного фонда языка, но отнюдь не единственным и эксклюзивным. Необходимо обратить особое внимание на то, что заимствования начинают носить одно или несколько значений. Тогда уже второе значение возможно станет основополагающим. Иногда может произойти исчезновение из языка слов, близких по обозначению с новой лексикой. Такие случаи происходят, когда абсолютные синонимы теряют свои позиции и либо ликвидируются из языка [1].

В словарном материале романов «Нищенка», «Мулла бабай» можно найти большое количество русских и западноевропейских заимствований. При этом в романе «Нищенка» их больше, чем в романе «Мулла бабай». С точки зрения современного литературного языка употребление некоторых заимствований из русского языка может показаться странным, но это объяснимо – в то время национальный литературный язык только создавался. По некоторым примерам можно сделать предположение, что в народном языке впервые начали употребляться те или иные заимствования из разных областей науки, общественной жизни, быта: *Иван Васильевичыңа телефон белән генә сөйләрсен* [Н., 180] “своему Ивану Васильевичу расскажешь по телефону”, правильное будет сказать, *Ивану Васильевичың белән телефоннан гына сөйләшерсен*.

Газраил янында протекция басып, тизрәк тегене үтерер өчен нәзерләр, ясиннар, салаватлар алалар иде. [М. б., 264], данное предложение очень сложно перевести, совершенно непонятно, что автор хотел этим сказать, но только из контекста становится ясно, что писатель имел в виду. Дело в том, что некоторые люди хотели смерти одной состоятельной женщины, всячески помогали ей отправиться в иной мир к Газраилу при помощи различных предсмертных, хвалебных молитв [2].

Среди слов с переносными значениями особо выделяются метафоры, отличающиеся по семантическим функциональным признакам. Рассматриваемые заимствования в контексте с татарскими словами образуют экспрессивные, образные, метафорические яв-

ления: *чиркәүләр аларны йотты* [Н., 180] “церкви их проглотили”, *шул эшләрне, улчәп аларга проба сугарга* [Н., 195] “взвесив все эти работы, поставить на них пробу”.

В отличие от метафор при метонимическом переносе связь между значениями сохраняется больше. В романах имеется следующий метонимический перенос: *Мансур әфәнде Тургеневны бик сөя иде* [Н., 46] “господин Мансур очень любил Тургенева”, в этом примере подразумеваются произведения Тургенева. Функцию эпитетов могут выполнять также названия частей тела человека и названия одежды: *кызыл мыеклы, ялтыраган йөзле дворник* [Н., 63] “дворник с красными усами, блестящим лицом” [3].

Основной причиной заимствований является необходимость называть вещи, понятия, заменять описательные обороты. Следует заметить, что заимствования не наносят вреда другому языку, а обогащают его лексический запас, способствуют развитию словообразования. Таким образом, заимствование – процесс, охарактеризующийся наличием конкретных причин, чаще экстралингвистических. Многие русские слова, когда попадают в татарский язык, постепенно подчиняются правилам татарской фонетики. А иногда совсем теряют черты своего русского происхождения. Лексические изменения представляют особый интерес для исследования. Благодаря лексике можно детально рассмотреть социальные причины изменения лексем. Приобретенные слова по-другому называют универсальными языковыми явлениями. В мире не существует языков, которые не имели бы друг на друга никакого влияния, ведь люди не могли жить изолированно. Новые слова довольно интенсивно влияют на лексическую систему языка-рецептора.

Формирующийся татарский язык впитывал в себя не только русские, но и западноевропейские заимствования, которые перешли через русский язык. Среди них большое место занимают общеупотребительные слова из области науки, политики, культуры. В романах «Нищенка», «Мулла бабай» некоторые западноевропейские заимствования используются очень широко. Они являются стилистически нейтральными: *югарыгы балконга карый башладылар* [Н., 177] “начали смотреть на верхний балкон”; *театрга баруның файдалылыгы* [Н., 174] “польза от хождения в театр” [4].

Одно слово не всегда способно образовывать такие тропы как, метафора, метонимия, даже фразеологизм. Итак, например, значение слова *мәче* “кошка”, не имеющее никакой экспрессивности, раскрывается в сочетании со словом *концерт*, в результате чего получается фразеологизм *мәче концерты* [М. б., 301] “кошачий концерт”.

В исследованных романах большая часть заимствованной лексики является неоднородной с точки зрения стилистики. Они употреблены в образном значении. В романах используются следующие сравнения, образованные с участием западноевропейских заимствований: *яңа дару кәшеф кылган доктор кебек шатлык берлә тулды* [Н., 205] “наполнился радостью как доктор, который изобрел новое лекарство”; *шпион кебек саклап йөрергә* [Н., 209] “подкарауливать как шпион”; *электрик тогы кебек* [Н., 78] “как электрический ток”; *зур мәмләкәт ачкан командир кебек* [Н., 203] “как командир, открывший новый континент”; *солдатлар лагере кебек тынычлык* [Н., 109] “тишина как в солдатском лагере”; *вулкандин чыккан кебек булар* [Н., 25] “пар вышедший как из вулкана”.

Сравнения могут оформляться в виде отдельных предложений и быть связанными и с предыдущим предложением. Они более ярко и полно раскрывают образы героев, употребляются тогда, когда писатель намерен более точно донести до читателей свою поэтическую идею. В сравнениях сопоставляются разные предметы, по – другому уподобляются. Образ наиболее четко раскрывается через общие признаки. В литературе сравнение часто сопровождается союзом “словно”, “как”, “точно”. Они могут придать тексту большую выразительность. Такое сравнение часто используется при развернутом художественном описании. *Шуның өчен бу эш әлбәттә уен түгел! Бу да үзенә күрә бер артистның сәхнәдәге беренче дебюты* [М. Б., 392] “Поэтому эта работа, конечно, не является игрой. Это тоже в своем роде дебют артиста на сцене” [5].

Среди тропов особое место занимают индивидуально – авторские метафоры. Такие метафоры очень выразительные, возможности их создания неисчерпаемые, имеют не-

ограниченные способности выявления сходства разных предметов путем сопоставления. С помощью них писатель сумел создать самые необычные образы: *яңа эхлак фонарьлары* [Н., 160] “фонари новой этики”.

Генетический анализ позволяет сделать вывод, что лексика романов в генетико-этимологическом аспекте подразделяется на четыре основных пласта: тюрко-татарский, арабо-персидский, русский и западноевропейский.

Самую большую часть лексики представляют тюрко-татарские слова. Это не удивительно, если принять во внимание, что основной словарный фонд татарского языка составляет тюрко-татарский пласт. В течение многих веков татарский язык обновлялся и развивался за счет новых образований. Особое место в составе лексики занимают заимствования из разных языков. Среди них выделяются такие группы: 1) индокитайские; 2) монгольские; 3) арабо-персидские; 4) русские; 5) латинские; 6) греческие; 7) французские; 8) немецкие; 9) итальянские; 10) английские; 11) голландские слова. В романах весьма активно употребляются арабо-персидские, русские и западноевропейские заимствования, характерные для того периода, когда были написаны романы.

В свете политических и экономических событий арабо-персидские слова стали меньше употребляться, позже вместо них в обиход вошли русские и западноевропейские заимствования, характерные для того периода, когда были написаны романы. Некоторые арабизмы и персизмы настолько усвоились, что их трудно считать заимствованиями. Близкое соседство русского народа накладывает свой отпечаток на развитие татарского языка. Вторжение русских и европейских слов началось издавна, продолжается и сегодня. В нашей работе русские и западноевропейские заимствования были тщательно проследованы. Соответственно, слова рассматривались с точки зрения однозначности, многозначности, в зависимости от того, что они обозначают в контексте. В итоге, следует отметить, что произведения содержат богатый лексический материал, автор смог найти свои индивидуальные языковые краски в местных говорах, заимствованиях и в живой народной речи.

Условные обозначения

М. б. – произведения Г. Исхаки «Мулла бабай»;

Н. – произведение Г. Исхаки «Нищенка».

Литература

1. Абдуллин И.А. Камал драмаларының теле (Язык драм Г. Камала) / И.А.Абдуллин. – Казан, 1971. – 192 б.
2. Элхужаш Н. Ике йөз елдан соң инкыйраз / Н. Элхужаш. – Эл– Гасрел Жәдид. – Уральски, 1906. – 101 б.
3. Исмагилова Г. К. Лексика романов Г. Исхаки «Нищенка», «Мулла бабай» автореф. диссер. к. ф. н. / Г. К. Исмагилова. – Казань, 2008. – С: 1-25.
4. Исхакий, Г. Г. Эсәрләр: 15 томда. / Г. Г. Исхакий. – Казан, 2001. – 3т. – 448 с.
5. Исхакий Г. Г. Эсәрләр: 15 томда. / Г. Г. Исхакий. – Казан, 2001. – 8 т. – 447 с.

Сведения об авторе

Исмагилова Гулюса Курбангалиевна, канд. филол. наук, старший преподаватель, ИМОИиВ, КФУ, e-mail: ismagilowagulyusa@yandex.ru

RUSSIAN AND WESTERN EUROPEAN BORROWINGS IN G. ISKHAKI'S NOVELS "THE BEGGAR", "MULLAH BABAY"

G. K. Ismagilova

Abstract. Literature is one of the forms of art that reflects a human's life artistically and figuratively. Writers depicting the reality of a particular time, turn to a variety of mysterious concepts. These new concepts force researchers to look for explanations of figurative and expressive ways.

This article is devoted to the borrowings in the novels of Tatar writer G. Iskhaki. Some foreign words did not retain their original meaning. They were endured phonetic, morphological changes. The words were analyzed based on unambiguity, polysemy.

Key words: vocabulary, borrowings, Tatar, Russian, English, figurative meaning, literature

Data about the author

Ismagilova G., cand. of philol. sciences, senior lecturer, the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, KFU, e-mail: ismagilowagulyusa@yandex.ru

УДК 81

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ «ПУТЕШЕСТВИЕ/ TRAVEL» В РУССКО-АНГЛИЙСКОМ МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ю.А. Козлова, О.А. Николаева

***Аннотация.** Данная статья посвящена сопоставительному анализу концептов «путешествие/ travel» в русской и английской лингвокультурах. Исследование концептов – актуальное направление современной лингвистики, поскольку именно данный ракурс позволяет рассматривать слово в контексте культуры, познания и коммуникации. Цель статьи выявить особенности концептов "путешествие/ travel" в русском и английском языках. Методами исследования являются методика контекстного анализа, методика сопоставительного анализа, методика концептуального анализа. Главным материалом для статьи послужили газетные и художественные дискурсы; данные сплошной выборки из толковых словарей английского и русского, пословицы и поговорки; афоризмы; словарные статьи; диссертации; авторефераты; научная литература.*

***Ключевые слова:** лингвистика, концепт, дискурс, лингвокультура, английская лингвокультура, русская лингвокультура*

Исследование концепта "путешествие" является интересным и актуальным для лингвистики в силу того, что позволяет обратиться к национально и культурно специфичным аспектам картины мира определённого народа, отражаемым языком, который, по мнению Л.А. Чумаровой, является не только средством человеческого общения, орудием передачи мысли, но и выступает в качестве зеркала национальной культуры, ее хранителя [10]. Сегодня в лингвистике рассматривается широкий круг концептов. Концепт "путешествие/ travel" представляется особенно актуальным в настоящее время, так как он наполнен большим количеством функциональных оттенков, которые воспринимаются и отражаются по-разному в различных сферах жизнедеятельности человека. В современном обществе все большее место уделяется понятиям концепции вообще. Человечество начинает мыслить концептами. Действительно, именно концептуальное понятие как таковое выступает важным базисом, гарантом успеха при межкультурном и деловом общении, обладает целостностью, несет в себе ценностное ядро.

Методика контекстного анализа, методика сопоставительного анализа, методика концептуального анализа. Отбор материала, последующее его исследование и систематизация результатов осуществлялись с помощью метода сплошной выборки, компонентного анализа, описательного метода, сравнительного анализа, контекстуального анализа. Основной подход к исследованию – лингвокультурологический, что предполагает изучение национально-культурной семантики языковых единиц.

Изучение ключевых концептов в соответствующих картинах мира позволяет прояснить целый ряд проблем, связанных с менталитетом и культурой разных народов. Так, к ключевым культурным концептам любой языковой картины мира относится концепт «путешествие». Данный концепт является основным или актуальным, а в данный исторический момент в рамках глобализационных процессов концепт «путешествие» модернизируется в «туризм».

Обзор современной лингвистической литературы показал, что диапазон исследуемых концептов широк, однако исследование концепта "путешествие" на материале русского и английского языков изучено не полно. Поэтому исследование концепта "путешествие" представляется нам актуальным. Для выявления понятийного аспекта концепта "путешествие" мы рассмотрели статьи в нескольких толковых словарях русского языка (Ожегов) [7].

Как показал анализ словарных статей, всеми словарями выделяются значения: 1) путешествие как поездка (реже – передвижение пешком), обычно куда-нибудь далеко за пределы родной местности, постоянного местопребывания; 2) путешествие – тип перемещения/ маршрутирования, комплекс фрагментов характерных линий среды, кортеж характерных мест, репрезентирующих среду в целом; 3) путешествие как способ

обогащения проживания среды, отстранения привычных тривиальных сред; 4) путешествие – в туризме – комплексная туристская услуга, обеспечивающая удовлетворение оздоровительных, познавательных потребностей туриста при определенных условиях их жизнеобеспечения; 5) путешествие как литературное произведение, посвященное описанию всего виденного и слышанного путешественником в чужом или неизвестном краю. В качестве материала исследования нами выбраны лексико-семантические группы существительных, вербализующих концепт «путешествие» в русском и английском языках: *вояж, дорога, круиз, паломничество, плавание, поездка, поход, прогулка, путешествие, странствие, турне, экспедиция*; 2) в английском – *cruise, expedition, journey, hike, outing, peregrination, sightseeing, tour, touring, traffic, travel, trek, trip, voyage, wayfaring, wandering*. Для выявления понятийного аспекта концепта "travel" в английском языке рассмотрели словарные статьи 4-х словарей: "Chambers's Dictionary" edited by William Geddie; "Webster's Seventh New Collegiate Dictionary"; "Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English" Хорнби А.С; "The American Heritage Dictionary of the English Languages" by William Morris [11, 12, 13].

Как показал их анализ, всеми словарями выделяются значения: 1) travel как действие, например, перемещаться, двигаться, перевозить. 2) travel– перебирать (в памяти). 3) travel как переход от предмета к предмету (о взгляде). 4) travel– скорость (бега). 5) travel– вращаться, быть вхожим, принадлежать. 6) travel как пастись, постепенно продвигаться вперед (о животных). 7) travel– делать пробежку (в баскетболе). 8) travel– переселение, миграция. Специфика концепта «путешествие» при сопоставлении русской и английской лингвокультур заключается в следующем: 1) в английском языке осуждается праздная прогулка, подчеркивается необходимость путешествия, в то время как в русском языке – осуждаются медлительность и бесцельность действия; 3) в английском языке дополнительные признаки в составе концепта «путешествие» имеют, в основном, ритуальный характер и представлены более детально, чем в русском; 4) в английском языке путешествие преимущественно связано с трудностями и опасностями в пути, в русском – с отдыхом и развлечением. Группа существительных, вербализующих концепт «путешествие» в английской лингвокультуре, представлена следующими единицами: *tour, cruise, trip, excursion, expedition, passage, pilgrimage, adventure, walking, hiking, goad, tour, trip, voyage*. фрагмент лингвокультурного концепта «путешествие» у носителей русского языка, в отличие от английского, реализуется, как организованное передвижение. Которое не имеет отношение к будням и профессиональной деятельности, реализуемое чаще наземными видами транспорта (преимущественно автомобилями, автобусами, велосипедами, такси и пр.), реже водными (яхты, лодки, теплоходы и пр.) и далее по убывающей: пешком, воздушным, экзотическим (ослы, собаки упряжки, слоны) и, наконец, с использованием подземного транспорта (метро). Путешествие только в каждом третьем случае имеет внутренний характер, то есть осуществляется внутри страны. Данный вид передвижения кроме отдыха имеет следующие цели: религиозная, развлекательная, познавательная, туристическая, военная и спортивная.

В настоящее время изучение концептов в языке является одним из перспективных направлений в лингвистической науке. Концепты изучаются в когнитивном (Стернин) культурологическом (Карасик, Фрумкина), и других аспектах, предлагаются различные их интерпретации, классификации и методы исследования [5, 8, 9]. Концепт рассматривается как ментальная и как языковая единица, что позволяет обозначить ряд важных для общей лингвистики вопросов. Кроме того, изучение концептов представляет интерес в рамках рассмотрения проблем когнитивной лингвистики, психолингвистики, а также традиционного языкознания. Для каждого из этих направлений концепт служит средством раскрытия тех или иных языковых закономерностей. Как уже отмечалось, представительство концепта в языке чаще всего приписывается слову (Вежбицкая, Арутюнова) [1, 2]. Слово – номинатор получает статус имени концепта – языкового знака, который

передает общее содержание концепта наиболее конкретно, концентрированно и адекватно. Концепт является единицей более абстрактной и объемной, чем слово. Являясь условной единицей, связующей мышление и речь, концепт нематериален, его материализация, языковое выражение осуществляется посредством слова.

Существующие в современной лингвистике подходы к изучению концептов как сложных ментальных образований в самом общем плане сводятся к двум основным пониманиям концепта – когнитивному и лингвокультурному. Сторонники когнитивного подхода обращают внимание на становление концепта, на его психологическую природу, на категоризацию мира человеком: ощущение, впечатление, представление, понятие, фрейм и его разновидности, способы хранения опыта в памяти человека, ассоциативные характеристики единиц сознания и их описания. Сюда можно отнести концепции Д.С. Лихачёва, А.П. Бабушкина, И.А. Стернина и др [8]. Сторонники лингвокультурного подхода делают акцент на концепте как уже сложившемся ментальном образовании, как части всей концептосферы, как фрагменте картины мира. При этом устанавливается важность определённого предметного поля (концептуализированной области) для общественной практики, детализация наименований в этой области, множественность системных отношений уточнения, сопоставления, контрастирования, оценки, стилистической дифференциации, закреплённость в лексической и фразеологической семантике и паремиологии. Сюда включаются концепции Ю.С. Степанова, А. Вежицкой, С.Х. Ляпина, В.И. Карасика, С.Г. Воркачева и других учёных [2, 4, 5]. Концепт «путешествие» становится объектом и предметом интереса философии, социологии, туристики и других гуманитарных наук. Целенаправленные передвижения человека вызывают одновременно изменения и смещения его сознания, установок его поведения. В подобном смысле путешествие – ключевой объект для географии и туризма (А.Баттимер) психологии (J.Keay; E.Glazer и др.), антропологии (К.Леви-Строс; Р.О. Adams), культурологии и кросс-культурных исследований (Д.Н.Замятин; Н.В.Ревякина, В.А.Ромодановская; M.L.Pratt), социологии (З.Бауман; М.Белкин), востоковедения (И.П.Глушкова), филологии (Н.Д.Арутюнова; А.А.Зализняк; Л.Г.Невская; С.Ю.Неклюдов), философии (И.Т.Касавин; Е.Л.Розова), истории (А.Строев). Опираясь терминологией В.И.Карасика, концепт «путешествие» является основным или актуальным, а в данный исторический момент в рамках глобализационных процессов концепт «путешествие» модернизируется в «туризм» [5]. Их различие заключается в следующем. Помимо того, что охватывает концепт «путешествие», «туризм» включает в себя ярко выраженный экономический компонент. «Путешественник – это человек, рассчитывающий на гостеприимство, и этим отличается от туриста, который за все расплачивается сам. Другой (представитель другого народа) для путешественника – не продавец услуг, а хозяин, по отношению к которому он является гостем» [6]. Ассоциативный эксперимент – проективный метод, предложенный одновременно К.Г.Юнгом, М.Вертгеймером и Д.Кляйном и предназначенный для исследования мотивации личности. В нем испытуемому предлагается как можно быстрее отвечать на набор слов–стимулов любым словом, которое приходит ему в голову. При этом возникающие ассоциации регистрируются по их типу, частоте однородных ассоциаций, времени между словом–стимулом и ответом испытуемого. На основании этих данных делается вывод. Ассоциативный эксперимент представляет возможность выявления национально-культурной специфики различных понятий в сознании носителей языка.

Лингвокультурный концепт «путешествие/ travel» представляет собой сложное ментальное образование, в состав которого входят следующие компоненты: понятийный – поездка или передвижение пешком куда-либо, обычно далеко за пределы постоянного местожительства, с научной, образовательной, деловой, религиозной, спортивной и другими целями; ценностный – понимание необходимости поездки, положительная оценка увиденного и пережитого в путешествии, отрицательная оценка трудностей и опасностей в пути. В русской лингвокультуре ценностное осмысление путешествия носит

в основном утилитарный обиходный характер. Англичане видят жизнь как путешествие, а само путешествие, как образ жизни.

Исследуя концепты, можно сделать вывод о том, что мы исследуем культуру, вступаем на путь не просто лингвистического анализа, но и на путь сопоставления различных культур, носителями которых мы можем являться или не являться, что требует от ученого соблюдения различных процедур верификации материала. Конечным итогом изучения концептов это создание концептуария той или иной культуры – полного списка концептов, составляющих общую языковую и ментальную картину мира. Изучение ключевых концептов в соответствующих картинах мира позволяет прояснить целый ряд проблем, связанных с менталитетом и культурой разных народов. концепт «путешествие/ travel» представляет собой сложное ментальное образование, в состав которого входят следующие компоненты: понятийный – поездка или передвижение пешком куда-либо, обычно далеко за пределы постоянного местожительства, с научной, образовательной, деловой, религиозной, спортивной и другими целями; ценностный – понимание необходимости поездки, положительная оценка увиденного и пережитого в путешествии, отрицательная оценка трудностей и опасностей в пути. В русской лингвокультуре ценностное осмысление путешествия носит в основном утилитарный обиходный характер. Англичане видят жизнь как путешествие, а само путешествие, как образ жизни.

Литература

1. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 189-190 с.
2. Вежицкая, А. С. Семантические универсалии и описание языков / А.С Вежицкая. – М, 1999. -76с.
3. Воркачев, С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт: монография / С.Г. Воркачев. – М.: ИТДПС Гнозис, 2004. -236 с.
4. Воркачев, С. Г. Сопоставительная этносемантика концепта "любовь" и "счастье" (русско-английские параллели): Монография. / С.Г. Воркачев.– Волгоград: Перемена, 2003. – 7 с.
5. Карасик, В.И. Антология концептов / В.И. Карасик, И.А. Стернин. М: Гнозис, 2007.-312-315 с.
6. Каганский, В.Л. Путешествие в ландшафте и путешествии в культуре / В.Л. Каганский // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. 2001, Вып.2., 3 – 18с.
7. Ожегов, С. И. Словарь русского языка/Под ред. Н. Ю. Шведовой – М.: Рус. яз., 1986. – 797 с.
8. Стернин, И.А. Лексическое значение и энциклопедическое знание / И.А. Стернин // Аспекты лексического значения. Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 1982. – С. 10-17.
9. Фрумкина, Р.М. Концепт, категория, прототип / Р.М. Фрумкина// Лингвистическая и экстралингвистическая семантика. Сборник обзоров.– М., ИНИОН РАН, 1992.– 67с
10. Чумарова Л.Г. Фольклерные жанры в обучении иностранному языку/ Л.Г. Чумарова, И.Р. Галиуллина, Р.И. Мухаметзянова//Проблемы современного педагогического образования. -2017.-Вып.56, Часть VIII.-С.288-294.
11. Chambers's Twentieth Century Dictionary, edited by William Geddie, M.A., B.S., 1952.
12. Hornby, A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A.S.Hornby. Oxford University Press, 1974.
13. Morris William, The American heritage dictionary of the English language / M. William. – Boston: Houghton Mifflin Company, 1979.

Сведения об авторах

Козлова Юлия Александровна, старший преподаватель ИМОИиВ К(П)ФУ e-mail: Julia-may16@yandex.ru; Николаева Ольга Александровна, к.п.н, доцент ИМОИиВ К(П)ФУ, e-mail: olga-kh@rambler.ru

COMPARATIVE ANALYSIS THE CONCEPTS «ПУТЕШЕСТВИЕ/ TRAVEL» IN RUSSIAN-ENGLISH INTERCULTURAL ENVIRONMENT

Yu. Kozlova, O. Nikolaeva

Abstract. This article is devoted to a comparative analysis of the concepts “путешествие/travel” in Russian and English linguistic cultures. The concepts study is the relevant direction of modern linguistics as this foreshortening allows considering a word in the context of culture, knowledge and communication. The purpose of the article is to reveal the features of the concepts «путешествие/travel» in Russian and English languages. Research methods are the contextual analysis methodology, comparative analysis methodology, conceptual analysis methodology. The main article materials are newspapers and art discourses; data of continuous sampling from English and Russian explanatory dictionaries, proverbs and sayings; aphorisms; dictionary articles; thesis; abstracts; scientific literature.

Key words: linguistics, concept, discourse, linguistic culture, English linguistic culture, Russian linguistic culture

Data about the authors

Kozlova Yu., senior lecturer of Kazan Federal University, e-mail: julia-may16@yandex.ru; Nikolaeva O., PhD, associate Professor of Kazan Federal University, e-mail: olga-kh@rambler.ru

УДК 8

ЭКВИВАЛЕНТЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ ОРНИТОНИМОМ В АНГЛИЙСКОМ, ТАТАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

К.А. Сахибуллина, Р.Н. Губайдуллина

Аннотация. В статье рассматриваются эквиваленты фразеологических и паремнологических единиц с компонентом орнитонимом в английском, татарском и русском языках, их общие источники, типы эквивалентности и способы перевода.

Ключевые слова: лингвистика, перевод, эквиваленты, фразеологические единицы, орнитонимы

Phraseological unit is more difficult to describe in the dictionary than the word. If to present the word in the dictionary, it is enough to show its origin and to put the vocabulary entries in the alphabetical order. This method is impossible to use with the units, which consist of more than one word. The main objective of the phraseological dictionary is to achieve high adequacy in the process of transferring PU of one language by the means of the other language. In this research, we tried to find different ways of translation given of phraseological and paremiological units from English into Russian and from Tatar into Russian.

The most of the scholars working in the field of translation V.N. Komissarov, L.D. Dmitrieva, S.E. Kuncевич, E.A. Martinkevich, distinguish 4 basic types of translation of figurative phraseology: Phraseological equivalences; Phraseological analogues; Word for word translation; Descriptive translation of the PU;

This classification is considered the basis of the other classifications. Different scholars can add or distinguish other types of translation; for example, there can be full and partial equivalents, full and partial analogues, transcription and transliteration, but these four are constant [1].

Phraseological equivalents with the ornithonym component are usually PUs of mostly Latin, ancient Greek origin or the units originated from the holy books. Phraseological equivalents themselves are divided into two subgroups: full equivalents and partial equivalents. Full equivalents have the same significative-denotative meaning, the same subjective-evaluative, functional, stylistic, emotional and expressive components of connotative meaning and the same grammatical and componential structures. For example, an English PU eng. *Repeat like a parrot* [5] has the full equivalent in the Russian language рус. *Повторять как попугай* [5]. Both of these PUs have the same connotation, negative evaluation. They are also structurally equal and have *verb+conjunction+noun* model. Other examples: eng. *one swallow doesn't make a summer* [5] – рус. *Одна ласточка весны не делает* [5] (don't make hasty conclusions) – these PUs have the same components of connotation, the same evaluation and the same structure; eng. *An ugly duckling* [5] – рус. *«Гадкий утенок»* [5], these PUs are equal either in structure or in connotation. eng. *White crow* [5] – rus. *Белая ворона* [5] – is used to describe a person whose behavior or world vision is different from the others. First time this expression having such meaning was used in the Roman poet Juvenal's satire (II cent. AD), after that it spread in many other languages.

In the process of translation from Tatar into Russian, there also some full equivalents can be found. Tat. *аккош жыры* – rus. *Лебединая песня* – swan song. This phraseological unit was used for the first time in the fable of Ancient Greek fable writer Aesop (VI century B.C.), which is called “They say swans sing before they die”. This term derived from the legend that, while they are mute during the rest of their lives, swans sing beautifully and mournfully just before they die. This isn't actually the case – swans, even the inaccurately named Mute Swans, have a variety of vocal sounds and they don't sing before they die. This expression was also popular in Ancient Rome, where Cicerone used it. After him, this expression became fixed. Nowadays it is utilized to speak about a final gesture or performance, given before dying or retirement. If people ever did believe in the 'singing before death' story, few would now

claim to do so. 'Swan-song' is now used figuratively and most commonly to refer to celebrated performers embarking on '*farewell tours*' or '*final performances*'. Thus, being originally from ancient Greece, this phraseological unit has equivalents not only in the Russian and Tatar languages, but also in English and many other European languages.

Another example of full Tatar – Russian equivalent: tat. *аның этәче дә йомырка сала* – rus. *у него и петухи несутся* (lit. even his cock lays eggs). This unit is used to describe unusual luck or wealth. Originally, there exist a full variant of this expression in the Russian language: rus. *Кому поживется, у того и петух несется*. It is impossible to distinguish, whether this expression originated from the Russian language or from Tatar. We suppose that in both languages these phraseological units may appear separately. It is necessary to mention, that there are quite many variations of this expression in the Tatar language, where the ornithonym cock is replaced by the other elements: tat. *аның этәче дә кубыз уйнай* (lit. Even his cock plays jew's harp), *аның үгезе дә бозаулы* (lit. even his ox brings the young, *аның сандугачы сайрый* (lit. his nightingale is singing), *аның сарыгы да бүре тот* (lit. even his sheep catches the wolf), *аның мәчесе дә қуян тот* (lit. even his cat catches rabbits), *аның көне алга бара* (his day is going on). All of these variants have an ironic shade, but used to describe a person who is in his way to success. We can observe positive evaluation in all of these examples. However, in the Russian language, this and the same unit may be interpreted negatively, because there exists a belief, that the cock lays an egg with the chick that brings misfortune.

There are also partial phraseological equivalents that can be found in different languages. PUs belonging to this group do not have big difference in their plane of expression and content. Comparing all partial equivalents extracted from the dictionaries, we divided them into three subgroups. The first subgroup of partial equivalents includes PUs where ornithonym component of one language is changed by another one in the other language. For example:

goose – hen: eng. *The goose that lays golden eggs* [5] – рус. *Курица которая несет золотые яйца* [5] (lit. a hen that lays golden eggs) – this phraseological unit means that someone or something is a source of wealth. As it is usually used to describe a subject, feature or event, it has more neutral evaluation rather than positive or negative. The fact that ornithonym components differ, does not have a reflection on the evaluation. Thus, the neutral evaluation is retained in phraseological equivalents.

lark – cock: eng. *Be up with the lark* [5] – рус. *Вставать с петухами* [5] (get up with cocks). The ornithonym *lark* is changed by the *cock*, this can be explained from the national and cultural point of view. For Russian people cock is the part of household, and it is the bird, which wakes up very early. Long ago people used to know the time hearing the cockcrow. For the English speaking culture, lark is more common bird that is observed as an early bird. However, these differences do not reflect on the evaluative component. The evaluation in both units is neutral. The Russian equivalent renders the neutral evaluative seme, thus the translation changes only social perception and does not change the evaluation.

There is the phraseological unit in the Tatar language: tat. *Сандугачны каргага алыштырган* (lit. To change a nightingale to a crow) which is translated into Russian as *выменял кукушку на ястреба* (lit. to change a cuckoo to a hawk). Both of these units have pejorative evaluative seme. However, it is necessary to pay attention to the fact, that in the Tatar language, this expression means to change something good for something bad. In the Russian language this expression is interpreted as changing something bad for a worse (the cuckoo had a symbolic meaning of a "baleful" person, the hawk was perceived as an evil soul. Though in both of the languages this expression endowed with the negative evaluation, the level of expressiveness differs.

The second subgroup of partial equivalents is made up from PUs where the ornithonym component in one language is changed by some other element in the other language:

chicken – egg: eng. *As a hen with one chicken* [5] – рус. *Носится как курица с яйцом* [5]; The ornithonym *chicken* is replaced by the *egg* in the Russian language. Either chicken or

egg both are used to reproduce the same meaning of the object of care. This phraseological unit has pejorative evaluation as it is used concerning a person who is concentrated on caring about one thing, hastening doing something, slopping about somebody. Usually it is used in negative meaning when people do not like someone to care about somebody too much.

duck – fish: eng. *Take to something, like a duck to water* [5] – рус. *Чувствовать себя как рыба в воде* [5]. Both of these partial equivalents have ameliorative evaluative seme. They are used to describe a person who is good at something. When in the English language *duck in the water* is used, in Russian it is *fish in the water*. We must mention that in the English language there is also a phraseological unit *take something, like a fish to water* that is used exactly as the one with the unit *duck*.

Analyzing the variants of translation PPU from Tatar into Russian, there also some examples of partial equivalents of this type were found:

crow – dog: tat. *Ала каргадан аласың булсын* – rus. *с худой собаки хоть шерсти клок* – better a small fish than an empty dish. The phraseological unit is interpreted as it is better to have something than to have nothing at all. The ornithonym *карга* – *crow* is replaced by the component *собака* – *dog*. In spite of the fact, that these expressions mean “to be satisfied with what you have”, they are endowed with negative evaluation.

The third subgroup of partial equivalents is the equivalents, which differ in their structures or in some aspect of connotative component of meaning. For example: eng. *Chatter like a magpie* [5] – рус. *Трещать как сорока* [5], the word *chatter* is replaced with the word *трещать* instead of *болтать* (*chatter*), which has more negative connotation. This idiom has equivalents in many languages. There is no definite source to define where and when it appeared. But what concerns the ornithonym “magpie”, it had the meaning of talkative, gossipy woman. This phraseological unit has negative evaluation, because for both cultures talking too much is a sign of being not intelligent. One more example: eng. *Solemn as an owl* [5] – рус. *Мудрый как сова* [5] – this is the meaning which Kunin gave in his dictionary of phraseological units, but he mentioned that in this case “мудрый как сова” has an ironic shade and negative connotation. At the same time, there is another PU eng. *As wise as an owl* – which also can be translated as “мудрый как сова” but it means “wise person” and has positive connotation. This PU is not mentioned in the dictionary compiled by Kunin.

Based on analysis conducted, we can make the following conclusions:

1. Phraseological equivalents may be full or partial. Full equivalents, which were found in the dictionaries, have the same symbolic meaning or associated with the same thing.
2. Translator should be careful with so-called phraseological equivalents, as sometimes, it is possible to find phraseological units of two languages being equivalents formally (having equivalent component parts and the same structure) with different connotations. Evaluation is usually retained in calques as it is the word for word translation, but depending on a culture it can be differently perceived by peoples.
3. Partial equivalents may differ by one element (ornithonym component) or can have different connotation, on the scale of the emotiveness one of them may be placed higher than the other and vice-versa.

Литература

1. Arseniyeva E.F. Contrastive analyses of phraseological units. Kazan: Izd-vo Kazanskogo universiteta, 1989. 128 p.
2. Аурпова Р.А. Phraseology and phraseography of the English and Russian languages. Kazan: Izdatelstvo Kazanskogo Universiteta, 2013. 269 p.
3. Cowie A.P. Phraseology: Theory, Analysis and applications. Oxford: Clarendon press, 1998. 258 p.
4. Kunin A.V. Phraseology of the modern English language. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1996. 375 p.
5. Kunin A.V. English – Russian phraseological dictionary. About. 5000 units. 7th ed., stereotip. M.: Rus. Yaz. – Media, 2006. 571 p.
6. Safiullina F.S. Tatarcha-Ruscha phraseologic suzlek. Kazan: Megarif, 2001. 335 p.

Сведения об авторах

Сахибуллина Кадрия Азатовна (Казань, Россия), старший преподаватель КФУ, e-mail: kadria85@yahoo.com;
Губайдуллина Рамзия Нургалиевна, старший преподаватель КФУ, e-mail: ramzia.gubaidi@gmail.com

**EQUIVALENTS OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE ORNITHONYM COMPONENT
IN THE ENGLISH, TATAR AND RUSSIAN LANGUAGES**

K.A. Sakhbullina, R.N. Gubaidullina

Abstract. Phraseological and paremiological units with ornithonym component in the English, Tatar and Russian languages are discussed in the article. Equivalents of such phraseological units are analysed, as well as the sources of these equivalents, their types and methods of correct translation.

Keywords: linguistics, translation, equivalents, phraseological units, ornithonym component

Data about the authors

Sakhbullina K., senior lecturer, KFU, e-mail: kadria85@yahoo.com; Gubaidullina R., senior lecturer, KFU, e-mail: ramzia.gubaidi@gmail.com

УДК 303.34

АРАБО-ТЮРКСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ ВЛАДИМИРА ДАЛЯ, М. ФАСМЕРА И АКАДЕМИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА 1988 ГОДА

Е.Ф. Сухова

Аннотация. В статье анализируются арабо-тюркские заимствования в русском языке, отраженные в трёх словарях – В.И.Даля, М.Фасмера и Академическом словаре русского языка 1988 года. Прослеживается использование этих заимствований в современном русском языке. Проанализированы 78 слов, взятых из словаря В. Даля и проверенных по словарям М. Фасмера и Академическому словарю русского языка 1988 года. Результаты исследования сведены в таблицу. Автор приходит к выводу, что большинство тюркских заимствований в русском языке имеют арабское происхождение.

Ключевые слова: арабские заимствования, тюркские заимствования, русский язык

За последние несколько лет в русском языке (РЯ), благодаря средствам массовой информации, появились новые заимствования из арабского языка (АЯ). Эти слова, священные для всех мусульман на планете, приобрели в РЯ негативный и пугающий смысл. Журналисты бездумно играют этими словами, составляя устойчивые выражения типа: «шахид», «пояс шахида», «объявить джихад», «исламское государство» (в переносном смысле, иногда в мрачно шутливом).

Естественно, возник вопрос о судьбе арабских заимствований в РЯ. Автор обратилась к словарю В.И. Даля, чтобы выяснить какие слова из АЯ попали в него? Но слов с пометкой «арабское» оказалось очень мало. Автор не нашла у В. Даля даже слова «Аллах». При поиске арабских заимствований в Словаре В.И.Даля обнаружилось, что В.И.Даль отметил как «арабские» только несколько слов: «мечеть, минарет (искаженное арабское, по мнению Даля) и талисман». Другие, явно арабские заимствования, относящиеся к исламу, были отнесены или к татарскому, например «шайтан», или вовсе не имели никаких указаний на источник заимствования: «муэдзин, мусульманин, муфтий». Арабские слова: «Аллах, мулла, джинны», встретившиеся в Академическом словаре РЯ 1988 года (АС), отсутствуют у В. Даля.

Пришлось обратить внимание на слова с пометкой «татарские», проанализировать их и выяснить, какие из них являются арабскими по происхождению и как они отражены в других словарях РЯ более поздних периодов: Словаре М. Фасмера (СФ) и АС.

Автор взяла для анализа около восьмидесяти слов и объединила их в первой колонке нижеприведенной таблицы. Результаты поиска источника заимствования этих слов в других словарях отмечены в остальных колонках. Вторая колонка – источник заимствования, указанный в Словаре В.И. Даля; третья колонка – источник заимствования, указанный в СФ; четвертая колонка источник заимствования, указанный в АС.

Данные, собранные в таблице, свидетельствуют о явном расхождении в определении источника заимствования в этих трех словарях. На основании этих данных, можно сделать следующие выводы:

1. Два братских народа – русский и татарский – жили в тесном соседстве, и РЯ обогатился татарскими словами, также как и татарский русскими. В.И. Даля интересовал только самый ближайший источник происхождения слов: в каком из соседних языков это слово было обидным. Вот поэтому некоторые слова, собранные В.И. Далем в Поволжье: Нижегородской, Саратовской, Астраханской губерниях, а также в Крыму, он считал татарского происхождения, так как на этих территориях рядом с русскими издавна проживали и татары, хотя эти слова были общетюркского происхождения.

2. Некоторые из проанализированных слов уже вышли из употребления в РЯ, поэтому их нет в АС: «алафа, аман, апайка, аркалык, арьян, ахун, ашать, балчуг, ишан, кабаб, кавиар, казара, кармазин, катран, коуз, курчан, мазарки, маютевать, учуг, явачи, юзурлун,

юмша». При опросе носителей современного татарского языка (ТЯ) выяснилось, что вышеприведенные слова не употребляются и татарами. Причина проста: исчезли явления или предметы, которые они обозначали, и слово постепенно забылось[2].

Но в РЯ остались слова: «лафа», близкое от «алафа», в значении хорошая жизнь, удача; «Балчуг» – название района в Москве, а теперь и гостиницы; «басман» – известная улица в Москве – Басманная, фразеологизм «басманное правосудие», по народному суду на этой улице, который выносит любопытные судебные решения; «кабаб» – широко известное кавказское мясное блюдо – люля-кебаб; «кавиар» – знакомо нам как английское и французское, означающее только черную икру (иранскую); «куркума» – корень куркумы – пряное растение, в последнее время в связи с распространением в России восточной кухни это слово вернулось в РЯ [3];

3. Большая часть этих слов в АС в отличие от словаря В.И. Даля, отнесены к тюркским языкам, без указания к какому из тюркских языков конкретно. Что вполне естественно, так как расширились границы России, появилась возможность изучения других тюркских языков, не только ТЯ. РЯ распространился на большей территории, стал для многих тюркских народов языком межнационального общения, появилась возможность для более широкого сравнения [3].

4. Судьба некоторых заимствованных с Востока слов очень интересна. К примеру, слово «арак», в РЯ от него был образован глагол «араковать», что означало производить спиртные напитки на дому[2]. Или арабское слово «кейф», которого нет у В.И. Даля в словаре, но оно есть в АС, так как к этому времени наркомания уже стала социальным явлением («ловить кейф, быть под кейфом, кейфовать»)[3];

При анализе слова «магазин» также обнаружили очень любопытные факты. СФ дает такое объяснение этому слову:

Магазін – впервые у Петра I (см. Смирнов 183), наряду с магазейн (см. магазёя), которое встречается еще у Грибоедова. С ударением мага́зин, вероятно, под влиянием польск. *magazyn*; напротив, магазин пришло через нем. *Magasin* (XVIII в.; см. Шульц–Баслер 2, 52) из франц. *magasin*; см. Маценауэр 248; Карлович 359. По мнению Мелена (129), из голл. *magazijn* (см. магазёя). Во всяком случае, не прямо с Востока, вопреки Миклошичу (см. Мi. ТЕI. 2, 121)[4].

В словаре В.И. Даля:

Магазин – здание или помещение для складки и хранения каких-либо запасов // лавка, склад для продажи, особ, лавка в жилом доме; не в рядах. Вообще складочный, амбар, товарник, склад, В первом значении (склад) народ произносит магазей и магазезя, даже гамазезя, а во втором значении магазин (с ударением на второй слог)[2].

Академический словарь русского языка 1988 года дает слову магазин такое толкование:

Магазин, -а, м.

1. Торговое предприятие, продающее товары в розницу, а также помещение, приспособленное для такой продажи.

2. Устар. Склад, помещение для хранения каких-либо запасов.

3. Спец. Приспособление (трубка, коробка и т.п.), служащее вместилищем для чего-то однородного в приборах, аппаратах, оружии.

4. Тех. Вспомогательный прибор для электрических измерений.

5. Пчел. Запасное помещение в пчелином улье.

(Франц.) [3].

В арабско-русском словаре Баранова слово, مخزن – макзин (мн.ч. مخازن – маказин) имеет такие значения:

1. хранилище, склад, амбар; 2. парк трамвайный и др.; 3. универсальный магазин; 4. военная обойма [1].

Таким образом, это слово совпадает в четырех словарях по нескольким значениям. И можно только подтвердить указание СФ на арабское происхождение этого слова и вы-

сказать предположение, что оно попало в РЯ несколькими путями, но первоначально через ТЯ, а в ТЯ – из АЯ. В глухих нижегородских селениях, граничащих с татарскими поселениями и бывшей ярмаркой близ Макарьевского монастыря, слово «магазин» употребляли в значении «склад» давно и с ударением на втором слоге. Такое произношение не является безграмотным или просторечным. Так произносили это слово татары, а попало оно к ним из текстов Священного Корана или же через арабских, купцов, торговавших на ярмарке.

Возвращаясь к таблице, мы еще раз позволим себе не согласиться с некоторыми указанными в ней источниками происхождения слов. Так слово «ашать», обозначающее по-русски прием пищи, взято из ТЯ, но естественно изменено. В современном ТЯ сохранилось слово «аша» – ужин, которое восходит к арабскому языку и обозначает у арабов то же самое. «Бабуши» – мягкие туфли без задников, в трех словарях даны разные источники заимствований: татарский, арабский через французский и персидский. Опять можно отметить следующий факт, что это слово могло попасть в РЯ несколькими путями: через французский, а в язык простых людей, в частности, проживавших на нижегородской земле, оно попало через ТЯ, а в ТЯ, в свою очередь, из АЯ, благодаря Корану[1].

Опрос носителей АЯ языка выявил, что некоторые слова из приведенной таблицы, не имеющие указания на арабский источник, они относят к арабским.

«Буза» – мороженое в современном АЯ[1], ни в одном из указанных словарей авторы его не относят к АЯ, в СФ – к тюркскому, в АС – к персидскому, у В.И. Даля – к ТЯ, но все-таки это слово арабское.

«Гамаша» – в СФ есть указание на то, что это слово арабского происхождения, но в РЯ попало через французский, в АС это слово отнесено к французскому языку, у В.И. Даля – к ТЯ. Арабы считают это слово своим: – قماش – камаш – ткань по-арабски. Наиболее вероятным кажется тот факт, что это слово попало в РЯ не только через французский, но и через ТЯ из АЯ, опять же благодаря кораническим текстам[1].

«Майдан» – явно арабского происхождения, площадь по-арабски, однокоренными являются арабские имена собственные: священный для всех мусульман город Медина и женское имя Мадина[1].

«Рахат-лукум» – дословный перевод с арабского языка – отдохновение устам, также неоправданно отнесено к тюркскому языку в АС, хотя в СФ есть ссылка на АЯ[1].

К сожалению, рамки статьи не позволяют автору провести анализ каждого слова из приведенных выше, поэтому ограничимся только этими.

Не обнаружено в словаре В.И. Даля таких заимствований из ТЯ, а таким образом, и из АЯ, которые бы непосредственно задевали чувства верующих в ислам. Как уже было упомянуто выше, даже слово «Аллах» не вошло в его словарь, что свидетельствует о бережном отношении В.Даля к исламским святыням [2]. Тогда как в АС слово «Аллах» есть и с более чем красноречивыми примерами и толкованием:

Аллах, – а, Алла, неск., м. Наименование Бога у мусульман.

Аллах знает (или ведает) – то же самое, что Бог знает (или ведает). Аллах с ним – то же, что Бог с ним. Одному Аллаху известно – то же, что одному Богу известно. Источник заимствования – арабский[3].

Вполне возможно, что нежелание советских лингвистов признавать некоторые тюркские слова арабскими связано с идеологическими мотивами. Насаждение среди тюркского населения атеизма, искоренение преподавания мусульманских основ, изменение графики с арабской на кириллицу – все это отдалило тюркские народы не только от АЯ, знание которого считалось обязательным для каждого правоверного мусульманина, но и от веры. Так же как и теперь бездумное, а может, и нарочитое употребление некоторых, святых для ислама понятий в явно негативном контексте способствует дискредитации мусульман в нашей стране.

Таблица 1

Заимствования из словарей: В.Даля, М.Фасмера, АСРЯ 1988 г.

Заимствования из арабского, турецкого, татарского, персидского языков, встретившиеся в Словаре В.И.Даля	Указания на источник происхождения в Словаре В.И.Даля	Указания на источник происхождения в Словаре М.Фасмера	Указания на источник происхождения в Академическом словаре русского языка, издание 1988 года
1. алафа	татарский	тур.-арабский	нет в словаре
2. алгебра	без указания	арабский	арабский
3. атлас	татарский	арабский	арабский
4. алтын	татарский	тур.-татарский	тюркский
5. альый	татарский	тур.-татарехпй	тюркский
6. аман	татарский	тур.-татарехий	нет в словаре
7. апайка	татарский	нет в словаре	нет в словаре
8. араба	татарский	татарский	тюркский
9. арак	татарский	тур.-татарский	тюркский
10. аркалык	татарский	крым.-татарский	нет в словаре
11. аркан	татарехий	тур.-татарский	тюркский
12. армяк	татарский	татарский	тюркский
13. арьян	татарский	тюркский	нет в словаре
14. аул	татарехий	татарский	тюркский
15. ахун	татарский	татарский	нет в словаре
16. ашагы	татарский	турецкий	нет в словаре
17. баба	татарский	турецкий	нет в словаре
18. бабуши	татарский	араб. через франц.	персидский
19. базар	татарский	перс, через франц.	персидский
20. бахча	татарский	тур., персидский	персидский
21. бакшиш	татарский	тур., персидский	тюркский
22. бабай	татарский	турецкий	нет в словаре
23. балык	татарский	тур.– татарский	тюркский
24. балчуг	татарский	тюркский	нет в словаре
25. басман	татарский	тюркский	нет в словаре
26. буерак	татарский	турецкий	тюркский
27. буза	татарский	турецкий	персидский
28. газель	татарский	тюрк, через франц.	арабский
29. гамаша	татарский	граб, через франц.	французский
30. джин	нет в словаре	татарехий	арабский
31. диван	татарский	тур. через франц.	персидский
32. ичиги	татарский	тур., персидский	без указания
33. игаан	татарский	татарехий	нет в словаре
34. кабаб	татарский	турецкий	нет в словаре
35. кавиар	татарский	турецкий	нет в словаре
36. казара	татарский	турецкий	нет в словаре
37. каймак	татарский	турецкий	тюркский
38. кармазин	татарский	араб. через итал.	нет в словаре
39. караван	татарский	перс, через франц.	персидский
40. катран	татарский	араб^турсеий	нет в словаре
41. кафтан	татарский	турецкий	персидский
42. коуз	татарский	тур., арабский	нет в словаре
43. кумчан	татарский	татарский	нет в словаре

Продолжение табл. 1

Заимствования из арабского, турецкого, татарского, персидского языков, встретившиеся в Словаре В.И.Даля	Указания на источник происхождения в Словаре В.И.Даля	Указания на источник происхождения в Словаре М.Фасмера	Указания на источник происхождения в Академическом словаре русского языка, издание 1988 года
44. кунак	татарский	турецкий	тюркский
45. курган	татарский	тюркский	тюркский
46. куркума	татарский	нет в словаре	нет в словаре
47. магазин	без указания	непрямозост.	французский
48. магарыч	татарский	араб, через тюрк.	арабский
49. мажора	татарский	татарехий	без указания
50. мазарки	татарский	тюркский	нет в словаре
51. маклевать	татарский	нет в словаре	нет в словаре
52. майдан	татарский	татарский	тюркский
53. малик	татарский	слово в друг. зпач.	тюркский
54. рахман	татарский	тур. через араб.	нет в словаре
55. рундук	татарский	тюркский	тюркский
56. рахат-лукум	татарский	через тур. арабский	тюркский
57. сафьян	татарский	тюркский	персидский
58. софа	татарский	араб, через франц.	франц. из арабск
59. сундук	татарский	арабский	без указания
60. сырт	татарский	тур. через арабский	тюркский
61. таган	татарский	тур. через татарский	тюркский
62. талисман	татарский	араб, через француз.	франц. из арабск
63. тарантас	татарский	татарский	без указания
64. таракан	татарский	тюркский	тюркский
65. учуг	татарский	тюркский	нет в словаре
66. фахир	без указания	арабский	арабский
67. халат	татарский	арабск. через тюрк.	арабский
68. халва	татарский	араб, через тюрк.	арабский
69. ханжа	без указания	арабский	без указания
70. хашиш	татарский	араб. через тюрк.	арабский
71. шайтан	татарский	арабский	арабский
72. шербет	татарский	тюркский	из арабского
73. ювачи	татарский	татарский	нет в словаре
74. юзурлюн	татарский	татарский	нет в словаре
75. юмшан	татарский	персидский	нет в словаре
76. юрт	татарский	тюркский	тюркский
77. яман	татарский	тюркский	нет в словаре
78. ямщик	татарский	тюркский	без указания

Литература

1. Баранов Х.К. Большой арабско-русский словарь. – М.: Русский язык, 2000.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955.
3. Словарь русского языка / Академии наук СССР, Институт русского языка. – М.: Русский язык, 1988.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачёва. – М.: Прогресс, 1973
5. Борисов В.М. Русско-арабский словарь. – М.: Издательство «Сам Интернешнл», 1993 – 1120 с.

Сведения об авторе

Елена Фёдоровна Сухова, кандидат филологических наук, доцент Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, e-mail: malikaulya@yandex.ru

**ARABIC – TURKIC BORROWINGS IN THE THREE DICTIONARIES BY V. I. DAL,
M. FASMER AND THE ACADEMIC DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE 1988**

E.F. Sukhova

Abstract. The author analyzes Arabic-Turkic borrowings in the Russian language, reflected in the three dictionaries by V. I. Dal, M. Fasmer and the Academic dictionary of the Russian language 1988, traces the use of these borrowings in the modern Russian language. Analyzed 78 words taken from the dictionary of V. Dal and checked in dictionary M. Vasmer and Academic dictionary of the Russian language in 1988. The results of the study are summarized in the table. The author concludes that most of the Turkic borrowings in the Russian language are the Arabic borrowings.

Key words: Arabic borrowings, Turkic borrowings, the Russian language

Data about the author

Sukhova E.F., candidate of philological Sciences, associate Professor of the Institute of International Relations and World History, the University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod, e-mail: malikaulya@yandex.ru

УДК 811.111

ЛАКУНАРНОСТЬ В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ПРАВА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Р. Е. Шкилёв

***Аннотация.** В статье рассматривается явление лакунарности в юридической терминологии английского языка с точки зрения перевода на русский язык. Автор подвергает рассмотрению существующие в современной лингвистике точки зрения к трактовке понятия «лакунарность». Проведен отбор примеров лакунарных терминов, не имеющих соответствий в терминологической системе русского языка. Эксплицируется роль переводческого комментария при передаче значения английских терминов при переводе на русский язык. Анализируются лингвистические и экстралингвистические факторы, способствующие появлению лакунарных терминологических единиц. Рассматриваются случаи фиксации лакунарных единиц двуязычными англо-русскими словарями. Подвергается рассмотрению феномен понятийной лакунарности. Устанавливается связь особенностей восприятия лакун со структурами первого языка. Делается вывод о преобладании мотивированных социально-исторических по характеру лакун.*

***Ключевые слова:** лакуна, терминологическая единица, внутреннее строение языка*

В процессе лингвистического исследования необходимо учитывать лакунарный параметр, предполагающий анализ лакунарных единиц – лингвем одного языка, соотносящихся с лакунами (пустотами, «нулями») другого языка. Л. К. Байрамова выделяет два вида факторов, оказывающих влияние на появление лакунарных единиц:

1) лингвистические факторы (несовпадение в развитии систем языков и своеобразие в членении объективного мира);

2) экстра-лингвистические факторы (своеобразие менталитета и обычаев разных народов, различия в социально-экономических условиях жизни, специфика культурных, исторических и духовных традиций народов) [1, с. 51].

В отечественном языкознании феномен лакунарности подвергали рассмотрению в своих работах О. А. Огурцова, В. Г. Гак, И. А. Стернин [2]. И. А. Стернин и З. Д. Попова определяют лакуны как «отсутствие в одном из языков, сопоставляемых между собой, наименования того или иного понятия, имеющегося в другом языке» [3, с. 71]. Г. В. Быкова называет лакунами «многочисленные концепты, не имеющие средств языкового выражения в национальной языковой системе» [4].

Исследованием лексических лакун занимался в том числе и Н. Хомски [5]. Н. Хомски различал «случайные» лакуны/ «accidental gaps» (т. е. слова, которые не существуют, но чье существование в языке было бы вполне ожидаемым и логичным) и systematic gaps или слова, существование которых противоречит нормам языка. Проблеме теории лексических лакун уделяется внимание авторами ресурсов, ориентированных на освещение практических аспектов изучения языка и методики его преподавания.

Ряд лингвистов, в частности, Трир отвергали существование лакун в языке на системном уровне, представляя внутреннее строение языка как единое целое. Однако, большинство авторов признают существование лексических лакун как явления (Kandler, Marouzeau, Geckeler, Lyons, Lehreg). Ответ на вопрос о наличии или отсутствии лакун в лексической системе напрямую зависит от подхода к определению понятия «лакуна». Если исходить из того, что каждый язык служит прежде удовлетворению коммуникативных потребностей его носителей, то точку зрения Трира следует признать верной. Носители языка не осознают существование лакун до тех пор, пока они остаются в мире своего языка [7].

Однако, для лингвиста, не являющегося носителем языка и изучающего лексические поля, существование лакун становится сразу же очевидным. При столкновении семантических полей они могут соотноситься не с органами чувств человека, обеспечивающими восприятие, а со структурами первого языка, определяющими восприятие внешнего мира.

С учётом различных факторов и аспектов анализа выделяют мотивированные и немотивированные лакуны. Появление мотивированных лакунарных единиц и лакун об-

условлено отсутствием реалий в жизни народа-носителя одного из сопоставляемых языков. Немотивированные лакунарные единицы и лакуны возникают вопреки наличию реалий в жизни народа-носителя одного из сопоставляемых языков (реалии без лингвемы). Культурологические и социально-исторические лакунарные единицы и лакуны отражают особенности социума и исторического развития.

В настоящей статье рассмотрению подвергаются лакунарные единицы юридической терминологии английского языка, имеющие соответствия в русском языке в виде номинативных лакун. Материал для исследования был отобран из Оксфордского словаря права [8]. Для установления наличия или отсутствия вариантов перевода использовались англо-русские терминологические и общезыковые словари. Для того, чтобы определить имеются ли в терминологической системе языка перевода (ПЯ) соответствующие понятия и категории мы прибегали к использованию «Большого юридического словаря» под редакцией А. Я. Сухарева [9].

Рассмотрим некоторые термины, которым в русском языке соответствуют лакуны. Термин *barratry* в языке источнике имеет 2 значения. Первое значение передаётся определением “*any act committed by the master or the crew of the ship to the detriment of its owner or character*” (“любое действие, совершенное капитаном или командой корабля с нанесением ущерба владельцу или самому судну») (здесь и далее перевод автора). Второе значение имеет дефиницию *common law offense of habitually raising or inciting disputes in court* [8, с. 45]. В словарной статье также говорится о том, что под определение данного понятия подпадают не только такие действия как хищение груза или затопление судна, но и перевозка находящихся в розыске лиц в случае если она ведёт к конфискации судна. В «Большом юридическом словаре» приводится трактовка лишь первого значения данного термина, указывается его принадлежность к морскому праву. Также говорится о том, что данный термин не используется в законодательстве РФ. В англо-русских юридических словарях использован дескриптивный перевод для первого значения и комбинированный перевод для второго значения [10]. При этом следует отметить, что слово «сутяжничество» (т. е. злонамеренное возбуждение дел) не является юридическим термином. Таким образом, в данном случае можно говорить о «частичной понятийной лакунарности», термин вошёл в терминологическую систему языка перевода в качестве интернационального термина морского права (баратрия). Второму его значению соответствует понятийная лакуна, т. к. сутяжничество являлось преступлением лишь по англосаксонскому общему праву (до 1967 года).

Фиксацию понятийных лакун необходимо рассматривать как одну из задач специализированных словарей, т. к. они предназначены для работы с терминологической системой страны языка источника. Однако, следует отметить, что лакунарные терминологические единицы не всегда фиксируются двуязычными словарями. Не даётся перевод таких терминов как *stalking*, *armchair principle*, *down raid*.

Рассмотрим значения данных терминов и возможные варианты их перевода на русский язык. *Stalking* означает «persistent threatening behavior». Данный термин стал употребляться в связи с принятием в 1997 году закона о защите от сексуальных домогательств [8, с. 474]. В англо-русских словарях указанное значение отсутствует, в то время как Longman Dictionary of Contemporary English определяет *stalking* как «the crime of following someone over a period of time in order to force them to have sex or kill them [11, с. 1399]. На наш взгляд, *stalking* следует переводить как *преследование из сексуальных побуждений (по английскому законодательству является преступлением)*, т. к. термин «угроза» передаёт несколько иное значение («выражение намерения нанести вред...»). Самостоятельный состав преступления по законодательству РФ составляет лишь угроза убийством и нанесением тяжкого вреда здоровью [10, с. 782].

Различия в правовых системах Британии и России обуславливают «понятийную лакунарность» некоторых весьма распространённых терминов. Данные различия свя-

заны со спецификой определения состава и квалификации преступлений. Так, например, терминографы фиксируют как понятийную лакуну термин *robbery* – *робберии (по обстоятельствам дела грабёж с насилием или разбой)* [10, с. 386]. Следует отметить, что максимальным наказанием для лиц, совершивших робберии, является пожизненное заключение [13, с. 439]. Однако, применение силы (либо угроза такого применения) должно быть направлено против человека, а не против собственности.

Термин *work-in* (букв. «работа внутри») обозначает вид забастовки, при которой рабочие занимают свои рабочие места и продолжают работать вопреки желанию работодателя. Как правило, такого рода действия квалифицируются как *trespass (противоправное завладение имуществом)* и собственник может обратиться в суд за решением суда с целью предоставить ему контроль за территорией [10, с. 539].

Как видно из вышеприведённых примеров, адекватный перевод лакунарных терминологических единиц, являющихся частью терминологической системы права, без использования развёрнутых определений невозможен. Калькирование указывает на этимологию термина, но не раскрывает его терминологического значения. Выявленные лакуны являются мотивированными, социально-историческими по характеру, их существование обусловлено различиями правовых систем стран языка-источника и языка-перевода. Возможна фиксация случаев понятийной лакунарности двуязычными терминологическими словарями. Использование транслитерации для передачи при переводе свидетельствует о наличии «понятийной» лакуны в системе принимающего языка. Восприятие лакун происходит в тесной взаимосвязи со структурами первого языка.

Литература

1. Байрамова Л. К. Введение в контрастивную лингвистику / Л. К. Байрамова. – Казань. 1994. – 119с.
2. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков / В. Г. Гак. – Л.: Просвещение. Ленинградск.отделение, 1977. 300с.
3. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова. М, 2010. – 314с.
4. Быкова Г. В. Лакунарность как категория лексической системологии: автореф. Диссертации доктора филол. наук / Г. В. Быкова. – Воронеж, 1999. – С. 33.
5. Chomsky Noam. Aspects of the Theory of Syntax / N. Chomsky. – Cambridge.: MIT Press, 1965.
6. Fischer A. Lexical gaps, cognition and linguistic change / A. Fischer // *Lexicology, Semantics and Lexicography: selected papers from the Fourth G. L. Brook Symposium*, Manchester, 1998. – P. 1-18.
7. Шкилёв Р. Е. Передача при переводе образности в семантической структуре устойчивых терминологических словосочетаний / Р. Е. Шкилёв // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. №3 (63). С. 188-191.
8. *A Dictionary of Law*. Oxford University Press, 2002. 552p.
9. *Большой русский юридический словарь* / Гл. Ред. А. Л. Сухарев. М, 1998. 790с.
10. Андрианов С. Н. *Англо-русский юридический словарь* / С. Н. Андрианов. М, 2000. 512с.
11. *Longman Dictionary of Contemporary English*. Essex Longman House, 1995. 1668 p.

Сведения об авторе

Шкилёв Р.Е., кандидат филологических наук, доцент Казанского федерального университета, e-mail: shkilef@gmail.com

GAPS IN THE TERMINOLOGICAL SYSTEM OF LAW 90N THE EXAMPLE OF THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES)

R. E. Shkilev

Abstract. The article deals with the phenomenon of gaps in legal terminology of the English language from the point of view of the translation into Russian. The author analyzes the existing approaches towards the explanation of the phenomenon of gaps. Samples of terms without equivalents in Russian have been selected. The role of the translator's commentary for rendering the meaning of such language units is shown. Both linguistic and extra-linguistic factors of forming lexical gaps are under study. The cases of including gaps into bilingual English-Russian terminological dictionaries are investigated. The phenomenon of notional gaps is studied. The dependence of the peculiarities of the perception of gaps upon the structures of the first language is revealed.

Key words: gaps, terminological units, inner structure of the language

Data about the author

Shkilev R., Candidate of Science in Philology, Assistant Professor of Kazan Federal University, e-mail: shkilef@gmail.com

УДК 81'44

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В АНГЛИЙСКИХ И НЕМЕЦКИХ ГАЗЕТНЫХ СТАТЬЯХ

Л.Г. Юсупова, О.Д. Кузьмина

Аннотация. Использование и выбор фразеологических единиц в публицистическом стиле устанавливается характером выступления или сообщения, а также зависит от аудитории, к которой обращается автор. Состав фразеологизмов, с точки зрения тематической структуры, очень многообразен и раскрывается содержанием, темой и задачей статьи. Данная работа посвящена исследованию структурно-семантических аспектов фразеологических единиц в английских и немецких газетных текстах. Актуальность исследования обусловлена необходимостью более тщательного анализа особенностей фразеологических единиц в прессе. В работе использовались метод сплошной выборки при работе с печатными источниками, метод структурного анализа собранного материала и метод сопоставительного анализа.

Ключевые слова: лингвистика, публицистический стиль, фразеологическая единица, семантика, газетная статья

Главным орудием основания и выражения общественного мнения являются средства массовой информации. В плане содержания они являются сферой газетно-публицистического стиля во всем разнообразии его фразеологических, грамматических, лексических и стилистических источников.

А.С. Микоян отмечает семь особенностей публицистических текстов: высокая степень стандартизации используемых средств: множество клишированных и устойчивых выражений; экспрессивность языка для привлечения внимания читателя; красочность (различные реалии, аллюзии и цитаты); употребление разговорной, сленговой и ненормативной лексики для привлечения определенной категории читателей; широкое использование каламбуров, идиом, игры слов, поговорок; употребление других стилистических средств, приемов и фигур речи, как гиперболы, образные сравнения, литоты, метафоры и др. [4, с. 9].

Что встает на первое место – экспрессия или стандарт – зависит от жанра публицистического текста. Если главное целью сообщаемой информации – побуждение определенного отношения к ней, то на первом месте будет экспрессия. А стандарты преобладают в жанрах газетной статьи, хроникальной заметки, которые стремятся к максимуму информативности [2, с. 115].

У газетно-публицистического стиля есть две главные функции, которые сливаются в одно – информационная и воздействующая. Но, не смотря на то, что основной функцией СМИ считают передачу информации, она не может полностью свободно воздействовать на аудиторию. Во многих случаях, передача информации выражается речевыми приемами и средствами, которые привлекают внимание читателей и побуждают их к определенной реакции [4, с. 12].

Фразеологические единицы – это неизменяемые выражения, которые уже существуют в речи в готовом виде [3, с. 110]. Фразеологизмы имеют ряд основных особенностей: устойчивость, целостность значения, воспроизводимость, семантическая концепция, расчлененность состава [1, с. 298].

Использование и выбор фразеологизмов зависит от характера выступления или сообщения, а так же от аудитории, к которой обращается автор. Состав фразеологических единиц, с точки зрения тематической структуры, очень многообразен и раскрывается содержанием, темой и задачей статьи. Поэтому в статьях могут быть употреблены различные «устойчивые обороты из различных областей науки, культуры, техники, быта и др.» [2, С.58].

Согласно А.В. Кунину, в газетном стиле более всего распространены *номинативно-коммуникативные фраземы*. Большинство из них составляют структуру подчинительного словосочетания, но также можно встретить фраземы со структурой придаточного предложения и с частично предикативной структурой [5, С.22].

Вот несколько примеров с номинативно-коммуникативными ФЕ:

«The Prime Minister has made plain now that BBC have said they are sorry and should *draw a line under it*» (The Guardian, 2016). В данном примере фразеологизм *draw a line under* (подвести черту) носит более категоричный и строгий характер.

«But although the surveys clearly ought to *be taken with a pinch of salt*» (The Guardian 2017). А этот пример обладает более яркой эмоциональностью и с легкостью привлекает внимание читателя.

Фразеологические единицы – это такой уникальный языковой материал, который содержит информацию о видении носителей языка каких-либо реалий. Ведь фразеологические единицы появляются, формируются в речи с течением развития истории и языка народа [5, с. 38].

Конечно же, фразеологизмы в текстах СМИ живут особой жизнью. Г.О. Винокур утверждал, что газетный язык полностью «фразеологизирован», т.к. «клишированность» большинства газетных выражений является неотъемлемым качеством языка прессы.

Методом сплошной выборки мы отобрали для анализа 100 английских и 100 немецких фразеологических единиц из таких источников, как «Neue Stadt», «Das Bild», «Moskauer Deutsche Zeitung», «Vitamin D», «Juma», «Unikum», «The Financial Times», «The Daily Telegraph», «The Guardian», «The Daily Mail», «The Times».

С помощью структурного и сопоставительного методов мы выявили, что большую часть в газетных статьях обоих языков составляют субстантивные и глагольные фразеологизмы. Однако в английской публицистике доминирует глагольная категория фразеологических единиц: *to bring down the house, to hit the mark, to gild refined gold*, а в немецкой чаще употребляются субстантивные фразеологические единицы: *das Wohl und Weh, um ein Haar, ein langweiliger Peter*. Схожесть в обоих языках проявляется в редком использовании модальных фразеологических единиц: *well and good, by and large, gut und gern*, а также в отсутствии междометных фразем. Междометные фразеологизмы выражают личностное отношение человека к самому себе и чаще к объектам внешнего мира: *by George, o du meine Güte*. Обычно они употребляются лишь для точной передачи прямой речи героев репортажа, которые с помощью них выражают свои эмоции.

Другим, не менее важным, предметом исследования газетных фразеологических единиц в данной статье является их семантика. Семантика поясняет смысл человеческих высказываний. Ее главная цель – раскрыть внутреннюю структуру мысли [5, с. 118]. Как уже известно, фразеологизмы имеют переносное значение и могут означать: качество человека, эмоции, какое-либо явление и т.д. В ходе анализа можно выделить следующие группы фразеологизмов в публицистических текстах, которые характеризуют: ситуацию, предмет, действие, качество человека, явление.

Выяснилось, что в английских газетных статьях чаще используются фраземы обозначающие действие: *to give it a shot, to trod on toes, to pass the buck*, а втором месте – ситуацию: *with flying colours, in deep water, on the run*. Тогда как в немецком языке наоборот, доминируют фразеологические единицы, обозначающие ситуацию: *das Recht des Stärkeren, mit Sack und Pack, auf Schritt und Tritt*, а за ними следуют те, что характеризуют действие: *sich die Schuhsohlen ablaufen, etw. aufs Spiel setzen*. Можно также сделать вывод, что, как и в немецких, так и в английских газетных текстах, преобладают фразеологические единицы с обозначением действия и ситуации.

Что касается коннотативной части семантики, то здесь нужно отметить, что в обоих языках преобладают фраземы обозначающие действие с отрицательной оценочностью: *to be slow on the uptake, in deep water, bad blood / Zahn um Zahn, die Macht der Finsternis, gelb vor Ärger(vor Neid) werden*. Как правило фразеологические единицы с отрицательной коннотацией вызывают более эмоциональную реакцию в тексте, чем положительные, и, тем более, нейтральные.

Рассмотрим некоторые примеры использования фразеологизмов с отрицательной оценочностью из газет:

«Campbell obviously has tungsten resolve – he gave up all those years ago simply by going *cold turkey* – so the occasional glass does not necessarily come from a bottle of Chateau *Slippery Slope*, but I don't think this would work for me» («The Independent», 2015).

«Jazenjuk kommentierte Verhältnisse zu der Ukraine-Krise eigentlich so: «*Mein Name ist Hase...*» Aber das wissen alle, dass er nur Hase ist, nach seinem Hilferuf an Europa» («Bild», 2015).

Таким образом, в публицистических текстах используются практически все виды фразеологических единиц. С функциональной точки зрения они придают газетным статьям особую экспрессивность, выражают чувства и отношение говорящего к высказыванию. Они служат для передачи как предметно-логического, так и эмоционально-окрашенного содержания.

С точки зрения структуры, в статьях обоих языков наиболее часто употребляются глагольные и субстантивные фразеологические единицы и весьма редко встречаются модальные и междометные.

Что касается семантики, то в газетных текстах обоих языков чаще всего встречаются фразеологизмы, описывающие действие или ситуацию, причём доминируют те из них, которые содержат в своём значении отрицательную оценочность.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология и паремология / Н.Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко. – М.: Наука, 2009. – 365 с.
2. Васильева А.Н. Газетно-публицистический стиль речи. / А.Н. Васильева. – М.: Наука, 2005. – 147 с.
3. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики / В.Г. Костомаров. – М.: Наука, 1999. – 124 с.
4. Микоян А.С. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / А.С. Микоян, М.Н. Володина. – М.: МГУ, 2003. – 16 с.
5. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. / А.Д. Райхштейн. М. Высшая школа, 1980. – 143 с.

Сведения об авторах

Юсупова Лия Гаязовна, старший преподаватель Казанского (Приволжского) федерального университета, e-mail: liya.1979@mail.ru; Кузьмина Ольга Дмитриевна, старший преподаватель Казанского (Приволжского) федерального университета, e-mail: olga.tari@mail.ru

PHRASEOLOGICAL UNITS IN ENGLISH AND GERMAN NEWSPAPER ARTICLES

L. Yusupova, O. Kuzmina

Abstract. The use of phraseological units in the publicistic style is determined by the character of the article or message, as well as by the target readers. The components of phraseological units, which represent their thematic structure, are very diverse and depend on the content and aim of the article. This paper presents the study of the structural and semantic aspects of phraseological units used in the texts of the English and German newspaper articles. The relevance of the research is defined by the need of a thorough analysis of the features of phraseological units often met in the press. We used such research methods as the method of continuous sampling, the method of structural analysis of collected material and the method of comparative analysis.

Key words: linguistics, publicistic style, phraseological unit, semantics, newspaper article

Data about the authors

Yusupova L., senior lecturer, Kazan (Volga Region) Federal University, e-mail: liya.1979@mail.ru; Kuzmina O., senior lecturer, Kazan (Volga Region) Federal University, e-mail: olga.tari@mail.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ТЕКСТА В РЕДАКТОРЕ MICROSOFT WORD

Объем статьи не менее 8 страниц (не менее 24000 знаков с учетом пробелов) без учета иллюстраций (рисунки, фото, графики, диаграммы) в указанном ниже формате. Материалы меньшего объема по решению редакции могут быть размещены в рубрике «Краткие сообщения».

Формат страницы – А4.

Ориентация – книжная, в тексте допускаются таблицы в альбомном варианте.

Все поля – 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Абзацный отступ – 1 см. Не использовать для установления абзацного отступа клавиши «Пробел» и «Табуляция»!

Шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 12 пт. Межстрочный интервал – 1,5.

Автоматическая расстановка переносов – Есть.

Перед знаками <, >, =, +, -, %, №, единицами измерения, инициалами и после них ставится пробел.

В числовом промежутке перед тире и после него пробелы не ставятся: Пример: 23–30, XIX–XX, 1890–1896.

Используются русские кавычки: « », но: для текстов и слов на английском языке – — | или " "

Заголовки. Жирный шрифт. В конце точек нет. Главы – прописными, подзаголовки – строчными буквами. В заголовках нет абзацного отступа, нет переносов. Предлоги, союзы располагаются на второй строке заголовка.

Рисунки размещаются на странице с первым упоминанием или следующей за ней странице. Перед и после рисунка пропускается строка. Затем «Рис. № (если более одного рисунка). Название рисунка». Каждый рисунок должен быть сгруппирован

Таблица не должна выходить за поля листа. Для этого: курсор на таблице – щелкаем правой кнопкой мыши, выбираем слово «Автоподбор», а затем «По ширине окна». Слово «таблица» располагается по правому краю, если в тексте более одной таблицы – указывается номер, ниже – название по центру. После названия пропускается строка.

Перед и после таблицы пропускается строка.

Таблица 1

Название таблицы

Формулы. Набираются в редакторе формул *Math Type* или встроенном редакторе формул (начиная с 2007). Не размещать сканированные формулы! Латинские буквы наклонные, русские – прямые. Слова «где», «здесь» после формулы – без абзацного отступа. Формулы располагаются по центру, их нумерация – по правому краю. Нумерация формул только при наличии ссылок на них в тексте.

Сноски (ссылки) см. приложение.

Для оформления списка литературы редакция использует государственный стандарт на библиографическое описание ГОСТ Р 7.0.5–2008) «Оформление затекстовых ссылок». Многие отечественные журналы переходят на международные стандарты, что не является нарушением.

Избегайте ссылки на законодательные акты, нормативные документы (ГОСТы) и вторичные источники!

ОБЩЕПРИНЯТАЯ СТРУКТУРА НАУЧНОЙ СТАТЬИ

УДК – получаете в научной библиотеке предоставив сотрудникам текст или заголовок статьи и аннотацию.

2 пропущенные строки

ЗАГОЛОВОК – содержит основные ключевые слова, нельзя использовать аббревиатуры и формулы, не более 12 слов.

1 пропущенная строка

Инициалы и фамилия автора (авторов через запятую).

1 пропущенная строка

Название организации

1 пропущенная строка

Аннотация – от 150 слов. Включает: актуальность темы исследования, постановку проблемы, цели и методы исследования, результаты и ключевые выводы. Аннотация соответствует структуре статьи.

1 пропущенная строка

Ключевые слова: 6–10 слов или устойчивых словосочетаний, по которым будет в дальнейшем выполняться поиск статьи. Ключевые слова отражают специфику темы, объект и результаты исследования.

1 пропущенная строка

Можно добавить раздел Основные положения – содержат 3–5 пунктов, кратко отражающие ключевые результаты исследования.

1 пропущенная строка

Благодарности (если нужно), где автор выражает: признательность коллегам за помощь; благодарность за финансовую поддержку исследования.

2 пропущенные строки

Текст статьи включает в себя:

Введение – актуальность темы исследования, обзор литературы по теме, постановку проблемы, формулировку цели и задач исследования.

Методы – детально описываются методы и схема экспериментов/наблюдений с тем, чтобы позволить другим учёным воспроизвести результаты, пользуясь лишь текстом статьи; описывают материалы, приборы, оборудование, выборка, и условия проведения экспериментов/наблюдений.

Результаты – демонстрируются фактические результаты исследования (текст, таблицы, графики, диаграммы, уравнения, фотографии, рисунки).

Обсуждение – содержит интерпретацию полученных результатов исследования, включая: соответствие полученных результатов гипотезе исследования; ограничения исследования и обобщения его результатов; предложения по практическому применению; предложения по направлению будущих исследований.

Заключение – содержит краткие итоги разделов статьи без повторения формулировок, приведенных в них.

1 пропущенная строка

Литература – включает только источники, использованные при подготовке статьи, отмеченные в теле статьи, оформленные в соответствии со стандартом, принятом в журнале.

1 пропущенная строка

Автор (ы) публикации – содержат ФИО и аффилиации авторов (место основной работы авторов); очерёдность упоминания авторов зависит от их вклада в выполненную работу; в аффилиации указывается место работы авторов или название организации, выполнившей исследование, город, страна; название организации (рус. / англ.) должно совпадать с названием в Уставе; при транслитерации ФИО автор должен придерживаться единообразного их написания во всех статьях; желательно использовать *ORCID*, *Researcher ID* и иные идентификаторы.

2 пропущенные строки

После чего следует **английский блок**, содержание которого соответствует метаданным русского варианта в следующем порядке каждый раздел с новой строки: *Title, Abstract, Keywords, Highlights, Acknowledgments. Authors of the publication.*

Приложение

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ ЗАТЕКСТОВЫХ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК В СООТВЕТСТВИИ С ГОСТ Р 7.0.5–2008

Принцип единообразия описания должен быть соблюден.

Обратите внимание «Затекстовые ссылки» помещаются после основного текста, а при нумерации затекстовых библиографических ссылок используется сплошная нумерация в порядке упоминания в тексте (1, 2, 3, ...), в порядке упоминания в тексте для всего текста документа. В тексте производится отсылка к затекстовой ссылке.

Отсылки к затекстовым ссылкам

Отсылка к затекстовой ссылке заключается в квадратные скобки. Отсылка может содержать порядковый номер затекстовой ссылки в перечне затекстовых ссылок, имя автора (авторов), название документа, год издания, обозначение и номер тома, указание страниц. Сведения в отсылке разделяются запятой.

Отсылки оформляются единообразно по всему документу: или через указание порядкового номера затекстовой ссылки, или через указание фамилии автора (авторов) или названия произведения. Отсылка оформляется следующим образом: [10, с. 37] или [Карасик, 2002, с. 231], при наличии нескольких авторов — [Карасик, Дмитриева, 2005, с. 6-8].

Внимание на знаки, разделяющие различные сведения и то, что каждая новая область начинается с заглавной буквы).

Схема описания

Заголовок описания. Основное заглавие: Сведения, относящиеся к заглавию / Первые сведения об ответственности; Последующие сведения об ответственности. Сведения об издании. Выходные данные.

Например,

Ларьина О.А. Социальная работа: уч. пос. / под ред. И.С. Росина. Ч. 1. М.: Просвещение, 2002. 175 с.

Примеры приведены из официального издания:

ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». М., 2008. 44 с. (Система стандартов по информ., библи. и изд. делу).

Книга, изданная одним автором

1. Валукин М.Е. Эволюция движений в мужском классическом танце. М.: ГИТИС, 2006. 251 с.

2. Гареев А.М. Оптимизация водоохраных мероприятий в бассейне реки (географо-экологический аспект). СПб.: Гидрометеоиздат, 1995. 190 с.

Книга, изданная двумя, тремя авторами

1. Никонов В.И., Яковлева В.Я. Алгоритмы успешного маркетинга. М., 2007. 300 с.
2. Василенко В.М., Назаров И.М., Фридман Ш.Д. Мониторинг загрязнения снежного покрова. Л.: Гидрометеиздат, 1985. 182 с.

Книга, изданная четырьмя и более авторами

1. Формазюк Н.И., Марков В.Ф., Макурин Ю.Н., Иванов П.Н., Брусницина Л.А., Двойнин В.И. Очистка промышленных стоков от тяжёлых металлов: уч. пос. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2005. 85 с.

Книги, изданная под заглавием

1. Нестационарная аэродинамика баллистического полёта / под ред. Ю.М. Липницкий [и др.]. М., 2003. 176 с.

Книги с указанием подзаголовочных данных

1. Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / РАН, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. М: ИМЭМО, 2007. 39 с.
2. Шапкин А.С. Экономические и финансовые риски: оценка, управление, портфель инвестиций. 3-е изд. М.: Издательский дом «Дашков и К», 2004. 536 с.

Многотомные издания

Многотомное издание в целом

1. Дальневосточный международный экономический форум (Хабаровск, 5–6 окт. 2006 г.): материалы / Правительство Хабар. края. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2006. Т. 1–8.
2. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. / под ред. М.Б. Храпченко. М.: Худож. лит., 1978–1985.

Отдельный том

1. Брэм А.Э. Жизнь животных: в 3 т. Т. 2. Птицы / под ред. А.М. Никольского. М.: Терра, 1993. 324 с.
2. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. Поэмы / под ред. Т.П. Голованова. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 1999. 575 с.

Энциклопедии, словари, справочники

1. Большая энциклопедия психологических текстов / авт.-сост. А. Карелин. М.: Эксмо, 2005. 416 с.
2. Краткий философский словарь / под ред. А.П. Алексеева. М.: Проспект, 2006. 496 с.
3. Павлов И.Ю., Вахненко Д.В., Москвичев Д.В. Биология. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. 576 с.
4. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Ф. Губский. М.: Инфра-М, 2005. 576 с.
5. Энциклопедия государственного управления в России: в 4 т. / под общ. ред. В.К. Егорова. М.: РАГС, 2004.
Т. 1: А – Е. 2004. 344 с.
Т. 2: Ж – Л. 2005. 352 с.

1. Реймерс Н.Ф. Природопользование: словарь-справочник. М.: Мысль, 1990. 637 с.
Книга, имеющая два места издания

1. Ковшиков В.А., Глухов В.П. Психолингвистика: теория речевой деятельности: уч. пос. для студентов педвузов. М.: Астрель; Тверь: АСТ, 2006. 319 с.
2. Гиммерверт А. Майя Кристаллинская М.: Олимп; Смоленск: Русич, 1999. 480 с.

Комплексные библиографические ссылки

1. Байгулов Р.М. Развитие научно-технического потенциала региона // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2007. № 3. С. 13–15; Его же. Подходы к оценке стоимости объектов интеллектуальной собственности // Вестн. КрасГАУ. 2006. Вып. 14. С. 42–46.

Авторефераты и диссертации

1. Фенухин В.И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. М., 2002. 190 с.

2. Фенухин В.И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2002. 25 с.

3. Лыкова Н.Н. Генезис языка права: начальный этап (на материале французских и русских документов X–XV веков): дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2005. 410 с.

4. Питькова О.А. Феномен виртуальной реальности в контексте бытия человека: опыт философского анализа: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Магнитогорск, 2005. 46 с.

Аналитическое описание

Статьи из энциклопедий

1. Губкин О.П. Каслинское литье: Уральская историческая энциклопедия / под ред. В.В. Алексеева. Екатеринбург, 1998. С. 256–257.

2. Древний Египет: Большая историческая энциклопедия / под ред. С.В. Новикова. М., 2004. С. 360–362.

Статьи из сборников

1. Ермаков Д.В., Свиридов А.В., Ибатулина Ю.Р. Извлечение катионов меди (II) с помощью коллоидных сорбентов // Известия Челябинского научного центра. 2004. № 1 (22). С. 164–168.

2. Беляев С.Д. Алгоритм расчета долгосрочных целевых показателей качества воды в водном объекте // Экологическая безопасность государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. X международный симпозиум и выставка «Чистая вода России»: сб. материалов. Екатеринбург, 2008. С. 296–301.

Статьи из журналов и газет

1. Ефимова Т.Н., Кусакин А.В. Охрана и рациональное использование болот в Республике Марий Эл // Проблемы региональной экологии. 2007. № 1. С. 80–86.

2. Анкудинов К.Н. Напролом: размышления о поэзии Ю. Кузнецова // Новый мир. 2005. № 2. С. 137–152.

3. Даниленко О.А. Язык конфликта как объект лингвосociологии // Социс. 2006. № 4. С. 89–98.

4. Беляев С.Д. Использование целевых показателей качества воды при планировании водохозяйственной деятельности // Водное хозяйство России. 2007. № 3. С. 3–17.

Нормативные документы

1. Водный кодекс Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ. Собрание законодательства РФ, 2006, № 23, ст. 2380; 2006, № 50, ст. 5279; 2007, № 26, ст. 3075.

2. О внесении изменений в статью 30 закона Ненецкого автономного округа «О государственной службе Ненецкого автономного округа»: закон Ненец. авт. окр. от 19 мая 2006 г. № 721-ОЗ: принят Собр. депутатов Ненец. авт. окр. 12 мая 2006 г. // Няръяна вындер (Крас. тундровик) / Собр. депутатов Ненец. авт. окр. 2006. 24 мая.

3. Федеральный закон от 10 января 2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, № 2, ст. 133; 2004, № 35,

ст. 3607; 2005, № 1, ст. 25; № 19, ст. 1752; 2006, № 1, ст. 10; № 52, ст. 5498; 2007, № 7, ст. 834; № 27, ст. 3213.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 ноября 2006 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 8 декабря 2006 г.: введ. Федер. законом Рос. Федерации от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ // Парламент. газ. 2006. 21 декабря; Рос. газ. 2006. – 22 декабря; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 52, ч. 1, ст. 5496. С. 14803–14949.

5. Об индивидуальной помощи в получении образования: (О содействии образованию): федер. закон Федератив. Респ. Германия от 1 апреля 2001 г. // Образовательное законодательство зарубежных стран. М., 2003. Т. 3. С. 422–464.

6. Государственный доклад о состоянии окружающей природной среды Чувашской Республики в 1998 году / Гос. ком. Чуваш. Респ. по охране окружающей среды. Чувашия: Чебоксары, 1999. 108 с.

7. СанПиН 2.1.5.980–00 «Санитарные правила и нормы. Гигиенические требования к охране поверхностных вод».

8. СанПиН 2.1.4.1116–02 «Питьевая вода. Гигиенические требования к качеству воды, расфасованной в ёмкости. Контроль качества».

9. ОСТ 15.372-879 «Охрана природы. Гидросфера. Вода для рыбоводных хозяйств. Общие требования и нормы».

10. ГН 2.1.6.1338-03 «Предельно допустимые концентрации (ПДК) загрязняющих веществ в атмосферном воздухе населённых мест».

Стандарты, технико-экономические и технические документы

1. ГОСТ Р 7.0.4–2006. Издания. Выходные сведения. Общие требования и правила оформления. М., 2006. II, 43 с. (Система стандартов по информ., библи. и изд. делу).

2. ГОСТ Р 7.0.5–2008. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления. М., 2008. 44 с. (Система стандартов по информ., библи. и изд. делу).

3. ГОСТ 7.80–2000. Библиографическая запись. Заголовок: Общие требования и правила составления. М.: Изд-во стандартов, 2000. 10 с.

4. Методические указания по разработке нормативов предельно допустимых вредных воздействий на поверхностные водные объекты / МПР России, Госкомэкологии России. М. 1999. 36 с.

5. Методические указания по разработке нормативов допустимого воздействия на водные объекты. Утв. Приказом МПР России от 12 дек. 2007 г. № 328, зарегистрированным в Минюсте РФ 23 янв. 2008 г., рег. № 10974.

6. РД 52.24.622-2001. Методические указания проведения расчёта фоновых концентраций химических веществ в воде водотоков. Введ. 01.01.2002. Взам. «Временных методических указаний по расчёту фоновых концентраций химических веществ в воде водотоков». Изд-во стандартов, 2002. 63 с.

Патенты

1. Приёмопередающее устройство: пат. 2187888 Рос. Федерация. № 2000131736/09; заявл. 18.12.00; опубл. 20.08.02, Бюл. № 23 (II ч.). 3 с.

2. Патент 2187888 РФ. Приёмопередающее устройство: № 2000131736/09; заявл. 18.12.00; опубл. 20.08.02, Бюл. № 23 (II ч.). 3 с.

3. Патент 2210012 РФ, МПК6 А82 В 6/119. Узел крепления труб / А.Л. Радчук; Науч.-исслед. ин-т технологии твёрдых металлов при Ростовском ун-те. – № 2001129424; заявл. 01.11.2001; опубл. 19.03.2002, Бюл. № 12. 5 с.

4. Патент 2118298 РФ. Способ очистки природных и сточных вод, содержащих ионы железа тяжёлых и цветных металлов / В.В. Свиридов, А.В. Свиридов; опубл. 27.08.98, Бюл. № 26. 4 с.

5. Патент 2215695 РФ. Способ очистки природных и сточных вод, содержащих катионы щелочно-земельных и щелочных металлов с большим ионным радиусом / В.В. Свиридов, А.В. Свиридов, А.Ф. Никифоров; опублик. 10.11.2003, Бюл. № 31. 3 с.

6. Патент 1126210 РСФСР, МКИ С 25 В 11 /03. Биполярный электрод для электрохимических процессов / Пеллерги А.; опублик. 23.11.98, Бюл. № 43; приоритет 29.11.98. № 27690 А-95. 8 с.

Неопубликованные документы

Отчёты о НИР

1. Разработка компьютерной модели по регулированию режимов работы Юмагузинского и Нугушского водохранилищ на р. Белая на территории Республики Башкортостан. Т. 1 // Отчет по НИР / ФГУП РосНИИВХ, рук. А. П. Лепихин. Пермь, 2008.

Приказы и письма

1. Об утверждении Перечня организаций (экспертных центров), определенных для проведения экспертизы декларации безопасности гидротехнических сооружений, поднадзорных Федеральной службе по экологическому, технологическому и атомному надзору: приказ Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору от 23 янв. 2009 г. № 17.

Архивные документы

1. Полторацкий С.Д. Материалы для «Словаря русских писателей, исторических и общественных деятелей и других лиц» // ОР РГБ. Ф. 223 (С.Д. Полторацкий). Картон 14–29.

2. Полторацкий С.Д. Материалы к «Словарю русских псевдонимов» // ОР РГБ. Ф. 223 (С.Д. Полторацкий). Картон 79. Ед. хр. 122; Картон 80. Ед. хр.1–24 ; Картон 81. Ед. хр. 1–7.

Материалы конференций, совещаний, семинаров

1. Беляев С.Д. Алгоритм расчета долгосрочных целевых показателей качества воды в водном объекте // Экологическая безопасность государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. X международный симпозиум и выставка «Чистая вода России» / сб. материалов. Екатеринбург, 2008. С. 296-301.

2. Василенко С.Л. Принцип синергетического действия питьевой воды // IV Международный Водный Форум «Аква – Украина 2006»: материалы / Укр. Водная ассоциация, 2006. С. 296-297.

3. Библиотеки и ассоциации в меняющемся мире: новые технологии и новые формы сотрудничества: материалы конф. / IV Международная конференция «Крым 97», Судак, Авт. Респ. Крым, Украина, 7–15 июня 1997. Т. 1. М., 1997. 311 с.

4. От массовой публичной библиотеки: Материалы семинара (10–11 нояб. 1992 г., Москва) / Моск. Библ. ассоц., Рос. гос. б-ка для слепых. М. 1993. 137 с.

5. Экватэк–2008: каталог / материалы VIII Международной выставки «Вода: экология и технология» / Москва, МВИ, 3–6 июня 2008. М., 2008. 337 с.

Картографические издания

Карты, атласы

1. Национальный атлас России: в 4 т. Т. 2. Природа. Экология. М.: Роскартография, 2007. 495 с.

2. Атлас мира. М.: БЕЛЛСИ: АСТ; Баланшиха: Астрель, 2002.

3. Австрия: справоч. / сост. и подгот. к печати ФГУП «Новосиб. картогр. ф-ка» / под ред. А.В. Молостова [и др.]. 6-е изд., 2002.

Электронные ресурсы

Ресурсы удалённого доступа

1. Дирина А.И. Право военнослужащих Российской Федерации на свободу ассоциаций // Военное право: сетевой журн. 2007. URL: <http://www.voennoopravo.ru/node/2149> (дата обращения: 19.09.2007).
2. Василенко С.Л. Принцип водной энтропии // Всеукр. науч.-практ. интернет- конференция «Пространство и время современной науки»: материалы / ТК Меганом, 2006. С. 1–2: http://socium.sitcity.ru/lttext_2104195627.phtml.
3. Directive 2000/60/EC of the European Parliament and of the Council of 23 October 2000 establishing a framework for Community action in the field of water policy // Official Journal of the European Communities. 22.12.2000. L 327. P. 1–72. Режим доступа: http://ec.europa.eu/environment/water/water-framework/index_en.html.

Ресурсы локального доступа

1. Энциклопедия животных Кирилла и Мефодия. М.: Кирилл и Мефодий: New media generation, 2006. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).

Иностранная литература (см. в интернете по ссылкам)

- Гуманитарные науки. Социальные науки / Harvard Citation Style (Harvard Referencing)
Гуманитарные, естественные, социальные, исторические науки / Chicago (Turabian) Style (CMOS)

Этот вариант ошибкой не будет

1. Vannote R.L. The river continuum concept. Can J. Fish. Aquat. Sci, 1980. V. 37. P. 130–137.
2. Adler M.J. & Ioan E. Formulation and solution for problems dispersion in groundwater / Hydrological, Chemical, Biological Processes of Transformation and Transport of Contaminants in Aquatic Environments. Proceedings of the Rostov-on-Don symposium. IAHR Publ. No. 219, 1994. P. 149–157.
3. Sukhenko S.A., Krissinel E.B. & Mikhailov S.A. Impact of river regulation on mercury transport / Hydrological, Chemical and Biological Processes of Transformation and Transport of Contaminants in Aquatic Environments. Proceedings of the Rostov-on-Don symposium. IAHR Publ. No. 219, 1994. P. 285–292.
4. Literathy P. Water Quality Monitoring in the Danube River Basin / Monitoring Tailor-made II. An international workshop on information strategies in water management. 1996. P. 213–221.
5. Pearce D., Markandya A. & Barbier E. Blueprint for a Green Economy, London: Earthscan, 1989. 786 p.

ВНИМАНИЮ ДЛЯ ПОСТУПАЮЩИХ В МАГИСТРАТУРУ!

В ИМОИиВ КФУ в 2018 году будут реализованы следующие программы магистратуры:

41.04.05 Международные отношения (2 года, очно)

- Диалог и партнерство цивилизаций;
- Всемирное культурное наследие: международный менеджмент;
- Восток в системе глобальных и региональных международных отношений;
- Мировая политика и международный бизнес;
- Цифровая дипломатия;
- Архитектура многополярного мира.

41.04.05 Международные отношения
(2 года 6 месяцев, заочно)

- Мировая политика и международный бизнес;

46.04.01 История
(2 года, очно)

- Источниковедение и методы исторического исследования;
- Сравнительные модели исторического развития стран Востока и Запада;
- История России: социокультурные и этнополитические исследования;
- Историческая урбанистика;
- История, экономика и культура тюркских народов.

46.04.01 История
(2 года 6 месяцев, заочно)

- Историческая политология;

50.04.03 История искусств
(2 года, очно)

- Реставрация историко-культурного наследия;
- История искусств тюрко-мусульманского мира.

50.04.03 История искусств
(2 года 6 месяцев, заочно)

- Реставрация историко-культурного наследия;

43.04.02 Туризм
(2 года, очно)

- Международный туризм;

43.04.02 Туризм
(2 года 6 месяцев, заочно)

- Международный туризм;

43.04.02 Туризм
Сетевая магистратура
(2 года, очно)

- Организация и технология международного и внутреннего туризма;

46.04.03 Антропология и этнология

(2 года, очно)

- Общий профиль;
- Этническая история народов Урала и Поволжья.

45.04.02 Лингвистика

(2 года, очно)

- Теория перевода, межкультурная и межъязыковая коммуникация;
- Теория и методика преподавания иностранных языков и культур;
- Теория коммуникации и международные связи с общественностью;
- Сравнительно-сопоставительное языкознание в аспекте изучения истории и культуры народов.

45.04.02 Лингвистика

(2 года 6 месяцев, заочно)

- Теория и методика преподавания иностранных языков и культур;
- Менеджмент в языковом образовании.